

Малатеста Эррико.

Избранное

- Краткая система анархизма
- Крестьянские речи
- Анархизм
- Анархистская программа
- Публицистика
 - Анархия (памфлет)
 - Анархия и порядок
 - Анархия и насилие
 - Анархическая революция
 - Анархисты и профессиональные союзы
 - Анархисты забыли свои принципы
 - Анархисты в настоящее время
 - Анархистская пропаганда
 - Анархизм и организация
 - Большинство и меньшинство
 - Взаимопомощь (эссе)
 - Во имя правды
 - Демократия и анархия
 - Идея о хорошем правительстве
 - Классовая борьба или классовая ненависть?
 - Индивидуализм и анархизм
 - Муссолини у власти

- На коллективной ответственности
- На пути к Анархии
- Небольшая теория
- Ни демократы, ни диктаторы: анархисты
- О науке
- О проблемах профсоюзного движения
- Отказ от Учредительного собрания как отказ от диктатуры
- Проект организации анархистов
- Проправительственные Анархисты
- Рабочие и интеллектуалы
- Рассуждения по «Рабочее движение и анархизм»
- Революционная спешка
- Революция и террор
- Революция на практике
- Редакционная почта
- Реформизм
- Синдикализм и анархизм
- Ужасные бандиты
- Что делать?
- Парижская коммуна

- Письма

- Дальнейшие рассуждения на тему преступности
- Рабочее движение и анархизм

Краткая система анархизма

1897, источник: [здесь](#). Это сокращенная версия работы Малатесты «В кафе — беседы об анархизме», состоящая из 17 бесед. Английская версия доступна здесь: zinelibrary.info.

I

Проспер (толстый буржуа, слегка знакомый с политической экономией и другими науками).
Ну да... ну да, слышали мы это, — голодные люди, женщины — проститутки, брошенные дети, умирающие без присмотра... Ты все об одном и том же и, наконец, делаешься скучен... Давай лучше выпьем. Конечно, есть тысяча зол на свете: голод, невежество, война, преступления, чума... черт побери! Ну и что же? Какое тебе-то до всего этого дело?

Мишель (студент). Как, какое мне дело? Вот у вас удобный дом, вкусный обед, к вашим услугам — лакеи; вы даете высшее образование вашим детям; ваши женщины чисты и аккуратны. Вам хорошо. А там хоть погибни мир. Но если вам доступно чувство справедливости, если...

Проспер. Довольно, довольно. Пожалуйста, без проповедей. И, прошу тебя, брось ты этот тон, мой милый. Ты считаешь меня бесчувственным, равнодушным к несчастьям других. А между тем мое сердце исходит кровью (человек, коньяку, сигар!), мое сердце исходит кровью при виде чужого несчастья. Но в великих социальных вопросах решающее значение имеет не сердце. Законы природы непреложны, и напыщенными фразами и женственной чувствительностью их не изменить. Мудр тот, кто подчиняется обстоятельствам и пользуется жизнью, как может, не гоняясь за химерами.

Мишель. Вы говорите о законах природы?! А что, если обездоленные займутся исправлением этих знаменитых законов... природы? Есть люди, очень и очень сомневающиеся в непреложности этих ваших законов...

Проспер. Я знаю хорошо, о каких людях ты говоришь, знаю, с кем ты водишь компанию. Только скажи ты, пожалуйста, от моего имени, этой сволочи, этим социалистам и анархистам, которых ты так высоко ценишь, скажи им, что против них и против всех, кто захочет на практике применить свои зловредные теории, у нас есть храбрые солдаты и отличные жандармы.

Мишель. Раз вы пускаете в ход солдат и жандармов, то я умолкаю. Это ведь похоже на то, как если бы вы предложили решить наш спор кулачным боем. Однако, если у вас в запасе нет иного довода, кроме грубой силы, то на нее не следует слишком полагаться, так как завтра вы можете оказаться слабейшим... ну а тогда?

Проспер. Тогда наступила бы на время величайшая неурядица, разгул низких страстей, резня, разгромы, пожары и т. д., а потом все пошло бы по прежнему. Быть может, разбогател бы какой-нибудь бедняк, какой-нибудь богач впал бы в нищету, но в итоге ничто бы не изменилось, потому что мир измениться не может. Пожалуйста, приведи мне кого-нибудь из твоих анархистов-агитаторов; ты увидишь, как я разобью его. Они умеют забивать головы своими бреднями, вам, молокососам; но посмотришь, что останется от их аргументов, если они будут иметь дело со мной.

Мишель. Хорошо. Я приведу к вам одного из моих друзей, социалиста-анархиста по убеждениям. И я с удовольствием и с пользой послушаю ваш спор. Но пока потолкуемте со мной. Хотя мои убеждения и не совсем еще тверды, но я вижу, однако, ясно, что современное общество устроено вопреки здравому смыслу и чувству человечности. Немножко поволноваться вам полезно. Вы такой здоровый, цветущий. Это только улучшит ваше пищеварение.

Проспер. Если ты уж так хочешь, — потолкуем. Однако, я думаю, ты сделал бы лучше, если бы занялся своими науками, вместо того, чтобы задумываться над неразрешимыми вопросами, пред которыми останавливаются в недоумении ученые и мудрецы всего мира. Подумай только, ведь я на целых двадцать лет старше тебя.

Мишель. Это еще не значит, что вы учились в двадцать раз больше, чем я; а если и действительно вы много учились, то судя по тому, что вы обыкновенно высказываете, — науки не пошли вам в прок.

Проспер. Молодой человек, вы немножко забываетесь!

Мишель. Извините. Но не тычьте же меня каждый раз моими годами и своими жандармами. Доказательства не могут быть ни стары, ни молоды; они или вески, или недостаточны, вот и все.

Проспер. Хорошо, хорошо, продолжай.

Мишель. Но... я хочу сказать, что я не понимаю, почему у крестьянина, который пашет, сеет, косит, работает в винограднике, разводит скот, почему у него нет в достаточном количестве ни хлеба, ни вина, ни мяса, почему у каменщика, который строит дом, нет крова, где бы он мог отдохнуть; почему у сапожника дырявые сапоги, почему, вообще, у всех тех, кто трудится, недостает самого необходимого, между тем как тунеядцы утопают в излишествах. Я не понимаю, почему есть люди, у которых нет куска хлеба, между тем как существует столько людей, мечтающих, как о счастье, о возможности обрабатывать эти земли; почему столько каменщиков без дела, когда многие нуждаются в жилище; почему столько сапожников, портных и т. п. без работы, когда большая часть населения нуждается в обуви, платье и в других самых необходимых вещах? Не можете ли вы мне сказать, что это

за закон природы, который объясняет и устанавливает такой порядок?

Проспер. Ничего не может быть яснее и проще. Чтобы заниматься производством, недостаточно одних рук; нужна земля, нужны материалы, инструменты, помещение, машины; нужны, наконец, средства к жизни, чтобы иметь возможность ждать, пока предметы производства изготовятся и сбываются, — одним словом, нужен капитал. А твои рабочие и ремесленники, имея в своем распоряжении только руки, конечно, не смогут применить их к делу, если этого не захотят владельцы земли и капитала. Нас, капиталистов, немного; зато у нас имеется достаточно средств, чтобы в продолжение некоторого времени оставлять землю необработанной и капитал без употребления. Рабочих же много и они почти всегда находятся в крайности, — оттого и происходит, что они хватаются за всякую работу, какую мы найдем нужным им дать и на тех условиях, какие нам заблагорассудится им предложить. Когда по условиям рынка их работа не приносит нам достаточной выгоды, мы сокращаем производство, и рабочим приходится сидеть без работы, хотя бы они и сами нуждались в тех предметах, производство которых мы сократили. Что ты скажешь на это? Надеюсь, это ясно, как день?

Мишель. Ясно, что и говорить. Но по какому праву земля принадлежит только нескольким лицам? Почему капитал сосредоточился в руках немногих, и именно тех, которые не трудятся?

Проспер. Ну, я знаю наперед все, что ты можешь сказать по этому поводу. Я знаю также те шаткие доводы, на которые сослались бы другие на моем месте: право собственности, основанное на улучшении земли, происхождение капитала из личных сбережений и т. д. Но я буду более откровенен. Положение, как оно есть, есть результат истории, продукт векового развития человечества. Вся человеческая жизнь была, есть и будет — непрерывная борьба. Некоторые выходят из этой борьбы победителями, другие — побежденными. Что тут поделаешь? Тем лучше для одних, тем хуже для других. Горе побежденным! Вот великий закон природы, не подчиниться которому — нельзя.

Чего же ты хочешь от меня? Чтобы я отказался от всего, что имею, чтобы я терпел лишения, предоставляя другим кутить на мои деньги?

Мишель. Положим, я хочу не этого. Но подумайте: а что, если рабочие, проникнувшись вашими же теориями, что жизнь есть борьба и что право там, где сила, — вздумают воспользоваться своим численным превосходством, в чьих руках окажется тогда земля и капитал, и кто тогда будет диктовать законы?

Проспер. Ну тогда, конечно, труднее будет разобраться. Но... мы поговорим об этом в другой раз. А сегодня я иду в театр. До свидания!

II

Амбруаз (председатель суда). Очень рад видеть вас, г. Проспер, и потолковать с вами по душе. В тот вечер, когда вы спорили с этим пустомелей, Мишелем, я не хотел вмешиваться в

разговор. Но, дорогой мой, что за ужасная у вас манера отстаивать свои убеждения! Можно было подумать, что вы-то и есть анархист.

Проспер. Вот как! Почему это?

Амбруаз. Потому что вы, главным образом, напирали на то, что современный социальный строй основан на силе. Говоря так, вы как бы соглашались с теми, кто, опираясь на силу же, хочет ниспровергнуть этот строй. Ну, а высшие принципы, которые управляют цивилизованными обществами: — право, нравственность, религия, — вы не считаетесь с ними?

Проспер. Ну, конечно, у вас всегда на первом плане высшие принципы, — профессия обязывает. Но ведь если завтра правительством будет узаконен коллективизм, вы с такою же легкостью будете сажать в тюрьму сторонников частной собственности, с какою теперь сажаете анархистов, — и все это во имя высших принципов, вечного незыблемого права. Мы только называем вещи различными именами: вы говорите — право; я говорю — сила. Но, в конце концов, решающее значение имеют наши молодцы — жандармы и прав будет всегда тот, кто будет иметь их на своей стороне.

Амбруаз. Ну полноте, г-н Проспер. Это замечательно, как вы любите прибегать к софизмам. Вы представить себе не можете, какое неприятное впечатление получается, когда видишь, что такой человек, как вы, — один из лучших людей, — и говорит заодно со злейшими врагами порядка. Поверьте, нам нужно оставить эту дурную привычку спорить и не соглашаться, особенно публично: нам нужно сплотиться, чтобы сообща защищать существующий строй, который начинает колебаться благодаря нарождающимся социальным движениям... нужно защищать свои интересы, которым начинает угрожать опасность.

Проспер. Да, нужно сплотиться, но если мы не примем энергичных мер, чтобы разом покончить с либеральным доктринерством, это ни к чему не приведет.

Амбруаз. Конечно, нужны суровые законы, решительные меры. Но одного этого недостаточно. Опираясь только на грубую силу, невозможно в наше время долго сдерживать в подчинения пробуждающийся народ. Против пропаганды нужно бороться пропагандой же: нужно постараться убедить народ, что на нашей стороне право.

Проспер. Трудно себе представить более пагубное заблуждение! Мой друг, во имя наших общих интересов, пожалуйста, избегайте пропаганды! Это — вещь очень опасная, даже в руках консерваторов, и ваша пропаганда окажет всегда услугу только социалистам, анархистам и тому подобным людям. Подите, убедите голодного человека, что вполне справедливо, что он голодает, в особенности, если он же сам производит в изобилии те самые продукты, которых ему недостает. Пока его мысль не останавливается на этом, он благодарит Бога и хозяина за то, что дела еще не совсем плохи, и этого довольно. Но с того момента, как он начал размышлять о своем положении, все кончено: он делается непримиримым врагом.

Да, нужно всячески избегать пропаганды, оказывая давление на печать, не считаясь даже с тем, законно это или незаконно.

Амбруаз. Пожалуй, вы правы.

Проспер. Закрывать всякие союзы, разгонять собрания, ссылать всех, кто думает...

Цезарь (фабрикант). Потихе, потихе! не следует так горячиться... Вспомните, ведь правительства различных стран не раз поступали по вашему рецепту и... именно этим-то ускорили свое падение.

Амбруаз. Тише! Вот идет Мишель и анархист, которого я засадил в прошлом году на шесть месяцев в тюрьму за противоправительственное воззвание. Говоря между нами, воззвание, по своей форме, не было противозаконно; но в нем замечалось преступное намерение. Вы понимаете?! Общество должно же защищаться...

Мишель. Здравствуйте, господа. Рекомендую вам моего друга, анархиста, который охотно принимает вызов г.Проспера потолковать с ним на темы того вечера.

Проспер. Какой вызов?! Спорят так себе, в дружеском кругу, чтобы убить время. И так, вы хотите объяснить нам, что такое анархизм, которого мы никак не можем уяснить себе.

Георг (социалист-анархист). Я не профессор анархизма и не собираюсь читать курса, но сумею постоять за свои убеждения. (Обращаясь с насмешливым видом к Амбруазу, председателю суда). Что касается вас, милостивый государь, то вам этот предмет должен быть знаком даже ближе, чем мне; ведь столько анархистов вы засадили в тюрьму! А так как вы порядочный человек, то, вероятно, прежде чем осуждать за какое-нибудь учение, вы основательно с ним знакомитесь.

Цезарь. Ну, личности оставим в покое. И так, мы хотели бы поближе познакомиться с анархизмом.

Со своей стороны я, видите ли, тоже признаю, что положение вещей плохо и что необходимо внести улучшения. Но только не нужно несбыточных мечтаний, и, в особенности, не нужно насилия. Само собой разумеется, правительство должно позаботиться о нуждах рабочих, доставить работу безработным, должно поощрять промышленность, поощрять торговлю, но...

Георг. Какое множество дел хотите вы взвалить на злосчастное правительство! Беда только, что не в его интересах стоять за рабочих, и это понятно.

Цезарь. Как это понятно? Действительно, правительство до сих пор не ввело почти никаких социальных реформ, но, в будущем, просвещенные и более способные министры могли бы многое сделать.

Георг. Нет, зло совсем не в министрах, а вообще, в правительстве, в каких бы то ни было правительствах, настоящих, прошедших и будущих. Всякое правительство зиждется на

собственности и состоит из ее представителей; как же оно может действовать в интересах рабочих?

С другой стороны, даже если бы правительство захотело решить социальный вопрос, оно было бы не в силах это сделать, потому что решение этого вопроса зависит от общих причин, которые не могут быть уничтожены правительством, так как сами лежат в его основе и сообщают ему ту форму, в какой оно выражено.

Чтобы решить социальный вопрос, необходимо в корне изменить всю систему, в защите которой и состоит назначение государства.

Вы говорите, — дать работу безработным? Но что может сделать правительство, если работы нет? Не изобретать же никому ненужные работы?! и притом, кто же будет их оплачивать? Разве оно может принудить капиталистов производить то, в чем нуждается народ? Это было бы равносильно лишению владельцев их собственности, потому что правительство, чтобы дать рабочим необходимые продукты, должно было бы присвоить себе право распоряжаться землею и капиталом, принадлежащими владельцам. Это и была бы социальная революция, последние счета с прошедшим, и вы понимаете, что, пока сами обездоленные рабочие этого не сделают, правительство никогда, конечно, на это не пойдет.

Вы говорите, — поднять торговлю, промышленность! Но правительство может только поощрять один род промышленности в ущерб другому, поддерживать торговлю в одном месте в ущерб торговли в другом, и, в конце концов, эти лицеприятные и несправедливые поощрения ведут только к излишним расходам, не давая положительного результата.

Правительство, оказывающее покровительство равно всем, — это абсурд, так как правительство ничего не производит, а может только перемещать богатства, создаваемые другими.

Цезарь. Но... если правительство не хочет и не может ничего сделать, где же тогда выход из этого положения? Если вам удастся произвести революцию, вы же выберете тогда другое правительство? А так как, по вашим словам, все правительства стоят один другого, то значит после революции мы окажемся в том же положении, как и до нее?

Георг. Именно потому-то мы и не хотим вовсе правительства. Анархизм и есть учение об устройстве общества без правительства.

Цезарь. Ну, это невозможно. Как же тогда жить? Что станется тогда с законами и кто будет подчиняться им?

Георг. Я вижу, вы, решительно, не имеете никакого понятия о том, чего мы добиваемся. Но, чтобы не терять времени, вы позвольте, я изложу вам кратко, но последовательно нашу программу. И потом уж вы представите свои возражения. Но теперь уже поздно. Отложим до другого раза.

III

Цезарь. Вы нам объясните сегодня, как можно жить без правительства.

Георг. Постараюсь, как могу. Но прежде всего проверим, так ли, действительно, плохо живется при современном строе, чтобы ощущалась необходимая потребность изменить этот строй.

При первом взгляде на современное общество прежде всего бросается в глаза поразительное обеднение масс, неуверенность в завтрашнем дне, более или менее угрожающая всем, ожесточенная борьба всех против всех из-за куска хлеба...

Амбруаз. Ну, в таком духе можно говорить до завтра, материала хватит. Но прежде всего вы не должны забывать, что не только бедность угнетает человечество; есть еще чума, холера, землетрясения... Было бы занятно, если бы вы провозгласили революцию против всех этих зол... Зло в самой природе вещей.

Георг. Но я, именно, хотел показать, что бедность зависит от существующей формы социальной организации и что в обществе, устроенном более разумно и более справедливо, ее не будет.

Пока не знаешь причины болезни и не умеешь ее лечить, нужно терпеливо выжидать. Но когда лекарство найдено, все обязаны знать и применять его.

Амбруаз. В этом-то и есть ваше заблуждение: бедность зависит от причин, стоящих выше человеческой воли и человеческих законов. Она зависит от скудости самой природы, произведений которой не может хватить на всех людей. Посмотрите на животных, у которых нет ни гнусного капитала, ни деспотичного правительства: они борются непрерывно за существование и часто умирают с голода.

Земля перенаселена — это факт. Следовало бы беднякам быть воздержаннее и не производить потомства более того, сколько можно накормить. Читали вы Мальтуса?

Георг. Да, слегка. Хотя немного потерял бы, если бы и вовсе не читал. Без всяких книг я знаю, что нужно быть отъявленным нахалом, — простите за выражение, — чтобы отстаивать такие положения. Утверждая, что бедность зависит от скудости природы, вы не можете же не знать, что существует множество необработанных земель.

Амбруаз. Не обрабатываются те земли, которые не годятся для обработки и которые не могут окупить затрат производства.

Георг. Вы так думаете? А попробуйте подарить их крестьянам и вы увидите, какие сады разведет он на ваших неудобных землях. Неужели вы серьезно это говорите? Ведь многие из этих земель возделывались в прежнее время, когда земледелие было еще в зачаточном состоянии, когда еще не было и в помине сельскохозяйственной технологии. Разве вы не знаете, что в настоящее время все земли, до самых скалистых вершин, можно обратить в

плодоносные? Разве вы не слыхали, что агрономы, самые умеренные, находят, что такая территория, как Италия, будучи хорошо обработана, может с избытком прокормить население в 100 миллионов жителей? Единственная причина того, что земли лежат необработанными, и что те, которые обрабатываются, дают не столько, сколько они могли бы давать при более совершенных способах обработки, — заключается в том, что не в интересах владельцев увеличивать производство. Им нет дела до народного благосостояния; они производят только для торговли, и они знают, что чем продукта больше, тем ниже его цена, и тем меньше получится прибыли. Когда же количество продукта недостаточно, они продадут его по той цене, какую им заблагорассудится установить.

И во всех отраслях человеческой деятельности мы видим то же самое. Во всех городах, например, бедняки должны ютиться в отвратительных лачугах, в такой тесноте и при таких условиях, что и речи не может быть ни о гигиене, ни о нравственности, где, одним словом, нет возможности жить по-человечески. А почему? От недостатка домов? Но отчего же в таком случае не строят здоровые, удобные, хорошие дома, и в таком количестве, чтобы их хватило на всех? Камня, кирпича, извести, железа, дерева, всех материалов, всего этого — в изобилии, есть также много каменщиков, плотников, архитекторов, которые только и думают о том, как бы получить работу. Почему же столько сил остается в бездействии, сил, которые могли бы послужить на пользу общества? Причина проста: если бы было много домов, спрос на квартиры упал бы. Владельцы существующих домов, те же самые, которые имеют возможность построить домов еще, не имеют никакого желания получать меньшие выгоды из-за удобств бедняков.

Цезарь. Это верно. Есть доля истины в том, что вы говорите, но вы неправильно истолковываете печальные явления, угнетающие нашу страну. Неводеланные земли, застой в делах, общее обеднение! Причина всего — недостаток предприимчивости у нашей буржуазии. Капиталисты трусливы и невежественны, не хотят или не умеют развивать промышленность; землевладельцы умеют вести свое дело только так, как вели их деда, и боятся нововведений; торговцы не умеют расширить сбыт товаров, а правительство со своей казенщиной и со своей идиотской таможенной политикой, вместо того, чтобы поощрять частную предприимчивость, всячески ее стесняет и убивает в самом зачатке. Взгляните на Францию, Англию, Америку...

Георг. Что наша буржуазия невежественна и не предприимчива, с этим я вполне согласен; но эти ее несовершенства объясняют, и то только отчасти, почему она уступает буржуазии других стран в борьбе за завоевание мирового рынка, но не в ней причина обеднения народа.

Чтобы доказать это, я укажу на тот факт, что бедность, безработица и все остальные социальные бедствия существуют также и в других странах, там, где буржуазия и предприимчива, и развита; скажу более того: с развитием промышленности, эти бедствия усиливаются и если в самых передовых странах рабочие не дошли до крайней нищеты и рабства, то этим они обязаны исключительно тому отпору, который они проявляют в форме союзов, забастовок, восстаний и угроз революцией. Капитализм везде один и тот же. Для его процветания необходимо держать рабочих впроголодь. Это нужно, во-первых, чтобы

поддерживать высокие цены на товары, а во-вторых, чтобы всегда иметь возможность нанять голодных рабочих на каких угодно условиях.

Вы видите, действительно, что, когда в стране начинает быстро развиваться какое-нибудь производство, это не доказывает, что материальное положение рабочих улучшилось и они получили возможность потреблять больше; нет, причина этого — увеличение спроса на внешних рынках. Местное потребление увеличивается только в том случае, если рабочие, пользуясь счастливыми обстоятельствами принудили хозяев увеличить заработную плату и, таким образом, получили возможность больше покупать. Но если, затем, по той или иной причине, внешний рынок, который, главным образом, имеется в виду при производстве, закрывается, то наступает кризис, работа останавливается, заработная плата понижается и опять наступает беспросветная нищета. А между тем в самой стране большинство, зачастую, страдает от недостатка тех самых предметов, производство которых сократилось, и на лицо насущная потребность работать для собственного потребления. Но какая корысть капиталистам от этого?

Амбруаз. Так вы полагаете, все зло в капитализме?

Георг. Без сомнения, или лучше сказать, в этом факте, что несколько лиц захватили землю и все орудия производства и преследуют только свои выгоды, не считаясь с потребностями и нуждами населения.

Все доводы, что вы можете привести в защиту прав буржуазии, полны заблуждений и лжи.

Минуту тому назад вы сказали, что причина бедности — это недостаток продуктов. Теперь, желая решить вопрос о безработице, вы говорите, что магазины переполнены, что предметы производства не имеют сбыта, что фабриканты не могут давать работу, когда знают, что потом придется выбросить изготовленные предметы.

В этом то вся и бессмыслица системы: землепашцы мрут с голоду в то время, как миллионы десятин земли лежат невозделанными, потому что землевладельцы не находят выгоды их пахать; сапожники сидят без работы и ходят без сапог в то время, как сапог слишком много и т. д. и т. д.

Амбруаз. Значит капиталистам надо умирать с голоду?

Георг. Что за вздор! Просто, они должны работать наравне со всеми. Это вам кажется немножко жестоко; но когда человек сыт, работа не так уж тяжела, она только способствует обмену веществ и поддерживает бодрое настроение в человеке.

Но уже поздно. Завтра мне надо работать. До другого раза!

IV

Цезарь. Беседа с вами доставляет мне живейшее удовольствие. Вы умеете придавать вашим доводам такую убедительность. И вы правы во многом. Несообразности, видимые и скрытые, действительно существуют в настоящем социальном строе. Например такая вещь, как таможенная пошлина, очень трудна для разумения: в то время, как у нас народ умирает с голоду, от нищеты и недостатка хлеба, правительство препятствует свободному ввозу зерна из Америки, страны, где его больше, чем нужно, и где владельцы хлеба только и мечтают, как бы его сбыть нам. Что сказали бы вы о человеке, который, будучи голоден, не захотел бы есть?! А это похоже на то! Однако...

Георг. Но ведь голодает не правительство и не владельцы итальянского хлеба, в интересах которых правительство устанавливает пошлины на хлеб.

Если бы это зависело от тех, кто голодает, поверьте, они не отказались бы от хлеба.

Цезарь. Это верно! и вам не трудно увлечь за собой народ такими доводами; ведь народ так легко проникается доводами, клонящимися в его пользу! Но, чтобы не впасть в ошибку, необходимо рассмотреть вопрос со всех сторон, что я и собирался сделать, когда вы меня перебили. Конечно, запретительные пошлины имеют в виду, главным образом, интересы землевладельцев; но, с другой стороны, если бы границы были открыты, американцы, добывающие хлеб и мясо при более благоприятных условиях, чем мы, наводнили бы наш рынок, а тогда что бы стали делать наши крестьяне? Землевладельцы были бы разорены, но положение рабочих было бы еще хуже. Хлеб продавался бы по 1 коп. за фунт, но раз нет возможности заработать и эту копейку, люди будут умирать с голоду так же, как и раньше. И потом нужно же чем-нибудь расплачиваться с американцами за их хлеб, а если Италия ничего не будет производить, чем мы будем расплачиваться?

Конечно, вы можете возразить, что в Италии могли бы производить для обмена те продукты, для которых почва и климат Италии наиболее благоприятны, как например вино, апельсины, цветы, ну, там не знаю еще что! Но что, если те вещи, которые мы можем производить с наименьшими затратами, не будут иметь сбыта, потому ли, что он не в употреблении, или потому, что другие сами захотят производить такие же? Тогда как быть? Притом вы забываете, что одних благоприятных климатических условий еще недостаточно; нужен капитал, кредит, международные торговые сношения, а, в особенности, возможность выжидать... А чем будут сыты в ожидании?

Георг. Отлично! Вы указали на самое важное. Свободный обмен не может так же, как и протекционизм решить вопрос о бедности. При свободном обмене выигрывают интересы производителя? При покровительстве же, наоборот, теряет потребитель, а выигрывает производитель? А в конце концов, протекционизм и свободный обмен — одно и то же, так как рабочий в то же время является и производителем, и потребителем.

И так будет всегда, пока не будет положен предел системе капитализма.

Если бы рабочие работали для своей пользы, а не для прибылей фабрикантов, каждая страна производила бы столько, сколько ей нужно, установились бы международные сношения с целью распределить труд в зависимости от почвы, климата, наличности сырого

материала, населенности и т. д.; таким образом, все люди получили бы наибольшее удовлетворение с наименьшими усилиями.

Цезарь. Да, но ведь это только прекрасные мечты!

Георг. В настоящее время, да, это мечта. Но когда народ сознает свою пользу, мечта сделается действительностью. Только узкий эгоизм людей мешает ее осуществлению.

Цезарь. Есть и другие препятствия. Вы воображаете, что стоит только избавиться от хозяев-предпринимателей, и все заживут в довольстве...

Георг. Конечно, мало одного разрушения. Чтобы выйти из состояния нищеты, чтобы организовать производство в размере, могущем удовлетворить потребности всех, нужно будет работать очень много. Но народу не занимать привычки и охоты к труду! Была бы только возможность, которой теперь нет!

Нас возмущает существующий строй не потому, что бездельники живут при нем в полном довольстве, — хотя это, правда, не может нам особенно нравиться, — но, главным образом, потому, что эти тунеядцы умышленно создают невозможные условия труда и этим препятствуют производить все и для всех.

Цезарь. Вы преувеличиваете. Совершенно верно, что иногда предприниматели спекулируют на недостатке продуктов. Но чаще всего это бывает оттого, что у них недостаточно капитала.

Для производства нужны не только земля и сырые продукты, — вы знаете, — нужны еще орудия, машины, помещения, наконец, нужен капитал, и большой капитал. Сколько предприятий так и остаются в проекте, или раз начавшись, не выдерживают и банкротятся от недостатка капитала. Подумайте только, что может произойти, если настанет социальная революция, к которой вы так стремитесь! Значение капитала упадет, возникнет невероятная путаница отношений, граничащая с общественным бедствием.

Георг. Недостаточность капитала — это второе заблуждение или, лучше сказать, вторая ложь защитников существующего порядка. Капитала может не хватать для того или иного частного предприятия, потому что его не выпускают из рук частные владельцы; но общество, в целом, содержит неисчерпаемый источник капитала. Разве вы не видите, сколько машин ржавеют, сколько фабрик бездействуют, сколько домов стоят необитаемыми!

Пока рабочие работают, они сыты; оставаясь же по произволу капиталиста без работы, они перебиваются кое-как и живут впроголодь. Но если бы рабочие работали по собственной инициативе, они согласились бы, если бы то было действительно необходимо, согласились бы работать, живя впроголодь, как живут при безработице, так как они знали бы, что эта временная жертва даст им возможность выйти из состояния нищеты и зависимости.

Представьте себе, — это случалось много раз, — что землетрясение разрушает город, обращает в развалины целую страну. В короткий срок город выстраивается еще лучше, чем

он был до того, и во всей стране не остается и следа разрушения. Так как в этом случае капиталисты и собственники заинтересованы в том, чтобы начались работы, средства моментально находятся и в мгновение ока выстраивается целый город там, где до тех пор в продолжение десятков лет уверяли, что нет средств для постройки нескольких домов для рабочих.

Что касается уничтожения богатств, которое принесла бы с собой революция, то надо надеяться, что движимый сознательным желанием сделать общими накопленные веками богатства, народ не захочет разрушать и уничтожать то, что должно сделаться его достоянием. Во всяком случае, по своим последствиям это не будет вреднее землетрясения.

Само собою разумеется, встретится много затруднений, прежде чем все наладится. Но я предвижу только два значительных затруднения, с которыми придется считаться прежде всего: это — бессознательность народа и... жандармы.

Амбруаз. Но скажите мне, — вот вы говорите о капитале, о труде, о производстве, о потреблении и т. д. Но право, правосудие, нравственность, — о них вы не упоминаете. Вопрос о том, как лучше использовать землю и капитал, — вопрос очень важный; но еще важнее основные вопросы нравственности. Я тоже желаю, чтобы всем жилось хорошо, но если для того, чтобы осуществить эти утопии, придется преступить нравственный закон, отречься от вечных принципов справедливости, лежащих в основе каждого просвещенного общества, о, тогда я тысячу раз предпочту примириться со всеми бедствиями настоящего. Перестаньте же раз и навсегда возбуждать бессознательную толпу, не будите призрачных надежд в душах обездоленных судьбою, перестаньте раздувать огонь, который, к несчастью, непрерывно тлеет под пеплом! Неужели вы хотели бы, о, современные варвары! погребсти под развалинами социального строя ту культуру, которая составляет нашу гордость и славу наших отцов? Если вы хотите сделать доброе дело, если вы хотите облегчить, насколько возможно, страдания несчастных, научите их смирению и покорности своей участи, так как истинное счастье заключается в умении довольствоваться тем, что есть. В конце концов, ведь каждый человек несет свой крест, каждый класс общества имеет и свои невзгоды и свои обязанности, и те, что живут в роскоши не всегда самые счастливые.

Георг. Довольно, довольно, почтенный судья! Спрячьте в карман ваши высшие принципы и ваше профессиональное негодование! Мы не в суде, и я сейчас не подсудимый. Не трудно догадаться, слушая вас, к какому лагерю вы принадлежите! Так сладко поют о терпении и покорности только те, кого бедняки выносят на своих плечах!

По-моему же, если право, правосудие и нравственность требуют гнета и насилия хотя бы над одним человеческим существом, то и ваше право, и ваше правосудие, и ваша нравственность — только ложь, негодное оружие, скованное для защиты избранных. Право, правосудие, нравственность должны быть одинаковы для всех; в противном случае, они — синонимы гнета и несправедливости. Эта истина лежит в самой основе существования и развития человеческого общества, она утвердилась в сознании человека и приобретает все более и более значения, несмотря на все старания противодействовать этому со стороны тех, кто до сих пор властвовал в мире.

Только при помощи жалких софизмов вам удастся согласовать существующие социальные учреждения с высшими принципами нравственности и справедливости.

Амбруаз. Ну, это слишком самонадеянно. Насколько я вас понял, вы не только отрицаете, например, собственность, но еще осмеливаетесь утверждать, что и самое право на нее не может быть защищено с точки зрения высших принципов?

Георг. Вот, именно, это самое я утверждаю. Если угодно, то и докажу вам в следующий раз.

V

Георг. И так, г. судья, если не ошибаюсь, мы остановились на вопросе о праве собственности.

Амбруаз. Совершенно верно. И мне, действительно, очень интересно, как вы отстоите с точки зрения справедливости и нравственности ваши идеи насилия и грабежа.

Общество, в котором никто не может быть уверенным в неприкосновенности своего имущества, перестает быть обществом и становится стаей волков, всегда готовых пожрать один другого.

Георг. А вам не кажется, что именно в этом состоянии и пребывает то общество, в котором мы теперь живем? Вы нас обвиняете в стремлении к грабежу и насилию; на самом же деле, именно владельцы собственности постоянно обирают рабочих и пользуются плодами их трудов.

Амбруаз. Владельцы собственности делают из своего имущества то употребление, которое им кажется наилучшим; и они имеют на то право так же, как рабочие свободно могут располагать своими руками. Хозяева и рабочие свободно договариваются о цене работы, а когда договор заключается не по принуждению, жаловаться не на кого. Благотворительность может облегчить слишком большие несчастья, незаслуженные страдания, но право должно стоять незыблемо.

Георг. Ну, что вы говорите мне о свободном договоре! Рабочий должен работать, чтобы не умереть с голода, и его свобода — свобода того путника, который отдает свой кошелек напавшим на него разбойникам, чтобы только остаться в живых.

Амбруаз. Это возможно. Но вы не можете только по этой причине лишать каждого возможности располагать своим имуществом, как он желает.

Георг. Своим имуществом! Его имуществом! Но почему землевладелец может сказать, что земля его? И почему, и как капиталист осмелится утверждать, что орудия производства и другие богатства, созданные общими усилиями человечества, принадлежат ему?

Амбруаз. Закон признает за ним это право.

Георг. А! если весь вопрос только в законе, то разбойник с большой дороги мог бы с успехом доказать, что он имеет право убивать и грабить; для этого ему нужно было бы только привести какую-нибудь статью закона, которой бы признавалось это право. Так именно и поступают господствующие классы: их законы или закрепляют право на совершенные уже хищения или дают верное средство совершать новые.

Если все ваши «высшие принципы» основаны только на своде законов, то стоит завтра обнародовать закон об отмене частной собственности, и вы признаете за высший принцип то, что называете сегодня грабежом и кражей.

Амбруаз. Но закон не должен быть произволен. Он должен согласоваться с принципами права и нравственности, а не вытекать из необузданного произвола, иначе...

Георг. Не право создается законом, а наоборот, закон вытекает из права. А в таком случае, по какому праву, закон обеспечивает за несколькими лицами обладание всеми существующими богатствами, как естественными, так и созданными трудом, и почему эти немногие держат в своих руках судьбу всех других, обойденных судьбою?

Амбруаз. Но этим правом, правом свободно распоряжаться плодами своих трудов, должен пользоваться каждый человек. В человеке с рождения заложено это чувство и без него немыслима никакая цивилизация.

Георг. Как! Вы уже начинаете защищать права трудящихся! Браво! Но объясните мне в таком случае, почему же тот, кто работает, ничем не владеет, а тот, кто ничего не делает, является владельцем собственности?

Что собственники грабители, — не есть ли это логический вывод из вашей теории? Не находите ли вы, что вполне справедливо, если их богатства отнимутся от них и отдадутся законным владельцам, трудящимся?

Амбруаз. Если и есть собственники, которые не работают, так это потому, что они работали прежде или они мудро сберегли и сумели даже пустить в оборот унаследованное от предков.

Георг. Как! вы допускаете, что рабочий, который еле-еле сводит концы с концами, может откладывать и накапливать богатства?!

Вы хорошо знаете, что истинное происхождение богатства есть насилие, воровство, законное и незаконное хищение. Но предположим, однако, что какой-нибудь человек сэкономил кое-что от своего личного труда: вполне справедливо, если он воспользуется этими сбережениями, когда хочет и как хочет. Но дело совершенно изменяется, когда начинается то, что вы называете «пустить сбережения в оборот». Это уже означает — заставить работать других и отбирать у них часть результата их труда; это означает — скупить товары и продавать их дороже, чем они стоят; это означает — отнять у других возможность свободно трудиться, и принудить их работать за самое незначительное вознаграждение; это означает еще много других подобных вещей, которые не имеют ничего общего со справедливостью, но которые убедительно доказывают, что собственность, —

когда даже она не есть результат открытого, явного воровства, — зиждется на труде других, обращаемом собственниками так или иначе в свою пользу. Вам кажется справедливым, если человек, скопивший своим трудом или, говоря по-вашему, своей предприимчивостью, маленький капитал, получает благодаря этому возможность посягать на плоды трудов других людей? Более того! Если он завещает всему своему потомству право жить, ничего не делая, за спиной работающих?

Неужели вы находите справедливым, что большей части человечества суждено пребывать в нищете и невежестве только потому, что несколько человек, трудолюбивых и бережливых, — я говорю, становясь на вашу точку зрения, — скопили капиталы? Но я очень грешу против истины, допуская хотя бы на одну только минуту, что собственники — трудящийся народ, или потомки трудящихся? Хотите, я расскажу вам происхождение богатств наших известных миллионеров, как тех, что ведут свой род от древних времен, так и вчерашних выскочек?

Амбруаз. Нет, пожалуйста, не будем касаться личностей. Если и существуют нечестно приобретенные богатства, это еще не причина для того, чтобы отрицать право собственности. Прошлое есть прошлое; не к чему доискиваться первоисточника несправедливости.

Георг. Хорошо, не будем доискиваться. Для меня это не важно. Частной собственности не должно быть, так как она дает право и средства эксплуатировать труд других и, все разрастаясь, ставить массу людей в зависимость от нескольких лиц.

А, кстати, как оправдываете вы частное землевладение? Ведь нельзя сказать, что оно есть результат труда землевладельца или его предков?

Амбруаз. Очень просто. Неводеланная, бесплодная земля никакой ценности не имеет. Человек занимает ее, удобряет, делает ее плодородной и, естественно, имеет право на плоды, которые без его труда не получились бы.

Георг. Очень хорошо; Это — право работающего на продукт его труда; но это право утрачивается, как только прекращается обработка земли. Не кажется ли вам, что это так должно?

А как вы оправдываете владельцев необозримых земельных угодий, даже с помощью чужого труда никогда ими не обрабатываемых?

Как объяснить то, что земли, совершенно нетронутые, принадлежат не всем, а только некоторым?

Какой это труд, какие улучшения дают в подобных случаях право на собственность?

Происхождение частного землевладения так же, как и обладание другими богатствами основано на насилии; это — истина и объяснить это можно, только допустив принцип: право есть сила. А в таком случае... горе вам, если в один прекрасный день вы окажетесь слабейшими!

Амбруаз. Но, в конце концов, вы упускаете из вида общественную пользу, неизбежные нужды общества. Без права собственности не было бы обеспеченности, закономерности труда и общество представляло бы нечто хаотическое.

Георг. Как, теперь вы говорите об общественной пользе?! Но в наших первых беседах я только и говорил, что о вреде, проистекающем для общества от частной собственности и вы, не будучи в силах доказать ее пользу, взялись доказать мне высшую справедливость принципов права, на которых собственность основана.

Я вижу, что вам сегодня не выбраться из заколдованного круга; к тому же я спешу. Но мы еще потолкуем.

VI

Георг. А знаете ли, кто-то сообщил в газету содержание нашего тогдашнего спора и за это газету приостановили.

Амбруаз. Неужели?

Георг. Уж будто бы вы ничего не знаете?! Я не могу понять, как можете вы, считая себя правым, так бояться опубликования противоположных мнений?! В этой газете и ваши, и мои доводы были переданы вполне точно. Вместо того, чтобы радоваться, что публика оценит по справедливости основания, на которых зиждется современный общественный строй и осмеет тщетные нападки его противников, вы, напротив, стараетесь замазать людям рот.

Амбруаз. Я тут не при чем. Я не имею никакого отношения к прокурорскому надзору; я — представитель суда.

Георг. Если это и так, вы все-таки коллеги и проникнуты одним и тем же духом. Может быть, мой разговор вам неприятен? Тогда скажите мне... я уйду, поговорю где-нибудь в другом месте.

Амбруаз. Нет, нет, напротив, я должен признаться, что наш разговор меня очень интересует. Будем продолжать! Что же касается запрещения газеты, я замолвлю об этом прокурору. Как бы то ни было, действующий закон не дает никому права лишать вас возможности высказываться.

Георг. Будем продолжать. В прошлый раз, как мне помнится, вы защищали право собственности, опираясь, прежде всего, на существующий закон, т. е. свод законов, потом ссылались на чувство справедливости и, наконец, на общественную пользу.

Позвольте мне изложить в нескольких словах свой взгляд на этот вопрос. По-моему, частная собственность несправедлива и безнравственна, потому что она основывается или на грубой силе, или на обмане, или на узаконенной эксплуатации труда других; она вредна, потому что она затрудняет производство и добывание из земли продуктов первой необходимости, в

которых терпит нужду большинство людей; она вредна еще потому, что создает нищету масс и порождает ненависть, гнев, преступления и большую часть зол, угнетающих современное общество. Вот почему я хотела бы, чтобы ее не существовало, и чтобы ее заменил строй с общественной собственностью, при котором все люди получили бы, при справедливом распределении труда, возможно больше жизненных благ.

Амбруаз. Но, ей Богу, я не вижу, как логически вы придете к этому?

Вы ниспровергли право собственности, потому что, по вашему, собственность происходит от насилия и эксплуатации труда других; вы сказали, что капиталисты распоряжаются производством, имея в виду исключительно свои интересы, а не желание полнее удовлетворить, при наименьших усилиях работающих, потребности народа; более или менее убедительно вы доказали, что не должно существовать права получать доходы с земли, которую не обрабатываешь своими руками; вы отвергли также право пускать в оборот свои собственные деньги и извлекать пользу, употребляя их на постройку домов и на другие виды промышленности; в противоположность праву собственности, вы признали право трудящегося на продукт его личного труда; более того, вы стали на защиту его права. Одним словом, вы осудили бесповоротно право частной собственности на землю и орудия производства, доказали необходимость раздела земли и орудий производства между всеми желающими ими пользоваться. Но от этого еще далеко до коммунизма; частная собственность на продукты личного труда должна же существовать, и если вы хотите, чтобы ваш свободный рабочий наслаждался спокойной уверенностью в завтрашнем дне, без которой не может идти успешно никакая работа, — вы должны еще признать частную собственность на землю и орудия производства, по крайней мере на то время, когда они нужны для работника.

Георг. Недурно! Продолжайте! Вы уже ударились в социализм. Ваша теория несходна с моей, но, тем не менее, она близка к социализму. Председатель суда — социалист! Это любопытное явление!

Амбруаз. Нет, нет, отнюдь не социалист! Я только хотел вам доказать, что вы напрасно называете себя коммунистом, будучи не более как сторонником давнишней утопии раздела земли и имущества. Только вы забываете, что дробление собственности сделает невозможным всякое крупное предприятие и поведет к общему обнищанию.

Георг. Конечно, раздел имущества не только отозвался бы невыгодно на производстве, но, что еще хуже, он в недалеком будущем привел бы обратно к восстановлению крупных состояний, к обеднению масс, к нищете и к возможности еще большей эксплуатации.

Но дело в том, что я не сторонник раздела имущества.

Я признаю право работника на продукт его труда, но только в виде отвлеченной формулы справедливости; на практике оно означает только, что труд не должен эксплуатироваться, что все должны работать и пользоваться плодами своего труда согласно принятому всеми обычаю.

Нельзя брать работника, как нечто отдельное от всего остального мира, живущим только в себе и для себя; на него надо смотреть как на члена общества, который обменивается постоянно услугами с другими работниками и который должен согласовать свои права с правами других. В конце концов, совершенно невозможно точно определить, особенно при современных способах производства, какая доля труда вложена в продукт каждым из работников. Также совершенно невозможно определить при различии производительности каждого рабочего или целой группы рабочих, какая доля труда должна быть отнесена за счет их ловкости и энергии, и какая обусловлена плодородием почвы или качеством употребляемых инструментов, какая доля зависит от преимуществ или трудности известного социального положения или среды.

Точный учет прав каждого не может лечь в основу решения этого вопроса; его нужно искать в братском согласии, в солидарности.

Амбруаз. Но тогда свободы уже не будет.

Георг. Напротив, тогда только и возможна свобода. Так называемые либералы называют свободой теоретическое отвлеченное право делать что хочется и у них хватает наглости говорить, не краснея и не шутя, что человеку, умирающему с голода оттого, что ему нечего есть, предоставлена полная свобода кушать.

Мы же, напротив, мы называем свободой практическую возможность исполнения желаний, — и эта свобода, которая только и есть истинная свобода, становится тем более осуществимой, чем более будет доброго согласия между людьми и чем сильнее будет развито чувство взаимопомощи.

Амбруаз. Вот вы сказали, что если бы поделить имущество, то большие состояния вновь быстро восстановились бы и все вернулось бы скоро к тому положению, которое было до раздела. Почему это так?

Георг. Потому что, с самого начала было бы невозможно установить для всех совершенное равенство: качество земли, например, бесконечно различно; одни земли производят много и почти не требуют обработки; другие дают мало, требуя, в то же время, массы труда. Различные местности представляют всевозможные выгоды и невыгоды; различие физической и умственной силы также является существенным фактором.

Момент дележа был бы сигналом к соперничеству и борьбе: лучшие земли, лучшие орудия производства были бы захвачены людьми более сильными, более умными или более ловкими, которые немедленно заняли бы привилегированное положение. Эти счастливицы, благодаря самым элементарным преимуществам, на которые я только что указал, убедились бы, что их значение растет с каждым днем и это положило бы начало новой эксплуатации и экспроприации, что привело бы, в конце концов, опять, к буржуазному строю.

Амбруаз. Но этому можно было бы противопоставить законы, признающие неотчуждаемой долю каждого и которые бы создали ряд гарантий для слабых.

Георг. Ах, вы все еще верите в спасительную силу закона! Недаром вы принадлежите к судейскому сословию!

Законы издаются и отменяются по произволу наиболее сильных. Те, кто немного посильнее большинства людей, те обходят законы; те же, кто гораздо сильнее, просто отменяют их и издают другие, более удобные для себя.

Амбруаз. Ну, а при новом строе, о котором вы мечтаете?

Георг. А при новом строе борьба между людьми заменится соглашением и солидарностью. Но чтобы прийти к этому, необходимо прежде всего уничтожить частную собственность.

Амбруаз. Так вы, серьезно, коммунисты?! Все для всех, работай, кто хочет, а кто не хочет, ешь, пей и веселись! Какая счастливая страна! Какая чудесная жизнь! Какой дом умалишенных! Ха, ха, ха!

Георг. Я сомневаюсь, чтобы вам искренне было смешно, когда вы стараетесь защитить современный строй, основанный исключительно на грубом насилии! Да, милостивый государь, я коммунист. Но, кажется, у вас довольно странные понятия о коммунизме. В следующий раз, я постараюсь просветить вас. До свидания!

VII

Амбруаз. И так, вы обещали объяснить нам, что такое ваш коммунизм.

Георг. Охотно. Коммунизм есть форма общественной организации, при которой, вместо того, чтобы стараться захватить возможно больше благ мира сего, вместо того, чтобы теснить и угнетать друг друга, как это делается при теперешнем строе, люди соединятся и вступят во взаимное соглашение, имея целью — обеспечить за каждым возможно большее благосостояние. Исходя из принципа, что земля, рудники и все природные силы так же, как накопленные богатства и все, созданное трудом прошедших поколений, принадлежит всем, люди при коммунистическом строе условятся работать сообща с целью производить все необходимое для всех.

Амбруаз. Я понял. Вы хотите, как говорилось в брошюре, бывшей у меня в руках во время процесса анархистов, чтобы каждый работал по своим силам и потреблял по своим потребностям или, чтобы каждый давал, что может и брал, в чем нуждается. Не правда ли?

Георг. Да, именно эти положения мы повторяем чаще других; но чтобы ясно представить себе коммунистическое общество, как мы его понимаем, нужно прежде всего хорошенько усвоить себе эти положения.

Разумеется, это не абсолютное право, которое давало бы возможность каждому человеку удовлетворять все свои потребности, так как потребности бесконечны и увеличиваются гораздо быстрее, чем средства их удовлетворения, и, наконец, их удовлетворение

ограничено известною предельностью производства. Если бы коллективный труд не согласовался с общественной пользой и мог бы принимать нежелательное направление, ставя целью удовлетворение неумеренных желаний, или лучше сказать, прихотей некоторых лиц, — это было бы и нецелесообразно, и несправедливо. Также не может быть и речи о расходовании всех сил каждого человека для общественного производства, так как изнурение человека работой до полной потери сил для полного удовлетворения всех нужд человека, было бы равносильно его гибели. Мы хотим, чтобы всем жилось как можно лучше, чтобы с наименьшей затратой сил человек достигал бы наибольшего благосостояния. Для меня очень трудно представить вам точно, как практически осуществиться такое положение вещей, да пока я и не считаю это осуществление возможным.

Но когда не станет в обществе ни жандармов, ни хозяев, когда люди будут относиться друг к другу как братья и вместо того, чтобы эксплуатировать друг друга, будут взаимно поддерживать и помогать один другому, тогда практическое осуществление нашего учения не заставит себя долго ждать. В каждом же отдельном случае люди будут поступать, как сумеют и как смогут, постепенно приспосабливаясь, пока не достигнут известного совершенства.

Амбруаз. Я понял; вы сторонник общественных складов; все занимаются производством предметов по добровольно выбранной специальности, затем все собирается в общественные магазины и каждый потом берет то, в чем нуждается или что ему нравится. Так, да?

Георг. Я вижу, что вы не шутя занялись этим вопросом и, надо полагать, читали бумаги нашего процесса внимательнее, чем обыкновенно это делается, когда отправляют нас в тюрьмы. Право, если бы судьи и полицейские каждый раз прочитывали отбираемую у нас при обысках литературу, они чему-нибудь да научились бы!

Но вернемся к делу. Когда мы говорим о коммунистической собственности, то в этом выражается только наше стремление заменить теперешний торгашеский дух братской солидарностью. Но этим выражением еще не предreshается точная конкретная форма социальной организации.

Возможно, что вы встретите нескольких наших товарищей, которые предполагают, что добровольный труд будет всегда так спориться и разнообразные продукты будут накапливаться в таком количестве, что вносить какой-либо распорядок в производство и в потребление будет совершенно излишне.

Но, по моему, это не так: как я уже сказал вам, я думаю, что потребностей у человека всегда больше, чем средств удовлетворения, и это меня радует, потому что в этом залог прогресса; я полагаю, что первоначально придется соорганизоваться для удовлетворения только насущнейших потребностей и притом с наименьшей затратой сил, а не заниматься производством так — наудачу, хотя бы и в целях удовлетворить все нужды, какие только могут быть, так как это было бы бесполезной расточительностью. Но, повторяю еще раз: все дело в согласии между людьми, в соглашении, точно установленном или только подразумеваемом, к которому они неизменно придут, признав равенство положения всех и проникнувшись духом солидарности.

Постарайтесь вникнуть в дух нашего учения и не придавайте слишком большого значения формулам, которые и в нашей партии так же, как и в других, только известная манера выражать свои стремления, манера краткая и резкая, но почти всегда недостаточно определенная и недостаточно точная.

Амбруаз. Но разве вы не замечаете, что коммунизм есть отрицание свободы, непризнание человеческой личности. Может быть, он и мог существовать на заре человечества, когда нравственно и умственно неразвитой дикарь не отделял своих интересов от интересов своего племени; может быть, он возможен в религиозно-монашеском обществе, требующем подавления человеческих страстей, прославляющем порабощение личности общиной и считающем послушание главной добродетелью и обязанностью. Но в современном обществе, при расцвете цивилизации, которая есть результат свободной деятельности независимых личностей, почитающих свободу за высочайшее благо, коммунизм, если бы он не был несбыточным сном, был бы возвратом к варварству. Всякая самодеятельность была бы парализована; всякое стремление опередить других, проявить свою индивидуальность было бы подавлено в корне...

Георг. И так далее...

Не расточайте вашего красноречия! Эти стереотипные доводы давно мне знакомы!.. Все это только фразы! Бессовестная, бесстыдная ложь! Свобода, индивидуализм человека, умирающего с голода! Какая жестокая ирония! Какое глубокое лицемерие!

Вы защищаете общество, в котором большинство людей живет в уровне животных; общество, где трудящийся умирает в нищете, где дети гибнут тысячами и миллионами от дурного питания и недостатка присмотра, где женщины обращаются к проституции, чтобы не умереть с голода; общество, где царит невежество, где даже талант должен продавать свое знание и лгать, чтобы иметь возможность быть сытому; общество, где никто не может поручиться за завтрашний день, — и вы смеете говорить о свободе и индивидуализме?!

Только разве для вас, для небольшой кучки привилегированных, и существует свобода и возможность развивать свою индивидуальность... но и вы — жертвы того строя, где борьбой человека с человеком отравлена вся жизнь; и вы выиграли бы, если бы жили в обществе, основанном на солидарности, равными среди равных, свободными среди свободных.

Как вы только можете настаивать, что солидарность противна свободе и развитию индивидуальности?! Когда мы будем говорить о семье, — а мы поговорим и о ней когда-нибудь, — вы не замедлите пропеть один из ваших хвалебных гимнов этому учреждению, которое и т. д. и т. д. Так вот, между членами семьи, по крайней мере, такой семьи, какую воспевают, но какой, на самом-то деле, нет, — царит любовь и согласие. Станете ли вы утверждать, что братья и сестры были бы более свободны и лучше бы развили свою индивидуальность, если бы, вместо того, чтобы желать друг другу добра и работать при взаимном согласии для общей пользы, стали бы воровать друг у друга и ненавидеть один другого.

Амбруаз. Но чтобы руководить коммунистическим обществом, созданным наподобие семьи, понадобилась бы исключительная централизация, железный деспотизм, неограниченная власть государства. Представляете ли вы себе, каким гнетом легла бы на страну власть, в руках которой сосредоточилось бы все общественное достояние и которая указывала бы каждому его работу и его долю в потреблении?

Георг. Разумеется, если бы коммунизм был таким, как вы его понимаете или таким, как его представляют социал-демократы, он неизбежно привел бы к тирании и реакции. Но коммунизм, к которому мы стремимся, не имеет ничего общего с этими представлениями; коммунизм, которого мы хотим, должен быть свободным, безначальным, «анархическим» коммунизмом, если вас не испугает это слово. Мы хотим, чтобы коммунизм воцарился свободно повсюду, начавшись с союзов отдельных лиц, перейдя мало помалу в федерации союзов, все более и более расширяющихся, пока все человечество не сольется в единый союз, основанный на кооперации и солидарности.

И так как такой коммунизм установится свободно, он должен будет и поддерживаться свободно волею создавших его лиц.

Амбруаз. Но чтобы это стало возможным, нужно всех людей обратить в ангелов; они все должны быть альтруистами! А человек по своей натуре эгоистичен, зол, лицемерен и ленив.

Георг. Конечно, коммунизм предполагает известную нравственную высоту и ясное сознание взаимных интересов, исключающее возможность ожесточенной борьбы. Но это совсем уж не так невозможно, как вы думаете! И даже теперь подобные отношения между людьми обычное, нормальное явление. Если при настоящем социальном строе, в основе которого лежит постоянный антагонизм и вражда между классами и отдельными лицами, существует общество, а не стая пожирающих друг друга волков, то это именно благодаря прирожденному человеку общественному инстинкту, который ежеминутно проявляется в тысячах примеров симпатии, преданности и самопожертвования, к которым мы настолько привыкли, что даже не останавливаемся над ними.

Человек по самой своей природе эгоист и альтруист в одно и то же время; если бы он не был эгоистом, т. е. был бы лишен инстинкта самосохранения, он не мог бы существовать, как индивид; если бы он не был альтруист, т. е. никогда не проявлял бы склонности жертвовать собою ради других, которая прежде всего проявляется в любви к своему потомству, он не мог бы существовать как род и не мог бы жить социальной жизнью.

Настоящий строй не дает возможности одновременного удовлетворения эгоистических и альтруистических чувств, равно присущих человеку; вот почему теперь никто не может быть доволен, даже те, кто занимает привилегированное положение. Напротив, коммунизм есть такой уклад социальной жизни, при котором эгоизм и альтруизм не входят в роковое противоречие. Человек не может не стремиться к этому строю, так как только при нем станет возможным соединить свое счастье с счастьем других.

Амбруаз. Не желать этого нельзя. Все это прекрасно, но все ли захотят добровольно подчиниться обязательствам, налагаемым коммунистическим строем? Если некоторые не

захотят, например, работать?... Вы мне, конечно, скажете, что работа есть органическая потребность, удовольствие, и что все наперебой будут спешить насладиться этим удовольствием возможно больше. Ведь в вашем воображении все устраивается так, как вам угодно!

Георг. Я этого не сказал бы, хотя многие из моих товарищей думают так. По моему, если в чем и есть органическая потребность и удовольствие, так это в движении, в деятельности как мышечной, так и нервной. Труд же — это дисциплинированная деятельность, объективная цель которой лежит вне организма и я понимаю очень хорошо, что можно предпочитать приятное упражнение, например, верховую езду, обязательной работе, какова посадка капусты или размешивание извести. Но я уверен, что человек сумеет быстро приспособиться к новым условиям и найдет средства для достижения намеченной цели. Так как жизненные продукты необходимы и никто не будет в состоянии заставлять других работать на себя, то неизбежность труда проникнет в сознание каждого, и люди предпочтут именно ту организацию, при которой труд будет наименее тягостен и наиболее продуктивен в одно и то же время, именно организацию коммунистическую.

При этом нужно иметь в виду, что при коммунизме рабочие сами будут организаторами и распорядителями труда и, само собой разумеется, в их интересах сделать труд приятнее и легче: заметьте, что в коммунистическом обществе естественно явится общественное мнение, которое осудит праздность, как нечто вредное для общества и позорное для человека, и людям, если только их склонность к праздности не будет результатом болезни, придется расплачиваться за эту склонность слишком дорогой ценой общественного презрения, претерпевать которое едва ли найдется много охотников. Во всяком случае, их будет не так много, чтобы это могло принести обществу заметный ущерб.

Амбруаз. Но предположите, что несмотря на ваши оптимистические предсказания, тунеядцев в вашем обществе все-таки будет много. Что вы тогда будете делать? Вы все же не будете принимать против них репрессий? В таком случае, не проще ли оставить на своих местах тех, которых вы называете буржуа?

Георг. Огромная разница, потому что теперь буржуа не только отбирают от нас львиную долю того, что мы производим, но они еще препятствуют нам производить необходимые для нас продукты с наименьшей затратой сил.

И в конце концов, нет никакой необходимости кормить тунеядцев, особенно если бы они оказались в таком количестве, что могли быть вредны для общества, тем более, что праздность и привычка жить на чужой счет по ассоциации идей может зародить в них идею власти. Коммунизм есть свободное соглашение: те, которые не примут его или, приняв, нарушат добровольно взятые на себя обязательства, не будут участниками в нем.

Амбруаз. Но тогда явился бы новый класс обездоленных?

Георг. Вовсе нет. Каждый имеет право на землю, на орудия труда и на все преимущества, какими пользуется человек в цивилизованном обществе. Если кто-нибудь не захочет принять участия в коммунистическом обществе и не возьмет на себя тех обязательств,

которые оно налагает, это его дело. Он устроится, как он захочет, один или со своими единомышленниками, если таковые найдутся; а если он, устроившись по другому, не почувствует себя довольным, это ему докажет преимущество коммунизма и заставит его присоединиться к коммунистам.

Амбруаз. Значит, всякий будет свободен — принимать или не принимать коммунизм?

Георг. Конечно, всякий, какого бы образа мыслей он ни остался, будет иметь те же права на ее природные богатства и на богатства, добытые трудом прошедших поколений, какие будут иметь и коммунисты. Черт возьми! Разве я не твержу вам все время о свободном соглашении, о свободном коммунизме? Нельзя было бы и заикаться о свободе, раз не существовало бы этой альтернативы.

Амбруаз. Ведь вы не хотите навязывать силую ваши идеи?

Георг. Вы с ума сошли! Не за жандармов же вы нас принимаете!

Амбруаз. Прекрасно. Ну, а для завоевания своих прав вы не прочь и от насилия?

Георг. Об этом я помолчу, чтобы не дать вам материал для обвинительной речи в ближайшем процессе анархистов.

Однако не скрою, что, когда народ сознает свои права и захочет покончить со старым строем... вы рискуете подвергнуться некоторым неприятностям. Впрочем все будет зависеть от силы сопротивления, которое вы проявите. Если вы уступите по доброй воле, все обойдется тихо; если, напротив, вы будете упорствовать, — то тем хуже для вас...

До свидания!

VIII

Амбруаз. Знаете, чем больше я думаю о вашем свободном коммунизме, тем более убеждаюсь, что вы удивительный оригинал.

Георг. Почему так?

Амбруаз. Потому что вы все говорите о труде, о довольстве, о солидарности, но вы ни словом не обмолвились о правительстве. Каково оно будет? Кто его изберет? Какими средствами оно будет располагать, чтобы заставить подчиняться закону и чтобы наказывать нарушителей закона? Как будут поставлены различные власти: законодательная, исполнительная и судебная?

Георг. Все ваши власти нам ни на что не нужны. Мы не хотим правительства.

Амбруаз. Как же не сказать, что вы — оригинал! Я еще понимаю коммунизм или, лучше сказать, я допускаю, что он имеет большие преимущества в государстве, где все хорошо

организовано просвещенным правительством, у которого в руках была бы сила внушить всем уважение к закону. Но без правительства, без законов, воцарится невообразимый хаос!

Георг. Я это предвидел: прежде вы были против коммунизма, потому что, говорили вы, необходимо централизованное и сильное правительство; теперь, когда идет речь об обществе без правительства, вы не прочь признать коммунизм, лишь бы им руководила сильная власть. Свобода — вот что, в конце концов, всего более страшит вас.

Амбруаз. Так или иначе, верно одно: без правительства общество существовать не может. Как можете вы себе представить жизнь без всяких правил и норм? Когда один будет тянуть вправо, другой влево, воз или не сдвинется с места, или вовсе опрокинется.

Георг. Но я ни слова не говорил вам о правилах и нормах. Я сказал, что мы не хотим правительства, а под правительством я подразумеваю власть, устанавливающую законы и принуждающую исполнять их.

Амбруаз. Но если это правительство избрано народом и выражает его волю, чего же еще желать?

Георг. Это ложь. Коллективная народная воля есть лишь отвлеченное понятие, а не реальная сущность. Общество состоит из индивидов, а различные индивиды имеют тысячи различных желаний, вечно изменяющихся в зависимости от разницы темпераментов и случайностей жизни; и требовать от них, с помощью волшебных манипуляций с избирательной урной, общей воли, равно исходящей ото всех, чистейший абсурд. Что может быть нелепее, когда один человек говорит другому: «Исполни мою волю во всех случаях, которые тебе представятся в течение трех лет». Разве сам кто-нибудь может предвидеть, какова будет его воля в различных случаях? Как же народ может возложить на кого бы то ни было выполнение своей воли, когда, даже в момент вручения полномочий, избиратели обыкновенно бывают не согласны друг с другом?

Вы вспомните только, как происходят выборы? При этом я имею в виду выборы при всеобщем, равном и т. д. избирательном праве и в свободной, сознательной и интеллигентной среде. Например, вы подаете голос за того, кого вы считаете наиболее способным действовать в ваших интересах и согласно вашим убеждениям. И этого уже слишком много, так как у вас столько идей, столько различных интересов, что найти другого человека, который бы всегда и обо всем думал так же, как вы, чрезвычайно трудно. Но разве управлять вами будет именно тот, за кого вы вотировали? Ничуть не бывало. В девяти случаях из ста, ваш кандидат может оказаться не выбранным и тогда ваша личная воля вовсе не будет участвовать в вышеупомянутой народной воле. Но предположим даже, что он будет избран; разве он будет управлять вами? Праздная мечта. Он будет только одним из многих, и вами будут, в действительности, управлять лица, которым, может быть, вы не дали бы никогда такого полномочия. Это большинство, (члены которого получили столько различных и противоречивых полномочий или, лучше сказать, общее полномочие действовать без определенных указаний), это большинство, не имея физической возможности уловить несуществующую общую волю и удовлетворить всех, будет распоряжаться по своему произволу или, что еще хуже, по произволу немногих, случайно

подчинивших своей воле это большинство.

И так, забудьте эту легенду о правительстве, выражающем народную волю. Конечно, есть вопросы общего порядка, в которых в данный момент весь народ будет одинакового мнения. Но тогда, к чему же правительство? Если все убеждены в необходимости предпринять что-либо, так пусть и делают это сами.

Амбруаз. Но, наконец, ведь вы признаете, что нужны известные жизненные правила, нормы. Кто же их установит?

Георг. Сами заинтересованные лица, те, кто будет руководствоваться этими правилами и нормами.

Амбруаз. Но какова же будет функция этих норм?

Георг. Никакой. Поймите же, речь идет о нормах, свободно принятых и свободно выполняемых. Не смешивайте нормы, о которых я говорю, практически вытекающие из чувства солидарности и стремления к общей цели, с законами, которые придумываются своекорыстными или глупцами, и силою приводятся в исполнение. Мы отрицаем законы и признаем лишь свободное соглашение.

Амбруаз. А если кто-нибудь нарушит это соглашение?

Георг. Да зачем ему нарушать, раз это соглашение в его интересах?

А если бы и действительно, оказалось, что поспешно заключенное соглашение нарушает чьи-нибудь интересы, то это лишь доказало бы, что оно непригодно для данной личности и что его следует изменить.

Так или иначе, но, в конце концов, все придет в норму, так как в интересах общества будет устроиться таким образом, чтобы в его среде не было недовольных.

Амбруаз. Не будет ли это возвращением к первобытной общественной организации, при которой каждый сам удовлетворял всем своим потребностям и связь между членами общества ограничивалась элементарными и поверхностными отношениями.

Георг. Вовсе нет. Поскольку разнообразие и сложность отношений будут давать в результате возможно большее удовлетворение, нравственное и материальное, мы постараемся довести это разнообразие и эту сложность до их крайнего предела.

Амбруаз. Но тогда нам придется избрать представителей, на обязанности которых будет лежать установление соглашений.

Георг. Конечно. Но не думайте, что функции этих представителей будут тождественны с функциями буржуазных правительств. Буржуазные правительства издают законы и требуют их исполнения, между тем как в свободном обществе полномочия, данные некоторым лицам будут только налагать на них временные обязанности руководить данной организацией, но

не будут давать им ни малейшего права ни на авторитет, ни на какое-либо специальное вознаграждение, и исполнение решений представителей будет всегда зависеть от усмотрения тех, кто их избрал.

Амбруаз. Но откуда же следует, что все и всегда будут одинаково солидарны? Что, если найдутся люди, которым не придется по вкусу ваш социальный строй? Что вы будете с ними делать?

Георг. Эти люди устроятся так, как им покажется для них лучше, и мы войдем с ними в соглашение, чтобы нам взаимно не причинять друг другу неприятностей.

Амбруаз. Ну, а если они захотят вам мешать?

Георг. Тогда мы будем защищаться.

Амбруаз. Но как только возникнет необходимость самозащиты, сейчас же возникнет вопрос об учреждении правительства.

Георг. Несомненно, эта опасность существует; потому-то я особенно подчеркиваю, что анархическое учение только тогда будет возможно провести в жизнь, когда будет устранена основная, роковая причина всех человеческих столкновений — частная собственность. Вот почему, будучи анархистом, я в то же время и коммунист. Было бы тщетно пытаться установить анархический строй теперь же, оставив нетронутой частную собственность и другие социальные учреждения, связанные с нею. Подобная попытка ввергла бы общество в такой хаос гражданской войны, что правительство, способное восстановить мир, как бы деспотично оно не было, приветствовалось бы всеми, как избавление.

Если же и после того, как частная собственность перейдет в общее достояние, возможны какие-нибудь конфликты, то их нетрудно будет устранить, так как всем будет очевидно, что соглашение ведет к общему благу.

В конце концов, учреждения будут таковы, каковы люди, установившие их; одни будут стоять других, — и так как анархизм есть ничто иное, как свободное соглашение, то он и возможен только тогда, когда люди поймут выгоды взаимопомощи и придут к солидарности.

Вот для чего нам нужна пропаганда.

IX

Амбруаз. Позвольте, я опять вернусь к коммунистическому анархизму. Откровенно говоря, я не могу его переварить.

Георг. Еще бы! Да вас, проведшего всю жизнь между томами законов и жандармами, защищающими привилегии правительства и права собственников, для вас общество вне

государства, без частной собственности, общество без крамольников и нищих, которых надо ссылат в каторжные работы, должно казаться упавшим с луны. Но если вы хотите быть беспристрастным, если вы сделаете усилие над собой, чтобы победить привычное течение ваших мыслей, и если вы захотите подумать о вещах без предупреждения, вы легко убедитесь, что, если считать целью всякого общества осуществление наибольшего благополучия его членов, то анархический коммунизм есть именно то решение, к которому люди неизбежно должны прийти. Напротив, если вы думаете, что общество существует для того, чтобы откармливать нескольких тунеядцев за счет других, тогда...

Амбруаз. Нет, нет, я именно считаю, что общество имеет в виду общее благо, и все-таки я не могу примириться с вашей системой. Я добросовестно стараюсь стать на вашу точку зрения, но ваши заключения так утопичны, так...

Георг. Но какой же, собственно, пункт в моем изложении находите вы неясным и неприемлемым?

Амбруаз. Право... я не знаю... вся система... Оставив в стороне вопрос о праве, в котором мы столкнуться не можем, предположив, что, как вы утверждаете, все будут равно пользоваться существующими богатствами, я допускаю, что коммунизм — самый простой и, может быть, наилучший социальный строй. Но что мне кажется решительно невозможным, так это общество без правительства.

Вы кладете в основу вашего социального здания свободные союзы граждан?

Георг. Да, именно, союзы без всякого принуждения.

Амбруаз. И в этом ваше основное заблуждение. Общество подразумевает иерархию, дисциплину, подчинение отдельного лица общине. Без авторитета власти общество невозможно.

Георг. Как раз наоборот! В точном смысле слова, общество может существовать только среди равных; а равные, обыкновенно, вместо того, чтобы угнетать друг друга, вступают в соглашение, если видят в этом взаимную выгоду. Отношения же, в основе которых лежит подчинение одних слоев общества другим, есть ничто иное, как отношения рабов и господ; а вы, надеюсь, не станете отрицать, что раб такой же товарищ своему господину, как лошадь или корова своему хозяину.

Амбруаз. И вы серьезно верите, что возможно такое общество, где каждый делает, что хочет?

Георг. Разумеется, при условии, если люди захотят жить обществом и будут соблюдать необходимые условия социальной жизни.

Амбруаз. А если не захотят?

Георг. Тогда общество невозможно. Но так как человек, по крайней мере, современный, может только в обществе найти удовлетворение своих материальных и моральных нужд, то

было бы странно предположить, что он откажется от того, что является для него необходимым условием жизни и благополучия.

Людям труднее всего согласиться в отвлеченных спорах. Но раз доходит до дела, одинаково для всех необходимого и не терпящего отлагательств, как тот час же устанавливается вполне удовлетворительное согласие. Как только люди убедятся, что никто не может подчинять других своей воле и заставлять их поступать так, как ему желательно, тотчас же исчезнут упорство и тревога самолюбия, все станут сговорчивы и дело быстро наладится к общему благополучию.

Это понятно: все человеческое в воле человека. Для нас вся задача состоит в том, чтобы изменить эту волю, заставив людей понять, что ведя постоянную борьбу друг с другом, ненавидя и взаимно эксплуатируя друг друга, они много теряют от этого, и побудить их к общественной организации, основанной на взаимопомощи и солидарности.

Амбруаз. Таким образом вам придется отложить социальный переворот до тех пор, пока все не оценят по достоинству преимуществ анархического коммунизма и не пожелают ввести его?

Георг. О нет! Хороши бы мы были! По большей части воля отдельных индивидов определяется окружающей средой и, вероятно, пока будут существовать настоящие условия, большинство людей будут продолжать верить, что общество и не может быть устроено иначе, чем оно есть.

Амбруаз. Так что же вы предпримете?

Георг. Когда нас будет количественно достаточно для того, мы введем коммунизм и анархизм в наши отношения и мы уверены, что, когда прочие увидят, как нам хорошо, они не замедлят сделать то же, что и мы. Или, если мы не сможем провести в жизнь коммунизм и анархизм, мы будем работать над тем, как изменить социальные условия таким образом, чтобы направить волю людей в желательную для нас сторону.

Вы понимаете: дело идет о взаимодействии социальной среды на волю индивидов и, обратно, воли индивидов на социальную среду. Мы делаем и будем делать все, что неуклонно ведет по пути к намеченному идеалу.

Мы не хотим насиловать ничью волю, это вы должны понять; но мы не хотим также, чтобы кто-нибудь насилывал нашу волю или волю народа. Мы восстаем против того меньшинства, которое путем насилия эксплуатирует и угнетает народ. Но как только свобода будет завоевана как для нас, так и для всех остальных, как только продукты питания, жилища, одежда, земля и орудия производства станут достоянием всех, в дальнейшем, для всестороннего проведения в жизнь наших идей мы будем пользоваться исключительно только силой слова и влиянием примера.

Амбруаз. Похвальные намерения! И вы думаете таким путем прийти к обществу, которое будет управляться просто одной согласной волей своих членов?

Вот уж можно сказать — случай без прецедента!

Георг. Совсем нет: прецеденты можно встретить на каждом шагу, если только мы повнимательнее присмотримся к отношениям между равными членами общества. Конечно, взаимная солидарность не может быть руководящим началом в отношениях завоевателей к поработанному, эксплуататоров к эксплуатируемым. В деспотических государствах, где все подданные составляют только стадо вьючного и убойного скота, предназначенное к услугам только одного, — никто не имеет воли, исключая повелителя... и тех, в ком нуждается повелитель, чтобы держать массу поработанной. По мере же того, как, вследствие прогресса культуры, все большее и большее число элементов выделяется из недр народной массы и образуется значительный, господствующий класс, среди членов этого класса все более и более укореняется тенденция — добровольно идти на встречу интересам людей своего класса. Та же самая тенденция, по мере пробуждения самосознания, распространяется и среди поработанных, так что в настоящее время добрая половина социальных отношений, как в классе господствующем, так и в классе поработанном основывается на добровольном и часто бессознательном соглашении между отдельными лицами, и без всякого вмешательства закона и принудительной власти люди в подавляющем большинстве своих поступков по привычке руководствуются требованиями чести, необходимостью сдержать данное слово, боязнью общественного мнения, чувством порядочности, любви, симпатии, наконец, правилами вежливости. Потребность же в законах и правительстве возникает только тогда, когда дело коснется отношений господствующих классов к поработанным. Уничтожьте деление общества на классы, сделайте так, чтобы не было господ, наслаждающихся жизнью, и рабов, которых нужно держать в цепях, и государственный механизм с его законами, солдатами, полицейскими, судьями и проч. потеряет всякое право на существование.

Ведь и теперь уже люди одного класса, вращающиеся в одном обществе, даже при острых столкновениях, стыдятся звать городского или подавать жалобу в суд.

Амбруаз. Но в своем отрицательном отношении к государству, вы совершенно забываете об его культурных функциях, как, например, покровительство просвещения, заботы о народном здравии, защита личной неприкосновенности граждан, организация общественных работ и проч. Не станете же вы утверждать, чтобы все это было бесполезно, или даже вредно.

Георг. Ну, если принять во внимание, как выполняет ваше государство эти культурные функции, то не останется ничего больше, как пожелать ему поскорее исчезнуть с лица земли. Да и к тому же, в конечном счете, ведь это эксплуатируемые труженики выполняют все эти дела, а государство, считая себя распорядителем, обращает их в орудия господства и пользуется их трудом к выгоде правящих и собственников.

Просвещение распространяется и без помощи государства, если у народа есть охота учиться, и есть учителя, способные учить; народное здравие будет в цветущем состоянии, когда народ ознакомится с правилами гигиены и сможет применить их на практике, и если есть врачи, способные лечить народ; жизнь граждан будет в безопасности, когда люди привыкнут смотреть на человеческую жизнь и свободу, как на нечто священное и когда... не

будет ни судей, ни полицейских, чтобы подавать пример жестокости и насилия; общественные работы организуются и самим народом, когда в них встретится надобность.

Государство ничего не создает: даже, будучи доведено до совершенства, оно — лишнее учреждение, бесполезно расточающее народные силы. Но... если бы оно было только бесполезным!

Амбруаз. Довольно. Я нахожу, что вы достаточно высказались. Но мне нужно еще поразобраться во всем этом.

А теперь мне хотелось бы услышать ваше мнение о семье, об эмансипации женщин, о праве отца на своих детей, о преступлениях и наказаниях. И тогда я, надеюсь, буду иметь цельное и законченное представление об этом социализме или этом коммунистическом анархизме, как вы его называете.

В заключение же вы, я думаю, не откажетесь познакомить меня с теми практическими способами, при помощи которых вы надеетесь достигнуть желаемых результатов?

Георг. Охотно. Но это до следующего раза, теперь же мне надо идти. До свидания!

X

Амбруаз. Поговорим теперь о семье. Вот вы вводите общественное пользование всем: а относительно женщин, — тоже будет применяться принцип общественного пользования, и вы устроите огромный гарем, не так ли?

Георг. Послушайте! Если вы хотите говорить со мной серьезно, то не острите так плоско и грубо! Вопрос, которого вы коснулись, слишком серьезен и исключает вульгарные шутки.

Амбруаз. Но... но я серьезно спрашиваю: что вы будете делать с женщинами?

Георг. Извините, но меня поражает, как вы не понимаете, какой вздор вы говорите. Общественное пользование женщинами! Но почему вы не говорите об общественном пользовании мужчинами? Впрочем, понятно: по установившейся, традиционной привычке вы смотрите на женщину, как на существо низшее, существующее только для того, чтобы обслуживать и быть орудием наслаждения для своего господина; вот почему вы говорите о ней, как о вещи и считаете возможным определять ее назначение, как определяется назначение какой-либо вещи. Но для нас женщина — прежде всего человек, человеческое существо, равное нам, и которое, поэтому, должно пользоваться теми же правами и теми же средствами существования, как и мужчина. Отсюда следует, что самый ваш вопрос: что мы будем делать с женщинами? является абсурдом. Можно спросить: что будут делать женщины? На это я вам отвечу: они будут делать то, что захотят. Им необходимо, как и всем людям общение с другими и они, как и все остальные, не преминут вступить в те или иные соглашения с одинаково мыслящими как мужчинами, так и женщинами, для достижения наибольшего благополучия себе и другим.

Амбруаз. Следовательно, вы прежде всего признаете женщину совершенно равной мужчине. Однако, многие ученые, ссылаясь на анатомическое строение мозга и физиологические функции женского организма, утверждают, что женщина, по природе ниже мужчины.

Георг. Знаем мы этих ученых! Что бы вы не придумали, вы всегда найдете ученого, на которого можно сослаться. Действительно, некоторые ученые признают, что женщина ниже мужчины, но в то же время есть и другие, которые, наоборот, утверждают, что, как природные данные, так и способность развития одинаковы как у мужчины, так и у женщины, и если теперь женщины, в большинстве случаев, менее интеллигентны, чем мужчины, это зависит от их воспитания или от окружающей их среды. Мало того: стоит только поискать и вы найдете ученых, по крайней мере, ученых женщин, которые более или менее основательно доказывают, что мужчина есть существо низшее, назначение которого поддерживать женщину материально, чтобы предоставить ей без забот осуществлять свое призвание — продолжение человеческого рода. Я знаю, этот тезис поддерживается в Америке.

Но это в сторону. Все подобные теоретические мудрствования нисколько не способствуют разрешению вопроса; он может быть решен только практически. Дайте женщине все средства и полную свободу развиваться: результатом будет то, что и должно быть. Факты докажут, кто более интеллигентен, женщина или мужчина; наука воспользуется опытом, и только после этого, опираясь на достаточное количество проверенных фактов, наука будет иметь возможность дать свое нелицеприятное заключение.

Амбруаз. А как вы относитесь к различию природных дарований отдельных лиц?

Георг. Каковы бы ни были природные дарования, они не должны давать прав на исключительные привилегии. В природе вы не найдете двух одинаковых индивидов; но мы требуем социального равенства для всех, т. е. условия и средства развития должны быть для всех одинаковы, — и мы верим, что это равенство не только отвечает чувству справедливости и братской любви, которое заложено в человечестве, но также клонится и к обоюдной выгоде всех, как сильных, так и слабых.

Среди мужчин также наблюдается значительное различие умственных способностей, но из этого еще не следует, что умные должны иметь больше прав, чем посредственные. Некоторые, например, утверждают, что блондины более одарены, чем брюнеты; что расы с удлиненным черепом выше рас круглоголовых; эти вопросы, будучи научно разработаны, быть может имеют значительный интерес, но при современном развитии чувства справедливости, было бы безрассудно требовать, чтобы блондины и длинноголовые пользовались большими правами, чем брюнеты и круглоголовые, или наоборот. Не правда ли?

Амбруаз. Да, это верно. Но вернемся к вопросу о семье. Хотите ли вы ее вовсе уничтожить или же только устроить на других основаниях?

Георг. Касаясь вопроса о семье, нужно прежде всего иметь в виду, что он охватывает собой тройкого рода отношения: экономические, половые и отношения между родителями и детьми.

Само собой разумеется, что в экономическом отношении семья утратит свое значение и фактически перестанет существовать, как только будет уничтожена частная собственность, а, следовательно, и права на наследство. В этом смысле семьи уже не существует у пролетариата, т. е. у большинства населения.

Амбруаз. Ну, а в половых отношениях? Вы, конечно, признаете только свободную любовь и...

Георг. А вы — сторонник любви по принуждению?

Действительно, в современном обществе на каждом шагу можно встретить вынужденное сожительство, притворную, поддельную любовь, вызванную насилием, корыстью или боязнью общественного мнения; можно встретить не мало мужчин и женщин, которые хранят брачные узы из-за религиозного или нравственного убеждения; но истинная любовь возможна и понятна только тогда, когда она свободна.

Амбруаз. Это верно. Но если каждый будет поддаваться первому капризу, который ему будет нашептывать амур, тогда нравственности нужно сказать: прости! и весь свет обратится в публичный дом.

Георг. Где же вы видите ту нравственность, которую боитесь утратить?

Легкие связи, ложь во всех видах, долго скрываемая ненависть, мужа, убивающие своих жен, жены, отравляющие своих мужей, детоубийства, дети, вырастающие среди семейных скандалов и раздоров... вот плоды буржуазных семейных учреждений.

Современное общество есть, действительно, как публичный дом, где женщины, чтобы прокормить себя, зачастую вынуждены обращаться к проституции или явной, или замаскированной, называемой браком по расчету, в котором женщина за стол и квартиру отдается человеку, к которому, в лучшем случае, равнодушна, а зачастую питает органическое отвращение.

Предоставьте всем возможность материально обеспеченной и независимой жизни, предоставьте женщине полную свободу располагать собою, уничтожьте религиозные и другие предрассудки, которые часто служат как для мужчин, так и для женщин, источником разного рода недостойных компромиссов, и отношения мужчин и женщин будут регулироваться исключительно взаимной склонностью; будет ли это экзальтированная романтическая любовь на всю жизнь, или мимолетное чувственное увлечение — это, вопрос личного темперамента.

Амбруаз. Но, наконец, вы сторонник постоянного или временного союза? Вы желаете отдельных пар или многочисленности и разнообразия половых отношений, или даже полного смешения?

Георг. Повторяю, мы хотим одного: свободы чувств, а те или иные его проявления касаются только заинтересованных лиц.

До настоящего времени, во все времена и у всех народов половые союзы возникали обыкновенно под давлением грубого насилия экономической необходимости, религиозных предрассудков или предписаний закона, так что почти нет никаких данных для решения вопроса, в какую форму выльются половые отношения, освобожденные от всякого постороннего давления, какая форма сожителства будет лучше отвечать физическому и нравственному благу отдельного человека и рода.

Разумеется, с уничтожением навсегда тех условий, которые ныне делают отношения между мужчиной и женщиной искусственными и вынужденными, сама собой установится та истинная половая гигиена и половая мораль, с которой будут считаться не потому, что она предписана законом, но лишь потому, что на опыте убедятся, что та и другая наиболее способствуют как благополучию отдельных индивидов, так и сохранению рода.

Но все это возможно только при полной свободе.

Амбруаз. А дети?

Георг. Вы понимаете: раз будет введена общая собственность на твердых моральных и материальных основаниях, раз утвердится принцип общественной солидарности, содержание детей будет возложено на общину и их воспитанием будут заинтересованы и озабочены все.

Вероятно, и все мужчины, и все женщины будут любить всех детей; а если, как я думаю, некоторые родители будут чувствовать исключительную склонность к детям, рожденным ими, то им надо будет только радоваться при мысли, что будущее их детей вполне обеспечено и что их воспитанием озабочено все общество.

Амбруаз. Но вы признаете, по крайней мере, права родителей на их детей?

Георг. Права на детей состоят из обязанностей: тот имеет больше прав руководить ими и заботиться о них, кто любит их и кто занимается ими больше других: так как обыкновенно родители любят своих детей более, чем посторонние, то им, по преимуществу, и будет принадлежать право заботиться об их нуждах. Именно в этом вопросе нечего бояться разногласий, потому что, если какой-нибудь извращенный отец не будет любить своих детей и не будет о них заботиться, он будет очень доволен, что другие займутся ими и избавят его от них.

Но если под словами «право отца» вы подразумеваете право дурно обращаться со своими детьми, эксплуатировать и коверкать нравственно и физически, я абсолютно отрицаю это право и убежден, что никакое общество, достойное этого имени, не признает и не потерпит его.

Амбруаз. А не думаете ли вы, что раз содержание и воспитание детей будет возложено на общество, то это поведет к такому увеличению населения, что средств существования не

будет доставать для всех? А вы еще и слышать не хотите о мальтузианстве и называете его абсурдом!

Георг. Я сказал вам тогда, что это абсурд — объяснять современные бедствия невоздержанным деторождением и думать, что можно всему помочь мальтузианскими методами. В принципе допускаю, что в будущем, когда содержание всех рождаемых детей будет обеспечено, излишек народонаселения может грозить общественному благосостоянию. Но этот вопрос меня мало тревожит: свободные и образованные люди придумают, когда найдут нужным, как ограничить слишком быстрое размножение; но я прибавляю, что серьезно задуматься над этим им придется только после того, как будут уничтожены все привилегии, все преграды, создаваемые жадностью собственников безграничному росту производства. Как только исчезнут все социальные причины бедности, необходимость согласовать численность населения с количеством производимых продуктов и с пространствами, пригодными для заселения, покажется всем самой элементарной истиной.

Амбруаз. Но если люди не захотят задуматься над этим?

Георг. Тем хуже для них.

Вы не хотите понять: ведь нет никакого божественного провидения, которое бы заботилось о благе людей. Люди сами должны уяснить себе, в чем это благо заключается и сами должны свершить все возможное, чтобы прийти к нему.

Вы все говорите: а если они не захотят?!

В таком случае они ни к чему не придут и навсегда останутся добычей враждебных сил, их окружающих.

Одно из двух: или люди не знают, как поступать, чтобы стать свободными, или же они знают это, и не хотят сделать то, что нужно. И в том, и в другом случае они продолжают оставаться рабами.

Но мы постараемся, чтобы незнающие узнали, а знающие захотели гораздо скорее, чем вы этого ожидаете.

И тогда рухнет ваше царство произвола и насилия и взойдет над миром заря свободы!

Крестьянские речи

1924, источник: [здесь](#). Малатеста Э. Избранные сочинения: Краткая система анархизма. Пер. с итал. Изд.2, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

Предисловие

Среди множества героических натур, отдавших свои силы и жизнь на служение анархизму, одной из самых благородных, чистых и самоотверженных представляется нам фигура итальянского анархиста Малатесты.

Даже в той среде, где слово обыкновенно никогда не расходится с делом, Малатеста пользуется совершенно исключительной любовью и уважением. Эти чувства являются достойным венцом его апостольской проповеди и самоотверженной жизни.

Никакие преследования, никакие гонения не могли остановить Малатесты, когда он выступал на служение своей любимой идее. Всевозможные кары со стороны разных правительств градом сыпались на голову Малатесты, а он неуклонно шел вперед, веря в лучшие времена, в торжество конечной эмансипации человеческой личности.

Малатеста — героическая натура, не выносящая никаких компромиссов, равно вступающая в борьбу с либеральными парламентами, судом и печатью, как и с умеренными социалистами, предпочитающими сомнительные союзы неудержному и непримиримому движению вперед.

В этом отношении особенно замечателен ожесточенный поход, открытый им против социалистов совместно с сотоварищем и другом Кофиеро после позорного Лондонского конгресса 1887 г., закончившегося изгнанием анархистов.

Малатеста оставляет после себя и богатое литературное наследие.

Он — один из самых популярных писателей анархистов. Его брошюры, листки пользуются таким-же шумным успехом и также быстро переводятся на все европейские языки, как произведения Бакунина, Кропоткина, Реклю.

На русском языке уже имеется его «Краткая система анархизма в X беседах». Трудно указать лучшее элементарное руководство для начинающих знакомиться и интересоваться вопросами анархизма. В целом ряде диалогов, в вымышленных беседах фабриканта, судьи и

анархиста с необычайной выпуклостью и яркостью выяснены все основные моменты анархического мирозерцания. Всякий непредубежденный читатель должен согласиться с неотразимой логикой анархиста Георга, беспощадно вскрывающей фальшь буржуазных софизмов и рисующей широкие безграничные идеалы истинной анархии.

Но, несомненно, наиболее замечательным произведением Малатесты остаются его «Крестьянские речи», ныне предлагаемые русской читающей публике, произведение, которое уже давно справедливо почитается классическим. Оно переводилось бесчисленное количество раз на французский, испанский, немецкий, английский, голландский, норвежский, чешский, румынский, болгарский, армянский, еврейский и другие языки.

Это истинный chef d'oeuvre силы и выразительности.

Мы не будем перечислять других произведений Малатесты; они — очень многочисленны и значительны, несмотря на свою лаконичность. Среди своих бесконечных скитаний Малатеста издавал и один из значительнейших анархических журналов «La Question Sociale» в Буэнос-Айресе в Аргентинской республике в 1885 г.

Малатеста — анархист-коммунист. Идеи анархистического коммунизма он проводит и в своих сочинениях. «Истинная анархия - писал он, например, в своей «Anarhia» — покоится на солидарности, социализме... Анархия есть синоним социализма, и мы боремся равно за анархию и социализм». Разумеется, Малатеста имеет в виду так называемый «либертарный» социализм, противопоставляемый им социализму авторитарному. «Социалисты — пишет он в другой брошюре «La politica parlamentare nel movimento socialista» — раскалываются на 2 фракции: авторитарных социалистов и социалистов анархистов». Та же идея постоянно всплывает и в его «Fra Contadini» — «Крестьянских речах», предлагаемых читателю. Малатеста — идеальный проводник одушевляющей его идеи. Он — одновременно и отважный борец, и писатель проповедник.

«Малатесту — пишет Кропоткин — всегда можно найти там, где борьба кипит особенно жарко — все равно на родине или вне ее. И такую жизнь он ведет вот уже тридцать лет... Вечно он готов начать сызнова борьбу; постоянно он поражает той же любовью к человечеству и тем же отсутствием ненависти к своим противникам и тюремщикам; всегда у него готова сердечная улыбка для друзей и ласка для ребенка».

Что можно прибавить к этим словам?

Алексей Боровой

Крестьянские речи

Яков. — Вот кстати пришлось встретиться, Петр.

Я давно уже хотел поговорить с тобою и рад нашей встрече... Ах, Петр, Петр! что про тебя говорят? Когда ты жил в деревне, ты был честный малый; с тебя пример брали...

Если бы твой отец был жив...

Петр. —Зачем Вы мне так говорите, дядя Яков? Чем я мог заслужить Ваши упреки? И почему отец был бы мною недоволен?

Яков. — Не обижайся на мои речи, Петр. Я уж старик и говорю тебе для твоего же добра. К тому ж мы со стариком, с Андреем, отцом твоим, друзья были; так мне и тяжело, когда вижу, что ты на плохой дороге; так тяжело, будто ты мой собственный сын. Особенно, когда вспомню, как отец на тебя надеялся, и сколько сделал, чтобы оставить тебе незапятнанное имя.

Петр. — Что же это такое? Разве я, скажем, нечестный работник? Я никогда никому не сделал зла и даже, простите, что говорю это, я делал добро всегда, сколько мог; почему же мой отец стал бы краснеть за меня?

Я всячески ищу просвещения, я хочу стать лучше; вместе с товарищами я стремлюсь найти средство против тех бедствий, которые всех нас изнуряют; так за что же, Яков, вы меня так упрекаете?

Яков. — Ага! Ага! В том все и дело. Эх, чёрт возьми! Я хорошо знаю, что ты не лентяй, ты помогаешь своим; ты славный малый, это все в округе скажут. Но ведь ты несколько раз сидел в тюрьме; это ведь тоже правда.

Говорят, за тобой следят жандармы и, будто бы, достаточно показаться с тобой на площади, чтобы подвергнуть себя всяким неприятностям. Кто знает, может быть и я, сию минуту, навлекая на себя, подозрение, но я все-таки говорю с тобою, потому что хочу тебе добра. Петр, послушай старика, поверь мне, оставь этих бездельников, которые рассуждают о политике; работай, веди себя хорошенько. Так ты проживешь спокойно и счастливо, а не то погубишь и душу, и тело. Послушай меня, брось дурную компанию. Товарищи то и портят парня - уж это известно.

Петр. — Поверьте мне, Яков, мои товарищи — все честный народ; хлеб, который они едят, стоит им слез и полит их собственным потом. Оставьте-ка эти обвинения нашим господам, которые желали бы высосать нашу кровь до последней капли, которые обращаются с нами, как с каторжниками, как только мы начинаем искать лучшей доли или хотим избавиться от их гнета.

Мы с товарищами сидели в тюрьме, это правда; но мы сидели за правое дело; мы попадем еще туда, и может быть, с нами случится нечто худшее, но это будет для общего блага и потому, что мы хотим уничтожить несправедливость и нищету. А вы? Вы работали всю свою жизнь, и так же, как мы, страдали от голода, вам, может быть, придется умирать в больнице, когда вы потеряете возможность работать. И потому не следовало бы вам вместе с правительством и барством нападать на тех, кто добивается лучшей участи для бедного люда.

Яков. — Милый ты мой, сам я знаю, что на свете все плохо; но переделать его не думай: это так же трудно, как выпрямить ноги кривоногой собаке. Оставим все, как есть, и будем просить Господа, чтобы у нас всегда был хоть кусок хлеба. Всегда были богатые и бедные; мы рождены для работы и должны работать и довольствоваться тем, что нам Господь посылает, лишь бы не нарушали мир и не затрагивали нашу честь.

Петр. — Ах, что вы твердите о чести! Господа отняли у нас все, господа принудили нас работать; мы работаем, как лошади из-за куска хлеба, в то время, как они сами живут нашим трудом в праздности, богатстве и разврате. И они же хотят доказать, что если мы честные люди, мы должны добровольно сносить нашу судьбу и любоваться, как они нагуливают себе жир на наш счет. Если же вместо этого мы вспомним, что и сами мы тоже люди и что тот, кто работает, имеет право на кусок хлеба, тогда мы - разбойники; жандармы тащат нас в тюрьму, а попы, к вящему назиданию, посылают нас в ад.

Яков! Вы никогда не пили чужой крови... Я вам вот что скажу: истинные разбойники, настоящие люди без чести - те, кто захватил все, что есть на земле, и кто своими преследованиями сделал из народа стадо баранов, которые спокойно позволяют стричь и душить их, как угодно. И неужели вы соединились бы с этими людьми, чтобы задавить нас! Им, значит, мало государственной власти, которая может поддерживать только богачей; им надо еще, чтобы наши собственные братья - рабочие, бедняки набросились на нас за то, что мы желаем им хлеба и свободы?

Ах! если бы нищета, чрезвычайное невежество, потребности, совершенно исчезнувшие у людей под давлением векового рабства, если бы все это не служило вам оправданием, я сказал бы: они эти бедняки, делающие себя сообщниками гонителей человечества, - они лишены чувства чести и достоинства, они, а отнюдь не мы, не те, кто проклиная этот несчастный кусок хлеба и этот обрывок свободы, не те, кто пытается создать новую жизнь добыть для всех истинное счастье.

Яков. — Да, конечно, ты говоришь прекрасные вещи. Но без страха Божия ничего не бывает доброго. И ты не заставишь меня верить по-твоему. Я слышал, как говорил наш священник, святой человек; он толковал, что вы отщепенцы. От одного ученого господина, который постоянно читает газеты, я тоже слышал, что вы или безумцы, или негодяи, которые хотят есть и пить, ничего не делая. Он говорит, что вместо того, чтобы принести настоящую пользу рабочим, вы только мешаете господам устроить лучший порядок вещей!

Петр. — Если мы хотим рассуждать, Яков, — нужно Бога и святых оставить в покое, потому что, видите ли, имя Божие служит предлогом и оправданием для тех, кто стремится обманывать и притеснять своих ближних. Цари утверждают, что Бог дал им право царствовать, и когда два царя оспаривают друг у друга страну, они оба объявляют себя посланниками Бога. А, между тем, Бог дает победу тому, у кого больше солдат и лучше оружие. Собственник-эксплуататор, кулак, ростовщик, все говорят о Боге. Попы католические, протестантские, еврейские, мусульманские и все другие, — также называют себя представителями Бога на земле. Во имя Бога ведутся войны; прикрываясь именем Божиим, каждый старается побольше загрести в свои лапы. О бедном же никто никогда из них не беспокоится. Послушать их, так Бог все им отдал, а нас обрек на нищету и работу. Им

— рай на этом и том свете, а нам на этом свете—ад, а рай в загробном мире, если мы только всегда были послушными рабами.

Послушайте, Яков, я не могу вмешиваться в чужую совесть; каждый может веровать по-своему. Что же касается меня, то я не верю ни в Бога, ни во все эти поповские рассказы, потому что те же попы, которые говорят, что они знают истину, не могут ее доказать. Если бы я захотел, я сам тоже мог бы выдумать целую кучу небылиц, и объявить, что тот, кто мне не поверит и не будет повиноваться, будет осужден на вечные муки. Вы меня сочтете за обманщика. Но если я возьму ребенка и постоянно буду твердить ему одно и то же, не встречая ни в ком противодействия, он, конечно, мне поверит так же как вы верите своему священнику. А впрочем, верьте, как хотите, если вам нравится. Только уж мне-то вы не рассказывайте, что Бог хочет, чтобы ваши сыновья худели и болели от недостатка пищи и ухода, чтобы ваши дочери становились любовницами вашего хозяина, а то я скажу тогда, что вам Бог хочет зла.

Если Бог и есть, Он никому не говорил, чего Он хочет. Поэтому, подумаем лучше о том, как здесь на земле, хорошенько устроиться и нам, и нашим ближним. Если есть Бог, и если Он справедлив, то он позволит нам бороться из-за добра, а не заставит нас страдать и не допустит причинять страдания людям, которые, по словам вашего же священника, суть создания Божии и, следовательно, наши братья. И потом, поверьте мне, сегодня, когда вы бедны, Бог обрекает вас на самый утомительный труд; если завтра вы разбогатеете, добывши много денег каким-нибудь способом, даже самой подлой сделкой, вы вдруг приобретаете право ничего не делать; разъезжать в карете, презрительно обращаться с крестьянами, соблазнять дочерей бедняка... и Бог во всем этом не воспрепятствует вам, как он не препятствует вашему хозяину.

Яков. — Вот тебе крест! с тех пор, как ты выучился читать и писать и стал ходить в город, ты сделался таким речистым, что можешь поспорить и с адвокатом. И, сказать тебе по чистой совести, твои слова запали мне в сердце. Ты знаешь мою дочь, Розину? Она уже взрослая. Она нашла свою судьбу и выходит замуж за честного молодого человека, которого любит. Но, ты понимаешь, мы бедны! А нужно дать постель, кое-какое приданое, нужно дать деньжонок, чтобы ему открыть мастерскую. Малый-то слесарь, и если он уйдет от хозяина, который заставляет его работать почти из ничего и содержаться на свой счет, он сам сможет прокормить семью. Но у меня ничего нет и у него тоже. Хозяин мог бы дать мне вперед немного денег, которые я, мало-по-малу, вернул бы. Ну! Верить-ли? Когда я заговорил с ним об этом, он стал издеваться и сказал, что милостыня дело хорошее и что все это касается его сына. Молодой хозяин на самом деле пришел к лам. Увидев дочь, он тронул ее за подбородок и сказал нам, что, точно, у него есть приданое, которое было приготовлено для другой; Розине нужно было только самой прийти за ним. И когда он говорил это, он так посмотрел на Розину, что я чуть было не наделал беды... О, если моя дочь... Ну, бросим это... Я уже старик и знаю, что честных людей мало, но это не причина, чтобы и нам также делаться плутами... Послушай, правда это или нет, будто вы хотите отнять у владельцев их имущество?

Петр. — В добрый час! Вот, и прекрасно! Когда вы хотите узнать что-нибудь интересное для бедняков, не спрашивайте об этом у господ: они никогда не скажут вам правды, потому что

никто не любит говорить против себя. И если вы желаете знать, чего добиваются социалисты, спрашивайте об этом у меня или у моих товарищей, а не у вашего священника и ему подобных. Однако, когда священник начнет говорить об этих вещах, попытайте-ка его еще немного, почему вы, работая, едите только похлебку, тогда как он со своими домочадцами, сидя целый день без дела, ест вкусных жареных цыплят. Спросите у него еще, почему он всегда водится с богатыми, а к вам приходит только затем, чтобы что-нибудь взять; почему подобострастно относится к господам и начальству и почему вместо того, чтобы выхватывать кусок изо рта бедных людей, как будто бы в уплату за помин душ усопших, он не возьмётся за работу, чтобы помочь живым и не быть другим в тягость. Что же касается до разных молодых господ, молодых, здоровых, образованных, которые проводят свое время — за игрою, в ресторанах, или болтают о политике, скажите им, что прежде, чем говорить с нами, пусть они перестанут вести жизнь праздных зевак и узнают, что такое труд и нищета.

Яков. — В этом ты вполне прав. Но возвратимся к нашему вопросу. Правда или нет, что вы хотите украсть имущество у богатых?

Петр. — Это неправда: мы не хотим ничего красть, но мы желаем, чтобы народ взял собственность богачей и сделал ее общей, чтобы все могли пользоваться ею. Сделав это, народ не украдет ничего чужого, но только возвратит свое себе.

Яков. — Как так? разве господское имущество принадлежит нам?

Петр. — Конечно, это наша собственность, это — собственность всех. Кто дал ее господам? Как они ее приобрели? Какое они имели право захватить ее? И по какому праву они ее сохраняют?

Яков. — Но ведь она им досталась от предков.

Петр. — А откуда ее получили их предки? Каково! более сильные и удачливые овладели всем, что есть на земле, принудили на себя работать! Не довольствуясь своею праздною жизнью, они прижимали и морили голодом большую часть своих сограждан и оставляли детям и внукам награбленное имущество. Таким образом, они обрекли все будущее человечество на рабскую подчиненность своим потомкам. Последние, впрочем, расслабленные от праздности и долгой привычки к власти, сделались уже неспособными к тому, что делали их отцы... И это вам кажется справедливым?

Яков. — Если они завладели имуществом путем насилия, тогда нет. Но господа говорят, что их богатство является плодом труда, и, мне кажется несправедливо отнимать у них то, что они приобрели своими трудами.

Петр. — Всегда одно и то же! Кто не трудится и никогда не трудился, тот всегда говорит о труде. Но объясните мне, каким образом и кто произвел землю, металлы, уголь, камни и прочее? Несомненно, что все эти предметы, являются ли они созданием рук Божиих или, скорее, продуктом самопроизвольного творчества природы, мы находим уже существующими в мире, и потому они должны служить всем.

Что бы вы сказали, если бы господа пожелали овладеть даже воздухом, так чтобы он принадлежал им одним, а нам стали бы давать попорченный, принуждая нас платить за него нашим собственным трудом. А, ведь, между землёю и воздухом только та и разница, что землёю господа сумели завладеть. А что касается воздуха, то они никак не ухитрятся и с ним поступить так же. Но, поверьте, если бы это было возможно, с воздухом было бы то же, что с землёю.

Яков. — Правда! Это, по-моему, справедливо; земля и всё, над чем никто не трудился, должны принадлежать всем... но есть вещи, которые создались не сами по себе, а трудами рук человеческих.

Петр. — Конечно, и самая земля мало имеет цены, если она не возделана рукою человека. Но, по справедливости, всякая вещь должна принадлежать тому, кто её сделал. Каким же чудом всё очутилось в руках именно тех, кто ничего не делает и никогда ничего не делал?

Яков. — Но господа утверждают, что их предки работали и делали сбережения.

Петр. — И, наоборот, они должны были бы говорить, что их предки заставляли работать других, так точно, как они делают это теперь. История нас учит, что участь рабочего всегда была жалкой и что тот, кто работал без обмана, не только не мог делать сбережений, но ему иногда нечем было даже утолить свой голод. Посмотрите кругом, взгляните хорошенько... разве то, что делает работник, не попадает в руки хозяев, которые всем завладеют? Купит человек, например, за небольшую сумму кусок болотистой и необработанной земли; поставит туда людей, которым платит только-только, чтобы они не умерли с голода. И вот, пока эти люди работают, он сам преспокойно живёт в городе и ничего не делает. Смотришь, через несколько лет эта бесплодная земля стала цветущею и стоит в сто раз больше того, что за неё заплатили. Наследники, - дети владельца так же будут говорить, что они пользуются плодами трудов своего отца; но дети тех, кто действительно работал и страдал, будут, как и их отцы, по-прежнему работать и страдать. Как вам это покажется?

Яков. — Но... если правда, как ты говоришь, что на свете всегда так было, то с этим уж ничего не поделаешь, и господа тут не причём...

Петр. — Хорошо! Допустим самое благоприятное стечение обстоятельств для господ. Допустим, что собственники — это все дети настоящих тружеников и бережливых людей, а что их рабочие происходят от людей праздных и расточительных. Это, очевидно, нелепость, вы понимаете? Но если бы даже действительно было так, есть ли хоть малейшая справедливость в нынешнем общественном строе? Если вы работаете, а я лентяй, справедливо, конечно, чтобы я был наказан за свою лень, но это совсем не основание, чтобы мои дети, которые, может быть, будут честными работниками, должны были падать от утомления и умирать с голода, чтобы давать вашим детям возможность жить в праздности и излишестве.

Яков. — Все это прекрасно, я не спорю, но господа все-таки богаты, и мы, в конце концов, должны быть благодарны им, так как ими живем.

Петр. — Если они богаты, то добыли они свое богатство насилием и увеличили его, захватив в свои руки плоды чужого труда. Но господа могут потерять состояние таким же путем, каким приобрели. До сих пор в этом мире люди вели войну друг с другом; выхватывали друг у друга изо рта кусок хлеба и счастливым считается тот, кому удалось поработить своего ближнего и пользоваться им, как какою-нибудь рабочей скотиной. Но пора положить конец такому порядку. Сколько ни вой, ничего не достигнешь: от войны человеку остается только нищета, рабство, преступления, проституция, и время от времени те взрывы, которые называются бунтами и революциями. Если бы, напротив, все захотели жить в согласии, любить и помогать друг другу, никогда бы никто не увидел подобных несчастий.

Не было бы больше такого порядка, при котором одни богаты и обладают всем, а другие нищие и ничего не имеют. Тогда человечество достигло бы возможного счастья! Я хорошо знаю, что богачи, привыкнув повелевать и жить в праздности, не хотят и слушать о перемене строя жизни. Но мы поведем дело последовательно. Если им будет угодно понять, наконец, что на земле не должно быть места ненависти и неравенству между людьми, и что все должны трудиться, — тем лучше; если же, наоборот, они будут по-прежнему пользоваться плодами своего насилия и грабежа, совершенного ими или их предками, тогда, — тем хуже для них: они добыли силою то, чем владеют, мы отберем также силою. Когда бедняки понимают друг друга, они сильны.

Яков. — Но как же мы проживем без господ? Кто будет делать работу?

Петр. — Что за вопрос? Да ведь вы каждый день видите, как это происходит. Не вы ли копаете, сеете и косите; не вы ли вымолачиваете зерно и носите его в амбары; не вы ли выделяете вино, масло и сыр и вы же меня спрашиваете, как будут обходиться без господ? Спросите лучше, что стали бы делать господа, если бы не мы? А мы, дураки, — городские и сельские рабочие — мы работаем на них, кормим и одеваем их, да еще позволяем им брать для забавы наших сестер и дочерей. Минуту назад вы хотели благодарить хозяев за то, что они дают вам жить. Вы не понимаете, следовательно, что именно они живут нашим трудом, и что каждый кусок хлеба, который они съедают, вырван у ваших детей? Что каждый подарок, который они делают своим женам для ваших жен, знаменует нищету, голод, холод, может быть, даже проституцию!

Но, каким же производством занимаются господа? Что они работают? Ничего. Значит все, что они потребляют, похищено у рабочих.

Положим, что завтра все сельские рабочие исчезнут; тогда некому будет обрабатывать землю и все помрут с голода. Пусть исчезнут сапожники, кто тогда будет делать башмаки? Если не будет каменщиков, не будет и домов, и так далее. Таким образом, с каждым классом рабочих будет исчезать какая-нибудь отрасль производства, и человек лишится предметов полезных и необходимых. А кому повредило бы исчезновение господ? Никому. Оно было бы подобно исчезновению саранчи.

Яков. — Да, это хорошо нам, крестьянам, мы производим все; но что я бы делал, если бы для производства хлеба у меня не было ни земли, ни семян, ни скота. Поверь мне, нет средства устроиться иначе; видно, неминуемо оставаться в зависимости у господ.

Петр. — Пойдите, мы кажется, друг друга не понимаем? Я вам, кажется, уже доказал, что нужно отнять у господ все необходимое для работы и существования: землю, семена, орудия производства, все. Для меня это совершенно ясно: пока земля и орудия производства находятся в руках господ, рабочий всегда будет существом подвластным, живущим в рабстве и нищете. Вот почему, хорошенько запомните это, надо прежде всего захватить собственность у господ. Без этого на свете никому не станет лучше.

Яков. — Твоя правда! ты уж говорил это. Но, как хочешь, все это для меня так ново, что я совершенно теряюсь. Ну, объясни мне, пожалуйста, как все это сделать? Куда девать собственность, отнятую у богачей? Ее поделают, не так-ли?

Петр. — Совсем нет. И если вы услышите от кого-нибудь, будто мы хотим дележа, или хотим занять место нынешних владельцев, знайте, что тот, кто это говорит или невежда, или злой человек.

Яков. — Но как же тогда! Я теперь ничего не понимаю.

Петр. — А ведь очень просто: мы хотим все обратить в общую собственность. Мы исходим из того правила, что всякий должен работать, и всякий должен иметь право на возможную сумму блага. В этом мире нельзя жить без труда; кто не трудится, тот живет трудом других, а это несправедливо и вредно. Но, разумеется, когда я говорю, что все должны трудиться, я хочу сказать - все те, кому это возможно. Увечные, бессильные, старики, - должны быть на содержании общества, ибо долг человеколюбия — никому не причиняет страдания; в конце концов все мы стареем, и в любое время, как мы, так и близкие наши, могут получить увечья, или потерять силы. Вы увидите теперь, если умеете рассуждать правильно, что все блага земные, все, что приносит пользу человеку, делится надвое. С одной стороны земля, машины и все орудия производства: железо, дерево, камни, средства передвижения и все прочее, необходимое для производства, должно поступить в общую собственность, чтобы все могли участвовать в работе. Что касается способа производства, это выясняется после. По моему мнению, наилучший способ — общинный, ибо таким образом, производится больше при меньшем труде. Мало того, несомненно даже, что общинный способ производства будет усвоен всюду, ибо иначе пришлось бы по необходимости отказаться от помощи машин, которые упрощают и сокращают труд человека. Наконец, когда не будет больше нужды отнимать друг у друга кусок хлеба, люди перестанут уподобляться кошкам и собакам; найдут удовольствие в совместной жизни и будут рады принимать участие в общей работе. Разумеется, найдутся охотники работать отдельно, но суть в том, что никому нельзя будет жить не работая и не обязывая тем самым работать для него других; это случиться не может. В самом деле, ведь если у человека будет право обладать всем, что он выработает — никто, конечно, не пожелает предложить себя в услуги другому.

Другая часть существующих благ заключается в непосредственных предметах потребления человека, как-то: пища, одежда, жилище. Все это также должно быть обращено в общую собственность и распределяемо таким образом, чтобы доставало до нового сбора урожая или новой партии продуктов промышленности. А все то, что сработано, будет находиться в распоряжении исключительно своих рабочих каждой страны, так как, после революции, не будет уже праздных хозяев, живущих трудами изнуренных бедняков. Если, положим,

рабочие производят общинным способом, тем лучше: тогда постараются настолько улучшить производство, чтобы быть в состоянии удовлетворять нужды всех, и так устроить распределение, чтобы обеспечить всякому наибольшее благосостояние. И тогда все будет прекрасно. Если не сделать так, тогда придется высчитывать, сколько сработал каждый, чтобы определить, сколько он всего может получить соответственно своей работе. Но такой подсчет труден и я, с своей стороны, считаю его невозможным. Поэтому, когда обнаружится трудность распределения, тогда легче поймут, как владеть всем сообща. Но как бы там ни было, все вещи первой необходимости, каковы: хлеб, жилище, вода и остальное в этом роде, нужно утвердить за всеми, независимо от количества труда, которое каждый может вложить. Также какова бы ни была будущая общественная организация, право наследства должно быть отменено, так как несправедливо, что один, рождаясь, наследует богатство, а другой голод и работу. И если даже допустить, что каждый является господином своей работы и может делать личные сбережения, последние со смертью владельца должны возвращаться обществу. Необходимо, чтобы дети воспитывались и учились на общественный счет и, таким образом, им давалась возможность наибольшего развития и лучшего образования. Без этого не будет ни справедливости, ни равенства; будут нарушать права каждого на орудия производства, ибо недостаточно дать людям землю и машины, надо еще научить всех пользоваться ею. И, наконец, я вам ничего не говорю о женщине, потому что женщина для нас существо равное мужчине, и когда мы говорим о человеке, мы разумеем все человечество без различия пола.

Яков. — А тут, ведь, что-то не так: отнять богатство у господ, которые его украли и заставили голодать бедных людей, это хорошо. Но если человек ценою труда и бережливости отложил несколько грошей, чтобы купить землицы или открыть лавочку, по какому праву ты возьмешь у него то, что он действительно создал своими руками?

Петр. — Вы мне сейчас сказали невероятную вещь. Невозможно делать сбережения теперь, когда капиталисты и правительство откровеннейшим образом захватывают продукты. Вам это должно быть известно, так как после стольких лет усидчивого труда вы так же бедны, как и прежде. Наконец я вам сказал уже, что каждый будет иметь право на сырые продукты и орудия производства. Вот почему, если, например, человек владеет небольшим полем, это поле останется за ним, лишь бы только он сам обрабатывал его. И сверх того, ему будут даны усовершенствованные орудия, удобрение, и все, что окажется необходимым, чтобы сделать почву производительнее. Конечно было бы предпочтительнее все обратить в общую собственность, но принуждать к этому нет никакой нужды, так как выгода общего владения сама собою скажется и каждый примет такой порядок владения. Когда собственность и труд станут общими и дело завершится, тогда все пойдет куда лучше, чем при разъединенной работе, тем более, что с изобретением машин одиночный труд становится, сравнительно, все более бессильным.

Яков. — Ах! Машины! Вот что надо бы сжечь! Это они ломают руки и отнимают работу у бедных людей. Тут, в деревнях, почти всякий раз, как прибывает машина, наш заработок уменьшается, а кто и совсем остается без работы и вынужден идти в другие места, чтобы не умереть с голоду. В городах должно быть хуже. Все же, если бы не было машин, господа больше нуждались бы в нашей работе, и жилось бы немного лучше.

Петр. — Вы правы, Яков, думая, что машины одна из причин нищеты и безработицы, но это оттого, что они принадлежат господам. Если бы они принадлежали рабочим, — было бы совсем иначе: они были бы главным источником благосостояния человечества. В самом деле, машины, в сущности, не больше как наши заместители, и более производительные, чем мы. Благодаря им, человеку не нужно будет работать долгие часы для удовлетворения своих нужд, и он избавится от непосильных трудов, истощающих его физические силы. Вот почему, если бы машины были приложены ко всем отраслям производства и принадлежали всем, довольно бы было несколько часов легкой и приятной работы, чтобы удовлетворить всем потребностям человека; каждый рабочий нашел бы тогда время для дружеских сношений, для жизни, одним словом, для наслаждения жизнью, пользуясь при этом завоеваниями науки и цивилизации. Итак, запомните это: не нужно уничтожать машины, машинами нужно завладеть. И затем знайте, что господа стали бы одинаково защищать свои машины как от уничтожения их, так и от попытки завладеть ими, и, потому, было бы просто глупо делать одинаковые усилия и подвергаться тем же самым опасностям для того, чтобы разрушить машины, а не отобрать их. Уничтожили бы вы хлеб и дома, если бы была возможность разделить их между всеми? Конечно нет! Так же нужно поступить и с машинами, так как в руках господ они — орудия нашей нищеты и порабощения, а в наших руках они станут источниками богатства и свободы.

Яков. — Но чтобы все хорошо шло при таком строе жизни нужно, чтобы каждый работал по своей охоте. Так ведь?

Петр. — Несомненно.

Яков. — А если найдутся такие, что не захотят работать! Труд суров и неприятен даже животным.

Петр. — Вы смешиваете общество в его настоящем состоянии, с обществом, каким оно будет после революции. Труд, говорите вы, не нравится даже животным, но разве сами вы могли бы по целым дням сидеть без дела?

Яков. — Конечно, нет! Но ведь я привык к работе и, когда мне нечего делать, у меня зудят руки; но много и таких, что целый день просидят без дела.

Петр. — Теперь — да; после революции не будет этого - и я вам объясню почему. Нынче работа трудна и плохо оплачивается; ее не любят. Нынче тот, кто работает, истощается от переутомления, умирает с голоду, с ним обращаются, как с животным. Ему не на что надеяться; он знает, что кончит свою жизнь в больнице, если не попадет на каторгу; он не может отдать семье, и в жизни ничем не пользуется, кроме всякого рода унижений. Наоборот, тот, кто не работает, наслаждается всеми благами, его везде принимают и уважают; ему почет и всевозможные удовольствия. Итак, что удивительного в том, что люди с отвращением работают, и каждый пользуется случаем ничего не делать?

Когда наоборот, условия труда сделаются сносными, когда время труда будет ограничено и работать придется в гигиенических условиях; когда у рабочего будет сознание, что он

работает для благосостояния близких и всего человечества, когда трудолюбие будет в почете у общества, а леность предана общему презрению, как ныне ремесло шпиона и предателя — кто тогда променяет удовольствие сознавать себя полезным и любимым на праздную жизнь, равно гибельную для духа и тела? Даже в нынешнем обществе, за редкими исключениями, люди предпочитают труд и нищету таким бесчестным занятиям, как ремесло сыщика и предателя. А между тем оно дает мало работы, хорошо оплачивается и поощряется правительством, и на нем можно заработать гораздо больше, чем обрабатывая землю. Но так как ремесло позорно и указывает на глубокое нравственное падение того, кто им занимается, то люди с большей охотой терпят несчастья, чем занимают подобные должности. Правда, встречаются исключения, встречаются слабые и испорченные люди, которые предпочитают исполнять позорные обязанности, но это потому, что они вынуждены выбирать между позором и нищетой. И кто же выберет позорную и презренную жизнь, имея возможность честным трудом заработать себе благосостояние и добыть всеобщее уважение! Конечно, это противно природе человека, и будет служить признаком какого-то сумасшествия. Наоборот, нет сомнения, что в будущем строе, всегда будет проявляться общественное порицание лености, ибо тогда прежде всего будет необходима общая работа; лентяй, принося обществу вред, живя чужими трудами и не помогая обществу в его нуждах, нарушал бы гармонию нового строя и способствовал образованию партии недовольных, которые могли бы пожелать возврата к прошлому. Собрания людей подобны отдельным лицам: они любят и чтут то, что, по их мнению, вредно. Они могут обманываться и даже делают это очень часто; но в данном случае, ошибка не представляется возможной, ибо совсем очевидно, что неработающий ест и пьет на содержании других.

Для доказательства, положим, что вы соединились с другими людьми для совместного производства, продукты которого хотите делить поровну; конечно, вы будете снисходительны к вашим слабым и нерасторопным товарищам; но что касается лентяев, я думаю, что вы поставите их в такое тяжелое положение, что они или оставят вас, или скоро получат охоту к работе. Так и будет в громадном обществе, когда праздность отдельных лиц будет достаточно чувствительна. Наконец, общество всегда найдет средства избавиться от вредных членов: их выгонят из общин. Тогда, имея право только на сырые продукты и орудия производства, они будут вынуждены работать, если захотят жить.

Яков. — Я начинаю поддаваться твоим убеждениям... но скажи мне, всем ли нужно будет обрабатывать землю?

Петр. — Зачем-же? Человек нуждается не в одном хлебе, вине и мясе: ему нужны еще дома, одежда, книги, одним словом все то, что производят всякого рода ремесленники, и никто не может самолично своим трудом удовлетворить все эти потребности. Для того только, чтобы обрабатывать землю, уже нужны кузнец и столяр, которые делают орудия и, следовательно, рудокоп, добывающий железную руду, и каменщик, который строит дома и склады, и так далее. Значит вовсе не сказано, что все будут заниматься только земледелием, напротив, будут производиться все полезные работы.

К тому же разнообразие занятий позволит, каждому избрать самое подходящее и таким образом, весьма возможно, что труд сделается для человека не больше, как упражнением и даже приятным и любимым развлечением.

Яков. — И так каждый выберет ремесло по желанию?

Петр. — Разумеется, но надо будет позаботиться о том, чтобы не все были заняты исключительно каким-нибудь ремеслом, когда есть недостаток в других. Так как работать будут ради общей пользы, необходимо станет, насколько возможно, удовлетворять все личные потребности, наблюдая при этом, чтобы не нарушалась польза всего общества. Но, вы видите, что все устроится к лучшему, когда не будет хозяев, у которых мы работаем из куска хлеба, не зная даже, зачем и кому нужна наша работа.

Яков. — Ты говоришь, что все скоро уладится, а я, напротив, думаю, что никто не пожелает заниматься трудными ремеслами; все захотят быть адвокатами или докторами. Кто будет возделывать землю? Кто захочет подвергать опасности свою жизнь и здоровье в рудниках? Кто будет спускаться в шахты или копаться в навозе?

Петр. — Будем говорить о полезных занятиях, а не о тех, которые бременем ложатся на ближнего. Иначе придется признать за рабочего уличного убийцу, который должен часто переносить большие страдания.

Теперь предпочитают то или другое ремесло не потому, что оно больше всего соответствует способностям и склонностям, а потому, что ему легче выучиться, оно больше оплачивается, или потому, что с ним мы надеемся легче найти заработок, и уже на втором плане стоит вопрос, насколько ремесло тяжело и трудно. Вообще, выбор ремесла, почти всегда, зависит оттого, чем занимался отец, выбор, по большей части, случайный и делается под давлением общественных предрассудков. Например, земледелие не понравилось бы никому из городских жителей, даже самому несчастному. Между тем оно не имеет ничего отталкивающего, и сельская жизнь не лишена удовольствий. Поэты выражают свой восторг по поводу деревенской жизни. Загадка, впрочем, в том, что поэты пишут книги и никогда не пахали, а пахари надрываются над работой, умирают с голоду, живут хуже всякой скотины и терпят общее презрение, так что даже последний городской бродяга сочтет себя оскорбленным, если его назовут мужиком. Как же вы хотите, чтобы люди охотно занимались обработкой земли? Мы сами деревенские уроженцы, бросаем деревню при первой возможности: чем бы мы ни занялись другим, нам лучше живется, нас больше уважают. Но кто из нас ушел бы из деревни, если б можно было работать только для себя и в работе найти свое благополучие, свободу и уважение.

То же самое в других занятиях, ибо мир устроен так, что самые трудные и необходимые из них хуже оплачиваются и считаются презренными. Зайдите, например, в мастерскую ювелира; вы увидите, вместо грязных дыр, в которых живем мы сами, просторное, хорошо проветренное помещение, зимой теплое; вы увидите, что рабочий день не слишком велик, и сами рабочие, хотя мало получают (большую часть прибыли забирает хозяин) однако, сравнительно с другими, пользуются хорошим обращением.

Вечером они свободны; как только сброшено рабочее платье, они идут, куда хотят, не боясь, что на них будут глазеть и засмеют люди.

Наоборот, посмотрите на несчастных рудокопов; под землей, в удушливом, смертоносном воздухе, они сгорают в несколько лет за ничтожную плату; и если, ненароком, по окончании работы, они заглянут туда, где собираются господа, — хорошо, если их прогонят только насмешками. Как же, после этого, удивляться, что человек предпочитает быть ювелиром, а не рудокопом? Что же сказать о тех, кто не держал в руках никаких инструментов, кроме пера? Вообразите-ка себе человека, который не произвел ничего, кроме плохих журнальных статей: он получает в десять раз больше крестьянина и пользуется уважением больше, чем всякий честный рабочий. Журналисты, например, работают в прекрасных помещениях, сапожники — в жалких мастерских: инженеры, доктора, артисты, профессора, когда у них есть работа и они хорошо знают свое ремесло, они живут барами; наоборот, каменщики, типографы, рабочие всех родов, да еще народные учителя в придачу, умирают с голоду, сколько бы они не работали.

Впрочем, я не хочу сказать этим, что один лишь ручной труд полезен, напротив, только с помощью науки можно победить природу, получить образование и достигнуть наибольшей свободы и благосостояния. Поэтому, доктора, инженеры, химики, профессора, так же полезны, как крестьяне и другие рабочие. Я хочу сказать только, что все полезные производства должны быть равно ценимы и обставлены такими условиями, чтобы рабочий находил равное удовольствие в занятии ими; я хочу сказать также, что духовный труд, как доставляющий громадное наслаждение, сам по себе, и дающий человеку превосходство над невеждами, должен стать доступен всем, не оставаться достоянием немногих.

Яков.—Но, если, по твоим же словам, духовный труд есть высокое наслаждение и дает преимущество над невеждами,—ясно, что все захотят учиться, и я—первый, кто же тогда будет заниматься физическим трудом?

Петр.—Все, так как всеобщее начальное и высшее обучение не будет избавлять от физического труда: все будут работать головой и руками. Эти два рода труда, далекие от того, чтобы вредить друг другу, будут оказывать друг другу помощь, ибо для хорошего самочувствия человеку необходимо упражнение всех его способностей, как мозга, так и мускулов. Человек, развитой умственно, лучше успевает в ручном труде, и тот кто пользуется хорошим здоровьем, имеет также живой и проницательный ум. Наконец так как оба необходимы и умственный труд выгодней и приятнее ручного, то несправедливо, чтобы одна часть человечества одурманивалась исключительно мускульной работой, доставляя немногим людям—знания и, следовательно, власть. Итак, повторяю это, все должны трудиться как руками, так и головой.

Яков.—Это так, я понимаю; но между разными работами всегда одна труднее, другая легче; одна приятнее другой. Кто, например, пойдет в рудокопы? Кто будет чистить отхожие места?

Петр.—Если бы вы знали, дядюшка Яков, какие изобретения и исследования производились и производятся каждый день, вы поняли бы, что даже сейчас возможно так устроить ручной труд, что в нем не будет ничего отвратительного, ничего нездорового, ничего чересчур

тяжелого и, конечно, тогда многие добровольно пожелают быть рабочими. Но все это возможно в том случае, если организация труда зависит от самих рабочих, а не от хозяев, незаинтересованных в том, чтобы создать удобную обстановку труда. Если это возможно теперь, то представьте себе, что же будет тогда, в дни всеобщей дружной работы, когда усилия и знания каждого будут направлены на то, чтобы облегчить труд и сделать его более приятным. А если и тогда останутся некоторые ремесла труднее других, всегда найдется средство вознаградить за это неравенство другими выгодами; но нужно брать в расчет и то, что общинная работа, производимая для равной пользы всех, будет развивать тот дух братства и взаимного угождения, который наблюдается в нынешней семье; нужно полагать, что и в будущем строе каждый будет брать на себя трудные обязанности и будет далек от того, чтобы избегать утомления.

Яков.—Ты прав; ну, а если этого не случится?

Петр.—Хорошо!—Если бы осталось, вопреки всему, несколько необходимых работ, которые никто не захочет свободно выбрать, мы будем производить их все, каждый понемногу, например, работая один день в месяц, неделю в году, или как-нибудь еще.

Но, не беспокойтесь, всегда найдется удобный способ, если это дело необходимо для всех.

Разве мы сейчас не отбываем воинской повинности, для удовольствия других, разве не идем увивать тех, кто нам не сделал никакого зла, и даже наших друзей и братьев. Я думаю, трудиться для собственного удовольствия и общего блага будет гораздо приятнее.

Яков.—Знаешь, ты начинаешь меня убеждать. Однако, кое-что я еще никак не возьму в толк, Это богатая вещь—отобрать собственность у господ, я знаю; но разве нет иного способа?

Петр.—Как же иначе? Пока собственность останется в руках богачей, они будут господствовать и извлекать свои выгоды, пренебрегая нашими; так идет с тех пор, как мир существует. Но почему вы не хотите отнять собственность у господ? Вы считаете это, положим, несправедливостью, нехорошим делом?

Яков.—Совсем нет; после твоих объяснений, мне это кажется святым делом. Отбирая у них собственность, мы вырвем из их рук возможность пить нашу кровь. И потом, хотя мы и возьмем их достояние, ведь мы возьмем его не для себя только; оно поступит в общую собственность, и это будет для всех, не правда ли?

Петр.—Разумеется, и если вы хорошенько рассмотрите, вы увидите даже, что сами господа от этого только выиграют. Конечно, им придется лишиться власти, придется перестать кичиться и бездельничать; они должны будут работать; но так как работа будет производиться при помощи машин и в хороших условиях, она станет скорее приятным и полезным упражнением. Разве теперь господа не ездят на охоту, разве, не занимаются верховой ездой, гимнастикой и другими упражнениями, которые доказывают только, что мускульный труд необходим для всех здоровых и хорошо упитанных людей. Дело, следовательно, в том, чтобы эту потребность в работе обратить на более производительные и полезные занятия. Зато, сколько выгод они извлекут из общего благосостояния!

Посмотрите-ка на нашу местность: несколько человек, правда, богаты, и живут князьками, и в то же время улицы отвратительны и грязны; для них также, как и для нас, зловонный воздух, несущийся из наших лачуг и соседних болот, вреден, но они не могут одни, с своим частным богатством, улучшить страну, — дело, легкое при содействии всех. Итак, наша нищета, косвенно, касается и их. Теперь прибавьте ко всему этому тот вечный страх, в котором они живут, страх быть убитыми или пережить страшную революцию.

Теперь вам очевидно, что мы сделаем только добро господам, отнимая у них собственность. Правда, что господа не понимают этого и не поймут никогда, так как для них главное — власть, и они воображают, что бедняки сделаны из другого теста. Но нам-то какое дело до этого? Если они не захотят уладить все по доброй воле, тем хуже для них; мы знаем хорошо, как их к тому принудить.

Яков. — Это правильно. Но нельзя ли все устроить постепенно; по согласию? Оставить собственность тем кто ею владеет, и условиться, что они увеличат нам плату и будет обращаться с нами, как с людьми. Мало-помалу, мы будем откладывать сбережения, сами также купим кусок земли и уж тогда, когда все мы будем собственниками, можно все сделать общим. Я уж слышал, как один человек предлагает такой способ.

Петр. — Поймите хорошенько: чтобы устроиться полюбовно, есть только одно средство: пусть собственник добровольно откажется от своей собственности. Но нечего и думать об этом, вы сами знаете.

Пока частная собственность существует, т. е. пока земля, вместо того, чтобы принадлежать всем, будет принадлежать Петру, Павлу и так далее, всегда будет нищета и дальше пойдет еще хуже. При частном владении, всякий желает, так сказать, побольше воды для своей мельницы, каждый стремится продать свои продукты, как можно дороже, и купить, как можно дешевле. Что же тогда выходит? Собственники, фабриканты, крурные торговцы, те, кто имеет средства фабриковать и продавать оптом и обзаводиться машинами; кто может пользоваться благоприятными условиями рынка, поджидая для продажи удобного момента и, даже, продавая некоторое время в убыток, кончают тем, что разоряют мелких собственников и торговцев, которые впадают в бедность и должны сами или их дети идти на поденщину. Итак (и мы видим это постоянно) те хозяева, которые работают своими силами, или с небольшим числом подмастерьев, после тяжелой борьбы, вынуждены прикрыть лавочку и идти за работой на большие фабрики. Мелкие землевладельцы, когда нечем платить налоги, продают землю и постройки крупным землевладельцам, и так далее. Из этого следует что если какой собственник и захочет от доброго сердца улучшить положение своих рабочих, он только лишится возможности выносить конкуренцию и разорится. С другой стороны, рабочие с голоду также вынуждены будут сбивать цену за работу. А так как на рынке всегда больше свободных рук, чем нужно для производства не потому, что не хватает работы, а потому, что хозяева всего производят меньше, чтобы не выработать товару чересчур много — рабочим придется сейчас же отбивать друг у друга кусок хлеба, — и если вы, например, работаете за такую-то и такую плату, всегда найдется безработный, который согласится, за ту же работу, взять половину.

Благодаря такому положению, даже самый прогресс становится несчастьем. Изобретают, например, машину: быстро образуется громадное число безработных; не получая заработка, они остаются без пищи и крова и, таким образом, должны, какую бы то ни было ценою, снова пробиться на фабрику, косвенно отнимая хлеб у другого. В Америке, например, теперь обрабатываются громадные пространства земли; тамошние собственники, конечно, мало заботятся о том, сыты ли американские рабочие и посылают зерно в Европу, чтобы заработать побольше. Здесь цена хлеба понижается, но беднякам от этого еще хуже, ибо землевладельцы, чтобы поднять цену, сокращают производство, и в результате, громадное число рабочих, лишившихся средств, не имеют даже гроша, чтобы купить дешевого хлеба.

Яков. — Ах! Теперь я понимаю. Я уже слышал, что не нужно допускать ввозить хлеб из-за границы, но мне это казалось большой несправедливостью. Я думал, что буржуазия хочет заставить народ голодать, ну, а теперь я вижу, что у нее были на то свои причины.

Петр. — Нет, — нет! запрещение ввозить хлеб из-за границы вредно совсем в другом отношении: тогда хлеботорговцы, не боясь конкуренции иностранцев, назначают на свой товар цену, какую пожелают и...

Яков. — Так что же делать?

Петр. — Что же делать? Я вам говорил уже: надо, чтобы собственность сделалась общей. Тогда чем больше будет продуктов и чем лучше будет сбыт...

Яков. — Но скажи пожалуйста, а если бы войти в соглашение с собственниками... Они бы передали нам землю и капитал, мы дали бы свой труд, а потом поделили бы продукты. Что ты скажешь на это?

Петр. — Во-первых, если бы вы даже и захотели делиться, то ваши хозяева этого не захотят. Понадобилось бы насилие, чтобы заставить их это сделать. В таком случае, зачем же делать дело на половину и довольствоваться положением, которое сохраняет крупную несправедливость и замедляет рост производства. И потом, по какому праву такие-то господа, не работая, получали бы половину того, что производят люди трудящиеся. Кроме того, как я вам говорил, не только половина продуктов будет отдаваться хозяевам, но и производительность будет понижена, так как при частной собственности и разделении труда производительность гораздо меньше, чем при труде общинном. Происходит тоже, что при сворачивании каменной глыбы: из ста человек каждый отдельно ничего не - может сделать, но двое или трое, взявшись в одно время, поднимают ее без усилий. Если человек хочет сделать булавку, — ему понадобится на это целый час, тогда как десять человек вместе производят тысячи булавок ежедневно. И дальше, все больше и больше будет возрастать необходимость общинного труда, чтобы иметь возможность использовать научные открытия.

Но, кстати, я хочу ответить на одно возражение, которое нам часто делают экономисты, т. е. люди, подкупленные богачами доказывать, что справедливо быть богатым за счет чужого труда; эти экономисты и другие сытые ученые говорят о том, что нищета зависит не от захвата собственности высшими классами, а от недостатка естественных богатств; этих

богатств, думают они, было бы совершенно недостаточно, если бы их распределили между всеми. Очевидно, они говорят так, желая вывести

отсюда заключение, что нищета есть нечто роковое, против чего бороться нельзя; также поступает служитель церкви, когда он держит вас в послушании и покорности, внушая вам, что такова воля Господня. Но, в этом случае, не надо верить ни одному слову. Даже при настоящем строе продуктов земли и промышленности совершенно достаточно, чтобы каждый мог жить в довольстве; и если мы не видали избытков этих продуктов, то причина этого лежит в хозяевах, которые думают только о барышах и доходах даже до того, что согласны потерять часть продуктов, лишь бы помешать понижению цен. И, в самом деле, говоря о недостаточности естественных богатств, они, в то же время, оставляют громадные пространства земли невозделанными и множество рабочих — без работы.

Но на это они возражают, что даже если бы все земли возделывались разумнейшими, наилучшими способами, все же такая производительность оставалась бы ограниченной, тогда как прирост населения неограничен и наступит момент, когда производство необходимых продуктов остановится, а бесконечный рост населения вызовет голод. И поэтому то, говорят они, есть только одно средство против социального зла: пусть бедняки совсем перестанут производить потомство, или же ограничатся небольшим числом детей. Я человек неученый и не могу сказать, правы ли они, но я знаю только, что их средство не поможет. Мы это видим в тех странах, где земля плодородна и население немногочисленно: там столько же и даже больше нищеты, чем в странах густо населенных. Итак, нужно изменить социальный строй, все земли сделать культурными. И уже тогда, если население окажется склонным к чрезмерному размножению, будет своевременно подумать об ограничении числа детей. Но возвратимся к вопросу о разделении продуктов между собственником и рабочими. Такой способ существовал уже некогда в полевых работах в некоторых частях Франции, как существует еще в Тоскане; но мало-помалу он исчез, так как собственникам выгоднее поденная плата. В наше время при современной культуре земледелия, пользовании машинами, при вывозной торговле, собственники вынуждены перейти к крупным хозяйствам, обрабатывая землю при посредстве наемных рабочих; кто не делает этого, того неизбежно разорит конкуренция. Чтобы закончить в немногих словах, скажу вам, что если настоящая система продолжится, вот каковы будут ее результаты: собственность все больше и больше будет сосредоточиваться в руках небольшого числа людей, и рабочий будет доведен до нищеты машинами и способами быстрого производства. Тогда у нас будет несколько крупных хозяев — властителей мира, немного работников, обслуживающих машины, затем слуги и жандармы для защиты господ.

Если народ не хочет дойти до необходимости просить подаяние и обивать пороги богачей и присутственных мест, как некогда просили милостыню у ворот монастырей, то остается одно средство: овладеть землей и машинами и—работать на себя.

Яков. — Но если бы правительства дали хорошие законы, чтобы обязать богачей не причинять страданий бедным людям?

Петр. — Мы постоянно возвращаемся к одному и тому же. Правительство состоит из тех же господ; как же можно предположить, что они сами дадут законы, ограничивающие их

самых. И даже, если бы бедняки в свою очередь, достигли власти, разве было бы справедливо оставить условия, при которых люди обеспеченные могли бы снова занять господствующее положение. Поверьте, что там, где люди делятся на богатых и бедных, последние могут возвышать голос в момент возмущения, но власть остается всегда за богатыми. Поэтому, как только сила окажется на нашей стороне, надо немедленно отобрать собственность у богатых, чтобы они не могли вернуть прежний порядок.

Яков. — Понимаю, нужно создать республику, дать всем людям равенство, и тогда тот, кто работает, будет сыт, а кто ничего не делает — пусть голодает. Ах! как жаль, что я стар, как вы счастливы, что вы молоды и увидите лучшие дни!

Петр. Не торопитесь радоваться, дядюшка. В слове республика вам чудится социальная революция, и это хорошо для тех, кто вас понимает. Но в общем вы выражаетесь неточно, так как республика совсем не то, что вы думаете. Поймите, что республика есть такая же форма правления, как и всякая другая; только вместо короля там президент и министры, которые в сущности обладают такою же властью, как и король. Лучше всего это видно во Франции, и даже если бы у нас была демократическая республика, как-то пророчат радикалы, разве было бы лучше? Вместо двух палат у нас осталась бы одна—палата депутатов; но мы в ней по-прежнему остались бы солдатами, рабами труда, несмотря на все обещания господ депутатов. Видите ли, пока есть богатые и бедные, властвовать будут всегда богатые. Будет ли у нас республика или монархическое государство, последствия, вытекающие из частного владения, будут везде одинаковы. Везде — конкуренция, регулирующая экономические отношения, постепенное сосредоточение собственности в руках немногих, машины, отбивающие труд у рабочих, рабочие массы, доведенные до голодной смерти или вынужденные просить милостыню. Есть республики и помимо нашей, которые сулили горы благополучия человечеству, но разве они внесли какое-нибудь улучшение в жизнь пролетария?

Яков. — Как же так? А я думал, что республика требует равенства.

Петр. — Да, республиканцы говорят о равенстве и рассуждают так: в республике, говорят они, законы создаются выбранными всем народом; следовательно, если народ недоволен, то он выбирает новых лучших представителей, и все улаживается; а так как большинство избирателей принадлежит к классу бедняков, то, очевидно, что власть находится в их руках. Так говорят республиканцы, но в действительности дело обстоит иначе. Бедные, по тому, самому, что они бедны, обыкновенно бывают невежественны и полны предрассудков; и невежественными они останутся, как того желают попы и господа, пока не станут экономически независимыми и не сознают своих собственных интересов. Мы с вами были в несколько иных условиях; нам удалось приобрести некоторые знания, и мы сознаем свои интересы, у нас есть смелость презирать месть наших хозяев, но огромная масса останется бессознательною, пока существуют нынешние условия. Избирательная урна - это не то, что революция, когда один мужественный человек стоит сотни робких, увлекая за собою множество людей неспособных к восстанию. Перед избирательной урной стоит масса и, пока существуют попы и господа, большинство будет голосовать за них, отступая перед угрозою - с одной стороны мучениями ада, с другой— мучениями голода. Но неужели вы этого не знали? Сейчас, например, большинство избирателей бедные, но разве они

избирают бедняков защитниками и представителями своих интересов?

Яков. — Ну, нет! Они всегда спрашивают хозяина, за кого голосовать, и поступают по его приказанию, если же они сделают иначе, хозяин их прогонит.

Петр. — Вот видите? Нечего, значит, и надеяться на всеобщее голосование.

Представителем народа в парламенте всегда будет буржуазия, и она всегда будет держать народ в невежестве и рабстве, как и сейчас. Даже, если бы в парламент попали рабочие, полные лучших стремлений, в таких условиях они ничего не могли бы сделать. Итак, есть одно только средство достигнуть хороших результатов: взять имущество богатых и все отдать народу.

В ближайшую революцию пусть народ не обманывается насчет республиканцев, как это бывало прежде. До сих пор ему внушали, что лучшая социальная форма — это республика; и, обещая народу всякое благополучие, его заставили во дни революции сложить оружие. Но следующий раз народ не позволит обманывать себя пустыми фразами и овладеет собственностью богатых.

Яков. Ты прав; нас столько раз уже обманывали, что пора открыть глаза. Но, все-таки, нельзя обойтись без правительства; если никто не будет приказывать, то как же быть?

Петр. — Разве необходимы приказания? Почему бы нам самим не управлять своими делами? Тот, кто стоит у власти, всегда преследует свою выгоду, и то по неведению, то по нерадению изменяет народу. Даже лучшие люди, стоящие у власти, становятся гордыми и надменными.

Но главная причина нежелания иметь какое бы то ни было правительство лежит в том, что людям нужно отвыкнуть от стадного повиновения и сознать свою силу и свое достоинство.

Чтобы воспитать народ, чтобы приучить его к свободе и управлению своими делами, нужно ему предоставить свободу действий, заставить его почувствовать ответственность за свои поступки. Он, может быть, будет ошибаться, но сам поймет свою ошибку и пойдет по новому пути. При этом нужно принять во внимание, что зло, причиненное народом, предоставленным самому себе, не составит и тысячной доли того зла, которое ему наносит лучшее правительство. Чтобы ребенок научился ходить, надо его предоставить самому себе и не бояться, что он может упасть.

Яков. Да, но пока ребенок не начнет ходить, он должен оставаться на руках у матери.

Петр. — Это правда, но правительство совсем не похоже на мать и не ему исправлять и укреплять народ. На самом деле социальный прогресс почти всегда совершается помимо и вопреки желания правительства. Самое большее, что делает правительство, — оно проводит в закон то что уже сделалось потребностью массы, но оно искажает этот закон, проводя в нем идею господства и монополии. Есть народы более или менее культурные, однако на какой бы ступени развития ни стоял народ, лучшим правительством для него будет то, которое выйдет из его недр. Вы думаете, может быть, что правительство составляется из людей развитых и способных; но этого, на самом деле, нет, так как

правительства составляются по назначению, или при помощи выборов, из людей богатых. При этом, власть развращает даже лучшие умы. Поставьте во главе правительства лучших мужей, и что же получится? Люди, не понимая народных нужд, принужденные заниматься политикой, свободные от контроля, оторванные от той области, в которой они, действительно, что-нибудь понимали, и вынужденные издавать законы по вопросам, о которых до тех пор никогда не слыхали, — эти люди признают себя высшими существами, особой кастой, а заботы их о народе будут выражаться только в том, чтобы обмануть и обуздать народные массы. Итак, гораздо лучше было бы для нас управлять своими делами самим сговорившись с рабочими других производств и других стран, не только Франции и Европы, но и всего мира, так как все люди-братья и должны помогать друг другу. Не правда ли?

Яков. — Да, ты прав. Но что делать с негодьями, ворами и разбойниками?

Петр. — Во-первых, как только исчезнет невежество и нищета, не будет и этих людей. Но, даже допуская, что останутся еще такие люди, разве будет основание держать для них правительство и полицию? Разве сами мы не сумеем вывести их на правый путь? Только мы, конечно, не будем с ними поступать так, как поступают теперь с виновными и невиновными; мы лишим их возможности вредить нам и сделаем все, чтобы вернуть их на путь правды.

Яков. — Значит, когда мы доживем до социализма, то не будет больше ни ненависти, ни зависти, ни проституции, не будет войн, не будет несправедливостей?

Петр. — Я не знаю, какой степени счастья может достигнуть человечество, но я убежден, что на земле водворится возможное довольство и спокойствие. Кроме того, человечество с каждым днем будет стремиться все дальше к совершенствованию и плодами итога прогресса будут пользоваться не отдельные лица, а все.

Яков. — Когда же это настанет? Я стар, и теперь, когда я знаю, что не всегда мир будет таким, мне не хочется умереть, не увидев хоть один день справедливости.

Петр. — Когда это будет? Я не знаю. Это зависит от нас. Чем больше мы будем работать, чтобы открыть глаза людям, тем скорее это совершится. Однако, надо заметить следующее: те, кого мы теперь называем буржуазией или господами, раньше зависели от дворян и духовенства, но в 1879 году во Франции разразилась революция, которая, после целого ряда превратностей, кончилась освобождением буржуазии и, вместе со свободой, дала ей и власть. Через несколько лет *), в 1889 году, закончится столетие со дня революции буржуазной и многие говорят, что эта годовщина увидит революцию социальную, революцию идущую на освобождение не одного класса, как это было в 18-м столетии, а революцию освобождающую весь род человеческий. Когда масса верит во что-нибудь, то эта вера осуществляется и в 1889 году может совершиться это освобождение. Между тем, заметьте, в этой цифре нет ничего рокового, и революция может наступить раньше или позже этого года. Я повторяю, все зависит от нас. Если мы будем работать, революция разразится в 1889 году и даже раньше; если же мы будем дожидаться, когда жареные рябчики сами полетят нам в рот, пройдут века, прежде чем наступит революция.

Яков. — Я тебя понимаю; но пока ты здесь, я хотел предложить тебе еще несколько вопросов. Я часто слышу, как говорят о коммунистах, социалистах, интернационалистах, коллективистах, анархистах, — что означают все эти слова?

Петр. — А! Вы правы, спрашивая меня об этом, так как ничто не объясняет значения этих слов. И так, вы должны знать, что социалистами называются те, кто в нищете видит первую причину всех социальных зол; они полагают, что при нищете нельзя искоренить ни невежества, ни рабства, ни политического неравенства, ни проституции, т.-е. всех тех бедствий, которые держат народ в таком состоянии, и представляются ничтожными в сравнении со страданиями, доставляемыми самой нищетой. Социалисты думают, что нищета зависит от того, что земля и все сырые продукты, машины и все орудия производства, принадлежат небольшому числу людей, которые, таким образом, располагают жизнью всего рабочего класса и находятся постоянно в борьбе за обладание собственностью не только с пролетариями, т.е. лишенными собственности, но и друг с другом. Поэтому, социалисты верят, что, уничтожая частную собственность, т.е. причину совершенного зла, тем же самым ударом они уничтожают и нищету, которая является только его следствием. И эта собственность может и должна быть уничтожена, так как созидание и распределение богатств должно производиться согласно действительным интересам людей, не взирая на так называемые, благоприобретенные права, которые присвоила себе буржуазия, унаследовав их от своих более счастливых или более подлых предков.

Итак, вы видите, что социалистами называют тех людей, которые хотят, чтобы общественные богатства служили всему человечеству, и чтобы не было больше ни собственников, ни пролетариев, ни богатых, ни бедных, ни хозяев, ни служащих. Уже много лет слово „социалист" понимали таким образом, и достаточно было назваться социалистом, чтобы навлечь на себя ненависть и преследования представителей буржуазии, которые предпочитают видеть миллионы убийц, чем одного социалиста. Но когда они увидели, что несмотря на преследования и клевету, социализм идет своей дорогой, что народ начал прозревать, то они старались запутать вопрос, чтобы обмануть народ, и многие из них говорили, что они сами тоже социалисты, что они хотят добра народу, хотят уничтожить или уменьшить нищету. Прежде они говорили, что социальный вопрос, т. е. вопрос нищеты не существует; теперь, когда они стали бояться социализма, они уверяют, что всякий человек, изучающий социальный вопрос, уже есть социалист, как если бы мы, назвали врачей того, кто изучает болезнь с намерением не излечить больного, а только затянуть болезнь. Таким образом теперь вы найдете людей, называющих себя социалистами, среди республиканцев, роялистов, клерикалов, среди правительства, но их социализм сводится к тому, чтобы быть wybranными в депутаты путем обещаний, которых они не в состоянии сдержать. Итак, когда кто-нибудь скажет вам, что он социалист, спросите, желает ли он социальной революции, т. е. уничтожения частной собственности и превращения ее в общую; если да, то протяните ему руку, как брату, если нет, то не верьте ему, — он враг вам.

Яков. — Итак, ты социалист. Это я понимаю. Но что означают слова; коммунист и коллективист?

Петр. — Коммунисты и коллективисты, те и другие—социалисты, но они различно смотрят на то, как нужно будет поступать после обращения частной собственности в общую.

Коллективисты говорят, — что каждый рабочий или каждый союз рабочих имеет право на сырые продукты и орудия производства и что каждый — хозяин того, что он сам производит. Пока он жив, он владеет и распоряжается продуктами своего труда; когда он умрет, то, что останется после него, возвращается в союз или ассоциацию. Дети рабочих также получают средства производства и пользуются продуктами своего труда, но право наследования было бы первым шагом к уничтожению равенства и восстановлению привилегии. — О воспитании и образовании детей, содержании стариков, слабых и организации общественных служб заботится союз (ассоциация) рабочих; он же доставляет все необходимое членам общества.

Коммунисты же говорят следующее: чтобы все шло хорошо, нужно, чтобы люди любили друг друга и смотрели друг на друга как на членов одной семьи; собственность должна быть общей: чтобы работа была производительна и выполнялась при помощи машин — надо работать большими группами; чтобы использовать все разнообразия почвы и климатических условий, чтобы каждая страна производила наиболее ей соответствующее и, с другой стороны, чтобы избежать конкуренции и вражды между различными странами — необходимо установить полную солидарность всего человечества таким образом, чтобы не смешивать того, что произвели вы, с тем, что произвел я, будем работать и потреблять общинным способом: т. е. каждый отдает, поскольку это возможно, все свои силы обществу для производства продуктов в достаточном количестве для всех, и каждый получает все необходимое, ограничивая себя только в том, чего еще нет в изобилии.

Яков. — Не спеши пожалуйста! сначала объясни, что значит слово солидарность. Ты сказал, что нужно, установить солидарность между людьми, а я, правду сказать, не совсем хорошо понимаю, что это значит.

Петр. — Слушайте-ж: в нашей семье, например, все, что вы зарабатываете,—вы, ваши братья, ваша жена и ваши дети,—вы все обращаете в общую собственность; потом вы варите похлебку и едите все вместе, и, если ее не достаточно, вы все одинаково голодаете. Дальше, если один из вас счастливее других, если он находит большой заработок, то это одинаково прибыльно всем; если же наоборот кто-нибудь остается без работы или болеет, это несчастье для всех, так как тот, кто не работает, все-таки ест за общим столом, а тот, кто болен, еще в большей степени пользуется вашими работами. Таким образом в вашей семье вместо того, чтобы отнимать друг у друга хлеб и работу, всякий стремится помочь друг другу, так как благо одного есть благо всех и наоборот. Вследствие этого вам чужда зависть и ненависть, у вас развивается взаимная привязанность, которой нет в семье, где интересы ее членов не объединены. Вот то, что называется солидарностью; между людьми, следовательно, нужны такие отношения, какие существуют между членами очень дружной семьи.

Яков. — Это я понимаю. Но вернемся к прежнему вопросу. Скажи, ты коллективист или коммунист?

Петр. — Что касается меня,—я коммунист; мне кажется, что если уж быть друзьями то нельзя быть друзьями наполовину. Коллективизм же оставляет место соперничеству и ненависти. Но слушайте дальше. Даже в том случае, если бы каждый мог прожить тем, что он сам производит, коллективизм всегда будет ниже коммунизма, так как он удерживает людей от общения друг с другом и таким образом ослабляет их силы и взаимные симпатии. А затем, сапожник, ведь, не может питаться обувью, а кузнец железом, также и земледelec не может обрабатывать землю без рабочих, изготавливающих железо и орудия; а потому нужно установить обмен между отдельными производствами, считаясь с тем, что сработает каждый. И случится следующее: сапожник, например, назначит громадную цену за башмаки, и в обмен за них будет требовать возможно больше денег; а крестьянин в свою очередь будет стараться заплатить ему возможно меньше. Как же тут разобраться? Коллективизм вообще, мне кажется, дает чрезвычайно трудно разрешимые задачи, и в них легко запутаться. Коммунизм, наоборот, не создает никаких затруднений: все работают и все пользуются общей работой.

Нужно только иметь в виду, в чем люди наиболее нуждаются, озаботиться, чтобы все были удовлетворены и продукты необходимости производились бы в достаточном количестве.

Яков. — Итак при коммунизме не нужно будет денег?

Петр. — Ни денег и ничего, что бы их заменяло. Ничего кроме перечня необходимых предметов и, продуктов, чтобы всегда поддерживать производство на уровне потребностей. Единственное серьезное затруднение могло бы возникнуть в том случае, если бы многие не пожелали работать; но я вам уже говорил, почему работа, теперь тяжелая и неприятная, в будущем станет удовольствием и нравственным долгом, от которого немного найдется охотников отказаться. Но если в новом обществе и найдутся люди, развращенные условиями нашей жизни, которые откажутся работать, то общество их выбросит за борт, предоставив им сырые продукты и орудия производства. И когда они захотят есть, то примутся за работу. Но вы увидите, что таких случаев не будет.

Впрочем, сначала мы займемся обобществлением земли, сырых продуктов, орудий производства, зданий и всех существующих богатств. Что касается самой организации общества, то народ выберет ее сам и по своему желанию. Только на практике узнают, что лучше. Можно предположить, что в одном месте восторжествует коммунизм, а в другом коллективизм; и когда люди ознакомятся с тем и другим, то примут ту организацию, которая окажется лучшей.

Яков. — Это так, — я понимаю; но скажи мне, что такое анархия?

Петр. — Анархия—это строй общества без правительства. Я вам уже говорил, что правительство существует только для того, чтобы защищать буржуазию, и когда дело идет о наших интересах, самое лучшее заботиться нам самим. Вместо того, чтобы выбирать депутатов и городских представителей, которые то издают, то отменяют законы, мы лучше сами займемся своими делами, и когда нужно будет, мы уполномочим кого-нибудь для исполнения наших решений и скажем, что сделать это нужно так, а не иначе. Если дело идет о чем-нибудь таком, что нельзя сделать сразу, мы уполномочим тех, кто на это

способен, ознакомиться с вопросом и доложить нам, но ни в каком случае ничто не может совершиться помимо нашей воли. Наши представители не будут облечены властью и правом издавать для нас законы, они будут выборными из наиболее способных и будут обязаны только исполнять волю народа; одним мы поручим, например, организовать школы, другим заботиться о дорогах или следить за обменом продуктов, точно так же, как и теперь мы поручаем или заказываем сапожнику сшить пару башмаков. Вот в общих чертах то, что составляет анархию.

Яков. — Но объясни мне еще кое-что. Скажи, пожалуйста, как могу я, например, круглый невежда, заниматься тем, что делают министры и депутаты?

Петр. — А что же эти министры и депутаты делают такого, чего бы вы не могли сделать? Они издают законы и организуют государственную силу, чтобы держать народ под ярмом в интересах собственников. Вот и все. В таких знаниях мы не нуждаемся.

Правда, что министры и депутаты занимаются вопросами по существу важными и необходимыми, но это только для того, чтобы все благо обратить на пользу одного класса, задерживая прогресс бесполезными и стеснительными мерами. Эти господа занимаются, например, железными дорогами. Но разве сами они нужны там? Разве не достаточно инженеров, механиков, рабочих всех категорий, и разве локомотивы станут, если министры, акционеры и прочие паразиты исчезнут с лица земли?

То же самое мы видим на почте, телеграфе, водных путях, в общественном образовании, госпитале и везде, где труд лежит на рабочих различных категорий, а правительство вмешивается только для того, чтобы портить дело. В самом деле, политика, как ее понимают государственные люди, для нас малодоступное искусство, не имеющее ничего общего с интересами населения. Если бы цель политики была удовлетворять истинные нужды народа, то она была бы менее доступна депутатам, чем нам. В самом деле, как вы хотите, чтобы депутаты, заседающие, например, в Париже, знали нужды всех общин Франции? Как вы хотите, чтобы люди, потратившие свое время на изучение греческого и латинского языка, которых они к тому же и не знают, чтобы они понимали что-нибудь в деле ремесленников. Но все обстояло бы иначе, если бы каждый занимался тем, что он знает, и потребностями, которые он так сказать собою определяет. Когда переворот совершится, нужно будет действовать, как говорят снизу-вверх. Народ делится на общины; в каждой общине есть различные группы ремесленников, которые тотчас после переворота под влиянием энтузиазма и пропаганды организуются в союзы или ассоциации. Кто лучше вас поймет интересы вашей общины и вашего ремесла? Потом, когда встанет вопрос о соглашении между несколькими общинами и ремесленными цехами, их депутаты в особых собраниях доложат о требованиях своих доверителей и постараются согласить нужду и желания различных общин. Но решения всегда подчиняются контролю и одобрению доверителей, чтобы интересы народа были соблюдены. Таким образом люди все больше и больше будут стремиться к умиротворению рода человеческого.

Яков. — Но если члены одной общины будут держаться различных взглядов, — тогда что делать? Победа останется на стороне более многочисленных, не так ли?

Петр.—Нет, так как с точки зрения справедливости

и истины превосходство численности не должно считаться важным, и один человек может быть более прав, чем сто, или сто тысяч, или даже все. На практике же стараются уладить так, как возможно. Если нельзя достигнуть единодушия, то большинство действует сообразно своей идее в пределах дозволенного группою или союзом; а если опыт докажет, что они правы, то нет сомнения, что за ними последуют и другие. Если же опыт покажет, что право меньшинство, то остальные последуют за ними. Таким образом люди достигнут равенства и справедливости, на которых должно покоиться всякое общество. Заметьте также, что вопросов, по жителям он желал бы жить; вопросы, требующие разрешения, ясны и будут понятны каждому, так как они ближе стоят к действительной жизни и положительной, науке чем к теориям, где мнения могут быть бесконечно разнообразны. Когда какая-нибудь проблема будет решена благодаря опыту, все дело сведётся к тому, чтобы убедить людей, доказывая превосходство известной идеи на практике, и не для чего будет подавлять меньшинство большинством. Разве не смешно было бы теперь, если бы граждан приглашали подавать голос за то, или другое время посева, когда это уже освящено многолетним опытом. И если время посева не было бы достаточно определено, разве вы прибегли бы для разрешения этого вопроса к голосованию, а не к опыту?

И таким образом будут вести все общественные и частные дела. Будьте уверены, что вне солидарности существуют только войны и тирания, одинаково губительные для всех; и человек, который теперь не может распоряжаться своей судьбой, обратится к солидарности, чтобы осуществить наш идеал мира, всеобщего счастья и абсолютной свободы.

Яков. — Прекрасно! Итак ты социалист, и среди социалистов ты собственно коммунист и анархист. Почему же тебя называют интернационалистом?

Петр. — Потому что я принимал участие в интернациональной ассоциации рабочих. Эта ассоциация, называемая Интернационалом, состояла из лиц различных национальностей и следовала тем принципам, о которых я постарался дать вам понятие.

Тот, кто был членом этой ассоциации, обязывался пропагандировать всевозможными средствами принципы анархического коммунизма, и разрушать всякую надежду на добровольные уступки со стороны хозяев и правительства, а также на постепенный и мирные реформы; возбуждая в народе сознание своих прав и побуждая его к восстанию, ассоциация стремилась к тому, чтобы в надлежащий момент можно было приступить к разрушению политической власти, т. е. правительства и овладеть землей и всеми существующими богатствами.

Яков. — Следовательно, тот, кто принимает принципы коммунистически-анархические, принадлежит к Интернационалу?

Петр. — Нет, это необязательно, так как можно быть убежденным в истине какого-нибудь принципа, оставаясь в стороне и не пропагандируя того, что кажется справедливым. Но так поступают обыкновенно люди слабой воли или плохо закаленные. И может ли человек с

сердцем остаться равнодушным, видя страшные бедствия своих ближних и зная средство спасти их? Не виноват тот, для кого закрыта истина, но страшно виноват тот, кто ее сознает, и делает вид, что не знает.

Впоследствии, благодаря преследованиям, эта ассоциация распалась, но идеи остались, и ее члены и группы продолжают пропагандировать те же принципы.

Яков. — Это хорошо! Когда я хорошенько продумаю все, что ты мне сказал, я тоже буду проповедовать эти великие истины; если буржуазия сочтет меня за злодея и преступника, я им скажу, чтобы они шли работать и страдать, как я. И только тогда они будут иметь право говорить!

Анархизм

2023, источник: [здесь](#). Малатеста Э. Краткая система анархизма: Избранные сочинения. Пер. с итал. № 20. Изд. стереотип, URSS, 2023, стр. 114 - 164.

Слово «анархия» (греч. anarchia) обозначает безвластие, т. е. такое состояние народа, когда он управляется без установленной власти, без правительства.

Но прежде чем целая категория мыслителей сочла подобную организацию возможной и желательной, прежде чем она была принята, как цель, партией, которая отныне является одним из самых важных факторов современной социальной борьбы, слово «анархия» в большинстве случаев понималось в смысле беспорядок, хаос; его ещё и теперь понимают в этом смысле невежественные массы и наши противники, скрывающие истину.

Мы не будем вступать в филологические отступления, ибо здесь вопрос не филологии, а истории. Вульгарное понимание этого слова находится в тесной связи с тем значением, которое ему придают: такое понимание происходит от существования предрассудка, что правительство есть необходимый орган социальной жизни и что, следовательно, общество без правительства должно быть жертвой беспорядка, всемогущества одних и слепого мщения других.

Существование этого предрассудка и его влияние на то значение, которое народ дал слову «анархия», объясняется легко.

Как все животные, человек применяется, привыкает к условиям своего существования и приобретённые привычки передаёт по наследству.

Родившись и живя в рабстве, наследник отродья рабов, человек, лишь только начал мыслить, считал, что рабство было необходимым условием его жизни: свобода ему казалась невозможной. Точно также работник, принуждённый, уже века, ожидать работы, иначе [не видать ему] хлеба, от доброй воли хозяина, привыкнув видеть свою жизнь постоянно во власти того, кто владеет землёй и капиталом, кончил тем, что стал верить, что хозяин даёт ему есть; наивный, он говорит себе: как я стал бы жить, если бы не было хозяев?

Таково было бы положение человека, который имел бы ноги уже с детства связанными, но так, что он мог бы даже немного ходить; он мог бы присвоить себе право двигаться со своими цепями, которые только уменьшают и парализуют мускульную энергию ног.

И если к естественным действиям привычки я прибавлю воспитание, данное патроном, священником, учителем и т. д., которые все участвуют в проповеди, что правительство и господа необходимы, если вы присоедините судью и полицию, которые стараются заставить молчать тех, кто иногда мыслит и желал бы распространять свои мысли, тогда будет понятно, каким образом в голове малообразованной массы принят предрассудок пользы и

необходимости хозяина и правительства.

Теперь представьте себе, что человеку с закованными ногами (как мы уже сказали) доктор излагает целую теорию и даёт тысячи примеров искусно подобранных, чтобы убедить, что со свободными ногами он не мог бы ни ходить, ни жить; этот человек яро защищал бы свои цепи и смотрел бы, как на врагов, на тех, которые хотели бы разбить их.

И так как люди стали считать правительство необходимым, так как допустили, что без правительства можно иметь только беспорядок и раздоры, то естественно и даже логично, что термин «анархия», который означает отсутствие правительства, означает также отсутствие порядка.

Этот факт – не без примера в истории слов. В те времена и в тех странах, где народ считал необходимым правление одного (монархию), слово республика, которое означает правление большинства, понималось в смысле беспорядок и раздоры; такое значение находится ещё в народном языке почти всех стран.

Измените мнение, убедите народ, что правительство не только не необходимо, но даже опасно и вредно, и тогда слово «анархия», и это справедливо, потому что оно означает отсутствие правительства, будет понимаемо всеми, как естественный порядок, гармония потребностей и интересов всех, полная свобода в совершенной солидарности.

Те, которые говорят, что анархисты избрали себе плохое название, ибо оно неверно понято массой, неправы, потому что не в названии дело, а в сущности; и трудность пропаганды анархизма зависит не от названия, а от дела, в котором идея анархизма затрагивает все закоренелые предрассудки, которыми поддерживается связь народа с правительством или, как обычно говорят, с государством.

Прежде чем идти далее, следует объяснить это последнее слово, которое, по нашему мнению, служит причиной многочисленных недоразумений.

Анархисты пользуются словом «государство» обыкновенно для того, чтобы выразить одним словом все политические, законодательные, судебные, военные, финансовые и т. п. институты, посредством которых отнимается у народа управление своими собственными делами, управление своим собственным поведением, забота о своей собственной безопасности, чтобы доверить это нескольким лицам, которые или посредством узурпации или делегации облечены правами составлять законы на всё и для всех, принуждая народ принаравливаться к ним, пользуясь при этом силою всех.

В этом случае слово «государство» означает правительство или, если хотите, безличное, абстрактное выражение такого состояния вещей, олицетворением которого является правительство: выражения уничтожить государство, Общество без государства, и т. п. вполне отвечают той идее, которую анархисты проводят, когда говорят о разрушении всякой политической организации, основанной на авторитете, и об учреждении общества людей свободных и равных, основанного на гармонии интересов и на добровольной помощи всех для удовлетворения, социальных нужд.

Однако ж слово «государство» имеет много других значений, из которых некоторые двусмысленны, в особенности, когда имеешь дело с людьми, которые вследствие своего печального социального положения не сумели привыкнуть к тонким различиям научного языка, или, что хуже, когда имеешь дело с бесчестными противниками, в интересах которых скрывать или затушёвывать ясное понимание.

Эти лица берут, например, слово «государство», чтобы показать такое общество, такое человеческое собрание, которое соединено в данной территории и составляет, так называемое, моральное тело, независимо от способа группировки членов и отношений между ними; таким образом, это слово понимается просто как синоним общества. Давая эти значения слову «государство», противники считают, серьёзно или притворно, что анархисты желают уничтожения всякой социальной связи, всякого коллективного труда и стараются вернуть людей к разобщённости, иначе к состоянию хуже, чем первобытному.

Под «государством» иногда понимают высшую администрацию страны, центральную власть, отличную от власти провинциальной или коммунальной, и на этом основании некоторые убеждены, что анархисты хотят просто территориальной децентрализации, оставляя неприкосновенным принцип правительства: итак, они смешивают анархизм с кантонизмом и коммунизмом.

Государство понимается, наконец, как состояние, форма жизни, социальные режимы т. д. Так, мы говорим, напр., что нужно изменить экономическое положение (Etat) рабочего класса, или что анархическое государство (Etat) есть единственное социальное государство (Etat) (мы, которые, с другой стороны, говорим о желании уничтожения государства), основанное на принципе солидарности, – и другие подобные определения, которые в наших устах могут, с первого взгляда, показаться странными и противоречивыми.

Поэтому мы считаем, что лучше возможно реже употреблять выражение «уничтожение государства» и ставить вместо него другое более ясное и конкретное: «уничтожение правительства», что и будем делать на страницах этого небольшого сочинения.

Мы говорили уже, что анархия есть общество без правительства.

Но разве возможно упразднение правительства? Разве это желательно? Разве можно это предвидеть?

Рассмотрим.

Что такое правительство?

Влияние метафизики (умственной болезни, вследствие которой человек, абстрагировав логическим процессом качества от существа, подвергается галлюцинации, принимая абстрактное за реальное[1]), влияние метафизики, говорим мы, которая, несмотря на удары позитивного знания, имеет ещё глубокие корни в уме большинства людей нашего времени, заставляет многих понимать правительство, как моральную сущность, наделённую известными атрибутами разума, справедливости, равенства, независимыми от лиц, которые состоят в правительстве.

Для них правительство или, лучше, государство есть абстрактная социальная власть; это всегда отвлечённый представитель всеобщих интересов; это выразитель права всех, рассматриваемого, как граница права каждого. Так понимают правительство лица, в интересах которых спасти принцип авторитета и сделать незаметными грехи и ошибки тех, которые стоят у власти.

Для нас правительство есть собрание правителей; и правители, короли, президенты, министры, депутаты и т. п., – это те, которые имеют возможность издавать законы, чтобы управлять отношениями людей между собой, и принуждать выполнять их; налагать и взимать налоги; принуждать к военной службе; судить и наказывать идущих против законов; наблюдать и санкционировать частные договоры, монополизировать известные (или, по желанию, все) отрасли производства и общественные службы; благоприятствовать или препятствовать обмену продуктов; объявлять войну или заключать мир с правителями других стран, жаловать или отнимать льготы и т. д., и т. д. Одним словом, правительство это те, которые имеют власть, большую или меньшую, пользоваться социальной силой – физической, интеллектуальной, или экономической, – силою всех, чтобы заставить всех делать то, что они желают сами. Эта учреждённая власть и есть, по нашему мнению, принцип правительства, принцип авторитета.

Но разве желательно существование правительства?

Почему следует сложить с себя в руки нескольких нашу собственную свободу, нашу собственную инициативу? Зачем давать им возможность завладеть, согласно или против желания каждого, силою всех и располагать ею по своему желанию? Или они настолько наделены, что могут занять место массы и предусматривать интересы людей лучше, чем это сумели бы сделать сами заинтересованные? Разве они непогрешимы и неподкупны, что им можно доверить судьбу каждого и всех?

И даже если бы в мире существовали люди с бесконечной добротой и знанием, если бы даже, – гипотеза чего ещё никогда не подтверждалась в истории и что, мы полагаем, невозможно проверить, – власть правления перешла бы к наиболее способным и лучшим, то владение властью ничего не прибавило бы к их благотворному влиянию или, скорее, парализовало бы его по необходимости, так как лучшую часть своей энергии они потеряли бы на то, что бы удержать за собой власть, чтобы удовлетворить друзей, чтобы обуздать недовольных и непокорных.

Впрочем, хорошие или дурные, умные или невежественные, кто такие правители?

Кто назначил их на такую высокую обязанность? Поставили ли они сами себя по праву войны, завоевания или революции? Но тогда, какую гарантию имеет народ, что они внушат себе желание удовлетворять требованиям всеобщей пользы? Ведь это прямой вопрос присвоения; и для подданных, если только они недовольны, остаётся силой освободить себя от ига. Может быть, они избраны одним классом, одной партией? Но тогда интересы и идеи этого класса будут торжествовать, тогда как желания и интересы других будут приноситься в жертву. Быть может, они избраны всеобщей подачей голосов? Но тогда критерием будет только число, которое, как известно, не доказывает ни справедливости, ни понимания, ни

способности. В таком случае избранными будут те, которые лучше умеют обманывать массу, и меньшинство, которое может быть одним менее половины, будет приноситься в жертву: и это, не считая того, что опыт показал невозможность найти избирательный механизм, посредством которого были бы избираемы действительные представители большинства.

Есть много различных теорий, посредством которых пытались объяснить и оправдать существование правительства. Все они, в общем, основаны на предвзятой мысли, что люди имеют противоположные интересы и что нужна внешняя, высшая сила, чтобы принудить одних уважать интересы других, предписывая и налагающая такие правила поведения, которые привели бы в гармонию, насколько возможно, борющиеся интересы так, чтобы каждый получил самое великое удовлетворение с возможно меньшими жертвами.

Если, говорят теоретики, отстаивающие необходимость власти, интересы, стремления, желания одного индивида противоположны интересам, стремлениям, желаниям другого индивида или даже всего общества, то кто будет иметь право и силу принудить одного уважать интересы других? Кто может помешать такому гражданину нарушать всеобщую волю? Свобода каждого, говорят они, имеет пределом свободу других; но кто установит эти границы, и кто станет уважать их? Естественный антагонизм интересов и влечений создаёт необходимость правительства и оправдывает власть, которая опирается на умеренность в социальной борьбе и определяет права и обязанности каждого.

Так говорит эта теория; но чтобы быть правильными, теории должны быть основаны на фактах и быть в состоянии их объяснить; а известно, что теории часто придумываются, чтобы оправдать факты, иначе, чтобы защитить привилегии и чтобы заставить спокойно их принять.

Поэтому, рассмотрим раньше факты.

История нам показывает, что всегда, как и ныне, правительство – это грубое, жестокое, своевольное господство нескольких над массой – орудие, назначенное для укрепления господства и привилегий тех, которые силою или хитростью или по наследству отняли все средства к жизни, в особенности землю, – господство, служащее для чтобы держать народ в рабстве и принуждать того, работать на них.

Угнетают людей двумя способами: или прямо, посредством грубой силы, физического насилия, или косвенно, крадя у них все средства к существованию и покоряя их, таким образом, своей власти. Первый способ есть начало власти или политической привилегии, второй – начало экономической привилегии.

Можно ещё угнетать людей, действуя на их ум и чувства; это религиозная власть; но как ум – только результат материальных сил, так и ложь и учреждения устроенные, что бы размножить её, (церковь, школа и т. д.) не имеют в оправдание своего существования ничего, кроме того, что они – результат политических и экономических привилегий, средство для защиты и укрепления их.

Когда в первоначальных обществах, не очень многочисленных, в социальных отношениях, не очень усложнённых, одно какое-нибудь обстоятельство препятствовало тому, чтобы

образовались привычки, обычаи солидарности или уничтожало те, которые уже существовали, и утверждало господство человека над человеком, тогда две власти, политическая и экономическая, соединялись в одних и тех же руках, которые, при случае, могут быть руками одного человека. Те, которые силою победили и устрашили других, располагают и самими побеждёнными и их имуществом и принуждают их служить себе, работать на себя и делать всё по своей воле. Они в одно и то же время – и владельцы и законодатели, короли, судьи и палачи.

Но с ростом общества, с увеличением числа потребностей, с усложнением социальных отношений долгое существование такого правительства сделалось невозможным. Господствующие, чтобы себя обезопасить или ради выгоды, или по невозможности поступать иначе, необходимо должны, с одной стороны, опереться на один привилегированный класс или на известный класс индивидов, заинтересованных в их господстве, с другой стороны, сделать так, чтобы каждый заботился по мере сил о своём собственном существовании, откладывая для них высшее господство, т. е. право эксплуатировать всех и в тоже время удовлетворять честолюбие властью. Вот каким образом, под эгидою власти, вместе с её покровительством и соучастием, а часто и без её ведома, вследствие недостатка контроля развивается частная собственность, иначе говоря класс собственников. Последние мало-помалу концентрируют в своих руках средства производства истинные начала жизни, земледелие, промышленность, торговлю и т. д., кончая тем, что устанавливают власть, которая, благодаря превосходству средств и множеству выгод, которыми она пользуется, достигает того, что всегда подчиняет, более или менее открыто, политическую власть, правительство, делая его своим жандармом.

Это явление повторялось несколько раз в истории. Каждый раз, когда во время нашествия или военного предприятия грубая физическая сила брала верх в обществе, победители выказывали стремление сконцентрировать в своих руках правление и собственность. И всегда необходимость для правительства примиряться с участием в нём могущественного класса, требования производства, невозможность за всем уследить и всем управлять восстанавливали частную собственность, деление двух властей, а вместе с тем и действительную зависимость тех, которые владели силой правителей, от тех, которые владели средствами силы, собственников. Правительство всегда кончало роковым образом тем, что делалось стражем собственности.

Но никогда это явление не было так заметно, как в наши дни. Развитие производства, огромное распространение торговли, чрезмерное могущество, приобретённое золотом и все экономические факты, вызванные открытием Америки, изобретением машин и т. п. так упрочили верховное могущество за классом капиталистов, что он, не довольствуясь тем, что располагал поддержкой правительства, хотел, чтобы правители были из его среды. Правительство, которое брало своё происхождение из права завоевания (из права божественного, говорят короли и их священники), поскольку обстоятельства подчиняли его классу капиталистов, постоянно сохраняло горделивую осанку и пренебрежительное отношение к своим бывшим рабам, обогатившим[ся] и желавшим одного – независимости и господства. Это правительство было хорошим защитником, жандармом собственников, но было из тех жандармов, которые много думают о себе и делают высокомерными по отношению к тем, которых они должны сопровождать и защищать, если только на первом

повороте дороги не обирают и не убивают их. Класс капиталистов избавлялся и избавляется от него более или менее насильственным способом, подставляя вместо него правительство, избранное им же самим, состоящее из членов его класса, постоянно находящееся под его контролем.

Таково происхождение современной парламентарной системы.

Теперь правительство, составленное из собственников и лиц, состоявших у них на службе, все в распоряжении собственников; оно таково, что часто сами богатые даже презирают быть частью его. Ротшильд не имеет нужды быть ни депутатом, ни министром: ему достаточно иметь в своём распоряжении депутатов и министров.

Во многих странах пролетариат номинально имеет более или менее широкое участие в избрании правительства. Это уступка, сделанная буржуазией, чтобы получить помощь народа в борьбе против королей и аристократии или чтобы отвратить от народа мысль об эмансипации, давая взамен того подобие суверенитета.

Предвидела ли это буржуазия, когда уступала народу право голоса, или нет – неизвестно; известно только, что оно хорошо только для укрепления власти буржуазии, давая самой энергичной части пролетариата обманчивую надежду достичь власти.

Даже при всеобщей подаче голосов, мы могли бы сказать, в особенности при всеобщей подаче голосов, правительство остаётся жандармом буржуазии. Если бы это было иначе, если бы правительство угрожало сделаться враждебным, если бы демократия могла бы быть чем-либо другим, кроме как средством обманывать народ, буржуазия, интересам которой оно угрожало, приготовилась бы к бунту и употребила бы всю свою силу и всё влияние, которые даёт ей владение богатствами, чтобы призвать правительство к себе на службу для выполнения функций простого жандарма.

И всегда, везде, каково бы ни было название, которое принимает правительство, каковы бы ни были его происхождение и организация, его существенная функция – постоянно угнетать и эксплуатировать массу, защищать угнетателей и монополистов; его главные, характерные и необходимые органы: жандарм и взиматель налогов, солдат и тюремщик, к которым неминуемо присоединятся торговец ложью – священник, или профессор, получающий жалованье и покровительство со стороны правительства за то, чтобы поработать умы и делать их покорными игу.

Известно, что к этим первоначальным функциям, к этим существенным органам правительства, в течение всей истории присоединялись и другие функции, другие органы. Правда, что ни в одной даже мало цивилизованной стране никогда или почти никогда не существовало правительства, которое, кроме функций угнетения и грабежа, не присваивало бы себе также полезных и необходимых для социальной жизни функций. Но это ничуть не исключает того факта, что правительство уже от природы – угнетатель и грабитель, что оно вследствие своего происхождения и положения фатально влечётся к защите и усилению господствующего класса; этот факт только подтверждает то, что мы уже говорили.

Обычно, правительство принимает на себя задачу защищать, более или менее, жизнь граждан против прямых и жестоких нападений. Оно признаёт и узаконяет известное число прав, первоначальных обязанностей, обычаев, привычек, без которых невозможно жить в обществе. Оно организует и управляет некоторыми общественными учреждениями, как то: почтами, дорогами, общественной гигиеной, водными путями, защитой лесов и т. п. ; оно открывает приюты для сирот и госпитали, так как ему приятно показать себе (что вполне понятно) защитником и благодетелем бедных и слабых. Но достаточно рассмотреть, как и почему оно исполняет эти функции, чтобы иметь фактическое доказательство, что всё, что правительство делает, постоянно внушено ему его стремлением к господству, чтобы защитить, увеличить, упрочить свои привилегии, а также привилегии того класса, представителем и защитником которого оно является.

Правительство не может долго существовать, не скрывая своих стремлений под видом всеобщей пользы; оно не может заставить уважать жизнь привилегированных, не показывая ясно, что желает, чтобы уважали всех; оно не может заставить признать привилегии, не делая вида, что стоит на страже права всех. «Закон», говорит Кропоткин, иначе – те, которые сделали закон – или правители, «закон утилизировал социальные чувства человека, чтобы провести вместе с правилами морали, которые человек принял, порядки полезные для меньшинства хищников, против которых он готов был бы восстать».

Правительство не может желать, чтобы общество само защищалось, потому что тогда исчез бы для него и для господствующего класса материал для эксплуатации. Правительство не может позволить, чтобы общество само управлялось, потому что тогда народ очень скоро заметил бы, что правительство ни к чему не служит, разве только для защиты собственников, которые его, т. е. народ, изнуряют голодом, и приготовился избавиться от правительств и собственников.

В настоящее время, перед настоятельными и угрожающими протестами пролетариата, правительства выказывают стремление вмешаться в отношения между хозяевами и рабочими. Они пытались сбить с пути рабочее движение, воспрепятствовать ему несколькими обманчивыми реформами, чтобы бедные сами не взяли себе, то, в чём они нуждаются, иначе сказать, часть жизненных благ, равную той, которой пользуются другие. Сверх того, надо принять в расчёт ещё то, что с одной стороны, сами буржуа, иначе собственники, постоянно способны возбудить междоусобицы, погубить друг друга, с другой, правительство, сын, раб и защитник буржуазии, как и всякий холоп, стремится к эмансипации и, как защитник стремится к господству над находящимися под его покровительством. Отсюда эти судороги, эти уступки, даваемые и отнимаемые, эти попытки консерваторов объединиться против народа: всё, что для правителей является опытом, а для наивных и вялых ожидающих блага всегда сверху – иллюзией.

Вместе с тем правительство не меняет своей сущности, если оно поставило себя на стражу прав и обязанностей каждого; оно извратило чувство справедливости, признавая преступление и наказывая за всякий акт, оскорбляющий или угрожающий привилегиям правителей и собственников; оно объявляет справедливую, «легальную» самую страшную эксплуатацию несчастных, медленное и постоянное, нравственное и физическое убийство, учиняемое владельцами над невладельцами.

Если оно делает себя администратором в общественных учреждениях, оно постоянно думает об интересах правителей и собственников, оно занимается интересами трудящихся масс постольку, поскольку необходимо, чтобы массы были согласны им платить. Если правительство облачается в тогу наставника, то препятствует распространению истины и старается подготовить ум и сердце молодых людей к тому, чтобы они сделались или неумолимыми тиранами или послушными рабами, сообразно с классом, из которого они вышли. Всё в руках правительства является средством для удержания народа в оковах.

Должно быть так. Если жизнь человеческая есть борьба между людьми, то естественны победители и побеждённые, и правление, которое является наградой в борьбе или средством упрочить за победителями результаты победы и увековечить их конечно, никогда не будет в руках тех, которые погибли, всё равно в какой борьбе – физической, интеллектуальной или экономической. Те, которые боролись, чтобы победить, чтобы завоевать и упрочить за собой привилегии, начальство и власть, раз победа одержана, конечно, не будут думать о том, чтобы защитить права побеждённых или чтобы положить предел желаниям своим, своих друзей и сторонников.

Правительство или, как называют его, государство – друг правосудия, регулятор в социальной борьбе, беспристрастный администратор интересов общества есть ложь, одна иллюзия, утопия, которая никогда не была и не будет реальной.

Если бы интересы людей должны были быть противоположны, если бы борьба между людьми была необходимым законом человечества, если бы свобода одних должна была служить границей свободы других, тогда каждый стремился бы заставить торжествовать свои собственные интересы над интересами других; каждый стремился бы увеличить свою свободу в ущерб свободе других. Если должно было бы иметь правительство не потому, что это было бы более или менее полезно для всех членов общества, но потому, что победители хотели бы упрочить плоды победы, вполне покоряя побеждённых и освобождая себя от труда, быть постоянно на страже, поручая свою защиту людям, специально приученным к ремеслу жандарма, тогда ведь человечеству пришлось бы погибнуть или биться между тиранией победителей и возмущением побеждённых.

К счастью, будущее человечества более светло, потому что закон, управляющий им, более мягок.

Этот закон – Солидарность.

Известно, что человек имеет два весьма глубоких инстинкта: «инстинкт самосохранения», без которого ни одно живое существо не может существовать, и «инстинкт сохранения рода», без которого ни один род не может ни образоваться, ни продолжаться. Отсюда человек невольно защищает своё существование и благосостояние, равно как и своего рода, против всего и всех.

Уже от природы живые существа имеют два способа упрочить и сделать более спокойным своё существование: 1) индивидуальная борьба против стихий и других индивидов своего или отличного рода; 2) взаимопомощь, кооперация, так сказать «ассоциация для борьбы»

против всех естественных факторов, противодействующих существованию, развитию и благосостоянию членов ассоциации.

Здесь, на этих нескольких страницах, мы не будем останавливаться на истории развития этих двух принципов в эволюции органической жизни: «борьбы» и «кооперации».

Для нас достаточно констатировать в истории человечества как то, что кооперация, насильственная или добровольная, сделалась средством прогресса, совершенствования и безопасности, так и то, что борьба, остающаяся атавической, стала неспособна способствовать благосостоянию индивидов, но, напротив, принесла зло для всех, для победителей и для побеждённых.

Опыт многих поколений показал человеку, что его безопасность более верна, его благосостояние более велико, если он соединяется с другими людьми. И вот, вследствие этой самой борьбы за существование, ведённой против окружающей природы, против индивидов своего рода, у людей развился социальный инстинкт, существенно изменивший условия его существования. Силою этого инстинкта человек мог выйти из животного состояния, подняться на высшую степень могущества и столь возвыситься над другими животными, что спиритуалисты-философы сочли необходимым изобрести для него нематериальную и бессмертную душу.

Много причин способствовало образованию этого социального инстинкта, который, исходя от животного инстинкта сохранения рода, что уже есть социальный инстинкт, ограниченный рамками естественной семьи, установил теперь основание моральной природы человека.

Выйдя из состояния дикости, человек был слабым и беззащитным для индивидуальной борьбы с плотоядными животными. Но имея мозг, способный развиваться, голосовой орган, способный выражать различные мозговые ощущения различными звуками, руки, способные давать материалу желательную форму, он должен был очень скоро почувствовать необходимость и преимущества ассоциации; можно даже сказать, что он выделился человечностью только, когда сделался общественным, и что тогда же он приобрёл навык к речи, что есть сразу и следствие, и могущественный фактор общности.

Относительно ограниченное в первобытную эпоху число людей, борьба человека с человеком за существование, менее острая, менее постоянная и менее необходимая, – всё это сильно способствовало развитию чувств симпатии и помогало констатировать и ценить пользу взаимной помощи.

К этому присоедините ещё способность человека, приобретённую в кооперации, благодаря его природным качествам, изменять вместе с большим числом лиц, участвующих в ассоциации, окружающую среду и приспосабливать её к своим потребностям; множество желаний, которые росли вместе со средствами их удовлетворять и делались необходимыми; разделение труда, следствие методической эксплуатации природы в пользу человека – всё это делало общественную жизнь для человека необходимой средой, вне которой он не может жить, не впад в животное состояние.

И вот, благодаря утончённой чувствительности, вследствие разнообразия отношений; благодаря привычке, полученной в роду по наследственной передаче в продолжение тысячи лет, эта потребность общественной жизни, обмена мыслями, чувствами между людьми сделалась неременной привычкой нашего организма. Она изменяется в симпатию, дружбу, любовь и существует до того независимо от материальных выгод ассоциации, что для удовлетворения её люди переносят все страдания и даже смерть.

В общем, огромные выгоды, которые ассоциация даёт человеку; физическая слабость (непропорциональная его умственному превосходству), которая ставит его наравне с животными, если он остаётся вне общества; возможность для человека соединяться в постоянно возрастающее число индивидов, входить в самые сложные и близкие отношения, вплоть до распространения ассоциации на всё человечество, на всю жизнь; и в особенности, возможность для человека, работая в сообществе с другими, производить более, чем необходимо для существования; наконец, чувства симпатии, которые вытекают из всего этого, дали борьбе за существование среди людей совсем другой характер, чем борьбе, существующей среди других животных.

Как бы там ни было, но теперь известно, – исследования современных натуралистов каждый день приносят новые доказательства, – что кооперация имела и нам имеет в развитии органического мира весьма большое значение, которого не подозревали те, кто хотел оправдать – хорошо или худо – царство буржуазии теориями дарвинистов, ибо расстояние между борьбой у людей и борьбой у животных остаётся огромным и пропорциональным тому расстоянию, которое отделяет человека от других животных.

Другие животные борются или в одиночку или маленькими, постоянными или временными группами, против всей природы, включая сюда и других индивидов своего собственного рода. Даже самые общественные животные, как муравьи, пчелы и т. п. солидарны с индивидами того же самого муравейника или улья и индифферентны к другим общинам их рода (если не ведут борьбу с ними). Человеческая борьба, напротив, старается всё более расширить ассоциацию среди людей, сделать солидарными их интересы, распространить чувство любви каждого человека на всех людей, победить и господствовать над внешней природой с человечеством и для человечества. Всякая же борьба, непосредственно направленная на завоевание преимуществ, независимо от других людей или даже против них, противоречит общественному инстинкту человека и пытается вернуть его к животной жизни.

Солидарность, т. е. гармония интересов и чувств, содействие каждого благу всех и всех благу каждого, есть единственное состояние, в котором человек может выразить свои природные способности и достичь величайшего развития и наибольшего благосостояния. Это цель, к которой движется человечество, это – высший принцип, который разрешает всё существующие противоречия, иначе неразрешимые, и делает то, что свобода одного не имеет предела, но дополнение, необходимое для её существования, в свободе других.

«Ни один человек, говорил Бакунин, не может познать свою собственную человеческую природу и, следовательно, осуществить её требования, не признавая их также в других и не содействуя их осуществлению у других. Ни один человек не может себя эмансипировать, не

эмансипируя вместе с тем всех окружающих людей. Моя свобода есть свобода всех, потому что я только тогда могу быть действительно свободен, свободен не только в мыслях, но и на деле, когда моя свобода и моё право находят себе подкрепление, санкцию в свободе и праве всех людей, мне равных.

Положение других людей для меня очень важно, потому что, каким бы независимым ни казалось моё общественное положение, будь я папа, царь, император или первый министр, я всегда продукт того же, что и последние из людей; если они невежественны, несчастны, рабы, моё существование ограничено их невежеством, их нищетой, их рабством. Я, скажем, человек образованный и интеллигентный – и я глуп вследствие их глупости; я мужествен – и я раб вследствие их рабства; я богат – и я трепещу вследствие их нищеты; я привилегированный; я бледнею пред их правосудием. Я, который хочу быть свободным, не могу им быть, потому что вокруг меня все люди не хотят ещё быть свободными и, не желая этого, они становятся по отношению ко мне орудиями угнетения».

Солидарность является также условием, при котором человек достигает высшей степени безопасности и благоденствия, следовательно, даже эгоизм (т. е. исключительная забота о своих личных интересах) влечёт человека и человеческое общество к солидарности; или лучше сказать, эгоизм и альтруизм (забота об интересах других) сливаются в одном чувстве подобно тому, как сливаются в одном интересе интересы индивида и общества.

Но человек не мог перейти черты от животности к человечности, от жестокой борьбы человека против человека к борьбе, связывающей всех людей, как братьев, против внешней природы.

Получая выгоды, которые даёт ассоциация с разделением труда, человек двигался к солидарности; но его эволюция встретила препятствие, которое изменило её направление и которое заставляет её, ещё и ныне, сбиваться с пути к своей цели. Человек открыл, что он мог, до известной степени, для своих первоначальных материальных, единственно которые он тогда чувствовал, потребностей реализовать выгоды кооперации, подчиняя своей прихоти других людей, вместо того, чтобы сделать их соучастниками; и так как дикие, антисоциальные инстинкты, унаследованные от предков, были ещё сильны в нём, то он заставил самых слабых работать на себя, предпочитая господство ассоциации. Быть может, эта эксплуатация, в большинстве случаев, и была даже причиной того, что человек в первый раз понял пользу ассоциации, пользу, которую человек может получать от помощи другого.

Знакомство с пользой ассоциации, которое должно было привести к торжеству солидарности во всех человеческих отношениях, напротив, привело к установлению частной собственности и правительства или эксплуатации труда всех горстью привилегированных.

Мы сказали: к установлению частной собственности и правительства, т. е. опять-таки к ассоциации, кооперации, вне которой невозможна социальная жизнь; но это была ассоциация, управляемая несколькими в их частных интересах.

Вот здесь и кроется то противоречие, которое заметно во всей истории человечества, противоречие между стремлением к ассоциации и братству для завоевания и

приспособления внешнего мира к потребностям человека удовлетворения моральных чувств и стремлением разделить на столько отдельных враждебных групп, сколько существует групп, определённых географическими, этнографическими или экономическими условиями, сколько существует людей, которые сумели завоевать привилегии и хотят удержать их за собой и умножить, сколько существует людей, которые ещё надеются захватить привилегии, сколько существует, наконец, таких, которые, страдая от несправедливости и привилегий, восстают и хотят освободиться.

Принцип – «каждый за себя» или, что тоже, борьба всех против всех, – возник, чтобы сбить с пути, парализовать борьбу всех против природы, единственно способную дать счастье человечеству, потому что борьба, только основываясь на принципе «все за одного и один за всех», может достичь своей цели.

Человечество перенесло бесчисленные бедствия вследствие вмешательства господства и эксплуатации в человеческую ассоциацию. Но, несмотря на жестокое угнетение масс, несмотря на нищету, несмотря на пороки, преступления, унижения, которые нищета и рабство произвели среди рабов и хозяев, несмотря на накопившуюся ненависть, несмотря на истребительные войны, несмотря на антагонизм искусственно созданных интересов, социальный инстинкт выжил и даже развился. Кооперация, будучи постоянно необходимым условием успешной борьбы человека против внешней природы, остаётся причиной постоянного единения людей и развития чувств симпатии между ними. Само угнетение масс сделало угнетённых братьями между собой. Только благодаря солидарности, распространившейся между угнетёнными, последние могли переносить притеснения, только благодаря ей человечество сопротивлялось смерти, внедрившейся в его существо.

Огромное развитие производства, умножение таких потребностей, которые могут быть удовлетворены только благодаря содействию большого числа людей всех стран, средства сообщения, привычка к путешествиям, наука, литература, торговля, даже войны соединяли, и всегда соединяют, человечество в одно целое, части которого, солидарные между собой, находят свою целостность и свободу развития только в нормальном существовании других частей и целого.

Житель Неаполя, например, столь же заинтересован в оздоровлении плохой деревушки своей местности, сколько в улучшении гигиенических условий народов берегов Ганга, откуда к нему приходит холера. Свобода, благосостояние, будущность горца, затерявшегося в Апеннинах, зависит не только от благосостояния или нищеты жителей его деревушки или от общего положения итальянского народа, но также и от положения рабочего класса в Америке или Австралии, от открытий шведского учёного, от войны или мира где-нибудь в Африке, вообще, от всех обстоятельств, которые, хотя бы в одной какой-либо точке света, влияют на человеческое существование.

При настоящем положении общества, эта широкая солидарность, объединяющая всех людей, по большей части, бессознательна, потому что случайно возникает из конфликтов частных интересов, между тем как вообще люди мало заботятся об общих интересах. Вот это самое очевидное доказательство того, что солидарность – естественный закон человечества, который существует и действует, несмотря на все преграды, созданные

современными социальными учреждениями.

С другой стороны, угнетённые массы, которые никогда не были вполне покорны угнетению и нищете и которые теперь более, чем когда-либо, выражают жажду справедливости, свободы и счастья, начинают понимать, что они могут добиться эмансипации только при единении, солидарности со всеми угнетёнными, со всеми эксплуатируемыми целого мира. Они поняли наконец, что условие «*sine qua non*» их эмансипации есть владение средствами производства, землёй и орудиями труда, т. е. уничтожение частной собственности. Наука, наблюдение за общественным развитием показывают, что это уничтожение принесло бы огромную пользу для самих же привилегированных, если бы только они захотели отказаться от господства и работать вместе со всеми для общего блага.

Разве необходимо было бы существование правительства, если бы однажды угнетённые массы отказались работать на других, если бы они взяли у собственников землю и орудия производства и пожелали употребить их для себя, в свою пользу, т. е. для всех; если бы они отказались переносить господство грубой силы и экономических привилегий; если бы братство народов, чувство человеческой солидарности, укреплённое общностью интересов, положили конец войнам и завоеваниям?

Когда частная собственность уничтожена, правительство, её защитник, должно исчезнуть. Если бы оно пережило этот переворот, то всегда пыталось бы восстановить, в какой бы то ни было форме, класс привилегированных, угнетателей.

Уничтожение правительства не означает и не может означать уничтожения социальной связи. Скорее напротив, кооперация, направленная теперь непосредственно к выгоде нескольких, будет свободна, добровольна, выгодна для всех, и сделается более интенсивной и сильной.

Социальный инстинкт, чувство солидарности, разовьётся в самой высокой степени; каждый человек будет делать всё, что может, для блага других людей, чтобы удовлетворить своим лучшим чувствам, а также из верно понятого интереса.

И вот, из свободного содействия всех, благодаря свободной группировке людей сообразно их потребностям и симпатиям, снизу доверху, от простого до сложного, исходя из самых частных интересов, чтобы прийти к общим, возникнет такая социальная организация, которая поставит целью величайшее благо и свободу всех, которая соединит всё человечество в одну братскую общину, которая будет изменяться, улучшаться с изменением обстоятельств и по указанию опыта. Это общество свободных людей, это общество друзей – анархия.

В предыдущем мы рассмотрели правительство таким, как оно есть, каким оно необходимо должно быть в обществе, основанном на привилегии, на эксплуатации и угнетении человека человеком, на антагонизме интересов, на борьбе, одним словом, на частной собственности.

Мы видели, что это состояние, далеко не необходимое условие человеческой жизни, противоречит интересам индивида и человеческого рода; мы видели, что кооперация, солидарность есть закон человеческого прогресса, и из этого заключили, что с

уничтожением частной собственности и всякого господства человека над человеком правительство теряет всякое *raison d'être* и должно исчезнуть.

«Но могут нам возразить, измените принцип, на котором основана в настоящее время общественная организация, замените борьбу солидарностью, частную собственность – общей, вы измените только характер правительства, которое будет уже не покровителем и представителем интересов одного класса, ибо классы не существовали бы более, а представителем интересов всего общества. Оно имело бы своим назначением упрочить новое положение вещей и управлять, имея в виду интересы всех, социальной кооперацией, исполнять главные общественные обязанности, защищать общество от возможных попыток восстановления привилегий, предупреждать и подавлять покушения нескольких на жизнь, благосостояние и свободу каждого».

Есть, де, в обществе такие функции, которые требуют такой твёрдости и постоянства, что не могут быть оставлены на добрую волю индивидов без риска видеть их приведёнными в беспорядок.

Кто организует, кто обеспечит, без правительства, организации: продовольственную, распределения, гигиены. почт, телеграфов, железных дорог и т. д. ? Кто будет заботиться о всеобщем обучении? Кто предпримет те великие труды по исследованию, по оздоровлению, те научные предприятия, которые изменяют вид земли и увеличивают силы человека?

Кто будет неусыпно следить за сохранением и умножением общественного капитала, чтобы передать его будущему человечеству?

Кто будет препятствовать истреблению лесов, нерациональной эксплуатации, а следовательно, и истощению почвы?

Кому будет поручено предупреждать пороки, т. е. антисоциальные акты?

А те, которые, оставляя без внимания закон общественной солидарности, не пожелали бы работать? А те, которые стали бы распространять в стране заразу, отказываясь подчиняться правилам гигиены, признанным наукой полезными?

А если бы были лица, безумцы или нет, которые пожелали бы поднять восстание, насиловать детей и употребить против самых слабых физическую силу?

Уничтожить частную собственность и существующие правительства, не восстанавливая правительства, которое организует коллективную жизнь и упрочит общественную солидарность, – не значит уничтожить привилегии и принести человечеству мир и благополучие: это будет уничтожением всякой социальной связи, возвращением человечества к варварству, к жизни для себя, что означает сначала торжество грубой силы, а потом и экономических привилегий.

Вот возражения, которые нам ставят авторитеты, даже и из социалистов, т. е. те, которые желают уничтожения частной собственности и правительства собственников.

Ответим.

Прежде всего неправда, что при изменении социальных условий правительство изменяется в свойствах и в функциях. Органы и функции термины неразделимые. Лишите орган его функций – или орган умрёт, или функции восстановятся; оставьте армию в стране, где нет ни основания, ни боязни внутренней или внешней войны, она провозгласит войну или, если это не удастся, разойдётся. Там, где нет преступлений, где нет преступников, полиция изобретёт их или перестанет существовать.

Во Франции существует уже столетия одно учреждение, присоединённое ныне к управлению лесами, так называемое, «louveterie», чиновники которого обязаны руководить уничтожением волков и других хищных зверей. И никто не удивится тому, что вследствие существования этого учреждения волки ещё существуют во Франции и зимой находят много жертв. Народ мало занимается волками, потому что ведь есть «louveteriers», которые должны этим заниматься. Последние устраивают прекрасные охоты, но устраивают искусно, щадя гнезда и оставляя время для размножения волков, чем устраняют риск уничтожения столь интересной породы. Действительно, французские крестьяне мало питают доверия к этим истребителям волков, считая их скорее хранителями. Да и понятно: что осталось бы делать чиновникам, если бы волки исчезли?

Правительство, т. е. определённое число лиц, которым поручено составлять законы, которые пользуются силою всех, чтобы принудить каждого исполнять их, устанавливает привилегированный и отдельный от народа класс. Оно инстинктивно старается, как и всякое тело (общество), устроенное для умножения своих атрибутов, избежать контроля народа, внушить свои желания, заставить господствовать свои частные интересы. Поставленное в привилегированное положение, правительство находится в антагонизме с массой, силой которой оно ежедневно пользуется.

Впрочем, если бы правительство даже и желало, оно не могло бы удовлетворить всех; если оно сумело бы удовлетворить нескольких, оно должно было бы защищаться против недовольных и для того покровительствовать одной части народа, чтобы быть ею поддержанным. Итак, снова началась бы старая история привилегированного класса, который образуется при соучастии правительства и который, если на этот раз не делается собственником земли, конечно, присваивает места, созданные для этого случая, и бывает не менее угнетателем, не менее хищником, чем класс капиталистов.

Правители, привыкнув к власти, не пожелали бы возвратиться в толпу; если бы они не могли сохранить власть, они, по крайней мере, укрепили бы за собой привилегированное положение для того момента, когда им пришлось бы уступить эту власть другим. Они употребили бы все средства, которые даёт власть, чтобы заставить преемниками себе избрать своих друзей, которые, в свою очередь, их поддерживали бы и протезировали им. Правление всё осталось бы в одних и тех же руках и «демократия», т. е. «протяжённое» правление всех, окончилось бы, как и всегда, «олигархией», т. е. правлением нескольких, правлением одного класса.

И как была бы всемогуща и репрессивна олигархия, которая имела бы по своей должности, т. е. в своём распоряжении весь общественный капитал, все общественные службы, начиная от продовольствия до фабрикации спичек, с университетов до театров, опереток!!!

Но допустим, что правительство само по себе не устанавливает привилегированного класса и что оно могло бы, не образуя около себя нового класса привилегированных, оставаться представителем, если хотите рабом, всего общества. Что случилось бы тогда! Чем и как оно умножило бы силу, знание, дух солидарности, заботу о благе всех и будущего человечества, которые к тому времени уже существовали бы в обществе?

Всё это та же старая история человека в цепях, который существует несмотря на цепи, считает их необходимым условием жизни.

Мы привыкли жить под властью правительства, которое приспособило все те силы, знания и стремления, которые можно направлять к известным целям, и ставит препятствия, парализует, стесняет те, которые для него бесполезны или враждебны – и мы воображаем, что всё в обществе – работа правительства, что без правительства не существовало бы в обществе ни силы, ни знания, ни благих стремлений. Так, (мы уже говорили это) собственник, который завладел землёй, заставляет её обрабатывать для своей личной пользы, оставляя работнику только самое необходимое, чтобы он мог и хотел продолжать работать, и работник, как раб, думает, что он не мог бы жить без хозяина, как будто тот создал землю и силы природы.

Что может правительство прибавить к моральным и материальным силам общества? Не будет ли оно творить нечто из ничего? Но так как ничто не создавалось в так называемом материальном мире, то тем более ничто не создаётся в социальном мире, в этой более усложнённой форме материального мира. Вот почему правительство может располагать только силами, существующими в самом обществе, исключив из них весьма многие силы, которые им парализуются и уничтожаются, исключив также противодействующие ему силы, и силы, потерянные в трениях, весьма частых в столь сложном механизме.

И если правительства всё-таки иногда что-нибудь дают, то это как люди, а не как правители. Из всех материальных и моральных сил, которые остаются в распоряжении правительства, только незначительная часть их употребляется действительно полезным образом для общества. Остальное тратится или для обуздания мятежных сил или для пользы нескольких во вред большинству.

Давно уже стал спорным вопрос о том, какое значение в жизни и прогрессе человеческих обществ имеют личная инициатива и социальный акт; и, в конце концов с обычным искусством метафизиков, вопрос этот запутан ещё более, причём считается наивным, в интересах лени и насилия, утверждение, что всё управляется и движется в обществе благодаря личной инициативе. В действительности это истина, которая становится вполне очевидной, если уяснить и усвоить себе следующее понятие: «Истинное (реальное) бытие, человек, индивид»; общество или собрание и государство или правительство, которое будто бы их представляет, если не пустое абстрактное понятие, то агрегат индивидов. В организме каждого человека зарождаются все мысли и человеческие поступки, которые из

индивидуальных делаются коллективными, как скоро они суть или делаются общими большинству индивидов, которые составляют общество; результат мыслей, действий всех индивидов, которые составляют общество – результат, который более или менее велик, сообразно с силами или сходящимися для достижения одной и той же цели, или же расходящимися и противодействующими. В случае же, если сквозь социальный акт виден правительственный, то это также результат индивидуальных сил, некоторой части правительства или тех лиц, которые вследствие своего положения могут влиять на действия правительства.

Отсюда, вековой спор между «свободой» и «авторитетом» или, другими словами, между «социализмом» и «классовым государством» не есть вопрос об увеличении индивидуальной инициативы для подавления общественного вмешательства или наоборот. Вопрос идёт о том, чтобы помешать нескольким индивидам быть в состоянии угнетать других; дать всем одни и те же права и средства; установить инициативу всех, что естественно даёт всем выгоду, вместо инициативы нескольких, что, неизбежно, ведёт к притеснению всех несколькими. Вообще, всегда дело идёт о том, чтобы уничтожить господство и эксплуатацию человека над человеком таким образом, чтобы все были заинтересованы в общем благосостоянии, и чтобы индивидуальные силы, вместо того чтобы быть угнетёнными или бороться и уничтожать одна другую, нашли бы возможность полного развития и соединились бы между собой для самой великой выгоды – выгоды всех.

Вывод из всего того, что мы сказали, это правительство, даже если оно будет идеальным правительством социалистов-авторитаристов, вовсе не увеличивало бы производительные, организаторские и попечительные силы, но безмерно их уменьшило бы, присваивая инициативу нескольким и давая этим нескольким право всё делать, будучи не в состоянии, конечно, им дать дар всё знать.

И действительно, если вы отнимите из законодательства и всех трудов правительства всё, что создано для защиты привилегий и что представляет волю самих же привилегированных, то, что останется, что не было бы результатом деятельности всех?

«Государство, – говорил Сисмонди, – это всегда консервативная власть, которая санкционирует, регулирует, организует завоевания прогресса (а история прибавляет, что оно управляет ими в пользу привилегированного класса); но оно никогда не создаёт их». Всегда идут они снизу. Они рождаются в глубине общества, из индивидуальной мысли, которая затем популяризуется, становится мнением большинства, но должна постоянно встречаться на своём пути и бороться с властью, учредившей традиции, привычки, привилегии и страх.

Впрочем, чтобы понять, как общество может жить без правительства, достаточно взглянуть несколько вглубь нынешнего общества; мы увидим, как в действительности самая великая, самая общественная часть социальной жизни выполняется, и ныне, без вмешательства правительства и, как правительство вмешивается только для того, чтобы эксплуатировать массы, защищать привилегий и санкционировать, без пользы всё то, что совершается без него и даже вопреки и против него. Люди трудятся, вступают в меновую связь, обучаются, путешествуют, следуют по своему желанию правилам морали и гигиены, пользуются прогрессом науки и искусства, находятся между собой в разнообразнейших отношениях, без

которых они чувствовали бы потребность чего-то, что налагало бы известные правила поведения. По справедливости, это вещи, в которые правительство не вмешивается, которые прекрасно идут, которые меньше всего вызывают раздоров и которые согласуются с желаниями всех так, что все находят в том пользу и удовольствие.

Теперь уже нет необходимости в правительстве для больших предприятий, для таких общественных организаций, которые требуют регулярного содействия многих лиц, стран и различных условий. Тысячи подобных предприятий теперь – труд частных ассоциаций, свободно устроенных; по всеобщему мнению, они-то более всего и преуспевают. Мы не говорим об ассоциациях капиталистов, организованных для целей эксплуатации, хотя, впрочем, они и показывают возможность и могущество свободной ассоциаций и то, как это последняя распространяется, охватывая людей всех стран и огромные, крайне разнообразные интересы. Мы говорим, скорее, об ассоциациях, которые или воодушевлённые любовью к себе подобным, или благодаря влечению к науке, или просто из желания позабавиться и заставить себе аплодировать, представляют такие группы, которые будут в обществе, в котором, по уничтожении частной собственности и борьбы между людьми, каждый найдёт свой интерес в интересах всех и наибольшее самоудовлетворение в том, чтобы делать добро и угождать другим.

Научные общества, конгрессы, международные общества помощи потерпевшим кораблекрушение, ассоциация Красного Креста, географические общества, организации рабочих, отряды добровольцев, которые стекаются на помощь во всех величайших общественных несчастьях – вот примеры, а их тысячи, этого могущественного чувства ассоциации, которое проявляется всегда, когда есть нужда в этом или когда чувствуется истинное влечение и нет недостатка в средствах. А то, что добровольные ассоциации не покрыли весь мир, не обнимают всех отраслей материальной и моральной деятельности, – так это следствие препятствий, воздвигнутых правителями, следствие противоречий, созданных частной собственностью, следствие бессилия, унижения большинства, доведённого до этого присвоением богатств несколькими лицами. Правительство берет на себя, напр., организацию почт, железных дорог и т. д. Но чем, на самом деле, оно помогает этим организациям? Когда народ чувствует потребность в этих учреждениях и может их иметь, тогда он решает их организовать, и техники не имеют нужды в правительственном патенте, чтобы приняться за дело. Чем более потребность является общей, насущной, тем более находится желающих её исполнить. Если бы народ имел возможность заботиться о производстве и распределении продуктов производства, то нечего было бы бояться, что он умер бы с голоду в ожидании правительственных законов по этому вопросу. Если бы правительству надлежало себя восстановить, то оно должно было бы ждать, пока народ всё сперва не организовал бы, чтобы затем санкционировать законами и эксплуатировать то, что уже сделано. Указывают, что частный интерес – великий фактор всякой деятельности. Пусть так. Но когда интересы всех – интересы каждого, а это необходимо было бы, если бы не существовало частной собственности, то все трудятся: и вещи, в которых все заинтересованы, выделялись бы в гораздо большем количестве и лучше, чем те, в которых заинтересованы только некоторые. Трудно представить людей, которые убеждены, что работа и регулярная деятельность общественных организаций, неизбежных в социальной жизни, лучше идут, если совершаются чиновниками правительства, а не прямо работниками, которые, по выбору или по соглашению с другими, избрали этот род труда и

исполняют его под непосредственным контролем всех заинтересованных.

Справедливо, что во всяком коллективном труде необходимо разделение труда, руководство в технике, администрация и т. п. Но авторитеты зло играют словами, чтобы оправдать существование правительства действительной необходимостью организации труда.

Правительство, я повторяю ещё раз, – это собрание индивидов, которые получили или захватили право и средства составлять законы и принуждать людей повиноваться; администрация, инженеры и т. п. – это, напротив, люди, которые получают или берут на себя обязанность исполнять работу и исполняют её.

«Правительство» означает полномочие власти или сложение инициативы и суверенитета всех в руки нескольких. «Администрация» означает полномочие труда, или обязанность, возложенную и принятую, свободную перемену службы, основанной на свободном договоре. Правитель – это привилегированный, потому что имеет право командовать другими и заставлять силы других людей служить для господства своих идей и своих личных желаний. Администратор, директор фабрики и т. п. – работники, как и другие, когда дело идёт (а это понятно) об обществе, где все имеют равные средства для своего развития, где все могут быть одновременно работниками и умственного и ручного труда, где все работы, все функции дают равное право наслаждаться социальными выгодами. Нельзя смешивать функций правительства с функциями администрации, существенно различных, так как, если теперь они и находятся слитыми, то по причине экономических и политических привилегий.

Однако, поскорей перейдём к функциям правительства, функциям, которые всеми не анархистами рассматриваются, как действительно необходимые: внешняя и внутренняя охрана общества, т. е. «война», «полиция», «правосудие». Если правительства будут уничтожены, социальные богатства отданы в распоряжение всех, то все противоречия между различными народами весьма скоро исчезнут, и война не будет иметь своего «raison d'être». Прибавим ещё, что при нынешнем состоянии общества, революция, вспыхнувшая в одной стране, если не найдёт непосредственного эха повсюду, то, конечно, встретит столько сочувствия, что ни одно правительство не осмелится послать войска за границу без риска вспышки революции в своей собственной стране. Допустим, что правительства тех стран, в которых народ ещё не завоевал полного равенства, хотели бы и могли бы попытаться вновь обратить в рабство другой, свободный народ? Разве этот последний нуждался бы в правительстве для своей защиты? Чтобы начать войну, нужны люди, имеющие необходимые географические и технические сведения и в особенности массы, желающие сражаться. Правительство не может увеличить ни способности одних, ни желанья и мужества других. Исторический опыт нам показывает, как народ, действительно желающий защищать свою страну, непобедим: в Италии – все хорошо это знают – перед отрядами волонтёров (анархической формации) рушатся троны и уничтожаются регулярные армии, составленные по принуждению или за плату.

«Полиция»? «Суд»? Многие представляют, что, если бы не было жандармов, полицейских и судей, каждый стал бы свободно убивать, насиловать и грубо обращаться с ближними; что анархисты, во имя своих принципов, желают, чтобы почиталась та странная свобода,

которая насилует и уничтожает свободу и жизнь других. Они почти убеждены, что после уничтожения правительства и частной собственности мы стали бы спокойно восстанавливать и то, и другое из уважения к свободе тех, которые почувствовали бы потребность быть правителями и собственниками. Действительно, странный способ понимать наши идеи!.. Правда, таким образом легче всего одним пожиманием плеч отклонить от себя труд опровержения.

Свобода, которой мы хотим для себя и для других, не есть свобода абсолютная, абстрактная, метафизическая, которая на деле роковым образом влечёт к угнетению слабых; нет, это действительная свобода, свобода возможная, которая представляет сознательную общность интересов, добровольную солидарность. Мы провозглашаем положение: «поступай так, как хочешь» и в нём мы, так сказать, резюмируем нашу программу, потому что, это легко понять, мы убеждены, что в обществе, основанном на гармонии интересов, в обществе без правительства и собственности «каждый будет хотеть того, что он должен (хотеть)».

Но если кто-нибудь, благодаря воспитанию, полученному современным обществом, или вследствие физиологических или каких других причин стал бы причинять вред нам и другим, то мы употребили бы, да будет известно, все средства, допустимые с нашей точки зрения, чтобы помешать этому. Конечно, так как мы знаем, что человек есть продукт собственного организма и космической и общественной среды, в которой он живёт; так как мы не смешиваем священного права защиты с мнимым и нелепым правом наказания, так как в преступнике, т. е. в том, кто учиняет антисоциальные акты, мы не видим раба мятежного, каким его делает судья наших дней, но больного брата, нуждающегося в заботах, мы не вложим ненависти в подавление, мы заставим себя не идти далее необходимой защиты, мы не будем мстить за себя, но лечить и исправлять несчастных, употребляя все средства, которые нам укажет наука.

Во всяком случае, и как бы там ни понимали это сами анархисты, которые, как и все теоретики, могут потерять из виду действительность, гоняясь за кажущейся логичностью, известно, что народ никогда не позволит безнаказанно посягать на свою свободу и благосостояние если явится необходимость, он примет меры для защиты против антисоциальных стремлений нескольких. Но разве есть для этого нужда в тех людях, ремесло которых – фабрикация законов? Или в тех, которые отыскивают и выдумывают нарушителей законов? Когда народ действительно отвергает что-нибудь, находя вредным, он всегда сумеет этому воспрепятствовать и притом лучше, чем все законосоставители, жандармы и судьи по ремеслу. Когда бы народ пожелал, в пользу или во вред остальным, заставить уважать частную собственность, он заставил бы уважать её, как не могла бы сделать целая армия жандармов.

Обычаи всегда следуют за потребностями и чувствами большинства; и тем более они уважаются, чем менее они санкционированы законами; ибо все в них видят, понимают пользу, и заинтересованные, не делая иллюзий относительно протекции правительства, для себя же самих желают, чтобы эти обычаи уважались. Для каравана, путешествующего в пустынях Африки, лучшая экономия воды – вопрос жизни и смерти, и вода при таких обстоятельствах делается священной: никто не позволит себе злоупотребить ею.

Конспираторы нуждаются в секрете: тайна охраняется, и позор поражает того, кто её нарушает. Игорные дома не гарантируемы законом, и среди игроков тот, кто не платит, считает сам себя обесщеченным

Быть может, только благодаря жандармам не происходит убийств больше, чем могло бы быть? Но, большинство общин Италии видит полицию лишь издалека; и миллионы людей идут через горы и доли, далеко от охранительных глаз власти, так что на них можно было бы напасть без малейшего риска кары; а между тем, они в неменьшей безопасности, чем в самых оберегаемых центрах. Статистика показывает, что число преступников очень мало зависит от действия репрессивных мер и очень быстро изменяется с изменением экономических условий и состояния общественного мнения. Впрочем, репрессивные законы имеют в виду только экстраординарные, исключительные факты. Повседневная жизнь протекает вне силы кодекса и, почти бессознательно, управляется молчаливым и добровольным согласием всех, множеством обычаев и привычек, более важных для общественной жизни, чем статьи уголовного закона, и более почитаемых, хотя они и лишены всякой санкции, кроме естественной санкции презрения по отношению к нарушителям и зла, проистекающего из этого презрения.

Когда наступают распри между людьми, разве добровольно избранный посредник или общественное мнение не были бы более способны дать разумное решение тем, которые нуждаются в этом, чем неотвественное судейское сословие, которое имеет право судить всё и всех, которое по необходимости некомпетентно и поэтому несправедливо?

Так же, как правительство служит преимущественно для покровительства привилегированным классам, и полиция и судейское сословие служат только для подавления тех преступлений, которые народом не рассматриваются как таковые и которые вредят только привилегиям правителей и собственников. Для истинно общественной защиты, для защиты блага и свободы всех нет ничего более вредного, как этого рода классы, существующие под видом «защиты всех», привыкшие смотреть на каждого, как на дичь, пригодную для клетки, и поражающие её, не зная зачем, по приказанию начальства, как бессовестные и наёмные убийцы.

Хорошо, пусть так! скажут: анархизм, быть может, совершенная форма общественной жизни, но мы не хотим делать скачка в потёмки. Разъясните нам, «en detail», как будет организовано ваше общество. И вот, идёт целый ряд вопросов, очень интересных, если дело идёт об изучении проблем, решения которых будут возможны в будущем обществе, и совершенно бесполезных, нелепых или смешных, когда предполагают на них получить от нас окончательное решение.

По каким методам будет производиться образование детей? Как будут организованы производство и распределение? Будут ли ещё большие города или население распределится равным образом по всей поверхности земли?

Что, если все жители Сибири пожелают провести зиму в Ницце? Если все пожелают есть куропаток и пить лучшие вина? Кто будет рудокопом, кто моряком? Кто будет очищать отхожие ямы? Где будут находиться больные, дома или в больнице? Кто установит

расписание часов прихода и отхода поездов? Как будут поступать, если в пути машиниста заберут колики? И так далее, как будто мы должны обладать знанием и опытом будущего и будто мы, от имени анархизма, обязаны предписать будущим людям, в какой час они должны ложиться спать, и в какие дни они должны срезать себе мозоли на ногах.

Право, если наши читатели ожидают от нас ответа на эти вопросы или, по крайней мере, на те из них, которые серьёзны и важны, ответа, который бы представлял не только наше личное мнение и для одного момента, то это только покажет, что мы не сумели объяснить, что такое анархия (анархизм), а это было нашей целью.

Мы не более пророки, чем остальные: если бы мы претендовали на единственно верное решение всех проблем, которые представятся в жизни будущего общества, то мы, значит, понимали бы очень странно уничтожение правительства. Или нам объявить себя правительством и предписать по примеру религиозных законодателей всеобщий кодекс для настоящего и будущего, что ли?! К счастью, так как мы не имели бы ни костра, ни тюрьмы, чтобы навязать нашу Библию, то человечеству можно было бы безнаказанно смеяться над нашими притязаниями!

Всё же, мы много занимаемся проблемами социальной жизни или в интересах науки или потому, что мы надеемся видеть анархизм осуществлённым и сколько можем, содействуем организации нового общества. Поэтому мы имеем известные решения, которые в различных случаях считаются нами или окончательными, или временными. Мы бы и ещё сказали по этому предмету, если бы не недостаток места.

Но тот факт, что теперь на основании данных, находящихся в нашем распоряжении, мы думаем по этим вопросам так, не говорит, что то же будет в будущем. Да и кто может предвидеть будущую деятельность человечества? Когда все будут иметь возможность образоваться и развиваться? Когда не будет рабов, ни господ и когда борьба против других людей и ненависть и злоба, которые отсюда являются, не будут более существовать? Кто может предвидеть прогресс науки, новые средства производства и сообщений и т. д.

Существенно вот что: пусть устраивается такое общество, где немыслимы были бы эксплуатация и господство человека над человеком; в котором все имели бы свободное распоряжение средствами существования, развития, труда; в котором все могли бы содействовать, как они хотят и умеют, организации социальной жизни! В таком обществе всё необходимо будет исходить из желания возможно лучше удовлетворить всеобщие потребности, по мере знания и возможности момента; всё будет изменяться к лучшему по мере увеличения знаний и средств.

В сущности, программа, которая колеблет основы общественного строя, должна указать и метод. И повсюду метод-то и различает партии, и определяет их значение в истории. Что касается метода, то все говорят, что желают блага людям, и многие действительно этого желают; но партии исчезают, а с ними исчезает и всякая организованная и направленная к одной определённой цели деятельность. Поэтому надо особенно внимательно рассмотреть анархизм, как метод.

Методы, от которых различные партии, только не анархисты, ожидают или уверяют, что ожидают, величайшего блага каждого и всех, могут быть сведены к двум: «авторитету» и, так называемому. «либерализму». Первый поручает нескольким лицам управление общественной жизнью и ведёт к эксплуатации и притеснению массы со стороны нескольких.

Второй основывается на свободной инициативе индивидов и провозглашает, если не уничтожение, то по крайней мере, уменьшение атрибутов правительства до возможного минимума. Так как он уважает частную собственность и сам всецело основан на принципе «каждый за себя» и, вследствие этого, на соперничестве между людьми, то его свобода – свобода сильных, собственников, чтобы угнетать и эксплуатировать слабых, тех, которые не владеют ничем; далёкая от стремления к гармонии, она стремится к постоянному увеличению расстояния между богатыми и бедными и ведёт к эксплуатации и господству, т. е. к авторитету. Этот второй метод, или либерализм, теоретически есть вид анархизма без социализма, и чрез это – ложь, потому что свобода невозможна без равенства; истинный анархизм не может быть без солидарности, вне социализма. Критика либералами правительства сводится к стремлению отнять от него известное число атрибутов, передать их капиталистам, но либералы не могут стремиться к уничтожению репрессивных функций, которые составляют сущность правительства; ибо без жандармов собственники не могут существовать, и даже сила правительственных репрессий должна постоянно расти по мере возрастания под действием свободной конкуренции вражды и неравенства.

Анархисты предлагают новый метод: «свободная инициатива всех и свободный договор», когда всем, по уничтожении революционным путём частной собственности будет возможно распоряжаться социальными богатствами на равных условиях. Этот метод, делая невозможным восстановление частной собственности, должен привести путём свободной ассоциации к полному триумфу принципа солидарности.

Рассматривая вещи таким образом, видно, что все проблемы, поставленные выше, чтобы разбить анархические идеи, представляют, напротив, аргументы в пользу анархизма, потому что он один только указывает путь к решению этих проблем сообразно с данными науки, сообразно потребностям и чувствам всех.

Как будут воспитывать детей?[2] Мы этого не знаем. Так что? Родители, педагоги и все те, которые интересуются судьбою новых поколений, будут сообщаться, диспутировать, соглашаться или нет по разным положениям, практически рассматривать методы, признанные ими лучшими; на практике действительно лучший метод восторжествует.

То же самое произойдёт и со всеми проблемами, которые представятся.

В результате того, что мы говорили до сих пор, это анархия, как она понимается партией анархистов и как она только и может быть понята, основывается на социализме. И если бы не было тех социалистических школ, которые искусственно разделяют естественное единство социального вопроса и рассматривают только отдельные части его, если бы не было экивоков, посредством которых стараются отрезать путь к социальной революции, тогда мы могли бы подтвердить, что анархизм есть синоним социализма, потому что и тот, и другой означают уничтожение господства и эксплуатации человека над человеком, всё

равно будут ли они осуществляться посредством армий, силою ружей, или присвоением средств существования.

Анархизм, так же, как и социализм, имеет основанием, точкой отправления, необходимой средой равенство положений; своим маяком – солидарность и методом – свободу. Он не совершенство, он не абсолютный идеал, который, как горизонт, удаляется по мере того, как мы приближаемся; но он открытая дорога для всякого прогресса, для всех усовершенствований, выполняемых в интересах всех.

Установив, что анархия есть такой строй общественной жизни, который один оставляет открытым путь, приводящий к величайшему благу всех людей, потому что он один разрушает всякий класс, стремящийся к угнетению и нищете масс; установив, что анархизм возможен, потому что действительно избавляет человечество от помехи правительства, с которым он всегда должен бороться, чтобы пройти свой тяжёлый путь; установив всё это, мы констатируем, что сторонники авторитета удаляются в свои последние окопы, где усиливаются известным числом индивидов, которые, будучи горячими партизанами за свободу и справедливость, боятся свободы и решительно не могут понять человечество без опекунов и пастырей. Прижатые правдой, эти люди требуют отложить это дело на более дальний срок. Вот сущность аргументов, которые нам приводят на этой ступени дебатов:

«Это общество без правительства, которое управляется посредством свободной и добровольной кооперации; это общество, которое во всем полагается на добровольную общность интересов и которое основано всецело на солидарности и любви, несомненно, говорят они, прекрасный идеал, но, как и все идеалы, он витает в облаках. Мы обретаемся в человечестве, которое искони веков разделено на угнетателей и угнетённых; эти последние полны желания господствовать и имеют все пороки тиранов, а те привыкли к рабскому повиновению и обладают ещё худшими пороками. Чувство солидарности очень далеко от того, чтобы господствовать теперь среди людей; и если правда, что судьба людей быть и постоянно делаться солидарными между собой, то не менее верно и то, что говорят учёные и что оставляет глубочайший отпечаток на человеческом характере, – это борьба за существование, которую ежедневно каждый поддерживает против всех; это конкуренция, которая давит и рабочих и хозяев и которая делает каждого человека волком в отношении другого. Каким образом те люди, которые получили воспитание в обществе, основанном на антагонизме классов и индивидов, могут моментально перемениться и стать способными жить в обществе, где каждый будет делать то, что пожелает, где каждый должен будет без всякого принуждения, по влечению собственной натуры, желать блага другим. С большей ли уверенностью вы доверите судьбу революции, судьбу человечества невежественной толпе, задыхающейся в нищете, оскотинившейся благодаря священнику, которая сегодня будет глупо кровожадной, а завтра позволит грубо издеваться над собой денежному тузу или будет рабски гнуть шею под пятой первого военного, который осмелится объявить себя господином? Не будет ли более разумно приближаться к анархическому идеалу, проходя через демократическую и социалистическую республику? Не необходимо ли правительство лучших, чтобы приготовить почву для размножения идей?»

Если бы мы сумели заставить нашего читателя нас понять и склонить к тому, что мы говорили раньше, то не следовало бы и приводить этих возражений; но все-таки лучше мы

ответим на это, несмотря на то, что нам придётся повторяться.

Мы постоянно находимся под влиянием предрассудка, что правительство есть новая сила, вышедшая неизвестно откуда, которая сама собой прибавляет нечто к сумме сил и способностей тех, которые составляют его, и тех, которые ему повинуются. Напротив, всё, что делается в человеческом обществе, делается людьми, и правительство, как таковое, не вносит туда ничего своего, кроме стремления монополизировать всё в пользу данной партии или данного класса и препятствовать всякой инициативе, зародившейся вне его партии.

Уничтожить авторитет (власть), уничтожить правительство – ещё не означает разрушить индивидуальные и коллективные силы, действующие в человечестве, или влияние, которое люди оказывают друг на друга; последнее и означало бы вернуть человечество к массе отделённых друг от друга и энергичных атомов; ну, а это вещь невозможная, и если бы была возможна, то означала бы разложение всего общества, смерть человечества.

Уничтожить власть – значит уничтожить такое положение вещей, когда социальная сила или сила всех бывает орудием ума, воли, интересов небольшого числа индивидов, которые, пользуясь силой всех, дают для своей собственной выгоды и выгоды своих идей свободу каждого.

Уничтожить власть – значит разрушить тот строй социальной организации, посредством которого, от революции к революции, будущее присваивается в пользу тех, которые были победителями момента.

В издании, появившемся в 1872 г., Михаил Бакунин, говоря о том, что великие средства деятельности Интернационала были пропаганда его идей и организация естественной деятельности его членов на массы, прибавляет:

«Всякому, кто утверждал бы, что так организованная деятельность была бы посягательством на свободу масс, попыткой создать новую авторитарную власть, мы ответим, что он никто иной, как софист и глупец. Тем хуже для тех, которые не знают естественных законов человеческой солидарности и воображают, что абсолютная взаимная независимость индивидов и масс была бы возможная или, по меньшей мере, желательная вещь».

Ее желать – значит желать разложения общества, потому что социальная жизнь – не что иное, как эта взаимная и постоянная зависимость.

Все индивиды, даже если бы они были самыми интеллигентными и сильными, гораздо более, в особенности, если бы они были самыми и умными, и сильными, в каждую данную минуту бывают и производителями, и [потребителями]. Сама свобода каждого индивида есть только следствие, постоянно-производная той массы материальных, интеллектуальных и моральных влияний всех индивидов, его окружающих, общества, среди которого он рождается, развивается и умирает. Желание избежать этого влияния посредством трансцендентальной, божественной, абсолютной, эгоистической и достаточной в ней самой свободы есть стремление к небытию; желание отказаться влиять ею на других, значит отказаться от всякой общественной деятельности, даже от выражения своих собственных

мыслей и чувств и возвращаться опять таки в небытие... Подобная независимость, столь восхваляемая идеалистами и метафизиками, индивидуальная свобода, понимаемая в этом смысле также небытие.

«В природе, как и в человеческом обществе, которое, ничто иное, как та же природа, все, что живёт, живёт только при высшем условии вмешательства в жизнь других, столь положительным образом и так могущественно, как позволяет это природа. Уничтожение этого взаимного влияния было бы смертью; когда мы требуем свободы массам, мы не помогаем уничтожения всякого естественного влияния, которое индивиды или группы индивидов оказывают на них; то, что мы желаем, – это уничтожения искусственных, привилегированных, законных, официальных влияний».

Известно, что в современном обществе, где огромное большинство людей, задавленное нищетой и оскотинившееся от суеверий, находится в унижении, человеческая участь зависит от действий относительно незначительного числа индивидов.

Конечно, не может случиться, чтобы все люди вдруг возвысились до проникновения долгом гораздо более, чем удовольствием, и поступали так, чтобы было для других велико возможно величайшее благо.

И если мыслящие и управляющие человечеством силы теперь ещё малочисленны, то это, ведь, не довод в пользу того, чтобы парализовать часть их и тем подчинить многих нескольким из них: это не довод, чтобы образовать такое общество, в котором вследствие бездействия – следствие упроченных мест, вследствие наследства, протекционизма, воспитания и всякой правительственной механики, самые живые силы и действительные способности кончают тем, что, находясь вне правительства, почти совсем лишены влияния на общественную жизнь.

А те, которые возвышаются до правительства, будучи перемещены из своей среды и, прежде всего, стараясь удержаться у власти, теряют всякую способность к деятельности и служат только препятствием для других.

Уничтожьте эту отрицательную власть, т. е. правительство, и общество будет тем, чем оно могло бы быть сообразно с силами и способными людьми данного момента.

Если здесь находятся сведущие и желающие распространять науку люди, они организуют школы и употребят усилия, чтобы всех заставить почувствовать пользу и удовольствие самообразования; если их нет, или их мало, то правительство не может их создать; оно могло бы только взять, отвлечь этих людей от их плодотворного труда, поставить их составлять законы, которые необходимо внушить при помощи полицейских и, таким образом, сделать из интеллигентных и страстных, какими они были, наставников политиков, всегда занятых внушением своей мании и заботой остаться у власти.

Если есть медики и санитары, они организуют санитарную службу. Если же их нет, то правительство не может их создать; оно могло бы только благодаря недоверию, на котором народ вскормлен, (недоверию, часто оправдывающемуся, по отношению к правительству), подорвать веру в знания врачей и тем дать возможность их умерщвлять, как отравителей,

когда они идут лечить во время эпидемии.

Если есть инженеры, машинисты, они устроят железные дороги. А если их не существует, правительство опять-таки не может их создать.

Революция, уничтожая правительство и частную собственность, не создаёт сил, которых de facto не существует, но оставит свободным поле для расширения сил, всех существующих способностей, разрушит всякий класс, стремящийся удержать массы в скотском состоянии, и сделает так, что каждый будет в состоянии действовать и оказывать своё влияние пропорционально своим способностям, своим влечениям и интересам.

Это единственный путь, по которому масса могла бы подняться, так как, только владея свободой, можно научиться быть свободным, также, как только работая, можно научиться работать.

Если бы правительство не имело других затруднений, то всё же ему постоянно приходилось бы приучать управляемых к подчинению, и ещё не малое затруднение, выказывать себя все более и более необходимым.

С другой стороны, если хотят правительства, чтобы оно воспитало массы и вело к анархизму, тогда надо объяснить, какое будет происхождение, каков будет способ образования правительства!

Может быть, что будет диктатура лучших? И кто определит в них это качество? Большинство обыкновенно предано старым предрассудкам и имеет идеи и инстинкты, уже пройденные меньшинством, судьбой менее благодетельствованным: но кого изберут среди тысячи различных партий меньшинства, из которых каждая думает, что она права и все могут быть правыми по известным пунктам? Посредством какого критерия будут избирать, чтобы предоставить социальную власть одной из них, когда только будущее в дебатах между партиями, может решить это?

Если примут сведущих в диктатуре партизан, то вы увидите, что каждый из них будет считать, что он должен быть, если не действительным диктатором или одним из диктаторов, то по крайней мере близким соседом диктатуры. Итак, диктаторами были бы те, которые так или иначе сумели бы возвести себя на эту высоту, и можно быть уверенными, что с течением времени все их силы были бы употреблены на борьбу, которую им пришлось бы выдерживать со своими соперниками, что они забыли бы свои бессильные желания воспитания массы к анархизму, как будто они никогда и не имели этих желаний?

Может быть, напротив, правительство будет избрано всеобщей подачей голосов – следствие более или менее искреннего выражения (emanation) воли большинства? Но если вы рассматриваете этих честных избирателей, как неспособных заботиться (определять) о своих собственных интересах, то каким образом они когда-либо сумеют избрать пастырей, которые должны их вести? И каким образом они сумеют решить эту проблему социальной алхимии: выбрать гения посредством подачи голосов массой глупцов. Что придётся тогда делать меньшинству, которое является самой интеллигентной, деятельной и передовой частью общества?

Чтобы решить социальную проблему, на счастье всех, есть только одно средство: изгнать революционным путём правительство; экспроприировать революционным путём владельцев социальных богатств; предоставить все в распоряжение всех и сделать так, чтобы все силы, все способности, все добрые воли, существующие среди людей действовали для удовлетворения потребностей всех.

Мы сразимся за анархизм и социализм, потому что мы верим, что анархизм и социализм должны иметь непосредственное действие, т. е. что должно в момент революции изгнать правительства, уничтожить собственность и поручить общественные организации, которые в этом случае обнимут всю социальную жизнь, – добровольному труду, свободному, не официальному, не «законному»; труду всех заинтересованных, всех желающих что-нибудь делать. Конечно, будут тут трудности, неудобства; но они будут и могут быть решены только анархически, т. е. посредством непосредственной работы заинтересованных и свободного соглашения.

Мы не знаем, восторжествует ли в ближайшей революции анархия и социализм; но несомненно, что если программы, апеллирующие к мировым сделкам, приняты, то потому, что на этот раз мы побеждены, но отнюдь не оттого, что мы считаем полезным оставить в жизни часть плохого строя, под которым содрогается человечество.

Во всяком случае, мы будем иметь на события влияние, которое нам даст наше число, наша энергия, наши познания, наша непримиримость; и, если даже мы будем побеждены, наш труд не будет бесполезным, потому что, чем более мы будем стараться достигнуть реализации всей нашей программы, тем менее правительство, тем менее собственность будут существовать в новом обществе. И мы сделаем великое дело, потому что прогресс человечества вполне точно измеряется уменьшением давления правительства и уменьшением частной собственности.

И если сегодня мы падём, не опуская нашего знамени то завтра мы можем быть уверены в победе.

Примечания

[1] «Человечество, гов. Милль, во все века было склонно думать, что всякой сложной идее, которую ум составил для себя, действуя на свои представления об единичных вещах, соответствует внешняя реальность»

[2] Наши читатели, конечно, знают опыты свободного воспитания во Франции в последнее время, и теории Толстого по этому предмету и т. п.

Анархистская программа

1920, источник: [здесь](#), перевод с англ.: Панда, 2025.

Программа была составлена Малатестой и принята Итальянским анархическим союзом на его конгрессе в Болонье (1920). Источник: Эррико Малатеста: его жизнь и идеи, составленный и отредактированный Верноном Ричардсом, опубликованный в Freedom Press, 1965 г. Перевод с итал.: Вернон Ричардс.

1. Цели и задачи

Мы считаем, что большинство бед, от которых страдает человечество, проистекает из плохой социальной организации; и что человек мог бы уничтожить их, если бы захотел и знал, как это сделать.

Нынешнее общество - результат длительной борьбы человека с человеком. Не понимая преимуществ, которые может дать всем сотрудничество и солидарность, видя в каждом другом (за исключением, возможно, самых близких по кровным узам) конкурента и врага, каждый из них стремился получить для себя как можно больше преимуществ, не задумываясь об интересах других.

В такой борьбе, очевидно, побеждал сильнейший или более удачливый, который тем или иным образом подчинял и угнетал проигравших.

Пока человек был не в состоянии производить больше, чем требовалось для поддержания жизни, завоевателям оставалось только обращаться в бегство или истреблять своих жертв, забирая выращенную ими пищу.

Когда же с открытием пастбищ и земледелия человек смог производить больше, чем ему требовалось для жизни, завоеватели сочли более выгодным оставлять завоеванных в статусе рабов и принуждать трудиться в их пользу.

Позже завоеватели поняли, что удобнее, выгоднее и надежнее эксплуатировать труд других людей другими способами: сохранить за собой исключительное право на землю и орудия труда и освободить лишенных наследства, которые, оказавшись без средств к жизни, вынуждены были обращаться к землевладельцам и работать на них, на их условиях.

Так, шаг за шагом, через сложнейшую череду борьбы всех видов, нашествий, войн, восстаний, репрессий, уступок, завоеванных борьбой, союзов угнетенных для защиты и завоевателей для нападения, мы пришли к нынешнему состоянию общества, в котором одни унаследовали землю и все общественное богатство, а масса народа, лишенная наследства

во всех отношениях, эксплуатируется и угнетается небольшим классом собственников.

Из всего вышесказанного проистекает то несчастье, в котором живет сегодня большинство трудящихся, и которое, в свою очередь, порождает такие пороки, как невежество, преступность, проституция, болезни, вызванные недоеданием, депрессия и преждевременная смерть. Из всего этого возникает особый класс (правительство), снабженный необходимыми средствами подавления, существующий для легализации и защиты класса собственников от требований рабочих; затем он использует имеющиеся в его распоряжении полномочия, чтобы создать привилегии для себя и подчинить, если сможет, и сам класс собственников. Отсюда - создание другого привилегированного класса (духовенства), которое с помощью ряда басен о воле Божьей, о загробной жизни и т. д. пытается убедить угнетенных смиренно принять гнет, и (так же как и правительство), служа интересам класса собственников, служит своим собственным. Отсюда создание официальной науки, являющейся во всем, что касается интересов правящего класса, отрицанием истинной науки. Отсюда патристический дух, расовая ненависть, войны и вооруженный мир, порой более разрушительный, чем сами войны. Отсюда превращение любви в мучение или в гнусную коммерцию. Отсюда ненависть, более или менее замаскированная, соперничество, подозрительность между всеми людьми, неуверенность в себе и всеобщий страх.

Мы хотим радикально изменить такое положение вещей. И поскольку все эти пороки берут свое начало в борьбе между людьми, в стремлении к благополучию персональными усилиями, для себя и против всех, мы хотим исправить ситуацию, заменив ненависть любовью, конкуренцию - солидарностью, индивидуальные поиски личного благополучия - братским сотрудничеством ради всеобщего благополучия, угнетение и навязывание - свободой, религиозную и псевдонаучную ложь - истиной.

Поэтому:

1. Отмена частной собственности на землю, сырье и орудия труда, чтобы никто не имел средств к жизни за счет эксплуатации труда других, и чтобы каждый, будучи обеспечен средствами к производству и жизни, был действительно независим и мог свободно объединяться между собой для достижения общей цели и в соответствии со своими личными симпатиями.
2. Упразднение правительства и всякой власти, которая устанавливает закон и навязывает его другим: поэтому упразднение монархий, республик, парламентов, армий, полиции, магистратур и любых учреждений, наделенных принудительной властью.
3. Организация общественной жизни посредством свободных ассоциаций и федераций производителей и потребителей, создаваемых и изменяемых в соответствии с желаниями их членов, руководствующихся наукой и опытом, свободных от всякого рода навязываний, не вытекающих из естественных потребностей, которым каждый, убежденный чувством непреодолимой необходимости, добровольно подчиняется.

4. Средства для жизни, для развития и благосостояния будут гарантированы детям и всем, кто лишен возможности обеспечивать себя самостоятельно.
5. Война с религиями и всякой ложью, даже если она прикрывается наукой. Научное образование для всех до продвинутого уровня.
6. Война с соперничеством и патриотическими предрассудками. Отмена границ; братство между всеми народами.
7. Воссоздание семьи, которая возникнет из практики любви, освобожденной от всех юридических уз, от всех экономических и физических притеснений, от всех религиозных предрассудков.

Таков наш идеал.

2. Пути и средства

Мы обозначили под несколькими заголовками наши цели и идеалы, за которые мы боремся.

Но недостаточно просто желать чего-то; если человек действительно этого хочет, необходимо использовать соответствующие средства для его достижения. И данные средства не произвольны, а, напротив, не могут не быть обусловлены целями, к которым мы стремимся, и обстоятельствами, в которых протекает борьба, ибо если мы пренебрежем выбором средств, то достигнем других целей, возможно, диаметрально противоположных первоначальным, и это будет очевидным и неизбежным следствием нашего выбора средств. Тот, кто отправляется в путь по большой дороге и сворачивает с нее, идет не туда, куда намеревается, а туда, куда его ведет дорога.

Поэтому необходимо указать, каковы средства, ведущие, по нашему мнению, к желаемым целям и предлагаемые к использованию.

Наш идеал - не тот, где его успех зависит от отдельного человека. Речь идет об изменении образа жизни всего общества, об установлении между людьми отношений, основанных на любви и солидарности, о достижении полного материального, морального и интеллектуального развития не для отдельных индивидов, не для членов одного класса или определенной политической партии, а для всего человечества - он не является чем-то, что может быть навязано силой, а должно возникнуть благодаря просвещенной совести каждого из нас и быть достигнуто при добровольном согласии всех.

Следовательно, нашей первой задачей должно стать убеждение людей.

Мы должны подтолкнуть людей к осознанию тех несчастий, причиняющих им страдания, и рассказать о возможностях расправиться с этим. Мы должны пробудить в каждом сочувствие к несчастьям других и горячее желание блага для всех людей.

Тем, кому холодно и голодно, мы продемонстрируем, как можно легко и просто обеспечить всем материальные потребности. Тем, кто угнетен и презираем, мы покажем, как можно счастливо жить в мире людей, свободных и равных; тем, кого терзают ненависть и горечь, мы укажем путь, ведущий к миру и человеческому теплу, которые приходят через обучение любви к ближним.

И когда нам удастся пробудить в умах людей чувство восстания по отношению к множеству предотвратимых и несправедливых зол, от которых мы сегодня страдаем в обществе, и заставить их понять, чем они вызваны и как от человеческой воли зависит избавление от них; и когда мы создадим в людях живое и сильное желание преобразовать общество на благо всех, тогда те, кто убежден, объединятся благодаря собственным усилиям, а также примеру уже убежденных, и будут не только хотеть, но и способны действовать ради своих общих идеалов.

Как мы уже отмечали, было бы нелепо и противоречило нашим целям пытаться силой насадить свободу, любовь между людьми и радикальное развитие человеческих способностей. Поэтому необходимо полагаться на свободную волю других людей, и все, что мы можем сделать, - это спровоцировать развитие и выражение воли народа. Но было бы столь же абсурдным и противоречащим нашим целям признать, что те, кто не разделяет наших взглядов, должны мешать нам выражать нашу волю, если это не лишает их такой же свободы.

Таким образом, свобода для всех - распространять и испытывать свои идеи, без каких-либо ограничений, кроме тех, которые естественным образом вытекают из равной свободы каждого.

Но этому противостоят - и с грубой силой - те, кто пользуется существующими привилегиями, кто сегодня доминирует и контролирует всю общественную жизнь.

В их руках находятся все средства производства, и поэтому они подавляют не только возможность свободного экспериментирования с новыми способами общинной жизни и право рабочих жить свободно за счет собственных усилий, но и само право на жизнь; и они обязывают того, кто не является боссом, позволять эксплуатировать и угнетать себя, если он не хочет умереть от голода.

У них есть полиция, судебная система и армии, созданные специально для защиты их привилегий; и они преследуют, сажают в тюрьмы и устраивают расправы над теми, кто хотел бы отменить эти привилегии и кто требует средств к жизни и свободе для всех.

Ревнивые к своим настоящим и сиюминутным интересам, развращенные духом господства, боящиеся будущего, они, привилегированный класс, вообще говоря, не способны на великодушный жест; они также не способны на более широкое представление о своих интересах. И было бы глупо надеяться, что они свободно откажутся от собственности и власти, приспособятся жить на равных с теми, кого сегодня они держат в подчинении.

Если оставить в стороне уроки истории (показывающие, что никогда привилегированный класс не отказывался от всех или некоторых своих привилегий, и никогда правительство не отказывалось от своей власти, если не было вынуждено сделать это силой или страхом силы), то современных свидетельств достаточно для убеждения любого, что буржуазия и правительства намерены использовать вооруженную силу с целью защиты не только от полной экспроприации, но и от самых незначительных требований народа, всегда готовы пойти на жесточайшие преследования и самые кровавые расправы.

Для людей, желающих освободиться, открыт только один путь: противостоять силе силой.

Из сказанного следует, что мы должны стремиться пробудить у угнетённых осознанное стремление к радикальной социальной трансформации и убедить их в том, что, объединившись, они обладают силой для победы; мы должны пропагандировать наш идеал и готовить необходимые материальные и моральные силы для победы над врагом и для организации нового общества, а когда у нас будут необходимые силы, мы должны, пользуясь благоприятными обстоятельствами, возникшими сами по себе или из-за нас, совершить социальную революцию, используя силу для уничтожения правительства и экспроприации владельцев богатств, и посредством обобществления средств жизни и производства, а также предотвращения создания новых правительств, которые навязывали бы свою волю и препятствовали реорганизации общества самим народом.

Однако все это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Нам приходится иметь дело с людьми в том виде, в каком они находятся сегодня в обществе, в самом жалком моральном и материальном состоянии; и мы бы обманывали себя, думая, что пропаганды достаточно для поднятия их на тот уровень интеллектуального развития, необходимый для воплощения наших идей в жизнь.

Между человеком и его социальным окружением существует взаимное влияние. Люди делают общество таким, какое оно есть, а общество делает людей такими, какие они есть, и в результате получается своего рода порочный круг. Чтобы изменить общество, нужно изменить людей, а чтобы изменить людей, нужно изменить общество.

Нищета ожесточает человека, и чтобы покончить с нищетой, люди должны иметь социальную совесть и решимость. Рабство учит людей быть рабами, а для освобождения от рабства требуются люди, стремящиеся к свободе. Невежество приводит к незнанию людьми причин своих несчастий и способов их преодоления, а для избавления от невежества им нужно время и средства самообразования.

Правительство приучает людей подчиняться закону и верить, будто закон необходим обществу; чтобы упразднить правительство, люди должны быть убеждены в его бесполезности и вредности.

Как вырваться из этого порочного круга?

К счастью, нынешнее общество не было создано по вдохновенной воле господствующего класса, которому удалось свести всех своих подданных к пассивным и бессознательным орудиям своих интересов. Оно - результат тысяч междоусобных схваток, тысяч человеческих и природных факторов, действующих безразлично, без руководящих критериев; и потому в нем не существует чётких границ ни между индивидами, ни между классами.

Неисчислимы вариации материальных условий, неисчислимы степени морального и интеллектуального развития; и не всегда - мы бы даже сказали, очень редко - место индивида в обществе соответствует его способностям и стремлениям. Очень часто люди, привыкшие к комфортным условиям, попадают в тяжелые времена, а другим, благодаря исключительно благоприятным обстоятельствам, удается подняться выше тех условий, в которых они родились. Значительная часть рабочего класса либо уже сумела выйти из состояния крайней нищеты, либо никогда не была в таком положении; ни один рабочий не находится в состоянии полной социальной неосведомленности, полного согласия с условиями, навязанными ему начальством. И те же самые институты, порожденные историей, содержат органические противоречия. Они подобны зародышам смерти, которые по мере своего развития приводят к распаду институтов и необходимости преобразований.

Отсюда вытекает возможность прогресса - но не возможность довести всех людей до необходимого уровня, чтобы они захотели и достигли анархии, посредством пропаганды, без предварительной, постепенной трансформации окружающей среды.

Прогресс должен идти одновременно и параллельно между людьми и окружающей средой. Мы должны использовать все средства, все возможности и шансы современной среды для воздействия на наших собратьев, развивать их сознание и требования;

мы должны использовать все достижения человеческой мысли, чтобы побуждать людей требовать и добиваться тех крупных социальных преобразований, которые возможны и которые действительно прокладывают путь к дальнейшему прогрессу в будущем.

Нам не следует ждать достижения анархии, ограничиваясь тем временем простой пропагандой. Если бы мы так поступили, то вскоре исчерпали бы свое поле деятельности; то есть обратили бы в свою веру всех тех, кто в существующей обстановке способен понять и принять наши идеи, и наша последующая пропаганда упала бы на стерильную почву; если же в результате преобразований окружающей среды возникнут новые народные группы, способные воспринять новые идеи, то это произойдет без нашего участия, и, таким образом, наши идеи будут предрешены.

Мы должны стремиться к тому, чтобы весь народ или различные слои народа выдвигали требования, навязывали себе и брали для себя все улучшения и свободы, которых они желают, по мере достижения такого состояния, когда народ хочет их и волен их требовать; и, постоянно пропагандируя все аспекты нашей программы, постоянно борясь за ее полное осуществление, мы должны подталкивать народ всегда желать большего и усиливать свой

натиск, пока не достигнет полного освобождения.

3. Экономическая борьба

Угнетение, которое сегодня наиболее непосредственно затрагивает рабочих и является главной причиной моральных и материальных лишений, в которых они живут, — это экономическое угнетение, то есть эксплуатация, где начальники и бизнесмены подавляют их благодаря монополии на все важнейшие средства производства и распределения.

Чтобы радикально уничтожить этот гнет без всякой опасности его повторного возникновения, все люди должны убедиться в своем праве на средства производства и иметь готовность осуществить данное основное право, экспроприировав землевладельцев, промышленников и финансистов, передать все общественное богатство в распоряжение народа.

Но можно ли осуществить эту экспроприацию сегодня? Можем ли мы сегодня прямо, без промежуточных шагов, перейти из ада, где сейчас находятся рабочие, в рай общей собственности?

Факты показывают, на что способны сегодня рабочие.

Наша задача - морально и материально подготовить народ к этой необходимой экспроприации; пытаться делать это снова и снова, каждый раз, когда революционное потрясение предоставляет нам шанс, вплоть до окончательного триумфа. Но как мы можем подготовить народ? Как подготовить условия, делающие возможным не только материальный факт экспроприации, но и использование общего богатства в интересах всех людей?

Мы уже говорили, что одна только устная и письменная пропаганда не может привлечь к нашим идеям народные массы. Необходимо практическое воспитание, которое должно быть попеременно причиной и следствием в постепенном преобразовании среды. Параллельно с развитием у рабочих чувства восстания против несправедливости и бесполезных страданий, жертвами которых они являются, и желания улучшить свои условия, они должны быть объединены и взаимозависимы в борьбе за достижение своих требований.

А мы, анархисты и рабочие, должны подстрекать и поощрять их к борьбе и присоединяться к ним в их борьбе.

Но возможны ли эти улучшения в условиях капиталистического режима? Полезны ли они для полного освобождения рабочих в будущем?

Каковы бы ни были практические результаты борьбы за сиюминутные выгоды, наибольшая ценность заключается в самой борьбе. Ведь через нее рабочие узнают, что интересы начальников противоположны их интересам и что они не могут улучшить свои условия, а тем более освободиться, иначе как объединившись и став сильнее боссов. Если им удастся

добиться своего, им будет лучше: они будут больше зарабатывать, работать меньше часов, у них будет больше времени и сил, чтобы поразмышлять о важном, и они сразу же станут предъявлять более высокие требования, а также иметь более широкие потребности. Если они не добьются успеха, то изучат причины своих неудач, осознают необходимость более тесного единства и большей активности и, в конце концов, поймут, что для надежной и окончательной победы необходимо уничтожить капитализм. Революционное дело, дело нравственного возвышения и освобождения рабочих должно выиграть от того, что рабочие объединятся и будут бороться за свои интересы.

Но, опять-таки, могут ли рабочие добиться реального улучшения своих условий при нынешнем состоянии общества?

Это зависит от стечения множества обстоятельств.

Несмотря на утверждения некоторых, не существует никакого естественного закона (закона заработной платы), определявшего, какая часть труда рабочего должна достаться ему самому; а если и формулировать такой закон, то он мог бы звучать лишь так: заработная плата, как правило, не может быть ниже уровня, необходимого для поддержания жизни, но и не может, как правило, подниматься настолько, чтобы не оставлять прибыли хозяину.

Понятно, что в первом случае рабочие будут умирать и, следовательно, перестанут получать зарплату, а во втором - начальство перестанет нанимать рабочую силу и не будет больше платить зарплату. Но между этими двумя невозможными крайностями существует бесконечная шкала степеней - от жалких условий жизни многих рабочих на селе до почти респектабельных условий жизни квалифицированных рабочих в больших городах.

Заработная плата, продолжительность рабочего дня и другие условия труда являются результатом борьбы между начальством и рабочими. Первые стараются дать рабочим как можно меньше и заставить их работать до изнеможения; вторые стараются или должны стараться работать как можно меньше, а зарабатывать как можно больше. Там, где рабочие соглашались на любые условия или, даже будучи недовольными, не знают, как оказать эффективное сопротивление требованиям босса, их вскоре низводят до звериных условий жизни. Если же у них есть представления о том, как должны жить люди, и они умеют объединить усилия, с помощью отказа от работы, скрытой и открытой угрозы бунта, завоевать уважение начальства, в таких случаях с ними обращаются относительно достойно. Значит можно сказать, что в определенных пределах заработная плата, которую рабочий получает, - есть то, что он требует (не как индивид, конечно, а как класс).

Поэтому путем борьбы, путем сопротивления начальникам рабочие могут до определенного момента остановить ухудшение своих условий, а также добиться реального улучшения. История рабочего движения уже демонстрировала данную истину.

Однако не стоит преувеличивать значение такого противостояния между рабочими и боссами, происходящего исключительно в экономической сфере. Хозяева могут уступить, и часто они это делают перед лицом решительно выраженных требований, пока они еще не слишком велики; но если рабочие выдвинут требования (а это необходимо), которые

поглотят всю прибыль хозяев и фактически станут косвенной формой экспроприации, то, несомненно, хозяева обратятся к правительству и попытаются применить силу, чтобы заставить рабочих пребывать в состоянии зарплатного рабства.

И даже раньше, задолго до того, как рабочие смогут рассчитывать на получение полного продукта своего труда, экономическая борьба становится бессильной в роли средства повышения уровня жизни.

Рабочие производят все, без них жизнь была бы невозможна, а потому кажется, что отказавшись от работы они могут требовать все, чего захотят. Но объединение всех рабочих, даже в одной конкретной профессии и в одной стране, труднодостижимо. Также также против объединения рабочих выступают организации боссов. Рабочие живут изо дня в день, и если они не работают, то вскоре оказываются без еды; в то время как боссы, поскольку у них есть деньги, имеют доступ ко всем товарам на складе, они могут сидеть сложа руки и ждать, пока голод приведет их работников в более сговорчивое состояние. Изобретение или внедрение новой техники делает работников лишними и пополняет многочисленную армию безработных, а голод заставляет продавать свой труд любой ценой. Иммиграция сразу же создает проблемы в странах с лучшими условиями труда, так как полчища голодных рабочих волей-неволей открывают начальству возможность понизить заработную плату во всем мире. Все эти факты неизбежно вытекают из капиталистической системы, вступают в сговор, противодействуя, а зачастую и уничтожая успехи, достигнутые в сознании и солидарности рабочего класса. В каждом случае главным остается тот факт, что производство при капитализме организуется каждым капиталистом с целью получить личную прибыль, а не удовлетворять потребности рабочих наилучшим образом (как это было бы естественно). Отсюда хаос, напрасная трата человеческих сил, организованный дефицит товаров, бесполезные и вредные занятия, безработица, заброшенные земли, недостаточное использование растений и так далее - все это зло, которого нельзя избежать, кроме как лишив капиталистов средств производства и, следовательно, организации производства.

Вскоре те рабочие, жаждущие освободиться или хотя бы просто улучшить свои условия, столкнутся с необходимостью защищаться от правительства, с необходимостью нападать на правительство, узаконившее право собственности и обороняющее его грубой силой. Оно представляет собой барьер на пути человеческого прогресса, который должен быть разрушен силой, если мы не хотим остаться на неопределенный срок в нынешних условиях или еще хуже.

От экономической борьбы нужно перейти к политической, то есть к борьбе с правительством; и, вместо противостояния с трудом собранными рабочими грошами капиталистическим миллионам, следует противостоять винтовкам и пушкам, защищающим собственность, с помощью более эффективных средств, найденных народом для победы их силы своей силой.

4. Политическая борьба

Под политической борьбой мы понимаем борьбу с правительством. Правительство - это совокупность всех тех людей, обладающих властью, пусть даже приобретенной, для издания законов и навязывания их управляемым, то есть обществу.

Правительство есть следствие духа господства и насилия, где одни люди навязывают свою волю другим, одновременно являясь как порождением, так и творцом привилегий, а также их естественным защитником.

Ошибочно говорят, что сегодня правительство выполняет функцию защитника капитализма, но после отмены капитализма оно станет представителем и администратором общих интересов. Прежде всего, капитализм не будет уничтожен до тех пор, пока рабочие, избавившись от правительства, не завладеют всем общественным богатством и сами не организуют производство и потребление в интересах всех, не дожидаясь инициативы от правительства, которое, как бы ни хотело подчиниться, будет неспособно сделать это.

Но есть еще один вопрос: если уничтожить капитализм и оставить у власти правительство, то оно, уступив всевозможные привилегии, создаст капитализм заново, ибо, не имея возможности угодить всем, оно будет нуждаться в экономически сильном классе, поддерживающим его в обмен на полученную юридическую и материальную защиту.

Следовательно, привилегии невозможно отменить, а свободу и равенство невозможно твердо установить без отмены правительства - не того или иного правительства, а самого института правительства.

Как и во всех вопросах, имеющих общий интерес, и особенно здесь, необходимо согласие всего народа, и поэтому мы должны напрячь все нервы для убеждения людей в бесполезности и вреде правительства, и что мы можем жить лучше без правительства.

Но, как мы уже не раз повторяли, одна лишь пропаганда бессильна убедить всех, и если мы захотим ограничиться проповедью против правительства, а тем временем будем бесстрастно ждать того дня, когда общество убедится в возможности и ценности радикального уничтожения всех его видов, этот день никогда не наступит.

Проповедуя против любого вида правительства и требуя полной свободы, мы должны поддерживать любую борьбу за частичную свободу, потому что мы уверены в обучении человека через борьбу, и что, начав наслаждаться небольшой свободой, он в конце концов захочет получить ее всю. Мы всегда должны быть с народом, и если нам не удастся побудить его требовать многого, мы все равно должны стремиться к тому, чтобы он захотел хотя бы чего-то; И мы должны прилагать все усилия, чтобы люди поняли: чего бы они ни добивались — многого или малого — это должно быть достигнуто их собственными усилиями, и что они должны презирать и ненавидеть всякого, кто является частью правительства или стремится в него попасть.

Поскольку сегодня правительство обладает властью регулировать повседневную жизнь через правовую систему, расширять или ограничивать свободу гражданина, и поскольку мы все еще не в состоянии вырвать эту власть из его рук, мы должны стремиться уменьшить его власть и обязать правительства использовать ее наименее вредными способами. Но это

мы должны делать, всегда оставаясь вне правительства и против него, оказывая на него давление путем агитации на улицах, угрожая силой взять реализовать свои требования. Мы никогда не должны соглашаться на какую-либо законодательную позицию, будь то национальная или местная, ибо тем самым мы нейтрализуем эффективность нашей деятельности, а также предаем будущее нашего дела.

Борьба против правительства, в конечном счете, является физической, материальной.

Правительства принимают законы. Поэтому они должны располагать материальными силами (полицией и армией) для обеспечения соблюдения законов, иначе их будут соблюдать только те, кто хочет, а тогда это будут уже не законы, а просто набор рекомендаций, которые каждый может принять или отклонить по своему усмотрению. Однако правительства обладают этой властью и используют ее через законы для укрепления своей власти, а также для обслуживания интересов правящих классов, угнетая и эксплуатируя рабочих.

Единственным ограничением угнетения со стороны правительства является сила, с которой народ показывает себя способным противостоять ему. Конфликт может быть открытым или скрытым, но он всегда существует, поскольку правительство не обращает внимания на недовольство и сопротивление народа, за исключением случаев, когда оно сталкивается с опасностью восстания.

Когда народ покорным образом подчиняется закону, или его протесты слабы и ограничиваются словами, правительство отстаивает свои собственные интересы и игнорирует потребности народа; когда протесты яркие, настойчивые, угрожающие, правительство, в зависимости от того, насколько оно более или менее понимающее, уступает или прибегает к репрессиям. Но всегда возвращаются к восстанию: если правительство не уступает, народ в конце концов восстает; а если правительство уступает, то народ обретает уверенность в себе и выдвигает все более высокие требования, пока не становится очевидной несовместимость свободы и власти и не начинается насильственная борьба.

Поэтому необходимо быть готовым морально и материально, чтобы когда это произойдет, народ вышел победителем.

Успешное восстание является наиболее мощным фактором в освобождении народа, поскольку, сбросив иго, он становится свободным в создании наиболее подходящих для себя институтов, а разрыв между принятием закона и уровнем цивилизации, достигнутым большинством населения, преодолевается одним прыжком. Восстание определяет революцию, то есть быстрое проявление скрытых сил, накопленных в течение «эволюционного» периода.

Все зависит от того, чего народ способен возжелать.

В прошлых восстаниях, не осознавая истинных причин своих бедствий, народ всегда хотел очень мало и получал очень мало.

Чего он будет хотеть в следующем восстании?

Ответ отчасти зависит от нашей пропаганды и от того, какие усилия мы в нее вложим.

Мы должны подтолкнуть народ к экспроприации боссов, обобществлению всех благ и самостоятельной организации своей повседневной жизни через свободно созданные ассоциации, не дожидаясь приказов извне, отказываясь назначать или признавать любое правительство или учрежденный орган в любом виде (учредительное собрание, диктатура и т. д.), даже в качестве временного, который присваивает себе право устанавливать законы и силой навязывать другим свою волю.

Если масса населения не откликнется на наш призыв, мы должны — во имя нашего права быть свободными, даже если другие хотят оставаться рабами, и благодаря влиянию примера — реализовать как можно больше наших идей, отказаться признавать новое правительство, поддерживать сопротивление и стремиться к объединению в анархистские общины в той местности, где наши идеи принимаются с симпатией, отвергая любое вмешательство со стороны правительства и заключая свободные соглашения с другими общинами, которые хотят жить своей жизнью.

Прежде всего, мы должны всеми средствами противостоять восстановлению полиции и вооруженных сил, использовать любую возможность для подстрекательства рабочих в неанархистских районах воспользоваться отсутствием репрессивных сил для реализации самых далеко идущих требований, которые мы можем их побудить выдвинуть.

И как бы ни развивались события, мы должны без перерыва продолжать борьбу против класса собственников и правителей, всегда помня о полном экономическом, политическом и моральном освобождении всего человечества.

5. Заключение

Таким образом, мы стремимся к полному уничтожению господства и эксплуатации человека человеком; мы хотим, чтобы люди объединились как братья на основе сознательной и желаемой солидарности, все добровольно сотрудничали для общего благополучия; мы хотим, чтобы общество было построено с целью обеспечения каждого средствами для достижения максимального благополучия, максимально возможного морального и духовного развития; мы хотим хлеба, свободы, любви и науки для всех.

И для достижения этих важнейших целей, по нашему мнению, необходимо наличие средств производства в распоряжении всех и чтобы ни один человек или группа людей не могли заставлять других подчиняться своей воле или оказывать на них влияние иначе, как силой

разума и личным примером.

Следовательно: экспроприация землевладельцев и капиталистов на благо всех; и упразднение правительства.

И в ожидании того дня, когда это будет достигнуто: распространение наших идей; непрерывающаяся борьба, насильственная или ненасильственная в зависимости от обстоятельств, против правительства и против класса хозяев, с целью завоевать как можно больше свободы и благополучия на благо всех.

Публицистика

Анархия (памфлет)

1891, источник: [здесь](#).

Анархия – это слово, которое пришло из греческого языка, и означает – строго говоря – «безвластие»: состояние людей без какой бы то ни было законной власти.

До того как подобная организация общества стала восприниматься в качестве возможной и желаемой целым классом мыслителей, таким образом, чтобы явиться целью движения (которое сейчас стало одним из наиболее важных факторов в современной социальной борьбе) слово «анархия» повсеместно использовалось в значении беспорядка и хаоса, и оно по-прежнему употребляется в этом значении несведущими людьми, а также ее противниками, заинтересованными в искажении правды.

Нам не следует пускаться в философские дискуссии, так как вопрос этот не философский, а исторический. Обычная интерпретация слова не дает неправильного представления о его истинном этимологическом значении, но отделяет от него — из-за предубеждения, согласно которому правительство является необходимым для организации социальной жизни, и таким образом, общество, лишённое правительства, должно быть предано хаосу и колебаться между бесконтрольным доминированием одних и слепой местью других.

Существование этого предубеждения и его влияние на значение, которым публика наделила слово, могут быть легко объяснены.

Человек, как и все живые существа, адаптируется к условиям, в которых он живет, и передает свои приобретенные навыки по наследству. Таким образом, родившись и живя в неволе, будучи частью длинной цепи рабства, человечество, начав думать, обретает веру в то, что рабство – неотъемлемая часть его жизни, в то время как свобода кажется ему невозможной. Таким образом рабочий, веками принуждаемый зависеть от расположения своего начальника в отношении работы, а значит, и в отношении насущного хлеба, привыкший видеть свою жизнь в полном распоряжении тех, кому принадлежит земля и капитал, заканчивает верой в то, что существует некий господин, дарующий ему пищу, и простодушно задается вопросом, как было бы возможно жить, если бы над ним не было этого господина.

Аналогичным образом, человек, чьи конечности были бы связаны с рождения, но кто, тем не менее, научился бы прихрамывая передвигаться, мог бы приписывать этим самым путам, связывающим его, возможность двигаться, хотя, на самом деле, вполне возможно, они бы, напротив, уменьшали и парализовывали энергию мускулов его конечностей.

Затем, если мы добавим к естественному эффекту привычки образование, данное ему господином, пастором, учителем и так далее, заинтересованными во внушении ему того, что начальник и правительство необходимы; если мы также добавим судью и полицейского, которые принуждают тех, кто думает иначе и может попробовать пропагандировать свое мнение – хранить молчание, то мы сможем понять как предубеждение о пользе и необходимости господ и правительств были установлены. Представьте, что врач представил абсолютно новую теорию с тысячей умело сделанных иллюстраций, чтобы убедить человека со связанными конечностями, что если их освободить, он бы только не смог не только нормально ходить, но и выжить. Человек бы стал яростно защищать свои бандажы и счел бы врагами всех, кто попытался бы их снять.

Таким образом, если существует вера в то, что правительство необходимо, и без него неизбежны беспорядок и хаос, естественно и логично полагать, что анархия, которая означает отсутствие правительства, должна также означать отсутствие порядка.

Этот факт имеет свою параллель в истории слов. В те эпохи и в тех странах, где люди полагали необходимым правление одного человека (монархию), слово «республика» (что означает «власть множества») использовалась именно в значении «анархия», воплощая в себе беспорядок и хаос. Следы этого значения слова по-прежнему обнаруживаются в самых употребляемых языках почти во всех странах.

Когда это мнение изменится, и общество убедят в том, что правительство не только не обязательно, но и крайне опасно, слово «анархия» — именно потому, что оно означает «отсутствие правительства» — станет равным выражениям «естественный порядок, гармония потребностей и интересов всех, полная свобода и полная солидарность».

Таким образом, те, кто считает, что анархисты неправильно выбрали свое имя, потому как оно ошибочно понято массами и ведет к ложной интерпретации, неправы. Ошибка исходит не от слова, а от бытия. Сложность, с которой столкнулись анархисты, распространяя свои взгляды, зависит не от имени, которое они себе дали, а от того факта, что их концепции бьют по закоренелым предубеждениям людей, касающимся функционирования правительства, или так называемого «государства».

Прежде чем двигаться дальше, мы считаем разумным объяснить это самое последнее слово («Государство»), которое, по нашему мнению, и является настоящей причиной большей части недопонимания.

Как правило, анархисты используют слово «Государство», чтобы объединить весь спектр институций: политических, законодательных, юридических, военных, финансовых и т.д., посредством которых ведение их собственных дел, руководство их собственным поведением и обеспечение их собственной безопасности отделяются от людей и ограничиваются определенными индивидами, которые – в свою очередь – посредством узурпации или делегации, получают право на принятие всеобъемлющих законов для всех, а также принуждают общество их уважать, доводя использование коллективной силы сообщества до предела.

В этом случае «Государство» означает «правительство», или, если вам так больше нравится, это абстрактное выражение, персонификацией которого является правительство. В этом случае выражения в духе «Ликвидация государства» или «Общество без государства» полностью соотносятся с концепцией разрушения каждой политической институции, основанной на власти, и основания свободного и равного общества, основанного на гармонии интересов и всеобщем добровольном участии в удовлетворении социальных нужд, которую хотят выразить анархисты.

Тем не менее, у слова «Государство» есть и множество других значений, некоторые из которых приспособились к неверному толкованию, особенно будучи использованными людьми, чей печальный социальный статус не оставляет им свободного времени для того, чтобы привыкнуть к изысканной исключительности научного языка; или – что еще хуже – будучи адаптированными нашими противниками, заинтересованными в запутывании смысла или не желающими его понять. Таким образом, слово «Государство» довольно часто используется для обозначения любого заданного общества, или группы людей, объединенных заданной территорией и образующих так называемый «общественный союз», независимо от того, каким образом формируется заданная группа и каковы отношения между ее членами. «Государство» также часто используется просто как синоним слова «общество». Основываясь на этих двух определениях слова, наши противники верят, или скорее – делают вид, что верят в то, что анархисты хотят уничтожить всякого рода социальные связи и коллективный труд, сведя состояние человека к изоляции, то есть, состоянию худшему, чем дикость.

Опять же, под словом «Государство» понимается только высшее руководство страны, центральная власть, как отделенная от власти местной и общинной, а следовательно, другие считают, что анархисты всего навсего хотят децентрализации власти, оставляя нетронутым сам принцип правительства, и таким образом, смешивают анархию с кантоническим или коммунистическим правительствами.

Наконец, «Государство» обозначает «состояние, образ жизни, порядок общественной жизни, и т.д.», и таким образом, мы говорим, например, что необходимо изменение экономического состояния рабочих классов, или что анархическое государство – это единственное государство, основанное на принципах солидарности и другие подобные фразы. Таким образом, если мы также (уже в другом смысле) говорим о том, что хотим ликвидировать государство, сначала наши слова могут показаться абсурдными и противоречащими друг другу.

Именно по этим причинам, мы считаем, что использовать такое выражение как «ликвидация государства» нужно как можно реже, а вместо этого – заменить его на другое, более ясное, более конкретное выражение – «ликвидация правительства».

Последнее станет выражением, используемым в ходе написания этого эссе.

Как мы уже сказали, анархия есть общество без правительства. Но является ли упразднение правительства возможным, желанным, разумным? Посмотрим.

Что есть правительство? Есть такое психическое заболевание, которое называется «склонность к метафизике», которое после того как человек путем логического процесса отделил свойство от объекта, вызывает у него своего рода галлюцинацию, заставляющую его воспринимать абстрактное как нечто реально существующее. Эта склонность к метафизике, вопреки многочисленным прорывам позитивных наук, по-прежнему имеет глубокие корни в умах большинства наших современников. Влияние ее настолько глубоко, что многие считают правительство реальной сущностью, с определенными заданными атрибутами разума, справедливости, беспристрастности, независимыми от людей, входящих в его состав.

Для тех, кто думает подобным образом, правительство, или Государство, есть абстрактная общественная сила, и оно представляет – всегда абстрактно – некий общий интерес. Оно есть выражение прав всех и считается ограниченным правами каждого. Это понимание правительства поддерживается теми заинтересованными лицами, для которых сохранение принципа власти, его выживание вопреки всем проступкам и ошибкам обладающих властью людей есть насущная необходимость.

Для нас правительство есть скопление правителей, а эти правители – короли, президенты, министры, члены парламента, и мало ли кто еще есть те, кто обладает властью принимать законы, регулирующие отношения между людьми, и принуждать повиноваться этим законам. Они – те, кто принимает решения и собирает налоги, усиливают военные войска, судят и наказывают нарушителей законов. Они подчиняют людей правилам, контролируют и санкционируют личные соглашения. Они монополизируют определенные отрасли продукции и общественных служб, или – если они захотят – все производство и все общественные службы. Они продвигают обмен товарами или препятствуют ему. Они начинают войну или заключают мир с правительствами других стран. Они признают свободную торговлю или препятствуют ей, это же касается многих других вещей. Одним словом, правители – это те, кто обладают властью в большей или меньшей степени, чтобы использовать коллективную силу общества, то есть, физическую, интеллектуальную и экономическую силу всех, принудить всех к исполнению их (правителей) воли. И эти правители, по нашему мнению, формирует сам принцип государства и власти.

Но в чем причина существования правительства?

Зачем отказываться от собственной свободы, собственной способности к самостоятельным действиям в пользу других людей? Зачем давать им возможность становиться господами, с согласия каждого или без него, использовать силы всех в своих личных целях? Неужели правители — настолько одаренные люди, что это дает им право – хоть как-то обоснованное – представлять массы и действовать в интересах всех людей лучше, чем могли бы это сделать сами люди? Неужели они настолько непогрешимы и неподкупны, что мы можем доверить им себя, с неким подобием благоразумия, судьбу каждого и всех, доверяя их знанию и добродетелям?

И даже если бы существовали люди, обладающие безграничной добродетелью и знанием, даже если мы предположим, что то, что никогда не случалось на протяжении истории, и что, как нам кажется, никогда не могло случиться, а именно то, что правительство могло бы

передать свои права самым способным и самым лучшим, добавило ли бы обладание властью что-либо их благотворному влиянию? Или напротив, парализовало и разрушило его? Ибо те, кто правит, считают необходимым заниматься вещами, которые им непонятны и – более того – тратят большую часть их энергии на удержание своей власти, одержимые желанием удовлетворять потребности себя и своих друзей, держа недовольных под контролем и приручая бунтовщиков.

Опять же, будь правители хорошими или плохими, мудрыми или невежественными, как они добиваются власти? По праву, через войну, завоевание или революцию? Если так, то что гарантирует народу их добрые намерения? В этом случае это лишь вопрос узурпации, а если субъекты недовольны, им ничего не остается, кроме как скинуть ярмо и взяться за оружие. Избираются ли правители определенным классом или партией? Если это так, то идеи и интересы этого класса или партии одержат победу, в то время как желания и интересы других будут принесены в жертву. Избираются ли они всеобщим голосованием? Сейчас цифры являются единственным критерием, и очевидно, что цифры не могут являться доказательством ни разума, ни справедливости, ни правоспособности. Путем всеобщего голосования избираются те, кто лучше других знает, как завоевать массы. Меньшинство, которому может не хватить лишь одного человека, приносится в жертву. Более того, как показывает опыт, невозможно создать электоральную систему, которая действительно гарантирует выбор большинства.

Люди пытались найти множество разнообразных теорий для оправдания существования правительства. Тем не менее, все они основаны – признается это или нет – на том предположении, что члены общества имеют противоположные интересы, и что внешняя верховная власть необходима для принуждения одних следовать интересам других, путем предписывания и навязывания правил поведения, согласно которым каждый может получить максимум удовлетворения при минимальных затратах. Если, как говорят сторонники авторитарной школы, интересы, стремления и желания одного индивида противоречат интересам другого индивида или даже всего общества, кому достанется право и власть принудить одного из них уважать интересы другого или других? Кто будет в состоянии предотвратить нарушение общей воли отдельно взятым гражданином? Границей свободы каждого, говорят они, является свобода других; но кто установит эти границы, и кто гарантирует их неприкосновенность? Естественный антагонизм интересов и страстей рождает необходимость правительства и оправдывает власть. Власть вклинивается в этот процесс в качестве модератора социальной борьбы и определяет границы прав и обязанностей для каждого.

Это теория, но дабы не оставаться пустым звуком, теория должна быть основана на объяснении фактов. Мы хорошо знаем, что социально-экономические теории слишком часто изобретаются для оправдания фактов, то есть, для того чтобы защитить привилегии и склонить их жертв к смиренному принятию ситуации. А теперь посмотрим на эти факты самостоятельно.

В течение всего хода истории – и настоящее время не исключение – правительство было либо бесчеловечно, либо жестоко, доминирование меньшинства над большинством – деспотично. А может, это лишь инструмент, разработанный для того, чтобы обеспечить

доминирование и привилегии того, кто силой, хитростью или пользуясь своим правом наследования присвоил себе все средства существования, в первую очередь, землю, за счет чего держит людей в подчинении, заставляя их работать для собственного обогащения?

Правительства подавляют человечество двумя способами: либо прямо, используя грубую силу, то есть, физическое насилие, либо косвенно, лишая их средств к существованию и таким образом делая их беспомощными. Политическая власть была порождена первым методом; экономические привилегии растут из второго. Правители также могут подавлять человека, спекулируя на его эмоциональной жизни, и этот способ составляет религиозную власть. Нет никакой причины для пропаганды религиозных предрассудков, кроме той, что они защищают и объединяют политические и экономические привилегии.

В примитивном обществе, когда мир был населен не так густо как сейчас, и социальные отношения были менее сложными, если какое-то обстоятельство препятствовало формированию привычек и обычаев солидарности или разрушало те, что уже существовали, и устанавливало доминирование одного человека над другим, две силы – политическая и экономическая – объединялись в одних руках, часто – в руках одного человека. Те, кто силой завоевывал и ослаблял других, принуждал людей становиться слугами и потакать всем их капризам. Победители были одновременно владельцами, законодателями и палачами.

Но с ростом популяции, а также ростом потребностей, с усложнением социальных отношений затянувшаяся цепь подобного рода деспотизма стала невозможной. Для своей собственной безопасности правители, зачастую против своей воли, были принуждены зависеть от привилегированного класса, а значит, от некоторого числа разделяющих их интересы индивидов, помимо этого, они были вынуждены наделять каждого из этих индивидов средствами к существованию и поддержкой. Тем не менее, они сохраняли за собой право использовать и эксплуатировать всех согласно их собственному удобству и таким образом удовлетворять их королевское тщеславие. Таким образом, частная собственность развилась в тени правящей силы, с целью ее поддержки и – часто бессознательно – как ее соучастник. Класс собственников возник и мало-помалу концентрируя в своих руках все средства производства – истинный источник жизни – сельское хозяйство, промышленность и обмен, — стал самодостаточной силой. Эта сила, вследствие превосходства их методов воздействия, а также огромного количества контролируемых ими интересов, всегда заканчивала более или менее открытым подчинением политической власти, то есть, правительства, которое она превращала в своего стража.

Этот феномен многократно повторялся в истории. Каждый раз когда путем военного вмешательства физическая грубая сила овладевала господством над обществом, завоеватели демонстрировали тенденцию к концентрированию власти и собственности в их собственных руках. Тем не менее, в связи с тем что правительство не в состоянии следить за производством материальных благ, а также контролировать и направлять все, оно вынуждено располагать к себе класс власти имущих, таким образом снова вводя частную собственность. Что, в свою очередь, приводит к выделению двух общественных групп, а именно, людей, которые контролируют коллективную силу общества, и собственников, от которых глубоко зависимы сами правители, потому как собственники командуют ресурсами так называемой коллективной силы.

Никогда прежде это положение дел не было так акцентировано как сейчас. Развитие производства, невероятное расширение торговли, громадная власть, которую приобрели деньги и все экономические последствия открытия Америки, изобретение машин и т.д. обезопасили превосходство капиталистического класса, который более не довольствуется доверием к правительству, и стремится к тому, чтобы правительство состояло из его собственных представителей, постоянно им контролируемое и организованное специально с целью его защиты от возможной мести обделенных. Таково происхождение современной парламентарной системы.

Сегодня правительство состоит из собственников или людей, настолько полно находящихся под их влиянием, что самые богатые даже не утруждают себя тем, чтобы принимать в его делах активное участие. Ротшильд, например, не нуждается в том, чтобы быть членом парламента или министром, ему вполне достаточно сделать так, чтобы члены парламента и министры оказались зависимы от него.

Во многих странах пролетариат номинально участвует в выборах правительства. Это уступка, на которую пошла буржуазия (то есть, собственники), либо чтобы обеспечить себя поддержкой большинства в соперничестве с королевской или аристократической властью, либо чтобы отвлечь внимание людей от их собственной эмансипации, наделяя их мнимой долей политического влияния. Но предвидела это буржуазия или нет, когда она впервые дала людям право на голосование, в действительности, оно обернулось пародией, служащей лишь для того, чтобы укрепить ее власть, и дающей иллюзорную надежду на приход к власти лишь самых активных представителей пролетариата.

Так и со всеобщим избирательным правом, можно даже сказать, в особенности, со всеобщим избирательным правом — правительство остается слугой и защитником буржуазного класса. Как могло бы быть иначе? Если бы правительство дошло до состояния враждебности, если бы надежда на демократию стала не более чем иллюзией, вводящей людей в заблуждение, класс собственников, почувствовав угрозу своим интересам, немедленно бы восстал и использовал все свои силы и влияние, полученные им благодаря обладанию собственностью, чтобы сократить функции правительства до полицейских.

Во все времена и во всем мире неважно, какое имя выбирает для себя правительство и каково его происхождение, организация, — его главной функцией остается угнетение и эксплуатирование масс и защита угнетателей и эксплуататоров. Его главная характеристика и неперменные инструменты – это полиция и сборщики налогов, солдаты и тюрьма. К этому непременно добавляется наличие священников или учителей, которые, поддерживаемые и защищаемые правительством, существуют для того, чтобы превратить человеческий дух в подобострастный и сделать людей покорными рабами.

Естественно, с течением времени помимо этой первостепенной миссии к основной отрасли правительственной деятельности были добавлены и другие ведомства. Мы даже признаем, что никогда или почти никогда правительство не существовало в стране, возникшей без примеси функций угнетения и эксплуатации других – полезных и необходимых для социальной жизни. Но этот факт, тем не менее, подтверждает, что правительство по своей природе есть средство эксплуатации, и его судьба – быть защитой доминирующего класса,

таким образом подтверждая и приумножая зло его доминирования.

Правительство осуществляет функцию защиты более или менее активно в отношении прямых и грубых атак на жизнь граждан, признает и легализует некоторую часть прав, примитивных традиций и привычек, без которых невозможна жизнь в обществе. Оно организует и управляет рядом социальных служб, таких как почта, здравоохранение, благотворительные организации, тюрьмы и т.д., и выдает себя за защитника и благодетеля бедных и слабых. Но для того, чтобы доказать нашу точку зрения достаточно заметить, как и почему оно выполняет эти функции. В действительности все, за что берется правительство инспирировано духом доминирования и рассчитано на то, чтобы защищать, приумножать и сохранять привилегии собственности и тех классов, представителем и защитником которых является правительство.

Правительство ни дня не может управлять государством, не пряча свою истинную натуру под маской всеобщей необходимости. Оно не может уважать жизни привилегированных граждан, не делая вид, что заботится о жизни всех. Оно не может обеспечить принятие привилегий одних, не притворяясь хранителем общих прав. «Закон» (и, конечно, те, кто делают его законом, то есть, правительство) «использует», — как говорит Кропоткин, — «социальные чувства человека, перерабатывая их в правила морали, которые человек принимает совместно с договоренностями, выгодными меньшинству – эксплуататорам – и противоречащими интересам тех, кто мог бы взбунтоваться, если бы все это не оправдывалось некой моральной основой».

Правительство не может желать разрушения общества, так как если это произойдет, оно и доминирующий класс не смогут получать доход от эксплуатации; правительство также не может позволить обществу самому заниматься своими делами, так как в этом случае люди очень быстро выяснят, что оно (правительство) было необходимо по одной единственной причине — для защиты класса собственников, которые и доводят их до нищеты, и тогда люди поторопятся избавиться как от правительства, так и от класса собственников.

Сегодня перед лицом непрекращающихся и устрашающих требований пролетариата, правительства склонны вмешиваться в отношения между работодателями и работниками. Таким образом они пытаются остановить трудовое движение и путем введения иллюзорных реформ затруднить попытки слабых взять то, что принадлежит им по праву, в частности, равную долю того хорошего в жизни, чем наслаждаются остальные.

Мы также должны помнить о том, что, с одной стороны, буржуазия, то есть, класс собственников воюет между собой и постоянно уничтожает друг друга, и что, с другой стороны, правительство, также состоящее из буржуазии и действующее как ее слуга и защитник, тоже – как и всякий слуга или защитник – постоянно пытается освободиться и господствовать над ней. Таким образом, эта неустойчивая игра, эти колебание между потерей и возвращением, этот поиск союзников среди народа против классов и среди классов против масс, формируют науку правления и ослепляют простодушных и флегматичных, тех, кто всегда ожидает спасения, снисходящего на них сверху.

Принимая все это во внимание, можно сделать вывод о том, что правительство не меняет своей натуры. Если оно действует в роли регулировщика и гаранта прав и обязанностей каждого, то оно извращает чувство справедливости. Оно оправдывает нечестное и наказывает за каждое действие, оскорбляющее или ставящее под угрозу привилегии правителей и собственников. Оно объявляет справедливой и легальной самую жестокую эксплуатацию несчастных, что фактически означает их медленное и непрерывное физическое, а также моральное убийство, совершаемое теми, кто обманывает тех, у кого ничего нет. И снова если оно обеспечивает общественные услуги, оно всегда ориентируется на интересы правителей и собственников, не обращая внимания на интересы рабочих масс, разве что в той мере, в какой это необходимо для того, чтобы массы были готовы продолжать платить налоги. Если оно отдает приказы, оно сковывает и урезает правду, и стремится подготовить умы и сердца молодых людей к тому, чтобы они стали либо безжалостными тиранами, либо покорными рабами, согласно классу, к которому они принадлежат. В руках правительства все становится орудием эксплуатации, все служит полицейской мерой, полезной для сохранения контроля над людьми. Так и должно быть. Если жизнь человечества состоит в борьбе человека с человеком, естественно, что должны быть победители и побежденные, и правительство, которое является средством обеспечения безопасности и сохранения результатов триумфа победивших, конечно, никогда не будет делиться ими с теми, кто проиграл. Неважно, будет борьба вестись на уровне физического и интеллектуального противостояния или в экономической сфере. А те, кто боролся за то, чтобы сохранить для себя условия лучшие, чем могут позволить себе другие, за то, чтобы получить привилегии и добавить к власти полное доминирование, и добились успеха, конечно, никогда не будут использовать все это для защиты прав покоренных и ограничения власти – собственной, а также своих друзей и сторонников.

Правительство – или Государство, если вам угодно, — как судья, арбитр в социальной борьбе, беспристрастный администратор общественных интересов – это ложь, иллюзия, утопия, которая никогда не была и не будет реализована. Если на самом деле интересы людей всегда должны противоречить друг другу, если действительно борьба между людьми сделала законы необходимыми для человеческого общества, и свобода индивида должна быть ограничена свободой других индивидов, тогда каждый всегда будет стремиться к первенству своих интересов по отношению к остальным. Каждый из всех сил будет стремиться к тому, чтобы расширить границы собственной свободы за счет свободы других, и будет существовать правительство. Не только потому, что иметь правительство более или менее полезно для цельности общества, но и потому что победители захотят защитить плоды своей победы. Затем они захотят подчинить покоренных и освободить себя от бремени постоянного ожидания нападения, и назначат особенно приспособленных для этого людей на должность полицейских. Если бы все действительно было так, то человечеству было бы уготовано погибнуть среди периодического противоборства тирании доминирующих и бунтов побежденных.

Но, к счастью, будущее человечества счастливее, потому как правящий закон более мягок.

Таким образом, в вековом противодействии между свободой и властью или, другими словами, между социальным равенством и социальными кастами, спорным вопросом являются не отношения между обществом и индивидом или рост частной независимости

ценой потери социального контроля или наоборот. Скорее, этот вопрос связан с тем, как не дать одному человеку притеснять других, с тем, как дать каждому одинаковые права и одинаковую возможность действовать. Он связан с тем, как заменить инициативу меньшинства, которая непременно выливается в подавление остальных, инициативой большинства, которая должна естественным образом привести к всеобщей пользе. Одним словом, это всегда вопрос того, как положить конец доминированию и эксплуатации человека человеком таким образом, чтобы все были заинтересованы в общем благе, и чтобы сила человека не была направлена на то, чтобы подавлять, бороться и притеснять других, а давала возможность личностного развития; чтобы все старались взаимодействовать с другими людьми во имя большей пользы для всех.

Из того, что мы сказали, следует, что существование правительства (даже если принять гипотезу о том, что возможно существование идеального правительства, выдвигаемую авторитарными социалистами) вместо того, чтобы порождать увеличение производительной силы, будет ее чрезвычайно уменьшать, потому что правительство будет отдавать инициативу в руки меньшинства. Оно даст этому меньшинству право делать все что угодно, естественно, не имея возможности наделить его знанием или пониманием происходящего.

В действительности, если законодательную деятельность и работу правительства избавить от того, что призвано защитить привилегированных, а также от того, что представляет желания исключительно привилегированного класса, не останется ничего кроме скопления отдельных должностных лиц. «Государство», — говорит Сисмонди, — «это всегда консервативная сила, которая санкционирует, регулирует и организует завоевания прогресса (и история свидетельствует о том, что это используется на благо самого правительства и других привилегированных классов), но никогда не иницирует их. Новые идеи всегда приходят снизу, зарождаются в основании общества, а затем, будучи обнародованными, получают оценку экспертов и растут. Но на своем пути они вынуждены всегда встречать и побеждать уже сформированные силы традиции, обычая, привилегии и заблуждения».

Для того, чтобы понять как общество могло бы существовать без правительства, достаточно на короткое время обратить наше внимание на то, что действительно происходит в современном обществе. Мы должны увидеть, что в действительности сегодня самые важные функции выполняются вне вмешательства правительства. А также то, что правительство вмешивается в происходящее исключительно с целью эксплуатации масс, или защиты привилегированного класса, или, наконец, для санкционирования (как правило ненужного) всего того, что было сделано без его помощи, часто – вопреки или в рамках сопротивления ему. Люди работают, производят обмен, учатся, путешествуют, следуют современным правилам морали или гигиены так, как считают нужным; они извлекают пользу из прогресса науки и искусства, имеют бесчисленное количество общих интересов, не чувствуя ни малейшей потребности в том, чтобы кто-то указывал им на то, как себя вести в отношении всех этих вопросов. Напротив, именно эти вещи, свободные от вмешательства правительства, процветают и приводят к сокращению разногласий, будучи бессознательно приспособленными к желаниям всех таким образом, чтобы быть наиболее полезными и приемлемыми для всех.

В правительстве также нет необходимости для организации масштабных предприятий или общественных служб, которые требуют постоянного сотрудничества множества людей, представляющих различные социальные группы и страны. Тысячи таких предприятий даже сейчас являются результатом труда добровольно сформированных союзов. И по всеобщему признанию именно такие предприятия преуспевают больше остальных. Это не относится к капиталистическим ассоциациям, организованным путем эксплуатации, хотя даже они демонстрируют возможности и силы свободного союза, который может разрастаться до тех пор, пока не охватит людей всех стран, не включит в себя самые широкие и разнообразные интересы. Скорее, мы говорим о тех союзах, которые вдохновляются человеколюбием, или страстью к знаниям, или просто желанием заниматься приятным делом и получать похвалу, потому как они гораздо лучше представляют те собрания, которые будут существовать в обществе, где частная собственность и бесконечная борьба между людьми будут уничтожены, где каждый найдет интересы, совместимые с интересами каждого из других членов общества, а также величайшее удовлетворение в том, чтобы делать добро и радовать остальных. Научные сообщества и конгрессы, международная спасательная шлюпка и ассоциации «Красного креста», союзы рабочих, общества мира, добровольцы, которые спешат на помощь каждый раз, когда случается катастрофа: все они – среди тысяч таких же — являются примерами того, как сила союзного духа всегда проявляется тогда, когда возникает нужда или воодушевление охватывает людей, и средства не подводят их. Виной тому, что эти добровольные союзы не покрывают весь мир и не охватывают каждую ветвь материальной и духовной деятельности, являются препятствия, которые ставят на их пути правительства, конфликты, порождаемые наличием частной собственности, а также беспомощность и деградация, к которым привела большую часть человечества монополизация материальных ценностей меньшинством.

Правительство, к примеру, осуществляет контроль над почтой и телеграфом. Но каким образом оно действительно содействует им? В тот момент, когда люди почувствуют потребность в этих службах они подумают о том, как организовать их, и человеку с необходимыми техническими знаниями не придется получать сертификат от правительства, чтобы иметь возможность приступить к работе. Чем более повсеместной и срочной будет необходимость – тем больше добровольцев предложат свои услуги для решения проблемы. Смогут ли люди добывать и распределять пищу? Бояться нечего – они не умрут от голода в ожидании принятия соответствующего закона от правительства. Где бы не существовало правительство, оно должно дожидаться момента, когда люди организуют все необходимое, а затем прийти со своими законами, чтобы санкционировать и эксплуатировать то, что было сделано до него. Очевидно, что частный интерес – прекрасный мотив для любой деятельности. Поэтому когда всеобщий интерес становится интересом каждого (и это непременно будет так, как только будет уничтожена частная собственность), активны будут все. Если сейчас они готовы работать во имя интересов меньшинства, то насколько больше и лучше они будут работать, чтобы удовлетворить всеобщие нужды. Сложно понять, как кто-либо может верить в то, что социальные услуги, необходимые для жизни общества, могут быть защищены правительством лучше, чем самими производящими людьми, которые исходя из собственного выбора или соглашения с другими, предоставляют их под контролем самих заинтересованных.

Конечно, в каждом коллективе, отвечающем за большой объем работ, необходимо разделение труда, техническое руководство, администрация и т.д. Но сторонники авторитаризма всего-навсего играют словами, когда делают вывод о том, что существование правительства обосновано реальной необходимостью организации труда. Мы должны повторить, что правительство есть всего лишь собрание индивидов, которые получили или захватили право или средства для того, чтобы устанавливать законы и принуждать людей подчиняться им. Управляющие, инженеры и т.д., с другой стороны, это люди, принимающие или берущие на себя ответственность за определенную работу. Правительство подразумевает делегирование полномочий, то есть, передачу инициативы и независимости всех в руки меньшинства. Администрирование предполагает делегирование работы, то есть, свободный обмен услугами, основанный на свободном соглашении.

Анархия и порядок

Источник: [здесь](#).

«Анархия», говорят буржуа, когда рабочие или крестьяне грабят фабрикантов или помещиков. «Порядок», говорят они же, когда фабриканты и помещики грабят рабочих и крестьян.

На самом же деле, то и другое есть проявления современной государственности. Анархией же, в истинном значении этого слова, называется такое положение вещей, когда не только никто никого не грабит, но не существует даже ни поводов, ни возможности для насилий и грабежа.

Собственность, семья и государство, – вот неисчерпаемые источники злобы, насилий и страданий. Взрыв протеста, направленный к уничтожению этих источников зла, не только буржуа, но и радикалы-интеллигенты называют анархией, вкладывая в это слово всю глубину своего негодования и укоризны.

Дымящиеся развалины, виселицы с черными силуэтами трупов на фоне кровавого зарева, вопли отчаяния и крики злобы, – это не анархия, а революция. Анархия – это цветущие нивы, тенистые сады, просторные мастерские, залитые ярким солнцем, и вместо криков злобы и отчаяния – бодрые песни свободного труда. Нет ни начальников, ни подчиненных, нет ни порабощителей, ни порабощенных, ни насилия, ни покорности; свобода, равенство и братство не в законодательных актах, не на фронтонах общественных зданий, а на всех путях жизни и в сердце каждого, – вот Анархия.

Обыватель представляет себе анархиста кровожадным убийцей с динамитной бомбой в руках, приготовленной для мирного буржуа. Но взгляните на статистические таблицы смертности: бедных умирает втрое больше, чем богатых. Кто убил их преждевременно? Богатые и государство, защищающее богатство. Вот истинные убийцы – не десятков, не сотен, а миллионов бедняков, преждевременно сошедших в могилу от голода, насилий и болезней. И на защиту их встали анархисты. Но не кинжал и бомба – главное оружие их борьбы: это оружие – пропаганда.

Буржуа и власти могут спокойно спать, пока с пропагандой анархических идей они борются идейной же пропагандой. Только когда они начинают бороться с пропагандой насилием, анархисты – апостолы свободы и равенства, с болью в сердце вместо книги берутся за бомбу.

Даже накануне того дня, когда идеи анархизма станут всеобщим достоянием, буржуа и власти могут не дрожать за свою жизнь. Не жизнь хотят взять у них анархисты, но власть и

собственность, чтобы растворить в народном море.

Но если в великий день земного страшного суда обладатели власти и собственности оценят их дороже своей жизни и согласятся скорее расстаться с жизнью, чем с собственностью и властью, – они получают то, что хотят.

Анархия и насилие

1924, источник: [здесь](#). Американские известия. 1924. № 149. С.2.

Анархия значит: отсутствие насилия, отсутствие господства человека над человеком, отсутствие давления силы воли одного или нескольких на волю других.

«Анархия», т.е. общество свободных солидарных братьев, гарантирующих максимум свободы развития и возможного счастья, может и должна восторжествовать только при согласовании интересов, при добровольной взаимопомощи, при любви, уважении, взаимотерпимости, и при взаимной благожелательности.

Несомненно, существуют другие люди, другие партии, другие учения, так же искренне преданные общему благу, как и лучшие из нас. Но то, что отличает анархистов от всех других, это именно отвращение к насилию, желание и стремление уничтожить насилие, т.е. грубую силу, соперничество между людьми.

Можно было бы даже сказать, что то, что особенно отличает анархистов, то есть идея уничтожения жандарма, идея исключения из общественных факторов порядка, предписанного грубой силой, будь она законной или незаконной. Но тогда можно было бы спросить, почему же в нынешней борьбе против политико-социальных учреждений, признанных анархистами угнетающими, они превозносили и применяли, превозносят и применяют, когда могут, средства насилия, настолько однако явно противоречащие их конечным идеалам, что иногда многие честные противники думали и все бесчестные притворились, что думают, будто отличительной чертой анархизма является именно насилие. Вопрос, как будто затруднительный, но на него можно ответить немногими словами: для того, чтобы два существа жили в мире, нужно, чтобы оба хотели мира, так как, если один из них упорствует и заставляет силой другого работать на себя и служить себе, другой, если он желает сохранить человеческое достоинство и не быть обращенным в самое низкое рабство, будет принужден противопоставить силу силе, несмотря на всю свою любовь к миру и согласию.

Предположите, например, что у вас стычка с каким-нибудь Думини (*убийца денутата-социалиста Матеоти — прим. перев.*), он вооружен, а вы безоружны, с ним многочисленная банда — вы одни или с немногими, он уверен в своей безнаказанности — вас же смущает мысль о возможности прихода жандармов, которые вас арестуют, будут издеваться над вами, засадят вас в тюрьму бог ведает насколько времени, — скажите же мне, можно ли было бы тут думать выйти из этого трудного положения, убеждая Думини разумными доводами быть справедливым, добрым, мягким?

Первопричина всех зол, которые мучили и до сих пор мучают человечество, исключая, конечно тех, что зависят от враждебных сил природы, это тот факт, что люди не поняли, что согласие и братская взаимопомощь были бы лучшим средством к обеспечению для всех максимума благ. Более сильные и более хитрые захотели подчинить себе и эксплуатировать остальных: достигнув преимущественного положения, они захотели навеки укрепить его за собой, создавая для своей защиты всякого рода постоянные органы принуждения. Отсюда та жестокая борьба, которой полна история, несправедливое злоупотребление, зверское угнетение с одной стороны, сопротивление с другой. Тут не приходится делать различия между партиями. Кто хотел освободиться, должен был противопоставить силу — силе, оружие — оружию. Однако каждый, находя вполне необходимым и справедливым употреблять силу для защиты своих собственных интересов своего класса, своей страны, осуждал однако во имя какой-то отвлеченной морали насилие, когда оно в ущерб его интересам служило интересам, классу, стране других.

Так, например, здесь в Италии те самые, которые прославляют вполне справедливо войну за независимость и воздвигают мраморные и бронзовые памятники в честь А. Милано, Орсини, Обердан, те, кто посвящали пламенные гимны Софье Перовской и другим мученикам далеких стран, называли преступниками анархистов, когда те явились требовать полной свободы и справедливости для всех людей и открыто заявили, что сегодня, как и вчера, пока существуют угнетение и привилегии, до тех пор народное восстание, бунт личности или массы останутся необходимым средством для завершения освобождения. Я вспоминаю, как по поводу одного нашумевшего анархического покушения некто, стоявший в первых рядах социалистической партии и только что вернувшийся с турецко-греческой войны, очень громко кричал при одобрении своих товарищей, что человеческая жизнь всегда священна и что даже во имя свободы нельзя на неё покушаться. Видно жизнь турков и цель освобождения греков были исключением.

Что это? Нелогичность или лицемерие?

Однако анархическое насилие является единственным, которое находит себе оправдание, единственным, которое не является преступным.

Я говорю, конечно, о насилии с действительно анархическими чертами, а не о тех или иных фактах слепого и неразумного насилия, приписанных анархистам или даже совершенных настоящими анархистами, которые дошли до отчаяния благодаря преследованиям или ослепленными благодаря своей чрезмерной чувствительности, которую разум не смог умерить, ослеплёнными видом общественной несправедливости, собственным горем или при виде чужого горя.

Насилие истинно анархическое, это — насилие, которое прекращается там, где прекращается необходимость защиты и освобождения. Оно смягчается сознанием, что личности, взятые в отдельности, мало или совсем не ответственны за то положение, которое им создали наследственность и среда; анархическое насилие, вдохновляется не ненавистью, а любовью; оно священо, потому, что добивается освобождения всех, а не замещения власти других собственной властью.

В Италии есть партия, которая в целях высокой культуры старалась уничтожить в массах всякую веру в насилие и дошла до того, что считала массы ответственными в каком бы то ни было сопротивлении, когда наступил фашизм. Мне кажется, что Турати (*вождь итальянских социал-реформистов — прим. перев.*) сам более или менее ясно признал этот факт и сожалел о нем в своей речи в Париже в память Жореса.

Анархисты не лицемерят. На силу нужно отвечать силой: сегодня бороться против угнетений сегодняшнего дня, завтра — против того угнетения, что попытается заменить сегодняшнее. Мы хотим свободу для всех, для нас и для друзей так же, как и для наших противников и врагов. Свободу мысли и свободу пропаганды, свободу работать и устраивать свою собственную жизнь по своему, но, конечно, не свободу — и пусть коммунисты не занимаются игрой слов — не свободу для уничтожения свободы и экспроприации работы других.

Анархическая революция

Источник: [здесь](#). Малатеста пишет о понимании революции, ее целях, реакции. Он отмечает в очередной раз, что для успеха революции необходимы определенные объективные условия, но впрочем не только они. Он рассказывает о псевдо-революционных группах, стремящихся заменить одну власть другой, о правительствах, которые становятся выразителями новой буржуазии и уничтожают насколько возможно завоевания революции.

Революция — это создание новых живых учреждений, новых групп, новых социальных отношений, это уничтожение привилегий и монополий. Это новый дух справедливости, братства, свободы, который должен обновить всю общественную жизнь, повысить моральный уровень и материальное положение масс, призывая их обеспечить, своим прямым и сознательным действием свое собственное будущее. **Революция** — это организация всех общественных услуг, теми, кто их предоставляет в собственных интересах, а также в интересах народа; это уничтожение всех принудительных связей; это автономия групп, коммун, регионов; это свободная федерация, вызванная стремлением к братству, индивидуальными и коллективными интересами, потребностями производства и обороны. **Революция** — это учреждение бесчисленных свободных групп на основе всех существующих среди людей идей, пожеланий и вкусов; это формирование и роспуск тысяч представительских, районных, коммунальных, региональных, национальных органов, которые, не имея никакой законодательной власти, координируют и извещают о потребностях и интересах людей повсеместно, и которые действуют информацией, советом и примером. **Революция** — это свобода, которая и продолжается пока длится свобода, то есть до тех пор пока иные, воспользовавшись усталостью, что овладевает массами, неизбежными разочарованиями, следующими за преувеличенными надеждами, вероятными ошибками и человеческими недостатками, не преуспевают в деле формирования власти, которая поддерживаемая армией призывников или наемников, устанавливает закон, останавливает движение в точке, которую оно достигло, а затем начинает реакцию.

Подавляющее большинство анархистов, если я не ошибаюсь, считают, что человеческое совершенство и анархия, не будут достигнуты даже в несколько тысяч лет, **если революцией, совершенной сознательным меньшинством, не будет создана необходимая среда для свободы и благополучия**. По этой причине мы хотим, совершить революцию как можно скорее, и чтобы сделать это мы должны воспользоваться преимуществом всех положительных сил и каждой возникшей благоприятной ситуации. Задача сознательного меньшинства в извлечении пользы из каждой ситуации, для изменения окружающей обстановки в направлении, которое сделает возможным образование всего народа. А поскольку сегодняшние реалии, которые обрекают массы на нищету, поддерживаются путем насилия, мы пропагандируем и готовимся к насилию. Вот почему мы революционеры, а не потому, что мы отчаянные люди, жаждущие мести и наполненные ненавистью. Мы революционеры, потому что мы верим, что только революция,

насильственная революция, может решить беды, с которыми мы сталкиваемся. Более того, мы считаем, что революция является актом воли — воли отдельных лиц и народных масс, что для ее успеха **требуется определенные объективные условия, но она не происходит по необходимости, неизбежно, только благодаря действию экономических и политических сил.**

Наша задача быть революционерами не только в философском смысле этого слова, но и в популярном и повстанческом смысле, я говорю это, чтобы четко разграничить свои взгляды и взгляды тех, кто называет себя революционерами, но кто не желает привнести в мир насилие, восстание, которое должно открыть путь для революционных достижений.

Анархия может быть достигнута только после революции, которая сметет первые существенные препятствия. Понятно, что наши усилия должны в первую очередь быть направлены на совершение революции таким образом, чтобы приблизить анархию. Мы должны вызвать революцию всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, и действовать в ней, как анархисты, выступая против установления любого авторитарного режима и реализуя насколько это возможно нашу программу. Анархисты должны будут воспользоваться преимуществами большей свободы, которую мы выиграем. Мы должны быть морально и технически готовы к реализации в пределах нашей численности, тех форм социальной жизни и сотрудничества, которые мы считаем лучшими и наиболее подходящими для прокладывания пути в будущее.

Мы не хотим ждать, пока массы станут анархистами, прежде чем совершить революцию, поскольку мы убеждены, что они никогда не станут анархистами, если сначала учреждения, которые их поработают, не будут уничтожены. А поскольку мы нуждаемся в поддержке масс, чтобы создать силу достаточной мощности и для достижения нашей конкретной задачи радикального изменения общества путем прямого действия масс, мы должны приблизиться к ним, принять их как они есть, и из их рядов стараться подтолкнуть их вперед как можно больше. Это, конечно, если мы действительно намерены работать над практическим достижением наших идеалов, а не довольствоваться проповедями в пустыне, только для удовлетворения нашей интеллектуальной гордыни. Мы не считаем революцию синонимом прогресса, исторического видения жизни. В этом смысле все люди революционеры. Когда кто-то в дискуссии ссылается на мудрость веков, каждый согласится со всем, что он говорит. Но когда мы говорим о революции, когда массы говорят о революции, когда ссылаются на нее в истории, имеют в виду просто торжествующее восстание. Восстания будут необходимы, пока есть властные группы, которые пользуются их материальной силой, чтобы добиться послушания от масс. *Совершенно ясно, только, что произойдет множество восстаний, прежде чем народ выиграет тот минимум необходимых условий для свободного и мирного развития, когда человечество сможет идти к своим благороднейшим целям без жестокой борьбы и бесполезных страданий.*

Под революцией мы не подразумеваем исключительно восстание, но мы должны избегать замены одного государственного принуждения другим. Мы должны четко различать революционный акт, который разрушает насколько возможно старый режим, и ставит на его месте новые учреждения, и правительство, которое приходит после, чтобы прекратить революцию и подавить столько революционных завоеваний сколько сможет.

История учит нас, что все достижения, которые являются результатом революции, были закреплены в период народного энтузиазма, когда либо признанное правительство не существовало либо было слишком слабо, чтобы противостоять революции. Но как только было сформировано правительство, сразу началась реакция, которая служила интересам старых и новых привилегированных классов и отнимала у народа все, что могла. Наша задача состоит в том, чтобы совершить и помочь другим совершить революцию, пользуясь любой возможностью, и всеми имеющимися силами: развивая революцию в максимально возможной степени как в конструктивной, так и в деструктивной роли, и всегда оставаясь в оппозиции к образованию какого-либо правительства, игнорируя его или борясь с ним в пределах наших возможностей.

Мы больше не станем признавать как республиканскую конституцию, так и парламентскую монархию. Мы не можем помешать этому, если люди хотят этого. Мы иногда можем даже быть с ними за одно в борьбе против попыток восстановления монархии, но мы будем желать и требовать полной свободы для распространения своих идей, словом и делом, для тех, кто думает, как мы, и кто хочет жить вне опеки и гнета правительства. Революционеры, да, но прежде всего анархисты.

1. Разрушение политической власти является первой обязанностью угнетенного народа.

2. Любая организация, якобы временной, революционной, политической власти для этого разрушения является ничем иным как уловкой, и будет так же опасна для народа, как и все существующие правительства.

3. Отказываясь от любых компромиссов, чтобы совершить революцию, рабочие мира должны установить солидарность революционного действия, выходящую за рамки буржуазной политики.

Эти анархистские принципы, которые были сформулированы под влиянием Бакунина на конгрессе в **Санкт-Имье, 1872**, по-прежнему указывают хорошее направление для нас сегодня. Те, кто пытались действовать в противоречии с ними, исчезли, потому что как бы они не определялись, правительство, парламент, диктатура может только привести людей обратно в рабство. Весть опыт это подтверждает. Разумеется, для делегатов Санкт-Имье, как для нас, и всех анархистов, упразднение политической власти невозможно без одновременного разрушения экономических привилегий.

Революция должна ликвидировать материальные силы, существующие для защиты привилегий и для предотвращения любого реального социального прогресса.

Благодаря этому убеждению многие считают, что важно лишь восстание, упуская то, что должно быть сделано, чтобы предотвратить превращение восстания в чистый акт насилия конечным ответом на который явится акт реакционного насилия. Мы пришли к следующему заключению: социальная реорганизация это то, над чем мы должны думать прямо сейчас, и когда старое будет разрушено, мы будем иметь более человеческое и справедливое общество, которое будет более восприимчиво к будущим достижениям. Альтернативой этому может быть то, что лидеры подумают над этими проблемами, и мы получим новое правительство, которое будет заниматься тем же, что и все предыдущие правительства: заставлять людей

платить за скудные и бедные услуги, которые оно предоставляет, забирать их свободу и позволять всякого рода паразитам и эксплуататорам угнетать их.

Для того, чтобы упразднить полицию и все вредные социальные институты, мы должны знать, чем заменить их не в более или менее отдаленном будущем, а немедленно, в тот же день когда мы начнем разрушать. Только тот разрушает, эффективно и навсегда, кто заменяет разрушенное чем-то другим, а откладывать на более поздний срок решение проблем, которые представляются неотложной необходимостью, значит дать время учреждениям которые мы намерены упразднить оправиться от шока и вновь заявить о себе, возможно, под другими названиями, но, конечно, с такой же структурой.

Наши решения могут быть приняты достаточно большой частью населения, и мы добьемся анархии или сделаем шаг к ней, либо они не будут поняты и приняты, и тогда наши усилия будут служить в качестве пропаганды и представят широкой общественности программу для недалекого будущего. Но, в любом случае, у нас должны быть предварительные решения, для поправок и пересмотров в свете практики, у нас должны быть наши решения, если мы не хотим пассивно принять решения, навязанные извне, и ограничиться невыгодной ролью бесполезных и бессильных ворчунов.

Я считаю, что мы анархисты, будучи убеждены в обоснованности нашей программы, должны приложить особые усилия, чтобы приобрести преобладающее влияние для того, чтобы быть в состоянии повернуть движение в направлении реализации наших идеалов, но мы должны приобрести это влияние, будучи более активными и более эффективными, чем другие. Только в этом случае это будет достойное приобретение. Сегодня мы должны тщательно изучать, развивать и пропагандировать свои идеи и координировать наши усилия для совместных действий. Мы должны действовать внутри народных движений, чтобы они не ограничивались и не были искажены, исключительно требованиями небольших улучшений возможных в капиталистической системе, и стремясь побудить их служить для подготовки полного и радикального изменения нашего общества. Мы должны работать среди масс неорганизованных и, возможно, неорганизуемых, людей, чтобы пробудить в них дух восстания, желания и надежды на свободное и счастливое существование, мы должны инициировать и поддерживать все возможные движения, которые ведут к ослаблению власти правительства и капиталистов и повышению морального уровня и материального положения населения. Мы должны подготовиться, в моральном и материальном плане, к революционному акту, который должен открыть путь к будущему. А завтра, во время революции, мы должны играть активную роль в необходимой физической борьбе, стремясь сделать ее настолько радикальной, насколько возможно, чтобы уничтожить все репрессивные силы правительства. Побудить людей к владению землей, домами, транспортом, заводами, шахтами, и всеми существующими товарами, а также организовывать себя так, чтобы получить справедливое непосредственное распределение продуктов питания. В то же время мы должны организовать обмен товарами между общинами и регионами, и продолжать наращивать производство и те услуги, которые приносят пользу людям.

Мы должны, всеми возможными способами, и в соответствии с местными условиями и возможностями, поощрять деятельность ассоциаций, кооперативов, групп добровольцев — в

целях предотвращения возникновения новых авторитарных групп, новых правительств, борясь с ними, применяя насилие, если необходимо, но прежде всего, делая их бесполезными. И если не будет достаточной поддержки в народе, чтобы предотвратить восстановление правительства, его авторитарных институтов и репрессивных органов, мы должны отказаться сотрудничать и признавать его, и восстать против его требований, заявляя права на полную автономию для себя и для всех инакомыслящих меньшинств. Мы должны оставаться в состоянии открытого восстания, если это возможно, и подготовить почву для преобразования сегодняшнего поражения в будущий успех. Я не считаю, что важен триумф наших планов, проектов и утопий, которые в любом случае будут нуждаться в подтверждении практикой и опытом, и в результате должны будут измениться, развиваться или адаптироваться под существующие моральные и материальные условия времени и места. **Важно прежде всего то, что люди, все люди должны потерять свои овечьи инстинкты и привычки, которые укоренились в их сознании в течении векового рабства, и что они должны научиться думать и действовать свободно. Именно этой задаче освобождения, анархисты должны уделить свое внимание.**

После того как правительство будет свергнуто, или по крайней мере нейтрализовано, задачей людей, и особенно людей инициативных и обладающих организаторскими способностями, будет обеспечить удовлетворение насущных потребностей. Подготовиться к удовлетворению будущих путем уничтожения привилегий и вредных учреждений и в то же время следя за тем, чтобы полезные учреждения, которые сегодня служат правящему классу, исключительно или в основном, действовали на благо всех и каждого. Работа анархистов — быть воинственными хранителями свободы от всех претендентов на власть и от возможной тирании большинства. **Мы сошлись на том, что наряду с проблемой обеспечения победы над материальными силами противника, существует также проблема наделения жизнью революции после победы. Мы согласны, что революция, которая приведет к хаосу, не будет живой революцией.**

Но не следует преувеличивать, не следует думать, что мы должны и можем найти идеальное решение для каждой возможной проблемы. Не следует пытаться предвидеть и предопределить слишком многое, потому что вместо подготовки к анархии, мы начнем потакать недостижимым мечтам, или даже станем авторитариями, сознательно или нет, предлагая действовать как правительство, которое именем свободы и народной воли подчинит народ своему господству. Дело в том, что нельзя обучить людей, действовать по своему усмотрению, если они не в состоянии, или не вынуждены в силу необходимости. А так же убедить в том, что революционная организация людей, полезная и необходимая, не может длиться неопределенно долго. В определенный момент, если она не перерастет в революционное действие, или правительство душит ее, или сама организация вырождается и распадается — и приходится начинать все заново с самого начала.

Я не могу согласиться с мнением, что все прошлые революции, поскольку они не были анархическими революциями, были бесполезны, как и с тем, что будущие революции, которые все еще не будут анархическими, будут бесполезными. Я считаю, что полная победа анархии придет эволюционным путем, постепенно, а не путем насильственной революции: когда предшествующая или несколько предшествующих революций уничтожат основные военные и экономические препятствия, противостоящие духовному и

материальному развитию народа, и препятствующие увеличению производства до уровня потребностей и желаний. В любом случае, если мы примем во внимание нашу небольшую численность и преобладающие среди большинства взгляды, и если мы не желаем путать наши желания с реальностью, мы должны ожидать, что следующая революция не будет анархической, и поэтому более уместным будет подумать, о том, что мы можем и должны делать во время революции, в которой мы будем относительно небольшим и плохо вооруженным меньшинством.

Но мы должны остерегаться становится менее анархистами только потому, что люди не готовы к анархии. Если они хотят правительства, вряд ли мы сможем предотвратить формирование нового правительства, но это не значит, что мы не должны пытаться убедить людей, в том, что оно является бесполезным и вредным, или помешать ему навязать себя нам и другим, похожим на нас, и не желающим его. Мы должны будем приложить усилия, чтобы обеспечить улучшение общественной жизни и в особенности экономических стандартов без вмешательства со стороны правительства, и потому мы должны быть готовы насколько это возможно решать практические вопросы производства и распределения, помня, что наиболее подходит для организации работы тот, кто сейчас этой работой занимается. Если мы не в состоянии предотвратить образования нового правительства, если мы не в состоянии уничтожить его немедленно, мы должны в любом случае отказаться поддерживать его в любой форме. Нам следует отказаться от призыва на военную службу и отказаться от уплаты налогов. Неповиновение в принципе, сопротивление до конца всему, что навязывают власти, и категорический отказ принять любой довод власти.

Если мы не в состоянии свергнуть капитализм, мы должны будем требовать для себя и для всех, кто хочет этого, право на свободный доступ к необходимым средствам производства, чтобы сохранить независимое существование. Советовать, когда у нас есть что предложить; учить, если мы знаем больше, чем другие; быть примером для жизни на основе свободного соглашения между людьми; защищать, даже применяя силу, если это необходимо и возможно, нашу автономию от любой правительственной провокации, но командовать, регулировать или править — никогда! Таким образом, мы не добьемся анархии, которая не может быть навязана против воли народа, но мы, по крайней мере, подготовим почву для нее. Мы не должны ждать бесконечно пока отомрет государство или пока наши правители, поддавшись нашим уговорам, станут частью народа и отдадут свою власть.

Анархисты и профессиональные союзы

1924, источник: [здесь](#), Голос труда. 1924. №216. С. 1-2.. Доклад к анархическому конгрессу в Париже 1923 г. сделанный итальянским анархистом Эррико Малатеста. Автор рассуждает о взаимодействии анархистов с профсоюзами и структуре анархической организации. Перев. с немец. Е. Ярчук.

Анархическая Федерация Италии сделала доклад о позиции, занятой синдикалистскими организациями в истекшей борьбе. Старая тактика, — пишется там, — должна быть и все ошибки таковой устранены, чтобы в грядущих битвах синдикалистские организации явились бы действительными организациями борьбы. В большинстве случаев, лучшие из наших товарищей постоянно страдали от преследований, подвергаясь тяжелым тюремным наказаниям. Очень часто не представлялось возможности войти в сношения с товарищами и оказать помощь преследуемым. Говоря это из собственного опыта, я принимаю ответственность за сказанное, полагая, в то же время, что большинство товарищей, находящихся и по ныне в рядах «Union Anarchica Italia» разделяют мое мнение.

Мы анархисты, с давних пор стремились к организационному объединению пролетариата. Глашатаями живой организации всегда являлись товарищи, стоящие в наших рядах. Современные рабочие организации, — полагали мы всегда, — должны показать всю унижительность рабочего ига, уяснить рабочим, как посредством этих организаций можно достичь свободы; развивать сверх того, солидарность и взаимопомощь в борьбе эксплуататоров и притеснителей и готовить их к организации производства в духе безгосударственного социализма. Но в этих экономических организациях больше толковалось о бесполезных вещах, чем о действиях, и направлениях к осуществлению нашей идеи. Перед нами встал вопрос: входить ли в экономические организации или оставаться вне их? — Нет, мы должны принять участие во всех актах, стремиться придать им определенный характер, не взирая на опасности, стоящие на пути. Влившись в экономические организации, мы сможем объяснить всю несостоятельность так называемых вожakov. Тарифные договоры, различные компромиссы и соглашения профсоюзов с государством и капиталом является достаточной иллюстрацией тому, как поступают вожди с массой. Таким образом явится возможность готовить рабочих к социальной революции.

Спустя два года по окончании войны, накануне фашизма, мы, большей частью, стояли вне революционных экономических организаций.

Казалось, надвигается революция. Да, можно сказать, что в течении двух последних лет была проведена большая духовная и материальная работа для дела революции. Но масса не прониклась еще нашими идеями, а те идеи и методы, которые она усвоила, не могли привести к революции. Итак, масса нам необходима, и хотя она уже готова к действию, ей, однако не достает проникновения духом анархизма.

Взглянем на дело с другой стороны: революция без массы если и возможна, то она, в самом лучшем случае, приносит лишь новое правительство; правительство же никогда не в состоянии водворить свободу, даже если бы оно состояло из анархистов.

Однако, воздерживаться от повседневной борьбы, сторониться всякого экономического движения исключительно на том основании, что мы не можем немедленно воплотить в жизнь наше понятие о справедливости, равносильного стремлению осуществить анархизм без обладания экономическими силами. Во всяком случае, необходимо обеспечить себе доверие масс. Для успеха дела нам нужно достичь единства в вопросе о путях наилучшего приближения к массе. Но многие из наших товарищей стоят на той точке зрения, что настоящий путь является ложным, что добиваться свободы должен каждый сам по себе в отдельности. Подвергнем анализу данное. Если бы кто захотел осуществить для собственной личности в рамках современного строя, — тот непременно вынужден был бы направиться по пути организации. Я надеюсь, что конгресс исследует критически мои выводы и придет к ясным определениям.

По моим воззрениям, нам нужно идти в экономические организации, проводя там работу в нашем духе, ибо стояние в стороне от них производит впечатление, что мы являемся противниками всякой организации. В результате окажется, что в момент действия нам заявят, что мы пришельцы, к нашим советам и нашей помощи отнесутся не внимательно или совсем ее отклонят. Я говорю здесь, конечно, о действительных экономических организациях, имеющих своим фундаментом свободное соглашение, но не об организациях, признанных властью и капиталом. Нам необходимо идти в указанные организации, чтобы служить примером и попытаться удалить оттуда все ненастоящее, искусственное, воспитывать одновременно в сочленах дух самостоятельных борцов.

Что же касается занятия специальных должностей в данных организациях, то я должен сказать, что частая смена людей, находящихся у руля, имела бы громадное значение. Каждому члену надо представить возможность обучиться делу организации. Руководящие личности должны доказать, что они входят в движение не из желания разыгрывать из себя вожakov, но ради самого движения. Этого мало: наше внимание всегда должно быть направлено в сторону революции, мы всегда должны быть готовы начать борьбу за ее осуществление.

Вполне понятно выступление анархистов против авторитарного коммунизма, ибо последний обуславливает правительство, желающее господствовать над всей социальной жизнью, передав, вместе с тем, организацию производства в руки чиновников; притеснения и эксплуатация, таким образом, сохраняются, парализуя все живые силы общества.

Синдикалисты, идущие как будто тем же путем, как и анархисты, отличаясь от централистских профсоюзов федералистским построением своих организаций стремятся на место правительства поставить свои организации. Данные организации, говорят они, — должны овладеть всеми богатствами и взять на учет все наличные средства питания. Посредством же организаций должно регулироваться производство и транспорт.

Но подобный захват посредством организаций вряд ли осуществим на деле. Еще менее удастся наладить транспортную связь между отдельными отраслями производства, как и сообщение между различными странами. Здесь должны развить свою деятельность наши группы. В группах, а главное в народных собраниях должны выбираться надлежащие люди, которым поручается регулирование делами в тех областях, где организации не могли бы справляться удовлетворенным образом.

Когда небольшая кучка людей, руководящих организацией, станет на ту точку зрения, что без них дело не пойдет, без них ничего не получится, в тот момент наступает большая опасность для развития революции.

Строй, вызванный к жизни указанными организациями, будет поддерживаться теми же средствами, как и диктатура пролетариата.

Чтобы будущая революция являлась действительно делом освобождения, крайне необходимо образовать наибольшее количество людей, пробудить в них индивидуальность, развить навык к практической и самостоятельной работе, чтобы не поручать дела отдельным лицам. Если мы будем развивать нашу энергию в данном направлении, тогда и на поприще организации мы сможем работать в анархическом смысле.

Мне позволят, быть может, дать обзор анархических организаций, объединенных в «Унию». „Union Anarchica Italiana» является федерацией автономных групп создавшейся для взаимной поддержки в пропагандистской работе, осуществляющей программу, построенную на принципе свободного объединения. В устойчивое время устраиваются конгрессы, созываемые и руководимые бюро печати, избираемый всякий раз на конгрессе.

Вопросы, подвергающиеся рассмотрению конгресса, определяются группами. Группа или федерация групп посылает на конгресс столько делегатов, сколько считается возможным, независимо от числа членов. Таким образом конгресс в состоянии выслушать различные мнения и посредством живой дискуссии наметить правильный путь.

Бюро печати должно поддерживать и облегчать связь между отдельными группами, способствуя таким образом, скорейшему соглашению между ними. Но бюро не обладает никакими средствами навязывать свою волю группам.

Группы и федерации прямо сносятся друг с другом, не прибегая к посредничеству бюро печати. Каждая группа свободна печатать все, что ей захочется, поскольку оно совпадает с общими основными положениями. Нас объединяет наша программа, признанная всеми членами «Унии».

Итак, духовная связь объединяет нас. Утверждающие обратное, благодаря ли незнанию дела или руководимые иными мотивами, заявляя, к примеру сказать, что наша «Уния» является авторитарной организацией, — все они говорят вещи, чуждые действительности.

«Союзы» не взяли себе монополию на анархическую организацию. Инакомыслящие товарищи могут объединяться в другие организации или оставаться изолированными. Мы никому из товарищей ничего не предписываем. Однако, несомненно, что «Союз» развивает наибольшую активность свойственную анархической организации. Она готова помочь любой организации словом и делом, коль скоро речь идет о вопросах, совпадающих с основными положениями «Союза».

Анархисты забыли свои принципы

1914, источник: [здесь](#). Эррико Малатеста размышляет об отношении различного рода социалистов к Первой мировой войне (1914-1918). Поднимая на словах знамя интернационализма и классовой борьбы, многие революционеры проявили свою непоследовательность и социал-шовинизм (в смысле поддержания империалистических, антинародных войн) на практике. Статья написана в самом начале Первой мировой, но уже тогда предсказала будущие ошибки и заблуждения (напр. эсера Бориса Савинкова, выступавшего за продолжение войны после революции 1917 года в России, или же анархо-коммуниста Петра Кропоткина и социал-демократа Георгия Плеханова, призывавших к тому же). Малатеста с классовых позиций анализирует ту ситуацию и предлагает действительно интернациональное решение, не впадая в истерию патриотизма, и призывает революционеров исходить из логики эффективности интернациональной борьбы за освобождение угнетенного класса.

Рискую показаться простаком, но уверяю, никогда бы не поверил в возможность того, что социалисты – даже социал-демократы – одобрили и добровольно вступили бы, на стороне немцев или союзников, в войну, наподобие той, что сейчас опустошает Европу. Что тут сказать, когда это сделали анархисты – пускай немногочисленные, но всё равно товарищи, которых мы любим и уважаем.

Говорят, что нынешняя ситуация показывает крах «наших лозунгов» — лозунгов наших принципов – и что нужно их пересмотреть.

В общем-то, каждый лозунг нужно пересматривать всякий раз, когда он оказывается недостаточным при столкновении с реальностью; но мы имеем другой случай, когда упадок вызван не несовершенством наших лозунгов, а тем, что последние были забыты и преданы.

Вернёмся к принципам.

Я не «пацифист». Я борюсь, так же как все, за торжество мира и братства между всеми людьми; но я также знаю, что эта мечта не может быть исполнена, пока этого не захотят обе стороны, и что пока будут находиться люди, желающие нарушать свободу остальных, обязанность защищать этих самых остальных лежит на них самих, если они не хотят вечно быть поражёнными; а также я придерживаюсь мнения, что лучшая защита – это нападение. Кроме того, я думаю, что угнетённые всегда находятся в статусе законной самообороны, и всегда имеют право атаковать притеснителей. Поэтому я допускаю, что есть войны, которые

необходимы, священные войны: освободительные или, как их чаще называют «гражданские» — то есть революции.

Но что общего имеет текущая война с эмансипацией человека — нашей целью?

Сегодня мы слышим, что социалисты слабеют, так же как любые буржуа, будь то во Франции, Германии или в любых других политических либо национальных агломерациях — результатах исторической борьбы — как гомогенных этнографических единицах, каждая из которых имеет собственные интересы, стремления и миссию, противоположные соперникам. И это будет оставаться относительной правдой, пока угнетённые, и особенно несознательные рабочие, не смогут распознать несправедливости в их положении. Ведь тогда есть только один доминирующий класс, имеющий вес; и этот класс, следуя своей цели сохранить и увеличить свою власть, навязать свои предрассудки и идеи, может счесть возбуждение расовой ненависти хорошим средством к этому и направить собственную нацию против «иностранцев» с целью освобождения последних от гнёта, которому те подвергаются, и подчинить их собственной политико-экономической власти.

Но главной задачей тех, кто, как и мы, хочет остановить притеснение и всякую эксплуатацию человека человеком, является пробудить в себе осознание антагонизма интересов притеснителей и притеснённых, эксплуататоров и рабочих, развернуть классовую борьбу внутри каждой страны, проявить как солидарность со всеми рабочими через географические границы, так и неодобрение любых расовых и национальных предрассудков.

И это то, чем мы всегда занимались. Мы всегда твердили, что рабочие всех стран — братья, а врагом — «иностранцем» — является эксплуататор, родился ли он рядом с нами или в отдалённом месте, говорит ли на нашем языке или на любом другом. Мы всегда выбирали союзников, компаньонов по оружию, так же как и врагов, по признаку идей, которые они исповедуют, и позиции, которую занимают в социальной борьбе, но никогда по причине расы или национальности. Мы всегда боролись против патриотизма, который является пережитком прошлого и прекрасно служит интересам угнетателей; и мы гордились быть интернационалистами не только на словах, но и глубоко в душе.

А сейчас ужасные последствия капиталистического и государственного господства должны открыть глаза на то, что мы были правы, даже слепому; большинство социалистов, а также множество анархистов в воюющих странах ассоциируют себя с правительствами и буржуазией своих стран, забывая социализм, классовую борьбу, международное братство и всё остальное.

Какой крах!

Возможно, теперешние события могли показать, что национальные чувства более живы, в то время как чувства международного братства слабее, чем мы думали; но это должно послужить ещё одной причиной для усиления нашей антипатриотической пропаганды, а не для отказа от неё. Эти события также показывают, что во Франции, к примеру, религиозное чувство сильнее, и священники имеют большее влияние, чем мы представляли. Это, что же,

причина для нас, чтобы удариться в католичество?

Я понимаю, что могут возникнуть обстоятельства, при которых для общего нормального существования потребуется участие абсолютно всех. Это может быть эпидемия, землетрясение, вторжение варваров, которые разрушают всё, что попадает под руку. В таком случае классовая борьба, различия социальных положений должны быть забыты, и должно быть сделано общее дело против общей угрозы; но только при условии, что все эти разногласия должны быть забыты с обеих сторон. Если кто-то находится в тюрьме во время землетрясения, и есть опасность того, что его раздавит насмерть, наш долг спасти всех, даже надзирателей – при условии, что они сначала откроют двери темниц. Но если надзиратели примут все меры для безопасного нахождения заключённых в тюрьме во время и после катастрофы, то это обязанность заключённых перед самими собой и перед товарищами по неволе оставить тюремщиков наедине с их проблемами и воспользоваться возможностью сохранить себе жизнь.

Если, когда иностранные солдаты вторгнутся на священную землю Отечества, привилегированный класс откажется от своих привилегий и будет действовать так, как будто «Отечество» действительно стало общим достоянием жителей, тогда будет правильно, чтобы все вместе боролись против захватчиков. Но если короли хотят остаться королями, помещики собираются заботиться о своих землях и своих домах, а купцы хотят печься только о своих товарах и даже продавать их по завышенной цене, тогда рабочим, социалистам и анархистам следует бросить их на произвол судьбы и в то же время быть начеку и не упустить возможность избавиться от притеснителей как внутри страны, так и от пребывающих извне.

При любых обстоятельствах обязанность социалистов и особенно анархистов делать всё, что может ослабить государство и капиталистический класс, и принять социализм как единое руководство к совместному действию; либо, если они материально бессильны, чтобы эффективно вести свою деятельность, то, по меньшей мере, отказать врагу в любой помощи и встать в стороне, чтобы сохранить хотя бы свои принципы – что значит сохранить будущее.

Всё, что я сказал – теория, и, возможно, в теории это будет принято большинством тех, кто на практике делает всё как раз наоборот. Как, в таком случае, сказанное можно применить к настоящей ситуации? Что нам следует делать, чего желать в интересах нашего дела?

На этой стороне Рейна говорят, что победа союзников станет концом милитаризма, триумфом цивилизации и т.п. То же самое говорят по другую сторону границы о победе Германии.

По-моему, судя по тому, что они на самом деле из себя представляют – «бешеная собака» из Берлина и «старый палач» из Вены, нет большой уверенности ни в кровавом Царе, ни в английских дипломатах, которые угнетают Индию, предали Персию и разгромили Бурские

Республики; ни во французскую буржуазию, уничтожившую марокканцев, ни в тех, из Бельгии, которые допустили зверства к Конго и в значительной степени нажились на них – и я припомнил только их некоторые произвольно взятые проступки, не говоря о том, что сделали все правительства и капиталистические классы против рабочих и повстанцев в своих странах.

По моему мнению, победа Германии несомненно означала бы триумф милитаризма и противодействия; но триумф союзников подразумевает русско-английское (иначе говоря кнуто-капиталистическое) доминирование в Европе и Азии, воинская повинность и развитие милитаристического духа в Англии, а также клерикализм и, возможно, монархическое противодействие во Франции.

Кроме того, я думаю, что, скорее всего, победу не одержит ни одна из сторон. После длительной войны, огромных потерь жизней и ресурсов обе стороны будут вымотаны и заключат какое-то подобие мира, оставив все вопросы открытыми, готовясь, таким образом, к новой войне, ещё более убийственной, чем настоящая.

Вся надежда на революцию; и, как мне кажется, в побеждённой Германии, по всей вероятности, в связи с настоящим положением вещей, и грянет революция, вот поэтому – и только поэтому – я хочу поражения Германии.

Я, конечно, могу ошибаться в понимании действительного положения. Но, кажется, естественным и основополагающим для всех социалистов (анархистов или других) должно быть не вступать в компромиссы с правительствами и правящими классами таким образом, чтобы была возможность извлечь выгоду из любой представляющейся возможности и, в любом случае, возобновить нашу подготовку к революции и пропаганду.

Анархисты в настоящее время

1930, источник: [здесь](#). Малатеста пишет об изменении отношения к восстанию и разрушению, постреволюционном периоде и целях движения в это время, о роли революции и ее видах, о взятии власти авторитариями и многих других вопросах. Малатеста писал об анархистах 30-х годов 20 века. Сейчас же мы можем абсолютно обратное понимание целей анархизма, так называемыми антиавторитариями.

Ячейка нашего движения с нетерпением обсуждает проблемы, которые может решить революция. Несмотря на то, что предлагаемые решения порой являются многозначными или же недостаточно приемлемыми, это хорошая новость и добрый знак.

Прошли те времена, когда люди верили, что было бы достаточно лишь восстания, победы над армией и полицией, свержения власть имущих, а все остальное получилось бы само собой, то есть восстание является самой важной частью.

Обычно говорилось о том, что предоставление необходимого количества еды, обеспечение достойным жильем и хорошей одеждой для каждого человека, которое произойдет немедленно после победы восстания, будет достаточным для того, чтобы революция обрела твердую почву под ногами и могла перейти к реализации все более и более высоких идеалов. Никто не взял на себя труд проверить, хватит ли товаров для всех, и находятся ли существующие товары в тех местах, где они наиболее необходимы. Демонстрация переполненных товарами магазинов – лишь обманчивое мнение голодных и оборванных толп. Агитаторы, сознательно или нет, создали эту иллюзию как эффективное средство пропаганды. Однако с одной стороны, сегодня хорошо известно, что продукция, которая производится всеми и на благо всех остальных, благодаря механике и химии, может бесконечно расти. С другой стороны, так же верно то, что правилом существующей системы капитализма является производство до тех пор, пока есть вероятность выгодной продажи, как только прибыль перестает расти, прекращается и производство. Если по ошибке или вследствие конкуренции между капиталистами наблюдается случай перепроизводства, то начинается кризис и рынок снова скатывается в ситуацию дефицита, которая наиболее выгодна для производителей и дельцов. Отсюда ясно, насколько опасно распространение веры в изобилие товаров, и в то, что нет сильной необходимости приниматься за работу.

Прошли те дни, когда можно было сказать о том, что разрушение — наша задача, и что наши потомки позаботятся о реконструкции. Это было дешевое заявление, которое может быть взято обратно только тогда, когда неизбежность революции маловероятна. Оно

направлено на разжигание отвращения и ненависти к нынешней ситуации и для обострения желания перемен. Тем не менее, ситуации в Европе в настоящее время полна революционного потенциала; в любой момент есть возможность перейти от теории к практике, от пропаганды к действию. Сегодня самое время вспомнить о том, что жизнь как общества, так и индивидуума не допускает перерыва: и мы, и наши дети вынуждены питаться и как-то проживать каждый последующий день, прежде чем наши дети смогут начать заботиться об этом же.

Таким образом, мы пришли к мнению, что помимо проблемы обеспечения победы над материальными силами противника, существует и проблема обеспечения жизни общества после победы революции. Мы согласны, что революция, которая приводит к хаосу, не есть необходимая революция.

Но не стоит преувеличивать: не думайте, что мы должны и можем найти прямо здесь и сейчас, идеальные решения всех возможных проблем. Не следует желать предвидеть и определить слишком много, потому что вместо подготовки к анархии мы могли бы найти себя потакающими недостижимой мечте или даже стать авторитарными, осознанно или нет, начиная действовать как правительство, которое во имя свободы и блага населения делает людей субъектами своего господства.

Я случайно прочитал странные вещи: странные, если учесть, что они были написаны анархистами.

Например, товарищ говорит, что *«толпа будет справедливо выступить против нас, если мы первыми призовем их к болезненным жертвам революции, а затем мы скажем им: делайте то, что считаете необходимым, собирайтесь вместе, производите и живите вместе, как вам удобнее всего»*.

Что? Разве мы всегда говорим толпе, что они не могут ожидать помощи ни от нас, ни от других? Что они должны добиться своего благополучия сами? Что они будут получать только то, что смогут взять и что смогут обладать только тем, что смогут защитить? Это просто и естественно для нас, инициаторов — попытаться подтолкнуть движение в том направлении, которое кажется нам лучше, и быть готовым, насколько это возможно, ко всему, что должно быть сделано. Тем не менее, остается основной принцип, по которому принятие решений происходит путем свободного волеизъявления заинтересованных лиц.

Я также читал: *«Мы создадим режим, который, хотя и не будет полностью либертарным, будет иметь свои особенности и, прежде всего, проложит путь к постепенной реализации наших принципов»*.

Что это? Крошечное правительство, модель добра, которое убьет себя как можно скорее, чтобы дать путь к анархии!!!

Разве мы уже не согласились, что правительства стремятся не убить себя, а наоборот, увековечить себя и стать все более и более деспотичными? Разве не мы договорились, что миссией анархистов является борьба, а терпение любого режима не основано на принципе полной свободы? Не мы ли провозглашаем, что анархисты во власти — не намного лучше,

чем другие?

Другой товарищ, который является одним из тех, кто больше заботится о необходимости иметь «план», и в основном вкладывает всю надежду в профсоюзы рабочих, говорит:

«После победы революции, нужно управление всеми средствами производства, транспортировки, обмена и т. д. передать в руки рабочего класса, ранее обученному нами этой великой социальной функции».

Ранее обученный нами этой великой социальной функции! **Сколько веков должно пройти, прежде чем революция свершится таким образом**, как предполагает товарищ? Если бы только веков было достаточно! Дело в том, что нельзя воспитывать массы, если у них нет своего мнения или это только дань обстоятельствам, вынуждающим их действовать по своему усмотрению; революционные организации рабочих полезны и необходимы, в том виде, в каком они существуют, их влияние и деятельность не могут быть растянуты до бесконечности. В определенный момент, если этот процесс не перерастает в революционную деятельность, то он либо бывает задушен правительством, либо организация сама вырождается и распадается — и приходится начинать все с самого начала.

Как верно то, что большинство «практических» людей часто оказываются самыми наивными утопистами!

Звучала ли бы вся эта дискуссия вполне академически, если бы речь шла о конкретной стране, в которой организации свободных рабочих разрушены и запрещены, свобода прессы, собраний и объединений упразднена, и агитаторы, будь то анархисты, социалисты, коммунисты или республиканцы пребывают либо за рубежом в качестве беженцев, либо принудительно содержатся на острове, и заперты в тюрьме, или положение таково, что практически невозможно говорить, двигаться и почти невозможно даже дышать?

Можем ли мы обоснованно надеяться, что следующий переворот в стране с такими условиями будет социальной революцией в широком и полном смысле этого слова? Разве это не больше похоже на возвращение условий для пропаганды и организаций, что является одной из возможных и актуальных задач в настоящее время?

Мне кажется, что все эти трудности, неопределенности и противоречия возникают, когда кто-то хочет наступления анархии без анархистов, или считает, что пропаганда является достаточным средством для преобразования всего населения (или его значительной части), прежде чем окружающие условия кардинально изменятся.

Некоторые люди утверждают, что «революция будет анархистской или не будет вообще». Это еще одна из тех претенциозных фраз, тщательный анализ которых показывает, что они либо бессмысленны, либо очень ошибочны.

В самом деле, если кто-либо говорит о революции (в нашем понимании данного слова), которая должна быть анархической, то такое требование является просто тавтологией, хождением вокруг да около и ничего не объясняет, как если бы кто-либо утверждал,

например, что белая бумага должна быть белой. Если имеется ввиду, что не может быть любой другой революции, кроме анархической, то данное утверждение является большой ошибкой, так как в жизни человеческого общества мы уже видели и, конечно, увидим снова движения, которые коренным образом изменили существующие условия и изменили ход истории, и этим заслуживают того, чтобы их назвали революциями. Я не смог бы согласиться с мнением, что все прошлые революции, поскольку они не были анархистскими, были бесполезны, что в будущем такие революции, будут так же бесполезны. В самом деле, я склоняюсь к тому, что полное торжество анархии возможно только с помощью эволюции, постепенно, а не путем насильственной революции: рано или поздно революции уничтожат основные военные и экономические препятствия духовному развитию народа, препятствия увеличению производства до уровня, который сможет удовлетворить потребности и желания, и препятствия гармонизации различных интересов.

В любом случае, если принять во внимание нашу немногочисленность и распространенное настроение масс, и если мы не хотим спутать желаемое с действительным, мы должны ожидать, что следующая революция не будет анархической, то более актуальным является вопрос о том, что мы можем и должны делать во время революции, в которой мы можем оказаться относительно небольшим и плохо вооруженным меньшинством.

Некоторые товарищи, возможно, все еще находятся под влиянием хвостовства социалистов и иллюзий, порожденных русской революцией, и поэтому считают, что у авторитариев более простая задача, чем у них самих, потому что у них есть «план»: овладеть властью и силой навязать свою систему.

Такое мнение неверно. Коммунисты и социалисты, конечно, хотят захватить власть, и при определенном стечении обстоятельств смогут это сделать. Тем не менее, самые умные из них слишком хорошо знают, что, придя к власти, они могли бы начать также тиранить народ и подвергать его причудливым и опасным экспериментам, что они вполне могли бы заменить буржуазию новым привилегированным классом, но они не смогли бы реализовать социализм, они не смогли бы применить свой «план». **Как может тысячелетнее общество быть уничтожено, и новое, лучшее общество установлено указами нескольких человек и штыками!** Это одна из честных причин (*я не хочу говорить о других, они могут быть не так легко признаны*), которая в Италии сохраняла сотрудничество социалистов и коммунистов, а также помешала свершению революции, когда это было возможно. Они чувствовали, что они не смогут держать под контролем ситуацию и придется либо уступить место анархистам, либо стать орудием реакции. Что касается стран, где они на самом деле имеют власть... хорошо известно, что они сделали.

Если бы только у нас были существенные силы, с помощью которых мы бы избавились от сил, угнетающих нас, наша задача стала бы намного проще, потому что мы ничего не требуем от масс, кроме того, что массы и без того могут и хотят делать. Мы только делаем все от нас зависящее, чтобы развить их способности и волю.

Но мы должны, тем не менее, остерегаться того, чтобы самим стать в меньшей мере анархистами, потому что массы не готовы к анархии. Если они хотят правительство, вряд ли мы сможем предотвратить формирование нового правительства, но это еще не повод

отказаться от наших попыток убедить людей, что правительство не имеет смысла и вредно или предотвратить навязывание правительства нам и другим, кто этого не хочет.

Мы должны приложить усилия, чтобы гарантировать, что социальная жизнь и особенно экономические показатели могут быть улучшены без вмешательства правительства, и поэтому мы должны быть готовы, насколько это возможно, решать практические проблемы производства и распределения, вспомнив, кстати, что наиболее подходящие к организаторской работе те, кто сейчас этим занимается, каждый в своем деле.

Мы должны стремиться играть активную и, если это возможно, преобладающую роль в повстанческих действиях. Но с поражением сил репрессии, которые служат для удержания народа в рабстве. С демобилизацией армии, роспуском полиции и т.д., вооружив людей так, что они смогут противостоять любой вооруженной попытке восстановления режима, имея на руках конкретных людей, готовых взять на себя организацию общественных услуг и обеспечить, по представлениям о справедливом распределении, удовлетворение самых насущных потребностей, бережливо используя имеющиеся запасы в различных местах — сделав все это, нам придется следить за тем, чтобы не было никаких бесполезных усилий. И чтобы эти институты, эти традиции и привычки, эти методы производства, обмена и помощи уважались и использовались, если они выполняют, даже недостаточно или плохо, необходимые функции, и искать при этом все возможные средства уничтожения даже следов привилегий, но, будучи осторожными с уничтожением всего, что не может быть заменено чем-либо, что служит общему благу более эффективно. Мы должны подталкивать рабочих завладеть заводами, объединиться между собой и работать для сообщества. Так и крестьяне, узурпированные помещиками, должны взять себе землю и продукты, и прийти к соглашению с рабочими по вопросу необходимости обмена товаров.

Если мы не в состоянии предотвратить формирование нового правительства, если мы не в состоянии уничтожить его сразу, мы должны в любом случае отказаться от его поддержки в том или ином виде. Мы должны отказаться от призыва на военную службу и отказаться платить налоги. Неповиновение, положенное в принцип, сопротивление до победного конца с каждым проявлением власти, и категорический отказ принять любую команду.

Если мы не сможем свергнуть капитализм, мы должны требовать для себя и для всех, кто хочет этого, право на свободный доступ к необходимым средствам производства для поддержания независимого существования.

Советуйте, когда у нас есть что предложить, учите, если мы знаем больше, чем другие; подавайте пример для жизни, основанной на свободном согласии между людьми, защищайте даже с помощью силы, если это необходимо и возможно, нашу автономию против любой правительственной провокации ... но подчиниться команде — никогда.

Таким путем мы не добьемся анархии, которая не может быть навязана против воли народа, но, по крайней мере, мы будем готовить фундамент для нее.

Анархистская пропаганда

Источник: [здесь](#). Малатеста в общих чертах рассказывает о роли и типах анархических организаций, об их тактике, методах, прессе и ее задачах, роли агитаторов.

Надо признать, что когда мы, анархисты, говорим в общих чертах о том, что мы хотим, чтобы будущее общество было обществом без хозяев и жандармов, мы преподносим это в слишком простом виде.

В то время как, с одной стороны, мы упрекаем наших противников за неспособность выйти за рамки существующих условий и, в утверждении того, что коммунизм и анархия недостижимы, так как они представляют человека лишь таким, каким он есть сегодня – с его подлостью, его страхами и недостатками, даже в случае, если их причины были бы устранены. С другой стороны, мы проходим сквозь трудности и сомнения, считая, что необходимые нравственно-положительные эффекты, которые последуют из отмены экономических привилегий и триумфа свободы, будут уже достигнуты.

Когда нам говорят, что некоторые люди попросту не хотят работать, у нас есть ряд веских причин показать, что работа, которая является осуществлением наших способностей, а также удовольствие от производства, находятся в корне благосостояния человека, и поэтому смешно думать, что здоровые люди хотели бы уйти от потребности производить блага для общественности в случае, когда работа не будет принудительной, эксплуатированной и презираемой, какой она есть сегодня.

И, если нам начинают говорить об антиобщественных, преступных склонностях некоторых, хоть и небольших социальных групп, мы отвечаем, что, кроме редких и сомнительных случаев врожденной болезни, иметь дело с которой – задача психиатров, преступления имеют социальное происхождение и изменились бы с преобразованием учреждений.

Возможно, этот чрезмерный оптимизм, это упрощение проблем, имело свой смысл тогда, когда анархизм был лишь прекрасной мечтой, ожиданием, и было необходимо протолкнуть высший идеал для вдохновения энтузиазма, подчеркивая контраст между настоящим адом и желаемым раем завтра.

Но времена поменялись. Государственническое и капиталистическое общество находится в состоянии кризиса, распада или реконструкции в зависимости от того, могут ли революционеры и знают ли как влиять их взглядами и силами. И, возможно, мы находимся в преддверии первых попыток реализации.

Поэтому нам важно отставить в сторону идиллические описания, видения будущего и отдалённого совершенства, и столкнуться с вещами, которые есть сегодня и какими они

будут, по нашим предположениям, в обозримом будущем. Когда анархистские идеи были новинкой, которая шокировала и поражала, и было возможным лишь пропагандировать в перспективе, когда попытки восстаний и судебных преследований мы всячески одобряли, так как это служило цели привлечь внимание общественности к нашей пропаганде, достаточно было раскритиковать существующее общество и предоставить картину идеала, к которому мы стремимся. Даже вопросы тактики были, по сути, просто вопросами определения какой из путей наилучший для распространения наших идей и подготовки отдельных лиц и масс для желаемых социальных преобразований.

Но на сегодняшний день ситуация более зрелая, обстоятельства поменялись. И мы должны быть способны показать не только то, что для присоединения к нам есть больше оснований, чем к партиям, из-за нашего идеала свободы, но также и то, что наши идеи и методы являются самыми практичными для достижения наибольшей меры свободы и благополучия, которые возможны в современном состоянии нашей цивилизации. Наша задача – «заставлять» людей требовать и захватывать все свободы, которые возможно и сделать себя ответственными за обеспечение их собственных нужд, не ожидая приказов ни от какого вида властей. Наша задача – показать бесполезность и вредность правительства, провоцируя, воодушевляя пропагандой и действием все виды индивидуальных и коллективных инициатив.

По факту, это вопрос воспитания свободы, чтобы люди, которые приучены к повиновению и бездействию, осознали их действительную силу и способности. Нужно вдохновлять людей совершать поступки самостоятельно или заставить их думать, что они поступают так или иначе по их собственной инициативе, даже когда фактически их действия были предложены другими. Так же, как хороший школьный учитель, поставивший проблему, в случае, когда его ученик не может её немедленно решить, помогает ему таким образом, что ученик воображает, что нашёл решение без посторонней помощи, приобретая мужество и уверенность в своих силах.

Это то, что мы должны делать в нашей пропаганде. Если наши критики когда-либо пропагандировали среди тех, кого мы с неким презрением называем «политически-несознательными», они обнаружат, что ему приходится прикладывать усилия, чтобы не начать излагать общепринятую истину; ему надо пытаться провоцировать их мышление на то, чтобы они пришли к своим собственным выводам, которые он хоть и может подать готовыми, что сделать гораздо проще, но результат принесёт гораздо меньше пользы новичку в политике. И если он когда-либо обнаружит себя действующим как лидер или учитель в каком-либо пропагандистском действии, когда остальные принимали пассивную позицию, ему стоит избегать создания видимости такой ситуации и стимулировать их к мышлению, к взятию инициативы и таким способом обретения уверенности в самом себе.

Ежедневная газета «***Umanità Nova***» – всего лишь одно из наших средств действия. Если вместо пробуждения новых сил и поощрения более амбициозной и энтузиастской активности, она будет поглощать все наши силы и тем самым придушит все остальные инициативы, это будет неудачей, а не свидетельством нашей силы, жизнеспособности и смелости. Кроме того, есть виды активности, которые не могут по определению выполняться прессой. Так как печатные издания обращаются к общественности, которую нам нужно информировать в

присутствии врага, есть ситуации, в которых враг не должен быть проинформирован. Нашим товарищам необходимо выбрать иную схему действий в этих ситуациях.

Организация должна быть секретной или публичной?

В общих чертах ответ очевиден: что нужно совершить публично – то надо делать открытым для всех, а что по решению должно остаться в секрете – должно делаться вне поля зрения общественности.

Для тех нас, кто занимается пропагандой, очевидно, что надо поднимать мораль масс и побудить их завоёвывать освобождение своими собственными поступками, а те, у кого нету личных или групповых стремлений доминировать – это преимущество, где можно дать нашей активности максимальной гласности и добиться влияния нашей пропаганды на как можно большее количество людей.

Но это не зависит только от наших пожеланий; ясно, что, например, что власти будут нам мешать говорить, издавать или проводить встречи, и у нас нет достаточно сил, чтобы открыто не подчиняться запретам. Мы должны искать способы проводить всё это тайно.

Следует, однако, всегда стремиться к действиям в полном свете дня и бороться за наши свободы, имея ввиду, что наилучший путь для достижения свободы заключается в том, чтобы попросту взять её, пойдя на необходимый риск; очень часто свобода потеряна по нашей ошибке из-за бездействия или слишком неуверенных действий – всё это производит впечатление, будто у нас нет права сделать то, что мы делаем.

Поэтому, как правило, мы предпочитаем действовать открыто. Также потому, что нынешние революционеры имеют качества (*как хорошие, так и плохие*), которые уменьшают их конспиративные возможности, в которых революционеры пятьдесят или сто лет назад весьма преуспевали. Но, конечно же, бывают обстоятельства и действия, которые требуют секретности и в которых мы должны действовать соответствующим образом.

В любом случае давайте опасаться тех «секретных» дел, о которых все знают. И, в первую очередь, полиция.

Изолированная, спорадическая пропаганда, которая часто является способом успокоить совесть, практически не имеет пользы. В условиях неосведомлённости и нищеты, в которых живут массы и с таким большим количеством противостоящих нам сил, такая пропаганда забывается и теряется ещё до того, как её действие принесёт плоды. Почва слишком неблагоприятная для семян, которые посеяны случайно и вряд ли даст им прорасти и пустить корни.

Нам необходима непрерывность в наших усилиях, терпение, координация и адаптируемость к различной среде и обстоятельствам.

Каждый из нас должен иметь возможность рассчитывать на сотрудничество с остальными; и везде, где семя было посеяно, оно не будет испытывать недостаток в заботе культиватора, который ухаживает и защищает его, пока оно не выросло, стало способным

позаботиться о себе, и, в свою очередь, стало способным к посеву новых, плодотворных, семян.

Анархизм и организация

1897, источник: [здесь](#). Эррико Малатеста размышляет о полезности организации, ее устройстве и других вопросах, которые до сих пор актуальны для анархистов, так как многие до сих пор не преодолели антиорганизационных настроений, не смотря на ошибки прошлого.

Организация, которая, в конце концов, есть всего лишь практика сотрудничества и солидарности — естественное и необходимое состояние общественной жизни. Это неизбежный факт, влияющий на всех, как на общество в целом, так и на группу людей, идущих к общей цели. С тех пор как человечество не хочет и не может жить в изоляции стало неизбежным то, что те, у кого нет ни средств, ни развитого общественного сознания, позволяющего им свободно объединяться с людьми, на основе общего мышления и интересов, будут организованы другими, чаще всего представленными классом или правящей группой, с целью использования труда ради личной выгоды. Извечное притеснение масс маленькой привилегированной группой, всегда было результатом неспособности угнетаемых прийти к согласию между собой и организовать для труда, отдыха и возможной обороны от любого, кто захочет эксплуатировать или угнетать их. Анархизм существует, чтобы исправить такое положение дел...

Теперь нам кажется, что организация, то есть объединение для особых целей, обладающее структурой и средствами необходимыми для их достижения, это необходимый аспект общественной жизни. В изоляции люди не могли бы жить даже как животные, так как не смогли бы найти себе пропитание, за исключением, возможно, тропических регионов или случаев когда население очень малочисленно; и точно не смогли бы подняться выше уровня животных. Поэтому они вынуждены объединяться с другими людьми, а точнее, обнаружить себя объединенными с другими людьми, вследствие эволюционных antecedents вида. Они будут подчинены чужой воле (порабощены), или подчинят других своей воле (будут у во власти), или жить в братском соглашении с другими в интересах общего блага (партнерство). Никто не может избежать этой необходимости.

Признавая возможность существования общества организованного без власти, без принуждения – а анархисты должны допустить такую возможность, иначе анархизм не имеет смысла – мы приходим к обсуждению организации анархического движения. И в этом случае организация кажется нам полезной и необходимой. Если под движением подразумевать целое – людей с общими целями, которых они пытаются достичь – тогда естественно, что они договорятся между собой, объединят силы, разделят задачи и предпримут те шаги, которые, по их мнению, приведут к достижению цели. Оставаясь в изоляции, каждый индивид будет действовать или пытаться действовать по- своему, без координации, без подготовки, без попыток создать сильную группу, что приведет его к бессилию, трате своих сил на маленькие неэффективные действия, потере веры в свои цели

и, возможно, полному бездействию.

Математик, химик, психолог или социолог может сказать, что у него нет программы или что он заинтересован только в установлении правды. Они стремятся к знаниям, но не стремятся что-либо делать. Но анархизм и социализм это не науки; это предложения и проекты, которые анархисты и социалисты пытаются реализовать. Поэтому они должны быть сформулированы в определенные программы.

Если то, что организация порождает лидеров, правда, то анархисты не способные объединится и прийти к согласию (тут была запятая) без подчинения власти, еще не очень хорошие анархисты и перед тем, как думать о построении анархического общества во всем мире им стоит подумать о том, как самим жить по-анархистски. Лекарство не в отказе от организации, а в росте сознательности каждого отдельного участника. В маленьких сообществах, равно как и в больших, помимо грубой силы, что бесспорно для нас, происхождение и оправдание власти лежит в отсутствии социальной организации.

Анархистская организация должна позволять полную автономию и при этом полную ответственность отдельных членов и групп; свободное соглашение между теми, кто считает полезным объединение сил для достижения общих целей; моральный долг выполнять свои обязательства и не предпринимать действий, противоречащих принятой программе. На этой основе люди создают подходящие ситуации формы и инструменты, чтобы дать жизнь такой организации. Таковыми являются группы, федерации групп, федерации федераций, встречи, конгрессы, и так далее. Также все это должно делаться свободно, не ограничивая мысли и инициативность отдельных членов, а только предоставляя большой простор для совместных действий, невозможных или неэффективных в изоляции. Таким образом, анархистский организационный конгресс, несмотря на все неудобства, которые он испытывает как представительный орган, должен быть свободен от авторитаризма в любых формах потому, что он не издает законов и не руководит другими людьми. Он служит для поддержки и расширения личных контактов между активными товарищами, объединения и развития программных исследований средств и путей деятельности; познакомить всех с ситуациями в регионах и видами действия наиболее необходимыми в данный момент; суммировать различные течения во взглядах анархистов и в то же время подготовить некоторую их статистику. Его решения никого не обязывают, это просто советы, предложения, которые нужно принять к сведению, и они не обязывают никого, кроме тех, кто их принимает и только пока они их принимают. У исполнительных органов, которые они назначают – Исполнительные комитеты и т. д. – нет управляющих полномочий, не берут на себя инициативу, кроме случаев, когда она одобрена, и не имеют права навязывать собственные взгляды, которые у них, несомненно, должны быть, но не должны представляться официальной позицией организации. Они публикуют резолюции конгресса, а также мнения и предложения групп и индивидуальных членов; они действуют в интересах тех людей, которые используют их для развития связей между группами и сотрудничества между теми, кто совместно реализует какие-либо инициативы; каждый волен общаться с кем хочет самостоятельно или использовать для этого комитеты.

В анархистской организации индивидуальные члены могут выражать любое мнение и использовать любую тактику, которая не противоречит принятым принципам и не идет

вразрез с действиями остальных. Каждая отдельная организация существует до тех пор, пока причины объединения превосходят разногласия; иначе она распадается, а люди переходят в более однородные группировки. Конечно же, жизнь и стойкость организации — это условие успеха в нашей долгой борьбе, кроме того, это естественно, что любая организация стремится продлевать своё существование вечно. Но продолжительное существование либертарной организации должно быть следствием духовной близости ее членов и адаптируемости ее структуры под непрерывно изменяющиеся обстоятельства. В случае если она перестает служить полезной цели, ей лучше прекратить свое существование.

Мы, конечно же, были бы счастливы, если бы ладили друг с другом и смогли объединить все силы анархистов в одном сильном движении; но мы не верим в стойкость организации, основанной на уступках и компромиссах, в которой нет реального согласия и взаимных симпатий между членами. Лучше быть разобщенными, чем объединенными так. Но мы хотим, чтобы каждый человек объединился со своими друзьями, и тогда не будет изолированных или потерянных сил.

Нам остается только поговорить об организации рабочих и угнетаемых масс для сопротивления, как государству, так и работодателям. Рабочие никогда не смогут освободить себя, пока, объединившись, не обретут моральную, экономическую и физическую силы, необходимые, чтобы сломить организованные силы угнетателей.

Были такие анархисты, (и они все еще есть) которые не осознают необходимость организовываться для пропаганды и действия, будучи враждебными ко всем организациям, чьей целью не является анархизм или тем, что не следуют анархистским методам борьбы. Этим товарищам кажется, что любые организованные силы недостаточно радикально революционны, и от этих сил революции нужно избавиться. Нам же кажется, и опыт давно подтвердил наше мнение, что их подход обрекает анархическое движение на бесконечное бесплодие. Чтобы вести пропаганду мы должны быть среди людей, именно в профсоюзах рабочие находят своих товарищей, особенно тех, кто более расположен понять и принять наши идеи. Но даже если мы сделаем столько пропаганды, сколько хотим вне союзов, это не произведет большого эффекта на массы трудящихся. Без небольшого количества людей более образованных, более склонных к абстрактному мышлению и теоретическому энтузиазму, рабочие не смогут прийти к анархизму одним прыжком. Чтобы стать убежденным анархистом, не только на словах, они должны почувствовать солидарность, объединяющую их с товарищами, учиться сотрудничать с ними для защиты своих интересов. В борьбе против боссов и государства, поддерживающего их, рабочий сможет понять, что они бесполезные паразиты, что рабочие могут управлять экономикой самостоятельно. Поняв это, он или она становится анархистом, даже если его таковым не считают.

Кроме того, поощрение популярности организаций всех видов — это логичное следствие наших идей и должно быть неотъемлемой частью нашей программы. Авторитарные партии, чьей целью является захват власти и навязывание своих идей, заинтересованы в том, чтобы люди оставались аморфной массой неспособной действовать самостоятельно, тогда ими легко управлять. Из этого следует, логически, что мы не можем и мечтать о большем, чем о

множестве организаций, которые помогут достичь власти: избирательные организации, если надеяться достичь этого законными методами; боевые организации, если надеяться на насильственные действия. Но мы, анархисты, не хотим делать людей независимыми; мы хотим, чтобы люди сами сделали себя независимыми. Мы не верим в добро приходящее сверху или насаждаемое силой; мы хотим, чтобы новый образ жизни появился из самой сущности людей, отвечал их состоянию и развивался вместе с ними. Поэтому для нас имеет значение то, что все мнения и интересы должны найти отражение в сознательной организации и влиять на жизнь коммуны, пропорционально своей важности.

Мы взяли на себя задачу бороться против существующих общественных организаций, преодолевать препятствия на пути к новому обществу, в котором свобода и благополучие гарантированы всем. Чтобы достичь этой цели, мы организуемся и стараемся стать как можно более многочисленными и сильными. Но если бы организовывались только анархистские группы, то рабочие остались в изоляции не связанные ничем кроме общих цепей; если бы мы были организованы в федерации только как анархисты, и не были бы связаны как рабочие с другими рабочими, то не смогли бы ничего добиться... или, по крайней мере, это был бы наш триумф, а не триумф анархизма. Тогда мы смогли бы называть себя анархистами, но на самом деле были бы обычными правителями, и были бы такими же бессильными, как и другие правители, когда дело доходит до всеобщего блага.

Большинство и меньшинство

Источник: [здесь](#). Малатеста пишет о большинстве и меньшинстве, о законах, навязываемых силой, о невозможности быть свободным при экономическом неравенстве.

Мы не признаем права большинства налагать закон на меньшинство, даже если воля большинства в некотором сложном вопросе будет установлена. Тот факт, что большинство на чьей-то стороне не доказывает, что этот кто-то должен быть прав. Действительно, человечество всегда совершенствовалось инициативой одиночек и меньшинств, когда большинство по своей природе медленное, консервативное, покорно превосходящей силе и установленным привилегиям. Но если мы ни на минуту не признаем право большинства доминировать над меньшинством, еще больше мы противостоям доминированию меньшинства над большинством. Это было бы абсурдно доказывать, что кто-то прав только потому, что он принадлежит к меньшинству. Если во все времена были превосходящие и просвещенные меньшинства, также существовали меньшинства, которые были отсталыми и реакционными; если есть исключительные люди, опередившие свое время, есть также и психопаты, и еще больше апатичных индивидов, которые неосознанно позволяют потоку событий нести их.

В любом случае, это не вопрос о правых и виноватых; это вопрос свободы, свободы для всех, свободы для каждого человека, настолько насколько он не затрагивает равную свободу других. Никто не может наверняка знать, кто прав и кто виноват, кто ближе к истине, и где дорога к величайшему благу всех и каждого. Опыт свободы – единственное средство прийти к истине и лучшему решению; и не существует свободы без свободы для ошибок.

По нашему мнению, следовательно, необходимо, чтобы большинство и меньшинство преуспело в жизни вместе, мирно и взаимовыгодно через взаимное согласие и компромисс, через разумное понимание практической необходимости общественной жизни и полезные уступки, которые обстоятельства делают необходимыми.

Также как их разум и опыт говорит, что, несмотря на использование всей алхимии выборов и парламента, это всегда кончается принятием законов, которые представляют из себя все, кроме воли большинства, анархисты не признают, что большинство как таковое, даже когда было бы возможно без сомнений установить его желание, имеет право с применением силы навязывать себя инакомыслящему меньшинству.

Кроме этих соображений, всегда существует факт, что при капиталистическом режиме общество разделено на богатых и бедных, на работодателей и работников, чей следующий обед зависит от абсолютной воли начальника, выборы не могут быть свободными.

Взаимопомощь (эссе)

1909, источник: [здесь](#). Эррико Малатеста размышляет о сущности человека и взаимоотношениях между людьми. Он не идеализирует людей, не приписывает им излишней доброты или иных качеств, которыми так склонны наделять народ различного рода идеалисты. Малатеста утверждает, что в человеке есть разные чувства и доказывает почему взаимопомощь и кооперация позволяют людям развиваться и достигать своих целей.

Факт то, что человек социальное животное, существование которого зависит от длительных физических и духовных отношений между людьми. Эти отношения должны базироваться на близости, солидарности, любви, либо же на враждебности и соперничестве. Если каждый человек будет думать только о собственном благополучии и, возможно, своей родовой или территориальной группе, то он, очевидно, начнет конфликтовать с другими людьми, выходя из этих конфликтов либо победителем, либо побежденным; угнетателем, если победит, угнетаемым, если проиграет. Естественная гармония, естественный союз доброго в каждом и общей пользы — это выдумка человеческой лени, которая скорее предположит, что это будет достигнуто само собой, по закону природы, чем будет за это бороться. В действительности, природный Человек находится в постоянном конфликте с окружающими, в поисках самой лучшей, здоровой и плодородной земли, а со временем, использовать те разнообразные возможности, которые общественная жизнь создает для тех или других. По этой причине, человеческая история полна насилия, воин, резни (помимо безжалостной эксплуатации труда), бесчисленных тираний и рабства.

Если бы в человеческом сознании существовал только жесткий инстинкт желания доминировать и получать выгоду за счет других, то человечество осталось бы в состоянии варварства, и развитие законов, в истории или в наше время, было бы невозможно. Такой порядок всегда представляет своего рода закалку тиранического духа с минимумом общественной солидарности, необходимой для более цивилизованной и прогрессивной жизни.

Но, к счастью, в Человеке существует другое чувство, которое привлекает его ближе к соседу, чувство симпатии, терпимости, любви и благодаря ему человечество стало более цивилизованным, и от него взрастило нашу идею, которая ставит целью создания общества, где все будут братьями и друзьями, работающим ради общей пользы.

То как появилось чувство, выраженное в так называемых моральных предписаниях, и отрицающее, в своем развитии, существующую мораль, заменяя ее новой более высокой моралью, это предмет исследования, который может заинтересовать философов и социологов; но это не умаляет факт его существования, независимо от объяснений, которые могут быть выдвинуты. Совершенно неважно, что оно может происходить от примитивного, физиологического факта полового акта, необходимого для продолжения человеческого

рода; или удовлетворения, которое может быть получено от компании товарищей; или преимуществ, которые могут быть получены от союза в борьбе с общим врагом или восстания против общего тирана; или желания покоя, мира и безопасности, которое присуще даже победителям; а может от этих и еще сотен причин. Оно существует и именно в его росте и развитии мы видим наши надежды на светлое будущее человечества.

«Божья воля», «естественное право», «законы морали», «категорический императив» Канта — это все метафизические фантазии, в реальности несуществующие. Они представляют похвальное желание человеческого разума объяснить все, докопаться до сути вещей, и могут быть использованы временные гипотезы для дальнейшего исследования, но они не были, в большинстве случаев люди склонны не признавать невежество, и предпочитают многословные объяснения, лишенные фактического содержания, простому: «Я не знаю».

Вне зависимости от объяснений, которые кто-то хочет или не хочет давать, проблема остается нерешенной: каждый должен выбирать между любовью и ненавистью, между братским сотрудничеством и братоубийственной враждой, между альтруизмом и эгоизмом.

Потребности, вкусы, стремления, интересы человечества ни схожи, ни естественно гармоничны; часто они диаметрально противоположны и противоречивы. С одной стороны, жизнь одного человека настолько обусловлена жизнью других, что это было бы невозможно, даже если предположить, что человеку было бы удобно отгородиться ото всех и жить своей собственной жизнью. Общественная солидарность это факт, от которого не убежать: он может быть добровольно и сознательно принят и впоследствии приносить выгоду всем причастным, или может быть принят волей-неволей, сознательно или нет, в этом случае она проявляется как подавление и эксплуатация одних людей другими.

Большое количество проблем появляется в нашей повседневной жизни, их можно решить различными способами, но не всеми одновременно; каждый человек может предпочесть одно решение другому. Если у человека или группы людей есть власть навязывать другим свой выбор, они выберут решение наиболее подходящее их целям и интересам, а другие будут вынуждены пожертвовать своими желаниями. Но, если ни у кого нет возможности заставлять других действовать против их воли, всегда предполагая, что невозможно или неудобно рассматривать более чем одно решение, одно решение должно быть принято взаимными уступками и соглашениями, это решение должно наименее нарушать личные интересы, вкусы и желания.

История учит нас, ежедневные наблюдения за жизнью, что там, где нет места насилию (в человеческих отношениях) все устроивается наилучшим образом, и интересы всех учитываются лучшим образом. Но там, где вторгается насилие, процветают несправедливость, угнетение и эксплуатация.

То, что человеческая жизнь невозможна без использования труда других это факт, и это может быть сделано двумя способами: либо через братскую, равную, либертарную ассоциацию, в которой солидарность, согласие сознательны и свободно выражаются всем человечеством; или через борьбу всех против всех, в которой победители правят, угнетают, эксплуатируют остальных...

Мы хотим прийти к обществу, в котором каждый человек относится к другим как к братьям, и благодаря взаимной помощи сможет достигнуть величайшего благополучия и свободы, а также физического и интеллектуального развития для всех...

Самый сильный человек тот, кто наименее изолирован; наиболее независим тот, у кого наибольшее число контактов и друзей, таким образом, у него будет более широкий выбор соратников; наиболее развитый человек тот, кто лучше всех может и знает, как использовать наследие человечества и достижения своих современников.

Несмотря на реки человеческой крови; несмотря на неописуемые страдания и унижения; Несмотря на тиранию и эксплуатацию самого слабого (по причине личной или социальной неполноценности); одним словом, несмотря на борьбу и все ее последствия, в обществе жизненно необходимыми и прогрессивными характеристиками являются сочувствие, чувство общей человечности, которое в обычное время устанавливает границу борьбы, за которой никто не может рисковать, не вызывая отвращения и всеобщего недовольства. Для этого вмешивается мораль.

Профессиональный историк старой школы могут предпочитать представлять плоды своих исследований как сенсационные события, крупномасштабные конфликты между нациями и классами, войны, революции, внешняя и внутренняя дипломатия и заговоры; но гораздо более существенны бесчисленные ежедневные контакты между людьми и группами, которые являются истинной сущностью общественной жизни. Если вы близко исследуете что происходит внутри у большинства людей в их повседневной жизни, то увидите, что также как борьба за лучшие условия труда, жажда доминировать, вражда, зависть, нездоровые страсти, которые настраивают людей друг против друга, так и ценная работа, взаимная помощь, непрерывный и добровольный обмен услугами, привязанность, любовь, дружба притягивает людей друг к другу. И люди коллективизируют прогресс или распад, жизнь или смерть, в зависимости от того, что преобладает в общественных отношениях: солидарность и любовь или ненависть и вражда; в действительности, существование любого общества было бы невозможно, если бы социальные чувства, которые я называю добрыми страстями, не были бы сильнее плохих.

Существование чувства привязанности и сочувствия у людей, а также опыта и понимания индивидуальных и общественных преимуществ, которые появляются от развития этих чувств, породили и продолжают порождать понятия «справедливость», «право» «мораль», которые, несмотря на многие противоречия, ложь и лицемерие, служат основным интересом, целью и идеалом, к которым движется человечество.

Эта «мораль» непостоянна и относительна; она меняется со временем, для разных людей, классов, личностей; люди используют ее в своих собственных интересах или интересах семьи, класса, страны. Но если отбросить то, что официальная «мораль» служит для оправдания привилегий и насилия правящего класса, всегда остается что-то что служит общим интересам и является достижением всего человечества, независимо от класса или расы.

У буржуазии в ее героический период, когда они все еще чувствовали себя частью народа и боролись за независимость, еще были возвышенные проявления любви и самопожертвования; и у лучших среди их мыслителей и мучеников было практически пророческое видение того будущего мира, благополучия и братства, за которое социалисты борются сейчас (1909). Но если альтруизм и солидарность были среди чувств лучших из них, зачаток индивидуализма (в смысле борьбы между людьми), принцип борьбы (в противоположность солидарности) и эксплуатация человека человеком были в программе буржуазии и не могли, но привели к губительным последствиям. Частная собственность и принцип власти, в новых декорациях капитализма и парламентаризма, были в их программе и должны были привести, а так и произошло, к угнетению, притеснению, страданиям и дегуманизации масс.

И теперь, когда развитие капитализма и парламентаризма принесло свои плоды, и буржуазия исчерпала все благородные чувства и прогрессивные устремления практикой политической и экономической борьбы, они снизошли до необходимости защищать свои привилегии силой и обманом, а их философы не могут защититься от нападок социалистов, кроме как несвоевременно поднимая закон жизненной конкуренции.

Во имя правды

1926, источник: [здесь](#). Данная статья взята из сборника “Выбить фашизм”.

В период захватов фабрик я никогда не прекращал проповедовать необходимость расширения движения и мчался от одной фабрики к другой, призывая к сопротивлению. Я говорил рабочим: «Если вы оставите фабрики, хозяевами которых вы являетесь сегодня, потом вы вернётесь как рабы, как псы с поджатым хвостом, и вы вновь впадёте в состояние несчастья и униженности, из которого вам удалось вырваться».

Преобладающей темой в моих речах было вот что: «Действуйте немедленно, или буржуазия заставит вас заплатить кровавыми слезами за то, что вы сделали».

На последнем митинге, который удалось провести в Риме — когда фашизм был на грани успеха — перед толпой примерно в 50 тысяч человек Энрико Ферри, выступая от имени социалистов, призвал их сохранять спокойствие и уверенность, подождать, пока не наступит подходящий момент, всё это — во имя «неизбежной эволюции», «законов Истории» и т. д. В то время как я сказал — действуйте, сопротивляйтесь, встречайте насилие насилием, или завтра... будет слишком поздно.

Демократия и анархия

1924, источник: [здесь](#). Малатеста пишет о демократах, диктаторских режимах, критикует буржуазную демократию с различных ракурсов, раскрывает различные формы, в которые она облачается.

Свирепствующие диктатуры в Италии, Испании и России, которые стали предметом зависти и вожделения для наиболее реакционных и «забитых» партий по всему миру, окутывают поруганную ранее «демократию» флёром целомудрия и невинности. Мы видим старорежимных тварей, хорошо приспособленных к жестокому искусству политики, ответственных за репрессии и убийства представителей рабочего класса, вновь возникающих в тех местах, где они чувствуют себя бесстрашно, позиционирующих себя как прогрессивных людей, которые стремятся захватить обозримое будущее во имя освобождения. И, чего скрывать, иногда им это удается.

Мне есть что сказать и в пользу критики демократии со стороны диктаторских режимов, и в пользу того, в каком свете они выставляют ложь и недостатки демократии. И я помню того анархиста Германа Сандомирского — большевистского сподвижника — с которым мы имели неоднозначный контакт во время Женевской конференции, и который пытался «подружить» Ленина и Бакунина. Я помню этого Сандомирского, который ради защиты российского режима вытащил Кропоткина, дабы продемонстрировать, что демократия – это не лучшая форма общественного устройства, которую можно представить. Его метод аргументации запал мне в память, думаю, я сказал ему об этом. Этот метод аргументации, взятый на вооружение некоторыми его соотечественниками, который появился в ответ на возмущение всего цивилизованного мира на свержение царя; порку и повешенье женщин они объяснили тем, что если мужчины и женщины имеют равные права, то должны иметь и равную ответственность. Приверженцы темниц и эшафотов вспомнили о правах женщин только тогда, когда они смогли послужить предлогом для новых безобразий! Таким образом, диктатуры противостоят демократическим правительствам до тех пор, пока они не узнают, что есть формы правления, которые предоставляют куда более обширную почву для деспотизма и тирании для тех, кому удалось захватить власть.

Для меня нет никаких сомнений, что даже худшая форма демократии всегда предпочтительнее, чем лучшая из диктатур. Конечно, демократия, или так называемое народовластие – это ложь, но ложь всегда связывает лжеца и ограничивает произвол власти. Конечно, «суверенный народ» — это пародия на независимость, это раб с бутафорской короной и скипетром.

Но вера в собственную свободу, хотя на самом деле её нет, всегда лучше осознания того, что ты раб, и принятия рабства, как чего-то справедливого и неизбежного.

Демократия – это ложь, это угнетение и, в реальности, олигархия, ибо власть принадлежит небольшому привилегированному сословию. Но мы, тем не менее, можем продолжать бороться за свободу и равенство, в отличие от тех, кто заменил демократию, или собирается заменить её кое-чем похуже.

Мы не поддерживаем демократию — по разным причинам, демократия рано или поздно приводит к войне и диктату. Мы также против диктатуры – ибо диктатура пробуждает потребность в демократии, способствует возврату к ней, и это ведет к замкнутому порочному кругу, внутри которого человеческое общество колеблется между явной и жесткой тиранией и псевдо-свободой.

Итак, мы объявляем войну как диктатуре, так и демократии. Но что мы можем предложить взамен?

Не все демократы являются такими, как было описано выше – лицемерами, которые худо-бедно осознают, что они, прикрываясь «волей народа», желают доминировать, желают эксплуатировать и подавлять этот самый народ.

Есть много деятелей, особенно среди молодых республиканцев, которые всерьез верят в демократию и видят в ней средство достижения полной свободы развития для всех. Это как раз те люди, которых нам следует освободить от иллюзий, убедить не путать абстракцию, «народ» и жизненные реалии, в которых есть мужчины и женщины с разнообразными потребностями, страстями и зачастую противоречивыми стремлениями.

Мы не намерены бесконечно повторять критику в адрес парламентской системы и всеми средствами «придумывать» депутатов, которые бы действительно представляли интересы людей; критику, которая после пятидесяти лет анархистской пропаганды наконец-то была воспринята, и даже поддержана теми авторами, которые больше других презирали наши идеи (*например, Political Science Senator Gaetano Mosca*).

Мы ограничиваем себя в привлечении наших молодых друзей, дабы не потерять точности наших замыслов – иначе однажды они могут расколоться, и наша молодежь увидит, насколько она бездеятельна.

Нет никакой «власти народа», ибо она предполагает то, что не может произойти ни при каких обстоятельствах – полное единодушие всех индивидуумов, из которых состоит человечество.

Более удачно было бы назвать это «властью большинства». Это подразумевает наличие меньшинства, которое вынуждено либо бунтовать, либо признать волю остальных.

Но это не тот случай, когда представители большинства солидарны по всем вопросам; кроме того, в этой ситуации необходимо обращаться за помощью к мажоритарной системе, поэтому здесь было бы правдиво отметить, что это «власть большинства, избранного большинством».

Что, в принципе, уже начало порождать значительные сходства с системой «власти меньшинства». Если взять в расчет то, как проходят выборы, как формируются политические партии и парламентские группы, как создаются, утверждаются и применяются законы, легко придти к пониманию того, что уже было доказано исторически: даже в самых демократических системах есть меньшинство, которое управляет, а также навязывает свою волю и интересы при помощи силы.

Поэтому те, кто действительно желает «власти народа» (в понимании, что каждый может заявить о своей воле, идеях и потребностях), должны гарантировать, что никто – ни из меньшинства, ни из большинства – не может управлять другими. Другими словами, они должны упразднить государственность, подразумевающую принудительную организацию, и заменить её свободной организацией тех людей с общими интересами и целями.

Было бы гораздо проще, если каждая группа и индивид могли бы жить в изоляции, на свой собственный лад, поддерживая независимость от остальных, обеспечивая самостоятельную поддержку своих материальных и духовных потребностей.

Но это невозможно, а если бы это и было реально, то стало бы нежелательно, так как это значило бы возвращение человечества к варварству и дикости.

Будучи призванным защищать свою автономию, свою свободу, каждый индивид или группа должны чувствовать узы солидарности, которые их связывают с остальным человечеством, и обладать высоко развитым чувством симпатии и любви к своим товарищам, а также знать, как добровольно принести жертву жизни в обществе, которое приносит максимально возможную пользу при каждой возможности.

Но помимо всего этого, необходимо сделать невозможным «навязывание» мнения большинству при помощи материального аспекта.

Давайте упраздним жандарма, вооруженного человека на службе деспота, и тогда, так или иначе, мы сможем достигнуть согласия, потому что без такого соглашения – добровольного или принудительного — невозможно жить.

Но даже добровольное соглашение приносит пользу тем, кто наиболее интеллектуально и технически подготовлен. Мы советуем нашим друзьям и тем, кто желает всем добра, изучать наиболее острые вопросы, которые будут требовать практического решения, когда люди будут сбрасывать иго, подавляющее их.

Идея о хорошем правительстве

1920, источник: [здесь](#)

Никто не может судить с уверенностью о том, кто прав и кто виноват, кто находится ближе к истине, или, что является лучшим способом для достижения наибольшего блага для всех и каждого. Свобода в сочетании с опытом — это единственный способ узнать правду и то, что лучше; и не может быть свободы, если есть отрицание свободы в заблуждении.

Но, когда говорят о свободе с политической точки зрения, а не с философской, никто не думает о метафизическом состоянии абстрактного человека, который существует вне космической и социальной среды, который, подобно богу, может делать то, что хочет в абсолютном смысле этого слова.

Когда одни говорят о свободе, другие говорят об обществе, в котором никто не может сдерживать своих близких, не встречая энергичное сопротивление, в котором, прежде всего, никто не может захватить и использовать коллективные силы, чтобы навязать свои желания другим и самим группам, которые являются источником силы.

Человек не совершенен, согласитесь. Но это одна из причин, пожалуй, главнейшая причина, не дающая никому права лишать личность свободы.

Человек не совершенен. Но тогда, где найти людей, которые могут не только жить в мире с другими людьми, но и будут способны контролировать жизнь других людей в авторитарном стиле? И, если предположить это, кто их назначит? Будут ли они навязывать себя? Но кто защитит их от сопротивления и насилия со стороны «преступников»? Или же они могут быть выбраны суверенным народом, который считается слишком невежественным, слишком злым, чтобы жить в мире, но вдруг получает все необходимые положительные качества, когда речь идет о просьбе выбрать себе правителей?

Классовая борьба или классовая ненависть?

1921, источник: [здесь](#). В данной статье Малатеста рассуждает о классовой борьбе, ее причинах, отношении классов к средствам производства и обосновывает почему пролетариат являлся(является?) революционным субъектом, но тем не менее не оправдывает его во всех его начинаниях и идеях.

Я высказал на суде присяжных в Милане несколько идей о классовой борьбе и пролетариате, которые вызвали критику и удивление. Лучше я вернусь к этим идеям.

Я с возмущением протестовал против обвинения в разжигании ненависти; я объяснил, что в моей пропаганде я всегда стремился продемонстрировать, что социальная несправедливость не зависит от безнравственности одного хозяина или другого, одного управляющего или другого, а скорее от хозяев и правительств, как институтов; таким образом, лекарством является не смена отдельных правителей, а разрушение самого принципа, по которому люди господствуют над людьми; я также объяснил, что я всегда делал акцент на том, что пролетарии по отдельности не лучше, чем буржуа, как свидетельствует тот факт, что рабочий ведёт себя, как обычный буржуа, или еще хуже, когда он случайно получает богатство и управляющую должность.

Такие заявления были искажены, подделаны, выставлены в плохом свете буржуазной прессой, и причина ясна. Обязанность прессы заключается в защите интересов полиции и акул бизнеса, чтобы скрыть истинную природу анархизма от общественности и попытаться приписать анархистам сказки о страсти к ненависти и разрушению; пресса делает это по долгу службы, но мы должны признать, что она зачастую делает это добросовестно, из чистого и явного невежества. С тех пор, как журналистика, которая когда-то была призванием, распалась на простую работу и бизнес, журналисты потеряли не только своё этическое чувство, но и интеллектуальную честность, состоявшую в воздержании от разговоров о том, чего они не знают.

Давайте забудем о наёмных писаках и поговорим о тех, кто отличается от нас своими идеями, и отличается зачастую только способом выражения идей, но кто всё еще остаётся нашими друзьями, потому что они искренне стремятся к той же цели, к которой стремимся и мы.

Ими не движет так сильно стремление удивить, так что я склонен считать его напускным. Они не могут игнорировать то, что я говорил и писал об этих вещах за пятьдесят лет, и что

то же самое говорили сотни и тысячи анархистов в моё время и до меня.

Давайте лучше поговорим об инакомыслии. Есть «рабоче-мыслящие» люди, которые считают обладателей мозолистых рук божественно проникнутыми всеми достоинствами и всеми добродетелями; они протестуют, если вы посмеете говорить о людях и человечестве, не поклявшись на Священном имени пролетариата.

Так вот, это правда, что история сделала пролетариат главным инструментом последующих социальных изменений, и что те, кто борется за создание общества, в котором все человеческие существа будут свободными и наделенными всеми средствами для осуществления своей свободы, должны полагаться, в основном, на пролетариат.

Поскольку сегодня накопление природных ресурсов и капитала, созданных работой прошлых и нынешних поколений, является основной причиной подчинения масс и всех социальных несправедливостей, естественно, что те, у кого ничего нет, и, следовательно, более непосредственно и очевидно заинтересованные в совместном использовании средств производства, являются основными агентами необходимой экспроприации. Вот почему мы обращаем нашу пропаганду в особенности к пролетариям, чьи условия жизни, с другой стороны, зачастую не позволяют им подняться и представить себе более высокий идеал. Однако это не повод для превращения бедного в идола только потому, что он беден; также это не повод для поощрения его веры в то, что он по своей сути находится выше, и что его положение точно происходит не от его заслуг, или его воля даёт ему право поступать неправильно по отношению к другим так же, как другие поступили неправильно с ним.

Тирания мозолистых рук (которая по-прежнему является тиранией нескольких человек, у которых больше не мозолистые руки, даже если они были когда-то такими) не будет менее жестокой и злой, и не будет приносить меньше постоянного зла, чем тирания рук в перчатках. Возможно, она была бы менее просвещенной и более жестокой: вот и все.

Бедность не была бы такой ужасной вещью, если бы она не создавала моральную невоспитанность, так же, как и материальный ущерб, и физическую деградацию, передающиеся из поколения в поколение. Бедные имеют отличные от произведенных в привилегированный класс богатством и властью недостатки, но эти недостатки ничем не лучше.

Если буржуазию создают такие, как Джолитти и Грациани, и все из длинного списка палачей человечества, от великих завоевателей до жадных и кровососущих мелких боссов, она также создана такими, как Кафиеро, Реклю и Кропоткин, и многими людьми, которые в любую эпоху отдавали свои классовые привилегии идеалу. Если пролетариат отдал и отдаёт так много героев и мучеников для дела человеческого освобождения, он также выделяет белогвардейцев, палачей, предателей своих братьев, без которых буржуазная тирания не сможет продлиться и день.

Как ненависть может быть повышена до принципа справедливости, до просвещённого духа требований, когда становится ясно, что зло есть везде, и оно опирается на основания, выходящие за рамки индивидуальной воли и ответственности?

Пусть классовая борьба будет настолько сильной, насколько каждый этого захочет, если под классовой борьбой мы понимаем борьбу эксплуатируемых против эксплуататоров за отмену эксплуатации. Эта борьба является способом морального и материального подъема, и она является главной революционной силой, на которую можно надеяться.

Пусть не будет ненависти, хотя бы потому, что любовь и справедливость не могут возникнуть из ненависти. Ненависть порождает месть, желание возвыситься над врагом, необходимость укрепить свое превосходство. Ненависть может быть только основой нового правительства, если она победит, но она не может быть основой анархии.

К сожалению, легко понять ненависть многих несчастных, чьи тела и чувства мучаются и берутся в аренду обществом. Однако как только ад, в котором они живут, засветится от идеала, жгучее желание борьбы для всеобщего блага возьмёт верх.

По этой причине истинные ненавистники не могут быть найдены среди наших товарищей, хотя есть много риторической ненависти. Они, как поэт, который является хорошим и мирным отцом, но поет о ненависти, потому что это даёт ему возможность составления хороших стихов... или, может быть, плохих... Они говорят о ненависти, но их ненависть создана любовью.

Индивидуализм и анархизм

1924, источник: [здесь](#). Малатеста пишет об анархистах-индивидуалистах, говоря, что многие из не относятся действительно к анархическому движению, а являются лишь очередной маской авторитаризма, с которой нужно бороться. При этом автор рассуждает, что разделение проходит не между индивидуалистами и коммунистами, а между анархистами и не-анархистами, так как «коммунисты» не являются сторонниками порабощения личности или чего-либо подобного. Автор также рассуждает также о различных подвидах социального анархизма, свободе и путях достижения лучшего общества.

Комментарий к статье Адамаса «Индивидуализм и анархизм»

Из письма Адамаса, написанного в ответ на мою статью, размещенную в 13-м номере [нашей газеты], видно, что в ней мне не удалось предельно точно и ясно выразить свою мысль, поэтому я хотел бы разъяснить некоторые ее положения.

Я утверждал, что «индивидуалистический и коммунистический анархизм исходят из одних и тех же, или почти одних и тех же, принципов при рассмотрении вопроса о моральных мотивах и конечных целях[движения]».

Я осознаю, что в противовес моему заявлению мои оппоненты могли бы представить сотни текстов и множество свидетельств о действиях тех, кто именует себя анархистами-индивидуалистами, которые бы показали, что между анархистом-коммунистом и анархистом-индивидуалистом лежит, в моральном плане, настоящая пропасть.

Однако я не считаю, что подобный индивидуализм может быть причислен к течениям анархизма, как бы ни желали его сторонники называться «анархистами».

Если под «анархией» следует подразумевать отсутствие государственной власти, господства, угнетения человека человеком, как может человек, утверждающий, что он способен без всяких сожалений или ограничений – иначе, как поставленных им самим – угнетать других ради удовлетворения потребностей собственного «Я», называть себя «анархистом», не обманывая других и не обманывая самого себя? Его можно называть «мятежником», ибо он восстал, чтобы свергнуть угнетателей, и самому занять их место, хотя другие — более благородные повстанцы — сражаются за уничтожение всякого угнетения; но он никак не может быть причислен к анархистам. Он – будущий буржуа, будущий тиран, чувствующий, что он не может самостоятельно и законным путем воплотить

свои мечты о власти и богатстве. Поэтому он обращается к анархистам, надеясь воспользоваться их взаимной моральной и материальной солидарностью *[в собственных целях]*.

Именно по этой причине, по моему мнению, раздел проходит не между «индивидуалистами» и «коммунистами», но между анархистами и не-анархистами. Поэтому мы – по крайней мере, многие из нас – ошибались, говоря об «анархическом индивидуализме», как если бы он был одной из разновидностей анархизма, а не одной из множества масок авторитаризма, с которым следует вести борьбу.

Однако Адамас утверждает, что «если лишить анархистский индивидуализм всего не-анархического, тогда не останется и индивидуалистического анархизма как такового». Мы никоим образом не можем согласиться с этой мыслью.

В моральной сфере анархизм является самодостаточным учением; но для своего воплощения в жизнь он нуждается в определенных формах материальной жизни, и именно представления о желательности той или иной формы разделяют различные школы анархической мысли.

В среде анархистов коммунизм, индивидуализм, коллективизм, мютюэлизм, и все их промежуточные и эклектичные сочетания — это всего лишь способы организации, которые, по мнению их приверженцев, являются наилучшими для достижения свободы и солидарности в хозяйственной жизни; способы, которые, согласно их сторонникам, наиболее близки достижению свободы и справедливости при распределении средств производства и продуктов труда среди людей.

Бакунин был анархистом, и в то же время коллективистом, открытым противником коммунизма, который он рассматривал как отрицание свободы и, следовательно, человеческого достоинства. И с Бакуниным и долгое время после него, коллективистами были и почти все испанские анархисты (коллективизм для них означал установление коллективной собственности на землю, запасы сырья и средства производства с предоставлением каждому производителю его неурезанного трудового продукта, при условии вычитания необходимых общественных издержек), и при этом они были одними из наиболее сознательных и последовательных сторонников анархизма.

Другие же, исходя из тех же соображений необходимости защиты и обеспечения личной свободы, объявляют себя индивидуалистами, стремясь к тому, чтобы каждая личность обладала, как индивидуальной собственностью своей долей средств производства и, следовательно, могла свободно распоряжаться плодами своего труда.

Еще одни изобретают более или менее сложные системы взаимозависимости. Но в конечном счете именно стремление к как можно более прочной защите свободы личности объединяет анархистов, при этом разделяя их на различные направления.

Мы – коммунисты, ибо мы считаем, что организация общественной жизни, основанная на принципе братства, при котором не будет более ни угнетенных, ни угнетателей, может быть с меньшей сложностью достигнута при свободном установлении общественной

солидарности и свободном сотрудничестве, преследующем интерес каждого, с целью как можно более полного удовлетворения человеческих потребностей, чем при установлении права на различное вознаграждение личного труда.

Мы полагаем, что распределение естественных средств производства и определение меновой стоимости продукта (оба эти процесса будут необходимым образом существовать при любой системе, кроме коммунистической) не могут быть обеспечены без междоусобной борьбы и несправедливостей, могущих, в конечном счете, привести к восстановлению новых форм власти и правительств. С другой стороны, мы честно признаем опасность, которая всегда будет в силе при попытках осуществления коммунизма до того, как стремление к нему и осознание его необходимости не пустят глубокие корни в народе, и в более крупных масштабах, чем это позволяют объективные условия производства и общественных отношений: в таком случае может возникнуть паразитическая бюрократия, которая, централизовав всю собственность в своих руках, стала бы худшим из правительств.

Поэтому мы остаемся коммунистами в наших стремлениях, но желаем предоставить свободу действий всем, кто желает экспериментировать с осуществлением всех способов организации жизни, которых можно только вообразить и пожелать.

Для нас жизненно важно и достаточно, чтобы каждый обладал полной свободой, и никто не мог бы присвоить в исключительное пользование средства производства, живя за счет чужого труда.

Адамас также делает акцент на необходимости создания *«организованного, однородного, последовательного в своих действиях анархического движения, объединенного ради общих действий в борьбе и выдвижении требований»*. Он также пишет, что наша практическая работа не должна зависеть от *«откладывания на потом вопросов деятельности, инициативы, организации и т.п., до того времени, когда все, кто называют себя анархистами, придут к согласию о том, что же нужно делать. Напротив, мы – те, кто уже пришли к такому согласию, — должны участвовать в непосредственной сиюминутной работе, согласно с общими и тактическими положениями наших программ, не уклоняясь от нее из постыдного страха оскорбить чувства несогласных, принадлежащих к различным фракциям и направлениям»*.

Я целиком и полностью согласен с его мнением; но все же я считаю, что Адамас ошибается, полагая, что именно «индивидуалисты» виновны в том, что его пожелания до сих пор не были воплощены в жизнь, или же были осуществлены только частично и из рук вон плохо.

По моему мнению, корни этой проблемы лежат в состоянии мыслей многих анархистов, вызванном распространением ошибочных представлений, появившихся еще при основании нашего движения, которые понуждают их презрительно относиться к любым практическим предложениям касательно деятельности. Такие ошибочные суждения вызваны особым «естественным» провиденциализмом, заставляющим их полагать, что перемены в жизни человеческого общества происходят сами собой, естественным путем, без какой-либо

подготовки, без организации, без предварительного плана. Точно так же, как многие из нас полагают, что революция произойдет сама по себе, когда придет время, благодаря стихийной борьбе масс, так и эти анархисты считают, что в послереволюционное время стихийной воли народа будет достаточно для создания новой общественной организации, и что нет никакой необходимости что-либо прогнозировать или планировать. Вот в чем корень зла, на которое указывает Адамас, а вовсе не в деятельности «индивидуалистов», которые, в конечном счете, всегда были незначительным меньшинством в нашем движении и вряд ли пользовались каким-либо влиянием или поддержкой.

Да и само выражение «**Анархия - это естественный порядок вещей**», которое, по моему мнению, является крайне ошибочным, было пущено в ход отнюдь не индивидуалистами!

Как бы то ни было, поговорим об этом подробнее в следующий раз.

Муссолини у власти

1922, источник: [здесь](#). Данная статья взята из сборника «Выбить фашизм».

Фашизм наконец-то оказался у власти — кульминация затянувшейся серии преступлений. И Муссолини, Дуче, если его так можно описать, начал с того, что стал обращаться с депутатами парламента, как наглый хозяин мог бы обращаться с тупыми, ленивыми слугами. Парламент, призванный быть «поборником свободы», показал, чего он стоит. Мы этим ничуть не взволнованы. Нечего выбирать между хвастуном, что брызгает слюной и разбрасывается угрозами, потому что он чувствует себя в безопасности, и прислужником трусов, что, кажется, погряз в своём унижении. Давайте лишь отметим — причём не без чувства стыда, — что за люди нами управляют и от чьего ярма мы не смогли освободиться.

Но каково значение и каковы последствия, каков вероятный исход этого нового способа добиваться власти во имя и по повелению короля, нарушая конституцию, которую король поклялся чтить и защищать?

Помимо поз с претензией на наполеонство, которые на самом деле являются лишь позами комической оперы, если не действиями паханов, мы верим, что, по большому счёту, ничего бы не изменилось, разве что в течение какого-то время усилится давление полиции на рабочих и тех, кто занимается подрывной деятельностью. Возвращение [реакционных итальянских политиков XIX века] Криспи и Пеллу. Старая история о том, как браконьер стал егерем. Чувствуя угрозу прилива пролетарского движения, не будучи в состоянии разрешить неотложные проблемы войны, не в силах защитить себя обычными, законными репрессивными средствами, буржуазия увидела, что всё потеряно, и была рада приветствовать военного деятеля, объявившего себя диктатором и отвечающего на попытку освобождения кровавой баней. Но именно в тот момент, в период сразу после войны, все было слишком опасным, и он мог бы спровоцировать революцию, а не изгнать её дух. В любом случае, спасителя-генерала не было видно, или, по крайней мере, из строя выходили лишь пародии. Вместо этого на поверхность выскочили авантюристы, которые, не найдя достаточного поля действия для своих амбиций и appetитов в рядах занимающихся подрывной деятельностью, решили сыграть на страхах буржуазии, предложив ей, за соответствующее вознаграждение, содействие нерегулярных сил, которые, уверенные в своей безнаказанности, могли быть выпущены на рабочих без того, чтобы напрямую скомпрометировать тех, кто предположительно пользуется плодами осуществляемого насилия. И буржуазия приветствовала, заказывала и оплачивала подобное содействие; собственно правительство, или, по крайней мере, некоторые из агентов правительства, решили снабжать их оружием, помогать им, когда они могли сами сильнее пострадать во время нападения, гарантировать им отсутствие наказания и предварительно разоружать будущих жертв нападения.

Рабочие не знали, как отвечать на насилие насилием, потому что в них воспитывали веру в закон и потому что, даже когда каждая иллюзия была разбита, а поджоги и убийства процветали под доброжелательным взглядом властей, люди, которым они верили, проповедовали среди них терпение, спокойствие, красоту и мудрость того, чтобы «героически» позволять себя избивать без сопротивления, так что они были избиты и оскорблены, потеряв своё самое ценное имущество, потеряв лицо, достоинство и чувства.

Возможно, когда все учреждения рабочих были уничтожены, их организации разогнаны, их наиболее выдающиеся и считающиеся опасными деятели убиты, посажены в тюрьму или низведены до беспомощного положения, буржуазии и правительству захотелось притормозить новых преторианцев, которые ныне лелеют мечту стать хозяевами над теми, кому они ранее служили. Но к тому времени было уже слишком поздно. К тому времени фашисты были слишком сильны и намеревались вытребовать чрезмерную плату за оказанные услуги. И буржуазии придётся раскошелиться, и она, разумеется, постарается возместить свои убытки за счёт пролетариата.

Результат: увеличение бедности, увеличение угнетения.

Что же касается нас, то мы можем лишь продолжать свою борьбу, как всегда, полные веры и энтузиазма. Мы знаем, что наш путь усыпан несчастьями, однако мы сознательно и охотно его избрали, и у нас нет причин с него сходить. Все, в ком есть чувство достоинства и человеческой порядочности и кто желает посвятить себя борьбе за всеобщее благо, знают, что им надо быть готовыми встретиться с разнообразными разочарованиями, болью и жертвами. Поскольку никогда не было недостатка в тех, кого ослепляли демонстрация силы и кто вечно питает тайное восхищение перед победителем, теперь также есть занимающиеся подрывной деятельностью, которые говорят, что «фашисты научили нас тому, как делают революцию».

Нет, фашисты нас равным счётом ничему не научили. Они совершили свою революцию, если её можно описать подобным образом, с разрешения вышестоящих лиц и находясь на службе у своего начальства.

Предавать друзей, ежедневно отступать от исповедовавшихся ещё вчера идей, если это оказывается выгодным, предлагать свои услуги начальству, стремиться получить заверения в согласии политических и юридических властей, разоружать своих оппонентов силами карабинеров, чтобы потом нападать на них вдесятеро превосходящими силами, военная подготовка, которую не приходится скрывать, принимать грузы вооружения, транспорт и военное снаряжение от правительства, а затем получить вызов от короля и поместить себя под Божью защиту... ничто из этого не относится к вещам, которые мы могли бы или хотели бы украсть. И это всё относится к вещам, которые, как мы предупреждали, буржуазия допустит, как только почувствует для себя серьёзную угрозу. Вместо этого приход фашизма должен стать уроком для конституционных социалистов, которые думали — и, увы! — продолжают думать, что буржуазия может быть побеждена голосами половины электората плюс ещё один голос, и которые отказывались нам верить, когда мы им говорили, что если они бы когда-то и достигли большинства в парламенте и попытались бы — если можно воспользоваться подобной абсурдной гипотезой — установить социализм через парламент,

их бы согнали с их мест!

На коллективной ответственности

1930, источник: [здесь](#). Малатеста пишет о неправильном понимании Платформы в связи с неправильным использованием терминов, которые могут показать Платформу как авторитарную теорию. Кроме того он весьма точно отмечает, что формальное принятие каких-либо принципов никак не связано с реальным исполнением этих принципов, на конкретном примере — принятие «коллективной ответственности» не даст желаемого результата, так как этот результат может быть построен лишь на всеобщем действительном понимании и солидарности внутри организации.

Это письмо от Эррико Малатеста к анархистским группы 18го округа Парижа, написанное в марте или апреле 1930 года и опубликованное в Париже в «Le Libertaire» No.252 19 апреля 1930 года. Письмо подтверждает мнение Малатеста о концепции «коллективной ответственности» организации. И на последнем съезде, организованном французскими анархистами, и на страницах «Le Libertaire» этот вопрос горячо обсуждался.

Я видел заявление **группы 18**, где, по согласованию с русской «Платформой» и с товарищем Махно, было решено, что «*принцип коллективной ответственности*» является основой каждой серьезной организации.

Я уже, в моей критике «Платформы» и в моем ответе на открытое письмо, направленное мне Махно, указал мое мнение по этому предположительному принципу. Но некоторые настаивают на идее или, по крайней мере, выражении, которое, мне кажется, больше подходит для военных казарм, чем для анархистских групп, я надеюсь, будет разрешено сказать еще несколько слов по этому вопросу.

Товарищи из 18-ой группы сказали, что «*коммунистические анархисты должны работать таким образом, чтобы их влияние имело наибольшую вероятность успеха, и что результата не будет, если их пропаганда не будет развиваться коллективно, постоянно и равномерно*». Я согласен! Но, похоже, что это не так, поскольку эти товарищи жалуются, что «*во имя той же организации, в каждом уголке Франции, распространены самые разнообразные, порой противоположные, теории*». Это самое печальное, но это просто означает, что эта организация не имеет ясной и четкой программы, которая понята и принята всеми ее членами, и что внутри партии люди, которые не имеют схожих идей. Эти люди либо должны сгруппироваться в отдельные организации, либо остаться, если они не могут найти такие, которые действуют так, как им хотелось бы.

Если, как сказали товарищи из 18-ой группы, **РАКС** (*Революционный Анархо-коммунистический Союз*) ничего не делает, чтобы создать программу, которая может быть принята всеми ее членами и позволит им быть в состоянии действовать вместе в таких ситуациях, которые только можно представить себе, если, другими словами, **РАКС** не хватает знаний, сплоченности или соглашения, то его проблема заключается в следующем: ничего не будет исправлено, лишь провозгласив **«коллективную ответственность»**, если это означает слепое подчинение всех воле некоторых, что является моральным абсурдом в теории и общей безответственностью на практике.

Но все это возможно лишь вопрос слов.

В моем ответе Махно я уже сказал:

«Вполне возможно, что под термином коллективной ответственности вы имеете в виду соглашение и солидарность, которые должны существовать между членами Ассоциации. Если это так, и ваше выражение было, на мой взгляд, составлено неверно с точки зрения использования языка, то, следовательно, если оно является лишь вопросом слов, мы были бы ближе к пониманию друг друга».

И теперь, читая то, что сказали товарищи из 18-ой группы, я считаю себя более или менее в соответствии с их способом постижения анархистской организации (*будучи очень далеко от авторитарного духа, который «Платформа», казалось, открыла*), и я подтверждаю мое убеждение, что за языковыми различиями действительно лежат идентичные позиции.

Но если это так, то почему сохраняются выражения, которые служат только для того, чтобы бросать вызов разъяснению того, что было одной из причин недоразумения, вызванного «Платформой»? Почему бы не говорить так, как надо понимать, а не создавать путаницы?

Моральная ответственность (*а в нашем случае мы можем говорить только о моральной ответственности*) является отдельной по самой своей природе. Только дух господства, в его различных политических, военных, церковных (и т.д.) обликах, был в состоянии держать людей ответственными за то, что они еще не сделали добровольно.

Если определенное количество людей согласится сделать что-то, и один из них позволит себе инициативу не выполнить то, что обещал, то все будут говорить, что это была его ошибка, и поэтому именно он несет ответственность, а не тех, кто сделал то, что они должны были сделать вплоть до последнего момента.

Еще раз, давайте говорить, как все говорят. Давайте попробуем быть понятыми всеми. Мы можем оказаться в меньших трудностях с нашей пропагандой.

На пути к Анархии

1930-е, источник: [здесь](#). Малатеста пишет о современных ему анархистах и их представлении о революции и послереволюционной работе, о методах в арсенале революционеров и их путях в построении справедливого общества.

Существует распространенное мнение, что мы — Анархисты — будучи революционерами, ожидаем, что Анархия наступит в одно мгновение, как результат внезапного восстания, которое сметет все существующие государственные и общественные институты и заменит их совершенно новыми. И, сказать по правде, эта идея находит своих приверженцев и среди наших товарищей, которые видят революцию именно так.

Существование этого предрассудка объясняет, почему так много вполне адекватных оппонентов считают, что Анархизм невозможен; объясняет, почему некоторые наши товарищи, отторгнутые отвратительным моральным состоянием народных масс, видя, что Анархия не наступит в ближайшем будущем, колеблются между радикальным догматизмом, который не дает им возможности адекватно оценивать реальное положение дел, и оппортунизмом, который практически заставляет их забыть, что они Анархисты и в первую очередь они должны вести борьбу во имя Анархии.

Если мы хотим подменить одно правительство другим, таким образом, перекладывая свои желания на других, достаточно было бы только собрать воедино материальные силы, необходимые для противостояния действительным угнетателям, чтобы поставить нас на их место.

Но мы не хотим этого делать. Мы стремимся к Анархии, к обществу, построенному на добровольном, свободном договоре, обществу, в котором никто не может навязать свои желания другим, в котором каждый может действовать, как пожелает, где все добровольно вносят свой вклад в благополучие общины. Но Анархия не сможет победить однозначно и всюду, пока все люди не только не захотят перестать быть подчиненными, но и не захотят подчиняться; пока не будут понимать преимущества солидарности и взаимопомощи, не будут знать, как организовать план социальной жизни, в которой не останется следов насилия и принуждения.

Как сознание, решительность и возможности людей непрерывно развиваются, вырабатываются новые средства самовыражения в постоянно изменяющейся окружающей среде, в осуществлении своих желаний, соответствующих степени формирования и становления их властного существа, так и Анархия не может развиваться кроме как шаг за шагом, медленно, но верно, углубляясь и расширяясь во всем.

Таким образом, суть не в том, чтобы достичь Анархии сегодня, завтра или в последующие десять лет, а в том, чтобы встать на путь к Анархии, идти к ней сегодня, завтра и всегда.

Анархия — это избавление от эксплуатации и угнетения человека человеком, а значит избавление от частной собственности и государства. Анархия — это уничтожение несчастья и нищеты, предрассудков и ненависти. Каждый удар, нанесенный институтам частного права и государства, каждый призыв к совести человека, каждый подрыв современных устоев, каждая раскрытая ложь, каждая область человеческой деятельности, вышедшая из под контроля властей, каждое преумножение духа солидарности и инициативы — это шаг на пути к Анархии.

Проблема лежит в понимании того, как выбрать дорогу, которая действительно направлена на реализацию наших идеалов, и в том, как не спутать движение к прогрессу с притворными, двуличными реформами. Потому как под предлогом достижения немедленных улучшений эти лживые реформы имеют своей целью отвлечение масс от борьбы с властью и капитализмом, они стремятся парализовать их действия и заставить их надеяться, что что-либо можно достичь через доброту эксплуататоров и государства. Проблема лежит в понимании того, как использовать ту скудную мощь, имеющуюся в наших руках, которую мы стремимся преумножить, максимально экономично, увеличивая солидность наших целей.

В каждой стране, правительство насильственным образом насаждает свои законы во всем, принуждает людей быть эксплуатируемыми и оставаться, хотя бы они этого или нет, в существующих институтах. Это делает невозможным для различных меньшинств воплощать в жизнь свои идеи и препятствует социальным организациям видоизменять себя исходя из изменений в общественном мнении. Курс к мирной эволюции скован насилием, соответственно только насилием этот курс может быть возобновлен. Именно по этой причине мы хотим насильственной революции сегодня, и всегда будем хотеть, пока человека будут принуждать выполнять вещи, противоречащие его природе. Уберите государственное насилие и наш мир, какой он есть сейчас, лишится всех причин для существования.

Пока что, мы не имеем возможности ниспровергнуть господствующую государственную систему, возможно завтра у нас не будет возможности предотвратить появление нового государства из руин разрушенного, сегодняшнего государства. Но это нас не останавливает сегодня, не остановит и завтра. Это не мешает нам сопротивляться любым формам власти, не подчиняясь ее законам, непрестанно противопоставляя государственному насилию революционное.

Ослабление любого рода власти, любое преумножение свободы — есть шаг на пути к Анархии. Ее можно только завоевать, но никак не выпросить, она всегда должна способствовать укреплению нашей силы, духа и борьбы. Она всегда должна провозглашать государство нашим непримиримым врагом. Она никогда не даст нам забыть о том, что уменьшение бед, учиненных нам государством, напрямую связано с уменьшением силы и власти одного, что условия должны диктовать не те, кто правил, а те, кем правили. Под государством мы понимаем любого человека или группу людей в стране, общине, которые

имели право создавать законы и насаждать их тем, кто их не хочет и не хотел.

Пока что, мы не имеем возможности ниспровергнуть частную собственность, мы не можем сами регулировать средства производства, что необходимо, чтобы работать свободно. Вероятно, у нас не появится эта возможность и в ходе будущих повстанческих движений. Но это нас не останавливает сегодня и не остановит завтра от непрерывного сопротивления капитализму или другой форме деспотизма. И каждая победа, какой бы она маленькой не была, одержанная рабочими над эксплуататорами, очередное понижение их доходов, каждая частичка богатств, отнятая у частного собственника и переданная во владение каждого, будет прогрессом — шагом на пути к Анархии. Подобные действия всегда должны служить для расширения требований рабочих, для усиления нашей борьбы. Это всегда должно восприниматься как победа над врагом, а не уступка, за которую мы должны быть благодарны. Мы всегда должны оставаться тверды в нашей решительности взять силой, как только это станет возможным, те средства производства, которые частные собственники, защищенные государством, взяли у рабочих.

Анархия не могла бы и никогда не сможет существовать, если бы не те немногие, кто ее хотят и хотят ее в тех вещах, которые они могут осуществить без взаимодействия с не-анархистами. Это не обязательно значит, что идеал Анархии не будет или будет недостаточно прогрессивным, потому как, мало-помалу, эта Идея будет распространяться на все большее число людей и все большее число вещей, пока не охватит все человечество и все стороны жизни.

Уничтожение государства и всех его институтов, которые оно защищает силой, завоевание полной свободы и средств производства, без которых свобода была бы ложью — вот наша цель. Однако, мы, в свою очередь, не стремимся к уничтожению тех вещей, которые нам все равно мало-помалу придется восстанавливать.

Например, функция обеспечения едой в современном обществе. Да, она осуществляется отвратительно, хаотично, с огромной тратой энергии и материала, с учетом интересов капиталистов. Но все же, так или иначе, мы вынуждены питаться. Было бы абсурдом дезорганизовать систему производства и распространения еды, если, конечно, мы не могли бы подменить ее чем-то, что было бы лучше и справедливее.

Также, существует почтовая служба, здесь можно долго распинаться и критиковать ее, но в то же время, мы все равно используем ее для рассылки писем и будем использовать, испытывая на себе все ее недостатки и минусы, пока не сможем изменить ее к лучшему или заменить вовсе.

Есть школы, да, они работают ужасно, но мы же не оставим наших детей в невежестве, лишив их возможности учиться читать и писать. Но в то же время, мы выжидаем и ведем борьбу за будущее, в котором мы сможем организовать школьную систему, которая будет эталоном для всех.

Таким образом, мы видим, что на пути к Анархии, не только материальная сила служит инструментом революции, но и крайне необходимо, чтобы мы, рабочие, объединенные и

сгруппированные в соответствии с отраслями производства, поставили себя в ту позицию, которая сможет гарантировать надлежащий характер функционирования нашей социальной жизни, без помощи и участия капиталистов или государства в ней.

И мы видим, что Анархистские идеалы не расходятся с законами эволюции, как утверждают «научные социалисты». Концепция Анархии отлично вписывается в эти законы, она — есть не что иное, как экспериментальная система из стадии научного изучения, перешедшая в стадию социальной реализации.

Небольшая теория

1892, источник: [здесь](#).

Революция гремит повсюду. В ее отважном крике проявляется воля свободных людей, как результат потребности справедливости; чаще всего это смесь потребности и идеи, которые взаимно порождают и укрепляют друг друга. Чувства революции, которая является возмездием человека против угнетателя, выплескивают народную ненависть, которая делает души революционеров кровожадными ко злу, уничтожать которое — смысл их святой борьбы. Разрушительная волна революции не всегда бывает осознанной, она беспощадна, эгоистична, но пока живет идея — она постоянно становится сильнее и ее уже нельзя остановить!

И было бы глупостью порицать эту жесткость — она справедлива и революция может быть только такой.

Однако история сотворена людьми; и поскольку мы не хотим быть равнодушными и пассивными очевидцами исторической трагедии, мы вынуждены использовать все свои силы, чтобы определить самые лучшие методы, которые нужны нам в нашей ситуации, мы должны понимать необходимость некоторых жестких мер.

Цель оправдывает средства: об этом принципе говорят много негативного. На самом же деле, это является универсальным инструментом борьбы.

Можно сказать лучше: каждая цель имеет свои средства. Нужно искать мораль в самой цели; средства же в любом случае её оправдают, иначе нет смысла в самой борьбе.

Предполагаемый результат, полученный произвольно или по необходимости, важная проблема жизни состоит в том, чтобы отыскать средства, которые, соответствуя обстоятельствам, с наибольшей вероятностью и с наименьшими затратами приведут к ожидаемому итогу. Способ решения той или иной проблемы зависит (настолько, насколько он в принципе может зависеть от человеческой воли) от того достигает ли индивид или группа с его помощью своих целей, служит ли он выполнению поставленной задачи или же, вопреки ожиданиям, приводит к противоположному результату. Найти подходящие средства – вот и весь секрет великих людей и великих партий, оставивших свой след в истории. В конце концов, мы приходим к мысли, что необходимо найти самый быстрый и лучший путь к достижению результата.

Например, идеал Иезуитов мистический, абстрактный – приближение и единение с Богом, для других же идеал – это Великое Общество. И могут понадобиться ошеломляющие методы, чтобы показать путь к Великому Обществу.

Для примера, целью якобинцев и всех авторитарных партий, считающих себя носителями абсолютной истины, является навязывание своих идеалов массам простых людей. Для этой попытки они должны захватить власть, и подчинить себе массы.

Что касается нас, то тут совсем другое дело: наша цель принципиально иная, соответственно средства её достижения должны быть совершенно другими.

Мы боремся не за то, чтобы самим занять место сегодняшних эксплуататоров и угнетателей, и не за триумф абстракции. Мы не похожи на того итальянского патриота, сказавшего: “Какое значение имеет то, что все итальянцы падают в обморок от голода, если Италия будет великой и прославленной!” Не больше мы похожи и на того товарища, который признался, что для него оправдано убийство трех четвертей человечества, при условии, что оставшиеся будут свободными и счастливыми.

Мы хотим счастья для всех без исключений людей. Мы хотим, чтобы каждый человек был в состоянии саморазвиваться и жить настолько счастливо, насколько это возможно. И мы думаем, что свобода и счастье не могут быть даны людям отдельным человеком или партией, и что каждый человек должен самостоятельно найти условия своей собственной свободы и достигнуть их. Мы верим, что только наиболее полное применение принципа солидарности может уничтожить несправедливость, угнетение и эксплуатацию, и что солидарность может быть лишь результатом свободного соглашения, непосредственного и преднамеренного осознанного согласования интересов.

Для нас всё, что стремится уничтожить экономическое и политическое угнетение; что служит поднятию морального и интеллектуального уровня людей, предоставлению им осознания своих прав и сил, а также убеждению победы самоорганизованного общества, всё, что вызывает ненависть к угнетению и любовь к людям, приближает нас к нашей цели, а значит, является добром, которое приносит максимально сильный эффект в нашей борьбе. И наоборот, есть зло, так как оно противоречит данной цели, это всё, что стремится к жертвам против воли человека во имя торжества принципа.

Мы же хотим торжества свободы и любви к справедливости.

Получается, ради этого мы отказываемся использовать насильственные средства? Совсем нет. Обстоятельства не оставляют нам выбора — наши методы являются вынужденными.

Разумеется, мы не хотим нанести вред и волоску на чьей-либо голове; мы хотели бы вытереть все слёзы и не дать им больше пролиться. Однако мы должны вести борьбу в таком мире, каков он есть, либо так и остаться бесплодными мечтателями.

Мы твёрдо верим, что придёт день, когда будет возможно делать добро для людей, не причиняя никому зла. Сейчас это невозможно. Даже чистейшие и милейшие из мучеников, те, кто попал на эшафот во имя торжества добра, не противились своей участи и благословляли своих преследователей, отдавали себя в жертву, осознавая неизбежность военных методов, и принимая то, что они сами стали жертвами. Кроме зла, которое они причиняют сами себе, они причиняют зло всем тем, кто любит их, проливая горькие слёзы.

Этот вопрос встаёт всегда, во всех жизненных поступках – вопрос о выборе наименьшего зла, в попытке сделать при помощи наименьшего зла добро наибольшему числу людей.

Человечество мучительно волочится, находясь под тяжестью политического и экономического гнёта; оно доводится до звероподобного состояния, вырождается, уничтожается (и не всегда медленно) при помощи нищеты, рабства, невежества и их последствий.

Для защиты такого положения вещей существуют мощные военные и политические организации, отвечающие тюрьмой, эшафотом и убийствами на каждую серьёзную попытку изменения. Нет никаких мирных, законных средств, при помощи которых можно миновать эту ситуацию, и это нормально, поскольку закон создан привилегированными классами специально для защиты своих привилегий. Против физической силы, встающей на нашей дороге, есть лишь насильственная революция.

Очевидно, что революция принесёт немало бед и страданий; но даже если бы она повлекла бы их в сотню раз больше, она всё равно была бы благом относительно того, что каждый вынужден терпеть сегодня.

Мы знаем, что в одном крупном сражении погибло больше людей, чем во время самой кровавой из революций; мы знаем, что каждый год миллионы детей умирают в раннем возрасте от нехватки заботы; мы знаем про миллионы пролетариев, преждевременно умирающих от жесточайшей бедности; мы знаем про скудную жизнь без радости и надежды, которую ведёт огромное количество людей; мы знаем, что даже самые богатые и сильные намного менее счастливы, чем они могли бы быть в обществе равенства; и мы знаем, что такое положение вещей сохраняется с незапамятных времён. Без революции так будет продолжаться бесконечно, тогда как одна единственная революция, которая решительно атаковала бы зло, могла бы направить человечество на путь счастья.

Так позволим же революции случиться; каждый день её отсрочки наполняется огромной массой причинённых нам страданий. Давайте работать над тем, чтобы она свершилась быстрее и стала тем, что положит конец всякому угнетению и всякой эксплуатации.

Именно из-за любви к человечеству мы и являемся революционерами: это не наша вина, что история взвалила на нас эту горькую необходимость.

Итак, для нас, анархистов или, по крайней мере, для тех, кто видит вещи, как видим их мы, каждый акт пропаганды или успеха, словом или делом, индивидуальный или коллективный, когда это служит приближению и содействию революции, когда это служит обеспечению революции сознательной поддержки масс и придания ей характера всеобщего освобождения, без которого революция вполне может жить, но это совсем не та революция, которую мы жаждем. И особенно касательно революции мы должны принять во внимание принцип крайне жёсткой экономии, поскольку здесь затраты складываются из человеческих жизней.

Нам слишком хорошо знакомы ужасные материальные и моральные условия, в которых находится пролетариат, чтобы не понять актов ненависти, мести и даже жестокости,

которые могут последовать. Мы знаем, что есть некоторые угнетённые, которые всегда рассматривали буржуазию с праведной ненавистью, постоянно видели, что сильнейшим было позволено всё, и однажды, когда они сами на мгновение оказываются сильнейшими, и предадут, говоря: «Давайте поступать так же, как поступает буржуазия».

Но одно дело понять и простить это действия, и другое декларировать их как свои собственные. Это не те действия, которые мы можем принять, одобрять и копировать. Мы должны быть решительны и активны, но никогда не пытаться выходить за рамки, очерченные необходимостью. Мы должны поступать как хирург, который режет, когда он должен, но избегает причинения излишних страданий: одним словом, мы должны быть воодушевлены чувством любви к народу, ко всем людям.

Нам кажется, что чувство любви – это источник морали, душа нашей программы; нам кажется, что только зарождение революции, как великого торжества человечества, как освобождения и братания всех, вне зависимости от того, к какому классу или партии они принадлежали, может реализовать наш идеал.

Жестокое восстание, безусловно, будет произведено и даже станет великой рукой помощи, которая потрясет существующую систему; но если не находится противовеса в лице революционеров, которые борются во имя идеалов, то оно уничтожит само себя.

Ненависть не порождает любви; мы не станем обновлять мир ненавистью. Но революция ненависти либо потерпит полное фиаско, либо приведёт к новому угнетению, которое можно будет называть «анархистским», лишь в той же степени, как нынешние правительства называют «либеральными», но которое от этого не станет меньшим угнетением и будет порождать все те же последствия, которые порождает любое угнетение.

Ни демократы, ни диктаторы: анархисты

1926, источник: [здесь](#). Малатеста пишет о демократии и о том, что при сохранении классового общества реальная демократия невозможна. Также он рассуждает о демократии как системе правления большинства или меньшинства, показывая различия данной системы с общественным идеалом социальных анархистов.

В теории демократия подразумевает народное правительство, то есть правление всех, направленное на достижение всеобщих целей. Таким образом, при реальной демократии люди должны знать, чего они хотят, должны уметь грамотно назначать исполнителей поставленных целей, а также умело контролировать деятельность исполнителей, меняя их по своему усмотрению.

На практике же демократический режим сам по себе только гарантирует право отдельного человека формировать и выражать свою собственную точку зрения на тот или иной вопрос. Имеется в виду, что каждый человек политически и экономически свободен и не обязан подчиняться воле других людей.

Однако при сохранении классов и, как следствие, сохранении зависимого положения одних людей от других, осуществляющих монополию на средства производства, демократия может быть не больше, чем яркой ширмой, провозглашающей всеобщую независимость только на словах, а в действительности служащую интересам верхушки общества, и всегда будет выгодна капиталу, называясь эта демократия хоть конституционной монархией, хоть так называемой системой «прямого правления».

Очевидно, что истинная демократия может существовать только в социалистическом обществе, в котором орудия и средства производства находятся в общественной собственности и всеобщее право влиять на происходящие в обществе процессы основано на экономической независимости каждого отдельного человека. В таком случае демократическая система является идеальной для достижения справедливого общественного устройства и разумного согласования индивидуальных свобод и общественных обязанностей живущего в социуме человека. Это, в большей или меньшей степени, ясно для тех, кто в эпоху деспотизма борется, страдает и умирает ради свободы.

Но если смотреть на вещи реалистично, то правительство, включающее в себя всю людскую массу, представляется неосуществимой утопией, так как люди, составляющие собой народ, придерживаются различных мнений и руководствуются различными желаниями, и никогда

не будет такой проблемы, в которой все, абсолютно все люди будут единогласны. Так что «народное правительство», если уж люди никак не могут обойтись без верховной власти, в лучшем случае будет только правительством большинства. Демократы, социалисты они или нет, охотно с этим соглашаются. Конечно, они утверждают, что права меньшинств в демократическом обществе также будут соблюдаться в полной мере, однако на деле это значит, что меньшинства будут иметь только те права, которыми большинство само их наделит, и единственным сдерживающим большинство фактором будет сопротивление, которое меньшинство способно оказать. Это означает, что в обществе всегда будет происходить внутренняя борьба, в которой часть людей, составляющая большинство, будет иметь возможность диктовать другим свою волю и направлять всеобщие усилия на достижение своих личных целей.

И здесь я сделаю отступление в сторону, чтобы показать, что, опираясь на события прошлого и настоящего, суждение о том, что правительство, то есть власть, действует в интересах большинства, — является ложным, и любая подобная «демократия» на деле является олигархией, то есть диктатурой некоторого ограниченного числа людей. Однако дабы не уходить от основной темы этой работы, я предпочту не обличать демократов и представлю, что идея подлинного правительства большинства действительно осуществима.

Власть подразумевает под собой исключительное право на создание законов и принуждение к их исполнению посредством насилия, то есть ни одна власть не может существовать без полицейского аппарата.

Может ли теперь общество мирно жить и развиваться на благо всех; может ли оно постепенно адаптироваться к постоянно меняющимся обстоятельствам, если большинство имеет право и возможность силой навязывать свою волю непокорным меньшинствам?

Большинство по определению является отсталым, консервативным, врагом нового, пассивным в мыслях и поступках, и в то же время импульсивным, неумеренным, поддающимся внушению, легко впадающим в энтузиазм и подверженным иррациональным страхам. Каждая новая идея, исходящая от одного или нескольких индивидов, принимается, если она жизнеспособна, более или менее значительным меньшинством и имеет успех у большинства, если вообще имеет, лишь после того, как она была вытеснена новыми идеями и новыми потребностями, а значит, уже стала устаревшей и скорее препятствием, нежели толчком для прогресса.

Тогда получается, мы хотим правления меньшинства? Конечно, нет. Если со стороны большинства несправедливо и вредоносно угнетать меньшинства и препятствовать развитию, еще более несправедливо и вредоносно со стороны меньшинства угнетать всё население целиком или навязывать его [меньшинства] идеи силой, поскольку даже если они являлись благими, они вызвали бы отвращение и неприятие из-за самого факта навязывания.

И потом не стоит забывать, что есть всякие виды различных меньшинств. Есть меньшинства эгоистов и негодяев, также как и фанатиков, верящих, что они постигли абсолютную истину, и совершенно искренне стремящихся навязать другим то, что они считают

единственным путем к спасению, даже если это обычная глупость. Есть меньшинства реакционеров, стремящихся повернуть время вспять, а расходятся во мнениях разве что по поводу путей и границ реакции. Есть меньшинства и революционные, тоже разделенные относительно средств и целей революции, а также направления, в котором должен будет осуществляться социальный прогресс.

Какое меньшинство придет к власти?

Это вопрос грубой силы и способности к интригам, а вот вероятность того, что успех обрушится на голову наиболее искренних и преданных идее всеобщего блага не велика. Чтобы захватить власть, требуются далеко не те качества, которые необходимы для обеспечения торжества справедливости и благополучия в мире.

Но в данном случае я продолжу давать другим презумпцию добросовестности и предположу, что победило меньшинство, которое, среди прочих стремившихся к власти, я считал лучшим в виду его идей и предложений. Я хочу предположить, что к власти пришли социалисты и добавлю также анархистов, если я не предотвратил противоречие в терминах.

Что было бы хуже всего?

Да, для захвата власти, законным путем или не законным, нужно оставить на обочине большую часть своего идеологического багажа и избавиться от всех своих моральных угрызений. Да и потом, придя к власти, большая проблема заключается в том, как удержаться. Нужно найти общий интерес в новых обстоятельствах и приобщить к нему в рамках правительства новый привилегированный класс, подавлять любой вид оппозиции всеми возможными средствами. Возможно и в национальных интересах, но всегда с плачевными для свободы последствиями.

Установившееся правительство, основанное на пассивном согласии большинства и подкрепленное силой, привыкшее к тому, что правда на их стороне, и порой совершенно искренне так считающее, может оставить некоторое пространство свободе, по крайней мере, до тех пор, пока привилегированные классы не чувствуют для себя угрозы. Новое правительство, часто опирающееся на поддержку лишь весьма незначительного меньшинства, стоит перед необходимостью быть тираническим.

Достаточно вспомнить, что социалисты и коммунисты сделали, когда пришли к власти, предав свои принципы и своих товарищей, вознося при этом идеи социализма и коммунизма.

Именно поэтому мы ни за правление большинства, ни за правление меньшинства; ни за демократию, ни за диктатуру. Мы за уничтожение жандармерии. Мы за всеобщую свободу и свободное соглашение, которое будет существовать для всех, когда никто не сможет принуждать других, и все будут участвовать в плодотворном развитии общества. Мы за анархию.

О науке

1913, источник: [здесь](#). "Volonta", 27.12.1913, 27.04.1922; "Pensiero e Volonta", 15.09.1924, 1.11.1924, 1.07.1925, 1.02.1926

Наука - это оружие, которое может служить как добру, так и злу; но сама она полностью игнорирует понятия добра и зла.

Поэтому мы - анархисты не потому что нам так велит наука; мы - анархисты еще и потому, что мы хотим, чтобы все люди могли наслаждаться выгодами и удовольствиями, которые предоставляет наука...

В сфере науки теории, всегда гипотетические и временные, являются удобным средством для соединения и увязывания между собой известных фактов. Иными словами, они - полезный инструмент для исследований, открытия и истолкования новых фактов. Но они отнюдь не являются истиной. В сфере жизни (я имею в виду, общественной жизни) они - всего лишь видимость науки, к которой некоторые люди прибегают в свое удовольствие и по своему желанию. Сциентизм (я не говорю о науке), господствовавший во второй половине XIX века, породил тенденцию, которая сводилась к объявлению научными истинами (или законами природы, а потому чем-то необходимым и фатальным) того, что в действительности было лишь идеей справедливости, прогресса и т.д. Эту идею каждый строил по-разному, в зависимости от своих интересов и надежд. Отсюда возникли "научный социализм" и "научный анархизм", который проповедовался нашими ветеранами, но всегда казался мне чем-то в роде барочных идей, смешавших вещи и концепции, совершенно различные по своей природе...

Я не верю ни в непогрешимость науки, ни в ее способность объяснить все, ни в ее миссию регламентировать и вести людей; точно так же я не верю в непогрешимость папы, в священное откровение или в божественное происхождение святого писания.

Я верю только в то, что можно проверить, но я хорошо знаю, что проверки относительно и в действительности позже преодолеваются и отменяются другими установленными фактами; я полагаю, что сомнение должно быть духовной позицией всех тех, кто хочет все больше приблизиться к истине, к части истины, по крайней мере, которую можно установить...

Воле верить, то есть воле уничтожать свой собственный разум, я противопоставляю волю к знанию, которая открывает перед нами бесконечное поле исследований и открытий. Лично я, как уже сказал, признаю только то, что может быть проверено так, чтобы это удовлетворило мой разум - и я признаю это только временно, относительно, всегда в ожидании новых истин, более верных, чем те, что были известны до сих пор.

Итак, никакой веры в религиозном смысле этого слова.

Я говорю, что надо иметь веру и что в борьбе за добро нужны люди, обладающие твердой верой, стойкостью в бурях, "как башня, никогда не качающаяся под порывами ветра". Существует даже анархистская газета, которая, вдохновляясь, очевидно, этой необходимостью, так и называется: "Феде!" ("Вера!"). Но речь здесь идет о другом смысле слова. В данном случае слово "вера" служит синонимом твердой воли и страстной надежды и не имеет ничего общего со слепым верованием в вещи, кажущиеся непостижимыми или абсурдными.

Но как совместить, с одной стороны, этот отказ от веры в религию и систематическое сомнение в окончательности результатов науки с правилом этики, твердой волей и страстной надеждой на осуществление моего идеала свободы, справедливости и братства, с другой? Факт состоит в том, что я не вношу науку туда, где ей не имеет никакого смысла быть.

Роль науки состоит в открытии и установлении фактов, а также условий, при которых факт возникает и необходимым образом повторяется; иными словами, ее роль - в установлении того, что есть и необходимым образом должно быть, а не того, чего люди желают и хотят.

Наука останавливается там, где кончается фатальность и где начинается свобода. Она полезна человеку, поскольку не позволяет ему потеряться в химерах и, в то же самое время, дает ему возможность приобрести больше времени для осуществления его свободной воли - качества желать, которое в разной степени отличает людей и, быть может, всех животных от инертных вещей и неосознанных сил.

Именно в этой способности к воле следует искать источники этики и правил поведения...

...Если я тверд и решителен в том, чего я хочу, я всегда сомневаюсь в том, что я знаю; я полагаю, что, несмотря на все усилия понять и объяснить Вселенную, до сего дня не удалось достичь не то что достоверности, но даже правдоподобия достоверности, и я не уверен, что человеческому разуму удастся достичь ее хоть когда-нибудь.

Если бы мне сказали, что я обладаю научным духом, я не стал бы гневаться, я был бы рад заслужить подобное определение. Ведь обладать научным духом означает исследовать истину с помощью позитивных, рациональных и экспериментальных методов, никогда не впадая в иллюзию обнаружения абсолютной Истины и довольствуясь тем, что после долгого труда приближаешься к ней и открываешь частичные истины, всегда признаваемые временными и подлежащими пересмотру. Научное, по моему мнению, должно быть тем, что проверяет факты и делает логические выводы, какие бы то ни было, в противовес тем, кто разрабатывает систему, ища затем подтверждения фактами и, делая это, бессознательно отбирая факты, совпадающие с их системой, и отрицая другие; при случае они не уважают факты и искажают их, насильно укладывая в русло их теорий. Наука использует рабочие гипотезы: она формулирует предположения, которые служат путеводителем и стимулируют исследования, но она не становится жертвой фантазий, принимая привычные предположения за явные истины, с помощью произвольной индукции обобщая и возводя в

категорию закона всякий отдельный факт, соответствующий выдвинутому тезису.

Вызванный и порожденный энтузиазмом, выросшим из действительно экстраординарных открытий второй половины XIX века в области физико-химии и естественной истории, господствовавший над духом той эпохи сциентизм, который я отвергаю, состоит в вере, будто наука - это все и может все, в признании любых частичных открытий окончательными истинами, догмами, в смешении Науки и Этики, Силы в механическом смысле этого слова - нечто определимого и измеримого - и этических сил, Природы и Мышления, закона Природы и Воли. Сциентизм логически приводит к фатализму, то есть к отрицанию воли и ее свободы...

Кропоткин, пытаясь "придать Анархии место в современной науке", полагает, что "Анархия есть концепция Вселенной, основанная на механической интерпретации феноменов, которая охватывает всю природу, включая жизнь общества".

Это философское намерение, которое можно принимать, или нет; но в нем нет ничего ни от науки, ни от анархизма. Наука - это сумма и систематизация того, что мы знаем или полагаем, что знаем: она формулирует факты и пытается обнаружить закон, которому они следуют, познать условия, при которых факты возникают и необходимым образом повторяются. Она удовлетворяет определенные интеллектуальные потребности и, в то же время, служит вполне действенным инструментом могущества. Выявляя в законах природы пределы человеческого произвола, она увеличивает эффективную свободу человека и дает ему средства повернуть эти законы в свою пользу. Наука одинакова для всех, она индифферентна к добру и злу, к освобождению и угнетению.

Философия может быть гипотетическим объяснением того, что известно, или попыткой угадать то, чего мы не знаем. Она ставит проблемы, которые, по крайней мере до сего дня, ускользали из сферы компетенции науки, и воображает решения, которые невозможно проверить при нынешнем состоянии наших знаний - эти решения варьируют и сталкиваются друг с другом в зависимости от философских систем. Если философия не превращается в простую словесную игру или в набор трюков, она может служить науке, стимулируя и направляя ее - но она не является наукой. Анархия, напротив, - это чаяния человека, которые не основываются ни на какой естественной необходимости, подлинной или предполагаемой, и могут быть осуществлены или не осуществлены по воле человека. Она использует средства, даваемые наукой человеку в борьбе с природой и противостоящими волями; она может использовать прогресс философской мысли, когда та помогает человеку лучше думать и различать, что реально, а что нет; но ее нельзя смешивать ни с наукой, ни с философской системой - под угрозой абсурда.

Посмотрим, действительно ли "механическая концепция Вселенной" объясняет известные факты. Посмотрим затем, может ли она быть совместимой и логически сосуществовать с анархизмом или с любым другим чаянием достичь нового состояния вещей, отличного от того, которое мы знаем.

Ничего не возникает ни из чего, ничего не исчезает бесследно; это фундаментальный принцип механики - сохранение энергии.

Тело не может передать тепло другому телу, не остывнув само; один вид энергии не может превратиться в другой (движение в теплоту, теплота в электричество и т.д.) без того, чтобы полученное в одном месте не утрачивалось в другом. Наконец, вся физическая природа очень просто доказывает этот факт: если есть десять штук чего-либо и пять расходуются, то остается пять, ни больше, ни меньше.

Напротив, тот, у кого есть идея, может передать ее миллионам людей, ничего не теряя, наоборот, идея придает больше сил и эффективности тому, кто ее пропагандирует. Учитель учит других тому, что он знает и не теряет этим своего знания, наоборот, уча, он сам много узнает и обогащает дух. Если пуля, пущенная рукой убийцы, обрывает жизнь гения, наука может объяснить, что происходит со всеми материальными элементами и физическими энергиями, которыми он обладал до своей смерти, и продемонстрировать, что после разложения трупа от него ничего не останется в прежней форме, но, в то же время, материально ничего не пропадет, поскольку каждый атом тела обнаружит всю свою энергию в другой комбинации. Но идеи, которые этот гений нес миру, изобретения, которые он совершил, сохраняются, пропагандируются и могут обрести невиданную силу; идеи же, умершие в нем и могущие принести свои плоды, если бы он остался в живых, потеряны навсегда.

Может ли механика объяснить эту силу, это специфическое качество продуктов духа?

И, к сожалению, пусть от меня не требуют иных объяснений тому, чего механика не в состоянии объяснить.

Я не философ; но не обязательно быть им, чтобы видеть некоторые проблемы, которые в той или иной мере терзают все мыслящие головы. Не иметь возможности решить проблему не значит, что ты обязан принимать решения, которые тебя не удовлетворяют... тем более, когда решения, предлагаемые философией, столь же многочисленны, сколь и противоречивы.

Посмотрим теперь, совместим ли "механизм" с анархизмом.

В механистической концепции (равно как в концепции теистской) все является необходимым, все фатально, ничего не может быть иначе, чем оно есть.

Действительно, если ничего не исчезает и ничего не создается, если природа и энергия, какими бы они ни были, являются фиксированными количествами, подчиняющимися законам механики, то все феномены связаны между собой так, что это не подлежит изменению.

Согласно Кропоткину, если человек - часть природы, а его личная и общественная жизнь - также природный феномен (такой же, как рост растения или развитие жизни в сообществах муравьев и пчел), то нет никакого смысла, проходя путь от растения к человеку или от колонии бобров к человеческому городу, отказываться от метода, который до сих пор так хорошо служил нам, чтобы искать другой в арсенале метафизики. Великий математик Лаплас в конце XVIII века говорил: "Если будут даны силы, которые воодушевляют природу и соответственно положение существ, ее составляющих, то достаточно широкий

человеческий ум мог бы знать прошлое и будущее столь же хорошо, как и настоящее".

Такова чисто механистическая концепция: все, что было, должно было быть; все, что есть, должно было появиться; все, что будет, должно быть неизбежно и фатально, вплоть до мельчайших деталей положения и движения, интенсивности и скорости.

Какой смысл могут иметь такие слова, как "воля", "свобода", "ответственность", при такой концепции вещей? Чему должны служить образование, пропаганда, бунтарство? Если больше нельзя изменить predetermined ход человеческой истории, как нельзя изменить курс звезды или "рост растения"? Ну и как? Что в этом общего с Анархией?..

Цель научного исследования - изучение природы, открытие фактов и "законов", которые ими управляют, знание условий, при которых тот или иной факт необходимым образом появляется и столь же необходимым образом повторяется. Наука есть тогда, когда она может предвидеть то, что грядет, может ли она объяснить это, или нет; если предвидение не оправдывается, это означает, что была допущена ошибка и остается только предпринять более широкое и глубокое исследование. Случай, произвольность, фантазия - это концепции вне науки, которая исследует только то, что фатально, то, что не может быть иным, нежели оно есть, то, что необходимо.

Но охватывает ли эта необходимость, что связывает между собой в пространстве и во времени все природные феномены и является объектом исследований и открытий в науке, все, что происходит во Вселенной, включая психические и социальные феномены?

Механицисты считают, что да; они полагают, что все подчиняется одному и тому же механическому закону, все predetermined предшествующими физико-химическими процессами: курс звезды и распускание цветка, эмоции любовника и ход человеческой истории. Система, которую признают, кажется прекрасной и грандиозной, менее абсурдной и непостижимой, чем метафизические системы; она полностью удовлетворяла бы разум, если бы могла продемонстрировать свою правоту. Но, несмотря на все псевдо-логические усилия детерминистов сделать ее совместимой с жизнью и этическим чувством, в ней не оказывается места, большого или маленького, обусловленного или нет, для воли и свободы. Наша жизнь и жизнь человеческих обществ оказывается полностью predetermined и предвиденной всегда и навечно, до малейших деталей, вплоть до какого-нибудь механического факта, и наша воля - не более чем простая иллюзия, как у камня, о котором говорил Спиноза: падая, он сознает, что падает, и верит, что падает, потому что так хочет.

Если согласиться с этим - чего нельзя не сделать, не вступая в противоречие с механицистами и детерминистами - то абсурдно желать управлять собственной жизнью, желать учиться или учить, желать изменить общественную организацию в том или ином смысле. Вся эта деятельность людей по подготовке лучшего будущего будет лишь бесполезным плодом иллюзии и не сможет продолжаться, если будет обнаружено, что это иллюзия. Правда, и иллюзия, и абсурд тоже были бы фатальными продуктами механических функций мозга и в качестве таковых также укладывались бы в систему. Но, еще раз, какое место оставалось бы при этом для воли, для свободы, для эффективности действий человека, направленных на его собственную жизнь и на его судьбу?

Для того, чтобы люди обрели уверенность или, по крайней мере, надежду с тем, чтобы делать полезные вещи, необходимо признать существование творческой силы, самопричину или самопричины, независимые от физического мира и механических законов - то есть той силы, которую мы называем волей.

Признание существования такой силы означает, без сомнения, отрицание всеобщности принципа причинности и достаточного основания, и здесь наша логика дает сбой. Но не всегда ли так бывает, когда мы хотим пробиться к сути вещей? Мы не знаем, что такое воля; но знаем ли мы, что такое материя, энергия? Мы знаем факты, но не их основание и, невзирая на все наши усилия, мы всегда наталкиваемся на эффекты, не имеющие причины, на причину-в-себе - и если нам нужны такие всегда присутствующие и всегда активные самопричины для объяснения фактов, мы принимаем их существование как необходимую или, по меньшей мере, удобную гипотезу.

С этой точки зрения, роль науки сводится к тому, чтобы открывать фатальное (законы Природы) и устанавливать пределы, где кончается необходимость и начинается свобода: ее главная польза состоит в освобождении человека от иллюзии возможности делать все, что ему заблагорассудится, и во все большем расширении сферы его эффективной свободы. Не зная о фатальности, с которой все тела подчиняются законам гравитации, человек мог бы продолжать думать, что он может летать, когда только захочет, но оставался бы на земле; когда наука открыла условия, необходимые для того, чтобы удержаться и передвигаться в воздухе, человек действительно приобрел свободу полета.

В заключение, вот единственная вещь, которую я поддерживаю: существование воли, способной порождать новые эффекты, независимо от механических законов природы, - это необходимая предварительная гипотеза для того, кто считает

О проблемах профсоюзного движения

1928, источник: [здесь](#). Эррико Малатеста, Фриц Линов.

Фриц Линов

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ТРУДОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Первая предпосылка для борьбы рабочего класса за освобождение - это наличие сильных экономических организаций трудящихся, ведь общественное положение рабочего при современной капиталистической экономике зависит от мощи и революционного импульса его организованной силы. Если работники как производители благ объединены (...), если налицо классовое взаимодействие множества отдельных людей, связанных, в первую очередь, своим положением в обществе и полагающихся друг на друга, то можно говорить о профсоюзной организации.

Из этого следует, что профсоюзное движение обязано воздействовать на общественные отношения, чтобы изменить положение работника в обществе в его пользу. Эта задача, если можно так выразиться, - программная путеводная звезда пролетарской профсоюзной организации. И от того, как профсоюзное движение понимает борьбу за изменение места работника в обществе, зависит его успех в этой области. Если его задачи ограничены делом экономического объединения рабочего класса и оно принципиально отказывается от борьбы за будущее, то в этом случае пролетарский экономический союз сможет действовать исключительно в рамках господствующего мировоззрения. Но при таких обстоятельствах профсоюзное движение всегда подстерегает опасность попасть в полную зависимость от политических, экономических, культурных и правовых взглядов, господствующих в нынешнем обществе. (...)

Реформистские профсоюзы лишены общественного идеала. Они знают лишь нынешнее общество и стремятся к гармонии между общественными классами и группами в его рамках. Они верят, что такой гармонии можно достичь с помощью изменения в действующей системе законов. Поэтому они требуют постоянного расширения социального законодательства. Социальное законодательство для них - это синоним всего, к чему следует стремиться, потому что желают они именно примирения враждующих классов и

общественных групп. Они придают этому законодательству большое этическое значение, поскольку ему, по их мнению, выпадает задача стереть границы между классами и группами и дать всем членам общества возможность служить интересам «экономики» и «государства». В этих организациях распространилась вера в то, что такое служение государству и экономике - обязательная предпосылка для изменения положения работников в обществе.

Особенно важно для реформистских профсоюзов влияние на законодательство в области трудовых отношений. (...)

Расширение трудового законодательства стало постоянным и детальным требованием профсоюзов. Трудовое законодательство - это типичное дитя капиталистической экономики и политики реформистских профсоюзов, нацеленной на сохранение этой экономики. (...) В современной экономике работник не принимает участия в организации и результатах производства благ. Он отодвинут в сторону и воспринимается как постоянный источник угрозы смуты и нарушения экономического равновесия. Но такая угроза сама есть следствие отношений собственности и тяжкого социального груза, давящего на плечи широкой массы работников. Чтобы защититься от рабочего класса и обеспечить как можно более спокойную и беспрепятственную работу экономики, государство, всегда служащее политическим управленцем в интересах имущего класса, издавало законы и предписания, которые либо запрещали профсоюзы, либо ограничивали свободу их действий. (...) Позднее, опасаясь социальных потрясений, предприниматели передали профсоюзам возможность формулировать важнейшие законы в рамках трудового законодательства. При этом они полагались на свою экономическую власть и на содействие со стороны государства, поскольку им было ясно и остается ясным одно: условия труда и зарплата определяются не дешевыми разглагольствованиями и этическими соображениями, а только лишь реальным соотношением сил. Профсоюзы же пошли на закрепление практики коллективных соглашений, обязательных как для предпринимателей, так и для работников и заключающихся на длительный срок.

Подобное коллективное соглашение превратилось в орудие, которое гарантирует экономике «трудовой мир» и сводит риск нарушения равновесия к минимуму. Но реформистские профсоюзы испытывают буквально священный трепет перед коллективным соглашением, которое, строго говоря, есть ни что иное, как договор, в котором работник признает собственную эксплуатацию как правовое состояние и добровольно отказывается от всякой борьбы за изменение экономического порядка. Политика обязательных для выполнения коллективных соглашений, ставшая важной составной частью капиталистического ведения хозяйства, с помощью действующих правовых норм настолько сильно ограничивает свободу действий профсоюзов, что ни о какой классовой борьбе уже не может быть и речи. Предпосылка любого действия, ориентированного на классовую борьбу, - то, что такое действие безоговорочно игнорирует интересы противника, считается только с собственными интересами и предпринимает все для того, чтобы сломать существующее положение вещей, а в нашем случае, - чтобы изменить положение работника в обществе в его пользу и в пользу конечной победы социалистического мировоззрения. Напротив, трудовое право (...) отрицает классовую борьбу и ставит на ее место классовую гармонию. Классовая гармония (...) делает профсоюзы как выразителя интересов работников, как

боевую организацию и как представителя определенного общественного класса излишними.

Профсоюзы должны изменять положение работника в обществе. Но они могут это сделать, только ведя борьбу за победу своих собственных идей вне рамок господствующих правовых, политических и экономических воззрений. С этой точки зрения, профсоюзное движение обязано устранить препятствия на этом пути, так чтобы свобода их действий была как можно менее ограниченной. Трудовое законодательство как раз и служит гигантским ограничением, которое во всех сферах экономической борьбы мешает профсоюзному движению выполнять свои задачи.

На место трудовому законодательству должна придти беспрепятственная экономическая борьба работников, не привязанная к действующим правовым нормам, а в известной мере игнорирующая капиталистический правовой путь и ищущая новые пути борьбы за изменение положения работника в обществе.

1928

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В современных общественных науках неоспоримым фактом считается то, что центр тяжести общественных процессов следует искать в экономике. Даже такие люди, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс, которые были исполнены политических доктрин, вынуждены были признать, что экономические формы и органы имеют фундаментальное значение в развитии общества. Хотя в том, что касается тактики рабочего класса, они полностью противоречили этой мысли, это ничего не меняет в том, что они постоянно указывали на важность экономики в процессе развития общества. Их роковая ошибка состояла в отрыве экономики от воли общества и приписывании ей собственные законы, на которые якобы невозможно воздействовать извне или изнутри. На этой почве родилась и пагубная идея о необходимости участия рабочего класса в правовой надстройке капитализма - государстве. «Материалистическая диалектика», заменившая нормальную логику, дала здесь самые пышные побеги сорняков. Частное предпринимательство должно было быть взята под контроль с помощью авторитета государства, завоевания рабочим классом большинства в парламенте или создания рабочего правительства; таким образом предполагалось заставить его служить интересам не одного лишь капиталиста, а широких народных масс.

В этом состоит величайшее заблуждение исторического материализма. Когда из утверждения о том, что экономика является влияющим на все и вся элементом общественного развития, делается вывод: не надо вести борьбу в сфере экономики и за экономику, надо идти в политический исполнительный орган и юридический картонный домик капитализма - государство, - то это противоречит элементарной логике. На этом пути пролетариат перестает быть фактором, играющим какую-либо роль в развитии и реорганизации общества. Преобразовать общество означает оказывать влияние на его экономическую основу, передать ее в распоряжение рабочего класса. Как для собственника

средств производства и капитала экономика служит средством влияния в обществе, так и работники вынуждены стремиться приобрести влияние в той же сфере. Они добиваются этого, создавая профсоюзы, которые организуют и концентрируют их рабочую силу. Профсоюзное движение имеет корни в экономике и именно в этой сфере становится силой, призванной изменить все формы производства и потребления благ и оказать решающее влияние на все иные общественные отношения.

Если же рабочий класс ставит на место экономического влияния и экономического действия политическое влияние и парламентское действие, то его усилия по возрождению общества сводятся к чисто моральному воздействию на государственное законодательство. Против морального воздействия нечего возразить, если речь при этом идет о социалистических ценностях и нормах, - ведь классовая борьба определяется не только экономическими, но в сильной мере и этическими законами. Но и в самом лучшем случае законодательство здесь не при чем, и это легко увидеть, посмотрев повнимательнее на то, как так называемые рабочие партии и реформистские профсоюзы влияют на законодательство.

Самые лучшие намерения законодателя всегда разбиваются о грубую реальность. Уже сам характер закона полностью уничтожает те добрые намерения, которые, возможно, присутствовали, когда его издавали. Государственным законам присуща авторитарность; они могут быть претворены в жизнь лишь в том случае, если законодательно обеспечивают одному общественному слою привилегии, а другому - поправление его прав. Любые законы закрепляют привилегии для немногих.

Закрепляя неприкосновенность собственности, законодательство выражает общую волю имущих слоев общества. Что же касается так называемого социального законодательства, которое отличается от чисто карательного права, то на сей счет среди власть имущих существуют разногласия. Одни считают, что социальные законы слишком стесняют экономику, другие же усматривают в социальном законодательстве самое лучшее и простое средство для того, чтобы поддерживать сохранение нынешних отношений собственности. Но в одном обе стороны сходятся: если уж без социального законодательства не обойтись, то оно должно служить предохранительным клапаном против социалистического рабочего движения.

Если часть рабочего движения идет навстречу этим устремлениям, то надежность и прочность такого клапана только возрастают. Полностью игнорируя пролетарскую основу и пролетарские средства борьбы, реформистские профсоюзы и социал-демократия выдвинули требование значительного расширения социального законодательства, что обрекло все движение на полное бесплодие.

Социальное законодательство сегодня играет ту же роль, что и во времена Бисмарка. Он был слишком хорошим психологом, чтобы не понимать выгоды издания законов, которые якобы предоставляют права рабочим и якобы накладывают обязательства на предпринимателей и государство. Бисмарк тем самым убивал одним выстрелом двух зайцев. Во-первых, он боролся с влиятельной социал-демократией с помощью «закона о социалистах» и подталкивал ее на почву реформизма, которая через несколько лет дала буйную поросль ревизионизма в облике Бернштейна со товарищи. Во-вторых, он пробуждал

среди рабочих представления о возможности преодолеть пропасть между богатством и бедностью. Он как бы рекомендовал рабочим в их нужде обращаться к доброму папочке-государству, готовому утешить своих смиренно просящих детей.

Столь «современное» на словах движение реформистских профсоюзов по сути продолжает идти этим путем, начертанным Бисмарком. Между тем, социальное законодательство всегда лишь закрепляло то, что рабочие уже сделали обычной нормой само- и взаимопомощи. С того момента, как государство стало вмешиваться в жизнь рабочего класса и закреплять законами результаты их упорной, часто полной жертв борьбы, то есть консервировать их, они утратили свое значение для рабочих. Эти законы выражали теперь вполне определенную, угодную государству меру рабочих прав, которая стала для самих рабочих помехой, став верхней границей этих прав. Вот почему социальное законодательство лишает рабочих возможности улучшить их положение в обществе с помощью прямого вмешательства в экономическую жизнь. Несмотря на возможные добрые намерения так называемых «вождей» партий и профсоюзов, законы становятся железным ошейником, душащим свободу действия рабочих.

Рабочий класс всегда будет обладать правами, сможет удержать и расширить свои права лишь там и тогда, где и когда он будет полагаться на свои собственные силы и действовать в тех сферах, которые одни только и позволяют проявить свою силу. Эти сферы - предприятия, профессии, отрасли, короче, вся экономика. Именно здесь, ведя непрерывную классовую борьбу, рабочие творят неписанные законы, диктуемые мощью их организаций и силой их воли. Здесь они творят свое право, которое всегда может быть пересмотрено по их же воле. Вот почему борьбу рабочего класса следует вернуть в область экономики.

1928

ПРОФСОЮЗНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И СУДЫ ПО ТРУДОВЫМ ВОПРОСАМ

Чем ближе капиталистическая экономика приближается к состоянию абсолютного господства картелей, тем больше становятся противоречия между собственниками сырья и орудий труда и владельцами ручной и умственной рабочей силы.

(...) Возрастают, с одной стороны, экономический деспотизм небольшого меньшинства, и экономическое бессилие огромных масс народа, с другой. В такой ситуации в сфере производства благ существуют лишь две возможности сломить растущее, но по большей части лишь инстинктивное сопротивление народных масс, разочаровавшихся в капиталистическом способе производства. Одна из этих возможностей - это полная тирания во всех областях общественной жизни; она выливается в господство фашизма. Другая лежит в области так называемого «добротного согласия» (...). В последнем случае не следует забывать о том, что и это - одна из форм деспотизма. Только средства. Которые при этом применяются, мягче, но не менее опасны, чем фашистский произвол. Этот факт особенно ясно проявляется при взгляде на ограничения свободы профсоюзной деятельности и борьбы

против капиталистической экономики. При этом не следует упускать из виду суды по трудовым вопросам. Именно эта практика особенно ограничивает методы и сферу действия профсоюзов и тем самым защищает капиталистическую экономику от потрясений.

(...) Суды по трудовым вопросам получили полномочия, позволяющие им подавлять любое коллективное выступление рабочего класса в профсоюзной области. (...) Вводится обязательный «арбитраж» всех спорных вопросов в интересах нормального хода производственного процесса. (...) Тем самым суды по трудовым вопросам вмешиваются в область профсоюзных интересов и мешают профсоюзам проявлять свою силу. (...)

В целом, практика рассмотрения в судах трудовых вопросов порождает у рабочих иллюзию права и ставит его рабочую силу под власть государства. Практика эта преследует цель защищать капиталистическую экономику, обеспечить ее беспрепятственное развитие и воспрепятствовать борьбе экономических организаций рабочего класса. Вот почему революционные профсоюзы, применяющие синдикалистские методы борьбы, выступают не за расширение практики судов по трудовым вопросам, а за свободу действий профсоюзов. Только так можно защитить интересы рабочих, а не с помощью государственных судов, основанных на классовом господстве.

1928

Эррико Малатеста (1853-1932)

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ

(...) Все так называемое социальное законодательство, все государственные меры, призванные «защищать» труд и обеспечивать трудящимся минимум благосостояния и безопасности, равно как и все меры, к которым прибегают умные капиталисты, чтобы привязать работников к их предприятиям с помощью премий, пенсий и иных льгот, - все это либо ложь и западня, либо шаг к рабскому состоянию, угрожающему делу освобождения трудящихся и прогрессу человечества.

Законодательно гарантированный минимум зарплаты, законодательное ограничение продолжительности рабочего времени, обязательный арбитраж, коллективный договор, имеющий обязательную юридическую силу, придание рабочим ассоциациям статуса юридического лица, гигиенические меры, предписанные для предприятий властями, государственное страхование от болезни, безработицы, несчастных случаев на производстве, пенсии по старости, участие трудящихся в прибылях фирм и т.д. - эти меры (если они существуют) дают трудящимся немного благосостояния и безопасности, но лишают их той небольшой толики свободы, которой они еще обладают, и служат цели сохранения разделения людей на хозяев и рабов.

Разумеется, хорошо, когда в ожидании революции - и для того, чтобы облегчить ее - трудящиеся стремятся зарабатывать больше и работать меньше и в лучших условиях. Хорошо, когда безработные не умирают от голода, когда старики и больные не брошены на

произвол судьбы. Но всего этого и многого другого трудящиеся должны добиваться сами, в прямой борьбе против хозяев, с помощью своих организаций, своего собственного индивидуального и коллективного действия, развивая в каждом чувство личного достоинства и сознания своих прав.

Дары государства, дары хозяев, - это отравленные плоды, несущие в себе зерна рабства. Их нельзя принимать.

“ «То, что принято называть «социальными достижениями», - ни что иное, как результат соотношения сил между трудящимся классом и хозяевами в данный момент. Хозяева всегда пытаются использовать моменты общественной пассивности, чтобы отнять их. Законы не дают никаких гарантий: их издают и отменяют в зависимости от того, куда дует ветер. Что касается государственного арбитража и решений тех, кто нами правит, то последнее десятилетие дало предостаточно доказательств того, что они редко решают в нашу пользу. Если такие доказательства еще вообще нужны!

Термин «социальные **достижения**», который используют профсоюзные бюрократы, есть лишь обман рабочих с тем, чтобы лучше манипулировать ими»

«Combat Syndicaliste»,
Рона-альпийское региональное издание
органа французской секции Международной Ассоциации Трудящихся,
январь-февраль 2001 г.

Отказ от Учредительного собрания как отказ от диктатуры

1930, источник: [здесь](#). Малатеста пишет о том, что одна из газет приписывала ему идеи и дела, которые он никогда не одобрял. В ответ автор критикует идею созыва учредительного собрания и рассуждает о возможной практике и путях достижения лучшего общества.

Каждый имеет право выдвигать и защищать свои идеи, но никто не может искажать чужие идеи для подкрепления собственных.

Хотя я и не читаю газету Мартелло уже несколько лет, мне в руки как-то попал номер от 21 июня, в котором была напечатана статья, подписанная неким Х. В ней более или менее правдоподобно рассказывалось о плане мятежа, якобы поддерживаемого мной, Гвилетти и... д'Аннунцио. Из статьи следовало, что некто Урсус ранее уже писал об этом, однако мне не удалось отыскать его публикацию.

Тем не менее. Сейчас я не могу сказать, имели ли место события, рассказанные Х. и Урсусом, или нет, поскольку еще не время обществу, а значит и полиции, знать, что кто-либо мог или пытался сделать. К тому же, я не вправе подрывать доверие, которое могло быть оказано мне. При этом меня удивляет, что Х. и Урсус, подмываемые желанием найти поддержку своим тактическим наработкам, не понимают, сколь бестактно упоминать человека — который не читает газет, не знает, что о нем пишут, и потому не может на это ответить, — и при этом уходить от всякой ответственности, не называя настоящих имен.

Что меня по-настоящему волнует – и что заставляет меня взять на себя труд обратиться к указанным статьям – это возмущение лживым утверждением, что будто бы я когда-либо был сторонником Учредительного Собрания. Этот номер приобрел такое теоретическое и практическое значение, почти став злободневным, что не может оставить равнодушным человека, называющего себя анархистом и поступающего как анархист.

На самом деле во время событий, извращенно изложенных Х. и Урсусом, я прилагал все силы на борьбу с верой и надеждой, возлагаемой (очевидно не анархистами) на Учредительное Собрание.

Тогда же я утверждал, что Учредительное Собрание есть орудие в руках привилегированных классов в то время, когда невозможна диктатура, используемое в целях либо предотвращения революции, либо, если революция уже разразилась, замораживания ее развития под предлогом легализации, и, как следствие, отказа от большей части революционных достижений.

Учредительное Собрание, с его усыплением и удушением, и диктатура, с ее размельчением и вытравлением — вот две опасности революции. Анархисты обязаны направить свои усилия на борьбу с ними.

Разумеется, пока мы в относительном меньшинстве, вполне возможно, и даже вероятно, что следующий переворот закончится созывом Учредительного Собрания. Но этого не случится при нашем участии и взаимопомощи. Если это и случится, то только против нашей воли и вопреки нашим усилиям, по той причине, что мы не будем достаточно сильны для предотвращения этого. В таком случае мы будем так же жестко и безапелляционно выступать против Учредительного Собрания, как мы выступаем против нынешних парламентов и прочих законодательных органов.

Хотелось бы отметить, что я не сторонник принципа «всё или ничего». Я уверен, что на самом деле никто не поступает согласно этому принципу: это было бы невозможно.

Это лишь лозунг, используемый многими для предупреждения иллюзий незначительных реформ и мнимых уступок Правительства и господ, а также для напоминания о крайней необходимости революционных выступлений: при расширенном толковании эта фраза становится стимулом беспощадной борьбы с любой разновидностью угнетателей и эксплуататоров. Хотя при буквальном толковании этот лозунг — полная глупость.

«**Всё**» — это идеал, достигаемый дальнейшим продвижением вперед, и потому никогда недостижимый. «**Ничего**» — это совершенно варварское государство, или, по крайней мере, рабское подчинение нынешним угнетениям.

Я считаю, что нужно добиваться всего, что можно достигнуть, многого или малого: делать сегодня все возможное в борьбе за невозможное.

К примеру, если сейчас мы не можем избавиться от Правительства, это не повод отказываться от защиты некоторых приобретенных свобод и борьбы за прочие. Если сейчас мы не можем покончить с капитализмом и вытекающей из него эксплуатации рабочих, это не повод отказываться от борьбы за высокие заработные платы и лучшие условия труда. Если мы не можем упразднить торговлю и заменить ее на прямой обмен производителей, это не повод отказываться от поиска средств уменьшения объемов эксплуатации коммерсантов и спекулянтов. Если сейчас сила угнетателей и состояние общественного мнения не позволяют отменить тюрьмы, это не дает нам права не добиваться отмены смертной казни, пожизненного лишения свободы, строгого ареста и, в целом, наиболее жестоких репрессивных мер, с помощью которых обеспечивается так называемая социальная справедливость, хотя скорее это можно считать варварской местью. Если мы не можем упразднить полицию, это не повод закрывать глаза на избиение полицейскими

заклученных, а также прочие превышения полномочий, предусмотренные законами, которые сами полицейские и призваны обеспечивать.

На этом я останавливаюсь, поскольку есть тысячи примеров как в жизни индивида, так и в жизни общества, когда, не имея возможности получить «всё», надо, тем не менее, предпринимать попытки и достигать максимально возможного.

Таким образом, встает фундаментальный вопрос о наилучшем пути защиты достигнутого и борьбы за большее. Ибо есть путь, который ослабляет и убивает дух независимости и осознание собственных прав, подрывая будущее и даже само настоящее, а есть путь, который каждую маленькую победу использует для выдвижения все больших требований, таким образом готовя умы и среду к желанному полному освобождению.

Что составляет основное содержание, смысл анархизма – это убеждение в том, что любое правительство – диктатуры, легислатуры и т.п. – всегда инструмент заморозки, реакции, угнетения; что свобода, справедливость, благополучие каждого – результат борьбы против власти, результат свободного почина и свободных соглашений между индивидами и группами.

Сейчас многих анархистов заслуженно беспокоит один вопрос.

Поскольку многие считают недостаточным занятия абстрактной пропагандой и технической подготовкой к революции, которые далеко не всегда возможны, и неизвестно, когда принесут результат, анархисты обращаются к практике с тем, чтобы сделать что-либо здесь и сейчас, чтобы реализовать как можно больше наших идей, несмотря на неблагоприятные условия, что-либо, что с одной стороны, материально и духовно помогает самим анархистам, а с другой, служит примером, школой, полем для эксперимента.

Практические предложения приходят со всех сторон. Они представляются мне полезными, если обращаются к ценностям свободы инициативы, солидарности и справедливости, а также способствуют исключению индивида из-под власти правительства и господ. И дабы не тратить время в постоянных спорах, которые не несут новых аргументов и не обращаются к новым фактам, поддержим тех, кто выходит с предложением и стремится немедленно воплотить его в жизнь, как только получает поддержку минимально необходимого числа участников, не дожидаясь (как правило, напрасно) поддержки всех или большинства. Время покажет полезность таких предложений, и наиболее жизнеспособные из них обернутся успехом.

Каждому позволительно идти дорогой, которую он считает наилучшей и соответствующей его характеру, как в том, что касается малых дел, которые могут быть предприняты в нынешних условиях (сегодня), так и относительно огромного поля, которое представится нашей деятельности после революции. Так или иначе, все те, кто по-прежнему считает себя анархистом, не вправе отдать свободу в руки личной или классовой диктатуры, в руки тирана или Учредительного Собрания. В том, что касается нас, то наша свобода должна найти основание в равной свободе всех.

Проект организации анархистов

1927, источник: [здесь](#)

Недавно я случайно столкнулся с французской брошюрой (*в Италии на сегодняшний день [1927], как известно, нефашистская пресса не может свободно существовать*) под названием «Организационная Платформа Всеобщего Союза Анархистов (проект)».

Это проект для анархистской организации, опубликован под авторством «Группы русских анархистов за рубежом» и, похоже, должен быть адресован, прежде всего, русским товарищам. Но речь в нем идет о вопросах, касающихся всех анархистов. Язык, на котором он издан, говорит о том, что проект ищет поддержки товарищей по всему миру. В любом случае, его стоит изучить всем, поскольку проект выдвинут в соответствии с анархистскими принципами, и его реализация будет действительно служить делу анархизма.

Намерения русских товарищей превосходны. Они справедливо жалуются на то, что до сих пор анархисты не имели влияния на политические и социальные события, несмотря на теоретическое и практическое значение их доктрин, их количество, мужество и дух самопожертвования, и считают, что основной причиной этой относительной неудачи является отсутствие крупных, серьезных и активных организаций.

И пока я могу более или менее согласиться с этим утверждением.

Организация, которая подразумевает сотрудничество и солидарность, на практике является естественным условием, необходимым для функционирования общества, и это неизбежный факт, который касается всех, как в человеческом обществе в целом, так и в какой-либо группе людей, объединённых общей целью.

Человек, как известно, не может жить в изоляции. Люди не смогли бы стать людьми и удовлетворить свои моральные и материальные потребности, если бы они не являлись частью общества и не сотрудничали с себе подобными. Очевидным является тот факт, что те, кому не хватает средств, или достаточно развитой осведомленности, организовываясь свободно с теми, с кем они имеют общие интересы и настроения, должны подчиняться организациям, созданным другими, которые обычно образуют правящий класс или группу, целью которой является использование чужого труда в своих интересах. И вековое угнетение масс со стороны небольшого количества привилегированных, всегда было результатом неспособности бóльшего числа людей договориться и организовать с другими для реализации своих прав и благ, а также для защиты от тех, кто стремится

эксплуатировать и угнетать их.

Анархизм возник как ответ на такое положение дел. Его основной принцип — существование свободной организацией, созданной и функционирующей в соответствии со свободным соглашением ее членов, без какой-либо власти; то есть никто не имеет право навязывать свою волю другим. И поэтому очевидно, что анархисты должны стремиться применять в их личной и политической жизни те же принципы, на которых, по их мнению, должно быть основано все человеческое общество.

Судя по некоторым дискуссиям, казалось бы, есть анархисты, которые отвергают любую форму организации; однако много, даже слишком много споров по этому поводу связаны не с принципами организации, даже будучи замаскированными под языковой вопрос или личные проблемы, а именно со средствами.

Поэтому я могу только с симпатией созерцать инициативу, проявленную нашими русскими товарищами, убежденными, как и я, что более широкие, более сплоченные, более прочные организации, чем те, которые до сих пор были созданы анархистами — даже если им не удалось покончить со всеми ошибками и слабостями, которые, похоже, неизбежны в нашем движении; которые продолжают бороться посреди непонимания, безразличия и даже враждебности большинства, — несомненно, будут важным элементом силы и успеха, мощным средством для достижения поддержки наших идей.

Я считаю, что необходимо, и в первую очередь анархистам, срочно прийти к согласию друг с другом и организовать как можно лучше для того, чтобы иметь возможность влиять на массы людей, которые могут принимать участие в их борьбе за перемены и освобождение.

В настоящее время от основной движущей силы социальных преобразований рабочего движения (профсоюзное движение), а также от его направления во многом будут зависеть ход событий и цели новой революции. Через организации, созданные для защиты интересов рабочих, нужно развивать осознание их угнетения, страданий и антагонизма, который разделяет их с боссами, и в результате они начнут стремиться к лучшей жизни, привыкнут к коллективной борьбе и солидарности, добьются тех улучшений, которые возможны в рамках капиталистической и государственной власти. Затем, когда конфликт выйдет за рамки компромисса, следует революция или наступает реакция. Анархисты должны признать полезность и важность профсоюзного движения. Они должны поддерживать его развитие и сделать его одним из рычагов в своих действиях, делать все возможное, чтобы, сотрудничая с другими силами для достижения прогресса открыть путь к социальной революции, которая приведет к уничтожению классовой системы и принесет полную свободу, равенство, мир и солидарность всем людям.

Но было бы большой и фатальной ошибкой полагать, как это делают многие, что рабочее движение может и должно, по собственной воле и по самой своей природе возглавить такую революцию. Наоборот, все движения, основанные на материальных и сиюминутных интересах (и крупные рабочие движения не исключение), если у них отсутствует стимул, план, совместные усилия идейных людей, как правило, неизбежно приспособляются к обстоятельствам. Они способствуют развитию духа консерватизма и боязни перемен у тех,

кто успел получить лучшие условия работы, и часто заканчиваются созданием новых, иногда привилегированных классов, а также служат для поддержания и укрепления системы, которую мы будем стремиться уничтожить.

Таким образом, существует необходимость специфических организаций анархистского характера, которые как изнутри, так и за пределами союзов рабочих, будут бороться за достижение анархизма и искать для стерилизации все ростки дегенерации и реакции.

Но очевидно, что для того, чтобы достичь своих целей, анархистские организации должны, в теории и на практике, оставаться в гармонии с принципами анархизма; то есть они должны понимать, как сочетать индивидуальную свободу действия с необходимостью и радостью коллективного сотрудничества, служащие для развития сознания и инициативы их членов и средствами просвещения для среды, в которой они работают, моральной и материальной подготовки к будущему, к которому мы стремимся.

Может ли проект, который мы обсуждаем, удовлетворить эти требования?

Мне кажется, что нет. Вместо того чтобы вызвать в анархистах большее стремление к организации, он, похоже, сознательно направлен на укрепление предрассудков тех товарищей, которые считают, что организоваться — значит подчиняться лидерам и авторитарному централизованному органу, который душит любые попытки свободной инициативы. И в самом деле, он содержит именно те тезисы, которые некоторые перед лицом очевидной истины, несмотря на наши протесты, приписывают всем анархистам, настаивающим на организации. Рассмотрим этот проект.

Прежде всего, мне кажется ошибкой (поскольку это в любом случае невозможно осуществить), вера в то, что все анархисты могут быть сгруппированы в один «Всеобщий союз», то есть, по словам авторов проекта, в один активный революционный орган.

Мы, анархисты, можем сказать, что мы из одной партии, если под словом «партия», мы подразумеваем всех, кто находится на нашей стороне, то есть всех, кто разделяет наши стремления и тем или иным образом во имя одних и тех же целей борются с нашими общими противниками и врагами. Но это не означает, что возможно (или даже желательно) всем нам быть собранными в одной конкретной ассоциации. Существует слишком много различий в окружающей нас обстановке и условиях борьбы, слишком много возможных способов действия, а также слишком много различных темпераментов и личностей, несовместимых во Всеобщем союзе, который, если рассматривать его всерьез, может стать не средством для координации и анализа всеобщих усилий, а препятствием для индивидуальной деятельности, а также, возможно, причиной более острых внутренних беспорядков.

В качестве примера: как можно организовать одинаковым образом и с такой же группой людей общественную ассоциацию для пропаганды и агитации, общество публичное и тайное одновременно, ограничиваясь политическими условиями страны, в которой оно работает, чтобы скрыть от противника свои планы, методы и членов этого общества? Как могут теоретики, которые считают пропаганду и пример достаточными для постепенного преобразования людей и, следовательно, общества, принять ту же тактику, что и

революционеры, убежденные в необходимости уничтожить при помощи насилия статус-кво, который поддерживается при помощи насилия и создать в лице угнетателей необходимые условия для свободного распространения пропаганды и практического применения завоеванных идеалов? И как сдерживать вместе людей, которые по определенным причинам не ладят, не уважают друг друга и никогда не смогут быть одинаково хорошими и полезными анархо-активистами?

Кроме того, даже авторы проекта (платформы) объявляют «нелепой» любую идею создания организации, которая собирает вместе представителей разных направлений в анархизме. Такая организация, по их словам, «включая разнородные элементы, как на теоретическом, так и на практическом уровне, была бы не более чем механическим скоплением лиц, которые рассматривают все вопросы, касающиеся анархистского движения, с разных точек зрения и неизбежно распадутся, как только будут подвергнуты испытанию невзгодами и реальной жизнью».

Это нормально. Но в таком случае, признавая наличие различных тенденций, они, несомненно, должны оставить членам организации право организоваться по-своему и работать на благо анархии таким образом, который кажется им наиболее эффективным. Или же они будут претендовать на право изгонять или отлучать от анархизма всех тех, кто не принимает их программу? Конечно, они говорят, что «хотят собрать в одной организации» все значимые элементы анархистского движения; и, разумеется, они будут склонны расценивать значимыми только тех, кто думает так же, как и они сами. Но что они будут делать с «незначимыми» элементами?

Конечно, среди тех, кто называют себя анархистами, есть, как и в любой человеческой группе, элементы различной ценности; и, что еще хуже, есть люди, которые распространяют во имя анархизма идеи, имеющие очень мало общего с анархизмом. Но как этого избежать? Анархистская истина не может и не должна стать монополией одного человека или комитета; к тому же она не может зависеть от решения реального или вымышленного большинства. Все что необходимо и достаточно – это каждому иметь и осуществлять широкую свободу критики и каждому из нас сохранять свои собственные идеи и выбирать для себя на их основе товарищей. В конечном счете, факты расставят все по местам.

Поэтому давайте отложим идею объединения всех анархистов в единую организацию и взглянем на Всеобщий союз, который русские нам предлагают, который на деле является союзом некоторых анархистских фракций; взглянем, соответствует ли предложенный организационный метод анархистским методам и принципам, и может ли он помочь добиться победы анархизма.

Опять же, мне кажется, что не может.

Я не сомневаюсь в искренности анархистских устремлений русских товарищей. Они хотят добиться анархо-коммунизма и ищут средства, чтобы сделать это как можно быстрее. Но не достаточно чего-то хотеть, надо еще предпринять соответствующие действия; чтобы добраться до определенного места нужно придерживаться верного маршрута, иначе в

конечном итоге окажешься где-то еще. Их организация, будучи типично авторитарной, далеко не способствует достижению победы анархо-коммунизма, к которому они стремятся, а может лишь сфальсифицировать анархистский дух и привести к последствиям, которые идут вразрез с их намерениями.

По факту, их Всеобщий союз, похоже, состоит из многих самостоятельных организаций с секретариатами, которые идеологически направляют политические и технические работы, а также координируют деятельность всех членов организации, входящих в исполнительный комитет Союза, задачей которого является выполнение решений Союза и наблюдение за «идеологическим и организационным поведением организаций в соответствии с идеологией и общей стратегией Союза».

Это анархизм? Это, на мой взгляд, что-то из разряда правительства или церкви. Правда, нет полиции или армии, нет верноподданного скопища, принимающего продиктованную идеологию, но это лишь означает, что их правительство было бы бессильным и невозможным, а церковь стала бы питомником для ереси и расколов. Дух и тенденция останутся авторитарными и воспитательный эффект будет оставаться анти-анархистским.

Послушайте, если все еще сомневаетесь

«Исполнительный орган всеобщего анархического движения — Анархический Союз – будет внедрять в свои ряды принцип коллективной ответственности: за революционно-политическую деятельность каждого члена Союза ответственность будет нести весь Союз; точно так же за революционно-политическую деятельность всего Союза ответственен будет каждый его член».

И после этого абсолютного отрицания любой личной независимости, свободы инициативы и действия, сторонники, помня, что они анархисты, называющие себя федералистами, протестуют против централизации, «неизбежные результаты которой», говорят они, «являются порабощением и механизацией жизни общества и партии».

Но если Союз несет ответственность за то, что делает каждый его каждый член, как он может оставить его отдельным членам, а также различным группам свободу реализовывать общую программу лучшим для них способом? Как можно нести ответственность за действие, если ты не располагаешь средствами, чтобы предотвратить его? Таким образом, союз и его Исполнительный комитет, должны контролировать действия отдельных членов и говорить им, что можно делать, а чего лучше не делать; и пока неодобрение после какого-либо события не сможет сокрушить ранее взятую на Союз ответственность, никто не будет в состоянии сделать вообще ничего без получения разрешения комитета. С другой стороны, может ли человек взять на себя ответственность за действия коллектива, не зная, что они будут делать, и без возможности предотвратить неодобряемые им действия товарищей?

Кроме того, авторы проекта говорят, что «Союз» предполагает и располагает. Но когда они ссылаются на пожелания Союза, всегда ли они прислушиваются к пожеланиям всех его членов? Если это так, то для функционирования Союза нужно будет всем и всегда иметь одинаковое мнение по всем вопросам. Так что все должны быть в согласии касательно

общих и основных принципов, потому что иначе они бы не были едиными; но авторы проекта не могут предположить, что мыслящие существа не будут всегда одинакового мнения о том, что необходимо сделать в различных обстоятельствах, и при выборе лиц, которым поручат исполнительную власть и прямые обязанности.

На самом деле, как это вытекает из текста самого проекта, решение Союза может означать лишь волю большинства, выраженную через съезды, назначает и управляет которыми Исполнительный Комитет, и на них же принимаются решения по всем важным вопросам. Естественно, конгресс будет состоять из представителей, избираемых большинством членов какой-либо группы, и эти представители будут решать, что делать, как всегда простым большинством голосов. Таким образом, в лучшем случае, решения будут приниматься большинством голосов большинства, и оно может легко, особенно когда противоположных мнений более чем два, представить собой мнение меньшинства.

Также следует отметить, что учитывая условия, в которых анархисты живут и борются, их съезды еще меньше репрезентативны, чем буржуазные парламенты. И контроль над органами исполнительной власти, если они имеют авторитарные полномочия, редко бывает своевременным и эффективным. На практике, в анархистских съездах принимают участие те, кто хочет и может, вне зависимости от его финансового состояния, и те, кому полиция не помешала участвовать в собрании. Среди присутствующих много тех, кто представляют только себя, или небольшое количество друзей, и есть люди, действительно представляющие мнения и желания большого коллектива. И если принять меры предосторожности против возможных предателей и шпионов, можно столкнуться с проблемами при серьезной проверке представителей и значимости их мандата.

В любом случае, все это сводится к чисто мажоритарной системе, к чистому парламентаризму.

Хорошо известно, что анархисты не признают ни правительство большинства (демократия), ни власть немногих (аристократия, олигархия, или диктатура одного класса или партии), ни власти одного человека (самодержавие, монархия или личная диктатура).

Тысячи раз анархисты критиковали так называемое правительство большинства, которое в любом случае практически всегда приводит к доминированию небольшого меньшинства.

Нужно повторить все это еще раз для наших русских товарищей?

Конечно, анархисты признают, что в общинах меньшинству часто бывает необходимо принять мнение большинства. Если есть очевидная необходимость и полезность в чем-то, то и делать это необходимо с согласия всех, меньшинство должно чувствовать необходимость адаптироваться к пожеланиям большинства. И, как правило, в интересах мирного сосуществования на равных условиях, для каждого необходимо быть мотивированным в духе согласия, терпимости и компромисса. Но такое приспособление обеих групп должно быть взаимным, добровольным, и вытекать из осознания необходимости и доброй воли, чтобы предотвратить парализацию функционирования социальных процессов из-за упрямства. Это не может быть навязано как принцип и нормативная норма. Это идеал,

который, быть может, в повседневной жизни трудно достичь в полном объеме, но это факт, что у каждого человека из анархической группы, гораздо лучше восприятие идеи соглашения между большинством и меньшинством, свободного и спонтанного, и такая система жизни освобождается от любого введения, не вытекающего из естественного порядка вещей.

Так что, если анархисты отрицают право большинства управлять человеческим обществом в целом, в котором люди, тем не менее, вынуждены принять определенные ограничения, поскольку они не могут изолировать себя от него, не отказавшись от человеческих условий жизни, и если они хотят, чтобы все было сделано на основе всеобщего свободного соглашения, как возможно им принять идею правительства большинства в своих, в высшей степени свободных и добровольных ассоциациях, и начать заявлять, что анархисты должны подчиняться решениям большинства, хоть они даже и не слышали, что это за решения?

Понятно, что не-анархисты нашли бы анархию, являющуюся свободной организацией без власти большинства над меньшинством, неосуществимой утопией, или же наоборот, идеей, реализуемой только в отдаленном будущем; но немыслимо, чтобы любой, кто исповедует анархистские идеи и стремится к анархии, или, по крайней мере, серьезно подходит к ее реализации — сегодня, а не завтра — должен был бы отречься от основных принципов анархизма и перестал бы бороться за его торжество.

На мой взгляд, анархистская организация должна быть основана на совершенно иной основе, нежели предложенная русскими товарищами.

Полная автономия, полная независимость, и, следовательно, полная ответственность отдельных лиц и групп, свободное согласие между теми, кто считает целесообразным объединиться в сотрудничестве для достижения общей цели; моральный долг, и обязательства не делать ничего, что противоречило бы принятой программе. Именно на этих началах, как практических структурах и подходящих инструментах, дающих жизнь организации, должна быть построена и разработана группа, федерация групп, федерация федераций, встречи, съезды, корреспондентские комитеты и т.д. Но все это должно быть сделано свободно, таким образом, чтобы мыслям и инициативе людей ничто не мешало, и с единственной целью предоставления большего эффекта усилиям, которые в изоляции были бы невозможны, либо неэффективны. Таким образом, съезды анархистской организации, хоть и страдают подобно представительным органам всеми вышеупомянутыми недостатками, свободны от всякого рода авторитаризма, поскольку они не устанавливают законов и не навязывают свои решения другим. Они служат для поддержания и развития личных отношений между наиболее активными товарищами, для координации и стимуляции программных исследований путей и способов принятия мер, чтобы ознакомить всех с ситуацией в различных регионах и действиями, необходимыми в каждом из них; чтобы сформулировать различные мнения в текущей среде анархистов и составить какую-то статистику; их решения являются не обязательными правилами, а предложениями, рекомендациями, которые должны быть представлены всем участникам, но не становятся обязательными для исполнения, за исключением тех, кто принял их, и на тот срок, на который они были приняты.

Административные органы, которые они назначают – Корреспондентская комиссия и т.д. — не имеют исполнительной власти, не имеют властных полномочий, несмотря на мнение тех, кто просит утвердить такие инициативы, и не имеют права навязывать свою точку зрения, которой они могут, конечно, придерживаться среди групп товарищей, но не могут представлять в качестве официального мнения организации. Они оглашают резолюции съездов, мнения и предложения, которые группы и отдельные лица сообщают им, и они способствуют (тем, кому требуется такая помощь) налаживанию отношений между группами и сотрудничеству между теми, кто согласится на различные инициативы. Для тех, кто хочет свободно переписываться с кем-либо, или пользоваться услугами других комитетов, назначены специальные группы.

В анархистской организации отдельные члены могут выражать любое мнение и использовать любую тактику, которая не находится в противоречии с общепринятыми принципами, и которая не наносит ущерба деятельности других. В любом случае данная организация существует до тех пор, пока причин для объединения остается больше, чем причин для разногласий. Когда это уже не так, эта организация распускается и уступает дорогу другим, более однородным группам.

Очевидно, что продолжительность существования, устойчивость организации зависит от того, насколько успешной она была в введомой нами долгой борьбе, и это естественно, что любая организация, инстинктивно стремится к бесконечно долгому существованию. Однако продолжительность существования анархистской организации должна быть следствием духовного родства ее членов и адаптации ее конституции и к постоянно меняющимся обстоятельствам. Когда она уже не в состоянии успешно решать практические задачи, ей будет лучше умереть.

Упомянутые русские товарищи, возможно, признают, что такая организация, как та, которую я предлагаю, и похожие на нее, которые существовали более или менее удовлетворительно в разное время, не очень эффективны.

Я понимаю. Эти товарищи одержимы успехом большевиков в своей стране и, как и большевики, хотели бы собрать вместе анархистов в некую дисциплинированную армию, которая, под идеологическим и практическим руководством нескольких лидеров, пойдет твердой поступью, атакуя существующие режимы, и одержав победу, будет руководить созданием нового общества. И, возможно, действительно при такой системе, если анархисты будут в нее вовлечены, а лидеры обладали бы воображением, то наша эффективность была бы выше. Но каковы были бы результаты? Разве то, что случилось с социализмом и коммунизмом в России не произошло бы с анархизмом?

Упомянутые товарищи стремятся к успеху, как и мы. Но чтобы жить и добиться успеха, мы не должны отказываться от причин жить и изменять характер грядущей победы.

Мы хотим бороться и побеждать, но, как анархисты – во имя анархии.

Проправительственные Анархисты

1916, источник: [здесь](#)

Как только появился манифест, он тут же был подписан Кропоткиным, Грейвом, Малато и десятками других старых товарищей, которые как и другие сторонники правительства Антанты, требовали сражения до конца и разгрома Германии, а также занимали свою позицию в отношении любых идей «преждевременного мира».

С естественным удовольствием капиталистические издательства публикуют отрывки из манифеста, и провозглашают их как работу «лидеров международного Движения Анархистов»

Анархисты, которые остались верны своим убеждениям, должны были сделать это ради себя, чтобы протестовать против попытки вовлечь Анархизм в продолжение свирепой войны, которая никогда не приносила пользы делу Свободы и Справедливости, и которая показывала себя абсолютно бесплодной и безрезультатной, даже с точки зрения правителей обеих сторон.

Добросовестность и добрые намерения тех, кто подписал манифест, вне всяких сомнений. Но как бы ни было горько не согласиться со старыми друзьями, которые оказали столько услуг тем, кого в прошлом объединяло общее дело, никто не мог, принимая во внимание искренность, в интересах нашего освободительного движения, отделиться от товарищей, которые считают, что они в силах объединить Анархистские идеи в сотрудничество с Правительством и Капиталистическими классами некоторых стран в борьбе против капиталистов и Правительств некоторых других стран.

В ходе нынешней войны мы видели как Республиканцы сами себя отдают на службу королей, Социалисты строят общее дело с правящим классом, Лейбористы служат интересам капиталистов; но на деле, все эти люди в большей или меньшей степени являются Консерваторами — верующими в миссию государства, и их колебания могут быть поняты когда единственный выход лежит в разрушении каждого правительственного слоя и развязки социальной революции. Но такие колебания были неуместны в случае с анархистами.

Мы убеждены что правительство неспособно на добро. На международном поле, а так же в индивидуальных отношениях оно может лишь усугубить агрессию, делая себя агрессором; оно может прикрыть преступление лишь организовав и совершив еще большее.

Согласно предположению, которое далеко от правды, что Германия является целиком и полностью виноватой в нынешней войне, доказано, что если правительственные методы будут соблюдаться, Германия может только сопротивляться, подавляя все силы свободы и реакции. Кроме народной революции, нет других способов противостоять угрозе дисциплинированной армии кроме как иметь еще более сильную и более дисциплинированную армию; поэтому антимилитаристы, если они не Анархисты, и они боятся разрушения Государства, неизбежно становятся Ярыми милитаристами.

На самом деле, в надежде проблематичного разрушения Прусского Милитаризма, они отказались от всех традиций и духа свободы; они предоставили себя Царизму, восстановили престиж пошатнувшегося трона Италии.

Могут ли Анархисты принять это материальное государство на один лишь момент без отказа от права называть себя Анархистами? По-моему, даже иностранное господство пострадало от сил ведущих к восстанию, предпочтительней покорно принять внутреннее угнетение, почти с благодарностью, в надежде что таким путем мы сохранены от еще большего зла.

Бесполезно говорить, что это исключительно вопрос времени, и что после провозглашения победы Антанты в нынешней войне, каждый из нас еще вернется в свой лагерь, в борьбе за свои идеи.

Если уже сегодня необходимо работать в гармонии с правительством и капиталистами, чтобы защитить себя от «Немецкой угрозы», это будет необходимо как после, так и во время войны.

Хотя велика вероятность победить немецкую армию, а если это правда, что она будет побеждена, то никогда не будет возможным избежать того, чтобы немецкие патриоты думали о мести, или готовились к ней; и патриоты других стран очень разумно, с их точки зрения, захотят поддерживать свою готовность, чтобы никогда больше не быть застигнутыми врасплох.

Это значит, что Прусский Милитаризм станет постоянным и официальным учреждением во всех странах.

Что будет сказано самоназванными Анархистами, которые сегодня восхищаются победой одного из враждующих альянсов, потом? Будут ли они продолжать называть себя антимилитаристами и проповедовать разоружение, отказ от военной обязанности, и саботаж против Национальной Обороны, только для того чтобы стать, во время первой угрозы войны, сержантами-новобранцами для этих правителей, которых они пытались обезоружить и парализовать?

Будет сказано, что все это закончится тогда, когда Немцы избавят себя от тиранов и прекратят быть угрозой для Европы, то есть уничтожат милитаристский режим в стране. Однако если это так, то немцы, которые так думают, и они правы, что Английское и Французское господство будет более мягкий к немцам, чем Немецкое над французами или англичанами, будут мечтать в первую очередь о том, чтобы подождать Русских и других,

чтобы они уничтожили их милитаризм, и будут в то же время продолжать увеличивать национальную армию.

И вот еще что, как долго Революция будет откладываться? А как долго Анархия? Мы что, всегда должны ждать других, чтобы начать?

Линия поведения анархистов четко выделена по их стремлениям.

Война должна быть предотвращена ведением к революции, или хотя бы угрожая правительству, что мы к ней ведем. Ведь сил и умения для этого у нас не будет хватать.

Мир должен быть заложен на пути к революции, или хотя бы угрожая тем, что мы собираемся ее устроить. В настоящее время, сил и умения у нас не хватает.

Что ж, существует лишь одно решение: действовать лучше в будущем. Сейчас как никогда мы должны избегать компромисса; углубить разрыв между капиталистами и наемными рабочими, между правящими и управляемыми; проповедовать экспроприации частной собственности и уничтожение государства как единственного средства обеспечения мира между народами, справедливости и свободы для всех, и мы должны подготовиться к выполнению данных задач.

Между тем, мне кажется это незаконно делать что-либо, чтобы вело к продолжению войны, что воюющие мужчины разрушают здоровье, и это мешает возобновлению борьбы за освобождение. Мне кажется, что провозглашать «Войну до конца», удел Германских правителей, которые обманывают своих людей и разжигают огонь борьбы, навязывая им, что их противники жаждут уничтожить и поработить германский народ.

Сегодня, как и всегда, наш лозунг: **Долой капиталистов и правительства, всех капиталистов и правительства!**

Живите долго люди, все люди!

Рабочие и интеллектуалы

Источник: [здесь](#). Перевод рассуждений одного из самых известных анархистов – Эррико Малатеста (1853-1932) – о роли интеллектуалов в обществе в целом и в социальной борьбе в частности. Хотя он не уделял этому сюжету отдельного внимания, а текст составлен из отрывков разных работ, Малатеста затрагивает важные темы, активно обсуждаемые до сих пор: как культурное неравенство преобразуется в экономическое и наоборот; существует ли опасность в росте авторитета т. н. «специалистов»; какой должна быть институциональная форма интеллектуальной работы и многие другие. Рассуждения будут интересны не только (и не столько) тем, кто вовлечен в интеллектуальную работу, но широкому кругу читателей.

Истоки разделения людей на «интеллектуалов» (которые часто являются обычными бездельниками, никак не связанными с интеллектуальностью) и «рабочих» можно обнаружить в тех периодах, когда производство, достаточное для удовлетворения потребностей всех, требовало непосильной и малопривлекательной работы, а преимущества солидарности и кооперации были проигнорированы. Самые сильные и удачливые сумели заставить других работать на себя. Этот физический труд, кроме того, что был до известной степени изнуряющим, стал еще и символом социальной неполноценности. Поэтому аристократы охотно уставали, убивая друг друга во время рыцарских турниров, на опасной и изнурительной охоте, изматывались на соревнованиях, но почувствовали бы себя опозоренными, если бы «замарали руки», взявшись даже за самую легкую производительную работу. Работа была чем-то, что делают рабы. Сегодня это по-прежнему так, не смотря на значительные достижения в прикладной механике и науке, благодаря которым приятная, требующая разумного времени и физических усилий работа сможет в избытке удовлетворить потребности всех.

Когда каждый будет иметь в свободном пользовании средства производства и ни один человек не сможет заставить других работать на себя, тогда будет в интересах всех организовывать работу как можно более продуктивно и приятно. Тогда каждый сможет продолжать своё обучение – полезное или бесполезное –, не становясь нахлебником. Здесь не может быть дармоедов, во-первых, потому, что никто не захочет нахлебничать и, во-вторых, потому, что каждый будет решать какую долю физического труда он может уделить общему производству. В то же время люди смогут удовлетворить потребности своего тела, нуждающегося в физической активности.

Каждый может работать, в том числе поэты и трансцендентные философы, без негативных последствий для поэзии и философии. Напротив...

У нас нет предрассудков насчёт «рабочего класса». Мы не превозносим работника физического труда только из-за того, что он трудится физически. И самое главное: мы не восхищаемся необразованными и неграмотными, теми, у кого всё-таки есть веские

основания говорить, что их состояние – не их вина.

Мы – революционеры, и знаем, что революция осуществляемая без участия сил и ценностей, которые не могут быть приобретены без интеллектуального бекграунда, вполне может казаться радикальной, но на самом деле будет представлять собой не большее, чем вспышку гнева, без смысла и без будущего. И по этой причине мы всегда приветствуем с распростёртыми объятиями и поддержкой писателей, артистов, учёных, инженеров, техников и всех, кто может предложить ум, богатый идеями и владеющий фактами.

Но с другой стороны, нам известно, что большинство так называемых интеллектуалов, из-за своей образованности, происхождения и классовых предубеждений связаны с правящей элитой и, как правило, хотят подчинить массы своей воле. Тогда как рабочие массы, даже если они невежественны или безграмотны, согласно своим потребностям и своей тяге к справедливости, являющейся результатом несправедливости которой они подвергаются, образуют главную силу, лежащую в основании революции и являются залогом того, что она не станет простой сменой хозяев.

Поэтому мы принимаем интеллектуалов с легкостью и без всяких подозрений когда они сливаются с рабочим классом, когда они присоединяются к народу без претензий на руководство; без покровительственного отношения, но с открытым умом людей, находящихся среди братьев, чтобы отдать им долг, который они приняли на себя, получив образование и развив свой интеллект, в большинстве случаев вместо детей тех, чей физический труд создал такую возможность.

Эмма Гольдман (в «Моё дальнейшее разочарование в России») среди главных причин провала Русской революции называет враждебность, ненависть, которую рабочие чувствовали к интеллектуалам, и их презрение к науке и интеллектуальной сфере. Мне кажется это не совсем верно.

Рабочие даже слишком уважают и восхищаются образованными людьми [...] у которых очень часто совсем низкий уровень образования. Такое отношение – это одновременно и хорошо и плохо. Поскольку существует очень много разных интеллектуалов: революционные и реакционные, хорошие и плохие, и – самое главное – вредные и полезные, в зависимости от объекта, к которому они прилагают своё образование и свою деятельность. Есть ученые, доктора, инженеры, артисты, учителя, но есть так же священники, юристы, политики и военные специалисты.

При этом можно сказать, что в Италии борьба происходит между интеллектуалами, в то время как основная масса, как это обычно бывает, является лишь инструментом [в их борьбе]. Я думаю, что в России то же самое, ведь можно заметить, что все – ну или почти все – лидеры Русской революции являлись интеллектуалами.

Безусловно, пока наука и высшее образование будут привилегией меньшинства (а это будет продолжаться пока господствует существующая экономическая система), те, кто владеет знанием неизбежно будут господствовать над теми, у кого его нет. Но для того, чтобы это превосходство не было причиной и средством увековечивания существующего зла или

создания новых привилегий и новых тиранов, нужно одновременно подчеркивать великолепие науки и техники и вдохновлять неграмотных образовываться и развиваться. Необходимо также чтобы они чувствовали и понимали, что безграмотность – это не причина быть униженными и угнетенными, но напротив, это дает им право уделять больше внимания образованию, в качестве компенсации за то, что они были лишены одних из лучших вещей в человеческой цивилизации.

Интеллектуалы, которым посчастливилось получить образование, если они принимают участие в революции в силу искреннего стремления к всеобщему благу, должны встать на уровень тех, кому посчастливилось меньше, чтобы помочь им подняться, а не смотреть на массы, как на стадо, которому нужен пастух [...] и оббирать их, лишая тем самым шанса воспитать в себе ответственность и свободу или, еще хуже, принуждать их к повиновению используя жандармов.

То, что мы можем назвать естественным стремлением интеллектуалов – это держаться подальше от народа и объединяться в кружки; зазнаваться и, в конечном итоге, считать себя защитниками и спасителями, которых массы должны почитать [...] и обслуживать. Отделение от масс и иллюзия борьбы за общее благо, наряду с наслаждением благоприятным положением и различиями в уровне жизни, содействует только тому, что авторы Воззвания [к созданию Интернационала интеллектуалов] так верно осудили: формирования «вредной и опасной касты» внутри движения рабочего класса.

Но всё же, какова могла бы быть деятельность и цель этого специфического Интернационала?

Если речь идет об ассоциации наподобие уже существующих, цель которых – помощь в изучении науки, истории и литературы или распространение «культуры в целом» среди народа, то проект был бы осуществимым и полезным. Все просвещенные люди, независимо от партии и класса, могли бы участвовать в такой затее. Истина, наука не является ни буржуазной ни пролетарской, и все могут чувствовать заинтересованность в её прогрессе.

Но предлагается создать организацию для борьбы. Организацию, которая хочет занять место в социальной борьбе. В таком случае, как могут держаться вместе и заниматься полезным делом люди, даже имеющие более или менее одинаковые конечные цели, но использующие различные средства, принадлежащие к конкурирующим политическим партиям и, в каждом практическом вопросе находящие себя по разные стороны баррикад? Как пацифисты и сторонники войны, революционеры и легалисты, демократы и сторонники тоталитаризма, сторонники власти и анархисты достигнут согласия?

На практике это должно случиться с любым Интеллектуальным интернационалом, который не является ни чисто научным, ни чисто политическим учреждением, ни организацией, тесно связанной с одной из партий. Немного пафосных манифестов, декоративная поддержка от нескольких «громких имен» из тех, кто из-за толи из-за ничтожности, то ли из-за лени со всем соглашаются [...], а затем фиктивное, шаткое и бесполезное существование. И даже такое жалкое существование не сможет продолжаться без создания бюрократии, заинтересованной в продолжении организации [...] и в её доходах. Эта

бюрократия, как только основатели устанут и отойдут от дел, сможет долгое время вести работу по заполнению списка участников именами тысяч людей, знающих писателей.

Но как это может быть полезно для дела?

По этим причинам, я считаю, что нашим друзьям, оказавшимся вовлеченными в эту авантюру, не мешало бы повторить спустя 50 лет поступок Михаила Бакунина, когда на Конгрессе Ассоциации за мир и свободу он заявил, что мир и свобода могут быть обеспечены только благодаря борьбе среди рабочих за социальную справедливость. Он покинул эту Ассоциацию, которая также была разновидностью Интернационала интеллектуалов, и, вместе с меньшинством революционных социалистов, присутствовавших на Конгрессе, присоединился к Международному союзу трудящихся...

Рассуждения по «Рабочее движение и анархизм»

Март 1926, источник: [здесь](#)

Очевидно, что я не могу заставить испаноязычных товарищей понять меня, по крайней мере в том, что касается моего представления о рабочем движении и о роли анархистов в нём. Я пытался объяснить эти идеи в статье, которая была опубликована в «El Productor» 8 января (заголовок которой «Рабочее движение и анархизм» был ошибочно переведён как «Синдикализм и анархизм»). Но по реакции на вопросы, которые были подняты в «El Productor» я увидел, что мне не удалось добиться их понимания. Поэтому я возвращаюсь к этой теме в надежде на большую успешность.

Вопрос заключается в следующем: я согласен с испанскими и южноафриканскими товарищами по поводу анархистских целей, которые должны вести и информировать обо всей нашей активности. Но я не согласен с некоторыми по анархистской программе, или, скорее с ярлыком, будто бы её выполнение должно быть возложено на трудовые союзы. И, получит ли такая программа принятие большинства или нет, анархистам необходимо оставаться в рамках организации шире, продолжая изнутри пропагандировать и противостоять авторитарным, монополистским и коллаборационистским тенденциям, которые имеют место во всех трудовых организациях. Или отделиться от них и установить организации меньшинств.

Я утверждаю, что, поскольку есть масса рабочих не-анархистов, состоящих в трудовых организациях, то они либо должны быть сделаны исключительно из анархистов — и, следовательно, быть не более чем простым и бесполезным копированием анархистских групп — или оставаться открытыми для работников всех мировоззрений. В этом случае анархистский ярлык – чистый блеск, необходимый только для помощи в совершении анархистами тысячи и одной операции, которые союз обязан выполнять в этот же день, если он желает защитить непосредственно интересы наших членов. Я встречал статью Д. Абада де Сантьяна, которая выступает против этой точки зрения... Сантьян считает, что я путаю синдикализм с рабочим движением, когда на самом деле я всегда выступал против синдикализма и тепло относился к рабочему движению.

Я против синдикализма – как в теории, так и на практике, потому что он представляется мне как гибридное существо, которое делает ставку, не обязательно на реформизм, как Сантьян видит это, а на классовое превосходство и авторитаризм. Я за рабочее движение, потому что считаю, что это наиболее эффективный способ повышения морального духа

работников, а также это огромная всеобщая инициатива, которая может быть проигнорирована только теми, кто потерял свою власть над реальной жизнью. В то же время я хорошо осознаю то, что, продвигаясь только в том, как есть на самом деле – чтобы защитить краткосрочные интересы трудящихся, она естественно стремится к реформизму и таким образом не может себя связывать с анархистским движением.

Сантьяго утверждает, что мой идеал – «чистое рабочее движение, независимое от социальных тенденций, и которое имеет свои собственные цели в самом себе». Когда я говорил такие вещи? Немного вернувшись назад – в те времена, которые Сантьяго называет доисторическими временами моей ранней деятельности, я помню, что еще в 1907 году, на конгрессе анархистов в Амстердаме, я «скрещивал мечи» с синдикалистами из Амьенской хартии, выражая полное недоверие к чудесной добродетели «синдикализма, которому хватает самого себя».

Сантьяго говорит, что чистого рабочего движения никогда не существовало, не существует и не может существовать без влияния внешних идеологий и предлагает мне найти хотя бы один пример, доказывающий обратное. Но сказанное мною и есть то же самое! Со времён Первого Интернационала и ранее, партии – я использую термин в его общем значении, которое обозначает людей, которые разделяют общие цели и идеи – неизменно стремились использовать рабочее движение для собственных целей. Это вполне естественно и правильно, и анархистам, как и Сантьяго, не стоило бы пренебрегать мощью рабочего движения как средства действия. Весь вопрос в том подходит ли это нашим целям в вопросах действия и пропаганды, а также стоит ли быть рабочим организациям быть открытыми для всех рабочих, не зависимо от их философских и социальных взглядов или им стоит разделиться на разные политические и социальные тенденции. Это вопрос не принципа, а тактики, и включает в себя различные решения в зависимости от времени и места. Но в целом мне кажется, что лучше, чтобы анархисты оставались, пока это возможно, в максимально большой возможной группировке.

Я писал: «Рабочая организация, которая позиционирует себя как анархистская и является подлинно такой, что состояла и состоит из исключительно закоренелых анархистов, может быть определённой формой анархистской группировки – в некоторых случаях необычайно полезной; но она не может быть рабочим движением и ставить себе за цель стать им». Это утверждение, которое кажется мне простым и понятным, непонятно Сантьяго. Он бросается на него с трансцендентальными понятиями, утверждая, что «если анархизм есть идеей свободы, он не может работать на окончание рабочего движения, как это делают все остальные фракции».

Давайте будем крепко держаться на ногах. Какова цель рабочего движения? Подавляющее большинство тех, кто не являются анархистами, больше размышляют о нынешнем моменте, чем о будущем; цель рабочего движения – защита и улучшение условий рабочих сейчас, и это неэффективно, если его ряды не заполнены максимально великим числом наёмных рабочих, объединённых солидарностью против их эксплуататоров. Для нас и в общем всех идейных людей, основная причина заинтересованности в рабочем движении – возможности, которые оно предоставляет для пропаганды и подготовки для будущего. И даже эта цель теряется, если мы собираемся только с единомышленниками.

Сантьяго говорит, что если бы итальянские анархисты сумели уничтожить Всеобщую Конфедерацию Труда, тогда, возможно, там не было бы фашизма сегодня. Возможно. Но как уничтожить Всеобщую Конфедерацию, если подавляющее большинство рабочих не являются анархистами и они смотрят, где наименьшая опасность и наивысший шанс получения каких-то маленьких привилегий в короткие сроки? Я не желаю решаться на подобную непредусмотрительность, которая состоит в разговорах о том, если бы было сделано то или иное, лишь потому, что в этой области любой может без страха опровержения говорить что им нравится. Но я позволю себе один вопрос. Поскольку Всеобщая Конфедерация не может быть уничтожена и заменена на не менее мощную организацию, не было бы лучше избегать раскола и остаться в организации, чтобы предупредить о сонливости её лидеров? Мы можем кое-чему научиться из постоянных поступков, которые совершают эти лидеры, чтобы сорвать любые предложения по унификации и чтобы держать диссидентов в страхе.

Последнее доказательство ошибочности в интерпретировании испанскими товарищами моих идей по вопросу рабочего движения: в издании из Сан-Фелиу-де-Гишольс, «Acción Obrera» есть статья написанная Витторио Аурельо, в которой он заявляет: «Я верю, что моя миссия – действовать внутри союзов, ища пути для открытия изнутри рабочих организаций и двигаться вверх до достижения полной реализации наших идеалов. И получим ли мы это, зависит от нашей работы, нашего боевого духа и наших действий. Но мы должны действовать с помощью убеждения, не навязывания. По этой причине я не согласен с тем, что Национальная Конфедерация труда (НКТ) в Испании может прямо называть себя анархистской, когда, к сожалению, подавляющее большинство не знает, о чём, собственно, говорится в либертарной идеологии. Мне интересно, знают ли защитники их утверждения о том, что члены трудовых организаций не размышляют и не действуют анархически, почему существует это навязывание имени, когда мы отлично знаем, что имена сами по себе не значат ничего?»

Это моё точное мнение. И мне интересно, почему говоря это, Витторио Аурельо считает необходимым заявить о том, что он не согласен с Малатеста? То ли стиль моего письма становится слишком неясным, то ли испанские переводчики регулярно искажают мои писания.

Заметки: Диего Абад де Сантьяго (1897-1983), Аргентинец. Был активен во время Гражданской войны в Испании. Журналист и редактор.

Революционная спешка

1921, источник: [здесь](#). В данной заметке Малатеста описывает современные ему события в США. Автор выводит несколько важных тезисов — революционеры не должны поступательно наращивать свои массы, ожидая изменений, когда их будет поддерживать большинство; революционеры не должны откладывать свои первостепенные задачи в угоду ситуации; ориентироваться на поддержку большинства — вредно, так как большинство порождено экономической средой и будет лишь повторять ее. И в этом утверждении, видимо, есть что-то от марксистской философии: «бытие определяет сознание». Революционное меньшинство же, прорвавшееся сквозь ограничения среды, не должно стараться действовать в рамках среды, так как попытки ее изменения изнутри, не меняя предпосылок появления самой среды, тщетны.

Рассмотрим еще раз статью Дж. Валенти, опубликованную в газете «Юстиция», выходящей в Реджио-Эмилии.

Валенти продолжает попытки подсчитать количество тех, кто остается равнодушным или враждебным к революционной пропаганде. Описывая США, он утверждает, что в этой стране насчитывается 60 миллионов католиков, объединенных в различные религиозные братства, которые посещают церкви и молятся богу, и Валенти предлагает анархистам попробовать вести пропаганду среди этих 60 миллионов. Он отмечает, что лишь 4 с половиной миллиона рабочих из 40 миллионов организованы в союзы, большинство которых, к тому же, остается враждебными социализму, он призывает сторонников тред-юнионизма начать работу над привлечением рабочих в профсоюзы, если они хотят ускорить революцию. Он отмечает, что только один из двадцати пяти миллионов избирателей проголосовал за Дебса¹ на прошлых выборах, он напоминает, что на Юге социалистических ораторов бьют и выгоняют из городов толпы фанатичных патриотов, наконец, он предлагает коммунистам только попробовать распространять свои «21 условие»² на юге, вместо того чтобы «заставлять социалистов принять их».

Все это было бы хорошо и правильно, если бы основное утверждение автора состояло в том, что мы должны вести пропаганду и пытаться привлечь на нашу сторону сторонников освободительных идей как можно больше лиц, как можно большие массы.

С другой стороны, аргументы автора полностью теряют свою силу, если речь идет о том, что нужно отложить свержение капитализма до тех пор, пока 60 миллионов американских католиков станут атеистами, все (или большинство) рабочие объединятся в классовые организации, а Дебс выйдет из заключения благодаря поддержке большинства избирателей.

Не следует путать понятия. Конечно, само собой очевидной истиной является то, что революция может преуспеть только если в наличии имеются достаточные для этого силы. Однако исторической истиной является и то, что силы, определяющие ход общественного развития и социальных революций, не могут быть оценены с помощью данных статистики.

Католики в США и других странах останутся многочисленными, и даже будут приумножать свои ряды до тех пор, пока будет существовать правящий класс, который держит в своих руках всю полноту богатства и науки и заинтересован в сохранении умственного рабства масс, с тем чтобы ему было легче над ними властвовать. Все рабочие никогда не будут объединены в классовые организации, и их организации будут уничтожены или будут вырождаться до тех пор, пока нужда, безработица, страх потерять работу, стремление любой ценой улучшить свои жизненные условия будут сеять противоречия между рабочими и давать господам возможность получать выгоду от любых изменений обстоятельств и кризисов, побуждающих работников конкурировать друг с другом. А избиратели всегда по определению останутся кроткими мулами, даже если они могут иногда дать хозяину копытом.

При определенных экономических условиях и при сохранении определенной социальной среды очевидно, что умственное и нравственное состояние масс останется примерно одинаковым. К тому времени, как внешние изменения, что носят либо идейный, либо материальный, но обязательно насильственный характер, не изменят эту среду, все попытки ведения пропаганды, образования и революционной агитации останутся тщетными. Они будут влиять только на тех индивидов, кто будет способным преодолеть ограничения среды, в которой они родились, благодаря определенным естественным или социальным преимуществам своей жизни. Однако именно эта небольшая группа, это сознательное и мятежное меньшинство, что его порождает каждый социальный строй по той несправедливости, жертвами которой за него становятся массы, играет роль движущей силы истории, которой достаточно, как это раньше бывало, чтобы продвинуть вперед общественный прогресс.

Каждые новые идея и учреждение, все развитие общества и каждая революция всегда были следствием работы этого революционного меньшинства. Нашей целью и нашим вдохновением является предоставление всем людям возможности осознавать и воплощать свои интересы. Однако для того, чтобы достичь этой цели, необходимо обеспечить всем членам общества средства существования и развития, а для этого необходимо уничтожить насильственным путем — иначе это сделать невозможно — аппарат насилия, что закрывает трудящимся путь к этим средствам.

Конечно, «маленькая кучка», революционное меньшинство, должно насчитывать достаточно людей, и тот, кто считает, что мы стремимся каждый раз начинать восстание без учета тех сил, противостоящих нам, или обстоятельств, которые могут способствовать или противодействовать нашим усилиям, неправильно оценивает наши планы. В случае отдаленном, прошлом у нас была возможность (и мы им пользовались) осуществлять ряд отдельных попыток восстания, которые не имели никакой возможности успеха. Но в те дни нас было немного, и мы старались, чтобы общество услышало о нас, потому тогдашние попытки поднять восстание были лишь средством пропаганды наших идей.

Теперь вопрос не стоит так, что необходимо поднимать восстание, чтобы распространять революционные идеи, теперь мы можем победить, и поэтому мы стремимся к победе, и начинаем вооруженную борьбу только тогда, когда мы убеждены в том, что мы можем ее получить. Конечно, мы можем ошибаться, и, выдавая желаемое за действительное, поверить в то, что плод будущей революции созрел, когда он еще зеленый. Но мы должны признаться в том, что мы чувствуем большую симпатию к тем, кто ошибается, потому что спешит, чем к тем, кто всегда играет в ожидание и упускает наилучшие возможности из-за страха чрезмерной спешки — боясь сорвать один зеленый плод, оставляет гнить весь урожай!

В итоге, мы полностью согласны с «Юстицией» в той части, что касается необходимости проведения массовой пропаганды и как можно более масштабного развития организаций пролетарской борьбы, но мы категорически не согласны с ней, когда ее авторы утверждают, что революционеры не должны действовать решительно до тех пор, пока мы не обратим на свою сторону большинство инертных элементов общества, которые в действительности будут обращены только событиями и примут революцию только после того, как революция начнется.

Историческая справка:

1. Юджин Дебс (1855-1926) — один из лидеров американского рабочего движения, один из основателей Индустриальных рабочих мира (ИРМ), многократный кандидат в президенты США от Социалистической партии Америки. В 1918-1921 годах находился в заключении из-за свои выступления против участия США в Первой мировой войне.
2. «21 условие» — Имеется в виду «Условия приема в Коммунистический Интернационал» — документ, принятый на втором конгрессе Коминтерна (30 июля 1920 года). Устанавливала жесткие критерии к вступлению новых секций в Коммунистический Интернационал.

Революция и террор

1924, источник: [здесь](#). Американские известия. 1924. №155. С. 2-3. Малатеста рассуждает о революционном терроре и о том к чему он приводит, предостерегая будущие поколения революционеров.

В виду грядущих — возможно, близких — событий...

В настоящей статье я не буду касаться вопроса о том, каким образом могла бы быть свергнута тирания, под гнетом которой задыхается в данное время итальянский народ. Задача, которую мы себе здесь ставим, заключается в наиболее отчетливом и рельефном выявлении наших идей и в моральном приготовлении масс, в виду назревающих в более или менее отдаленном или близком будущем событий — ибо это единственное, что представляется нам сейчас возможным и целесообразным. Впрочем, если бы мы даже и верили, что момент для более решительных действий уже наступил — нам тем паче пришлось бы воздержаться от всяких рассуждений на эту тему.

Ограничусь, таким образом, некоторыми предположениями и догадками по поводу перспектив, связанных с победоносным народным восстанием и теми методами насилия, применение коих одними горячо рекомендуется в интересах «торжества справедливости», а другими почитается даже «необходимым» — для обороны Революции от козней ее многочисленных врагов.

Оставляю в стороне «справедливость», как понятие весьма относительное, которым всегда пользуются как предлогом для всякого рода несправедливостей и притеснений, и за которым часто не скрывается ничего, кроме жажды мести. Ненависть и стремление отомстить за обиду суть естественные и неискоренимые эмоции (чувства), возбуждаемые и питаемые угнетением; будучи полезными, в известном смысле, когда нам необходимо сбросить давящее нас ярмо, они становятся отрицательной силой, поскольку мы стремимся заменить современную систему угнетения не каким-либо иным видом гнета, но общечеловеческой солидарностью, свободой и братством. Вот почему мы должны прилагать все усилия к тому, чтобы пробуждать в массах эмоции высшего порядка, под влиянием которых наша душевная энергия устремляется как бы по иному пути, проявляясь в искреннем тяготении и неугасимой любви к Добру; — с другой стороны, не следует подавлять тех мощных, стихийных импульсов, которые вытекают как из положительных, так и из отрицательных факторов, и являются столь необходимыми для конечной победы. Предоставим массе идти по тому пути, на который увлекает ее стихийный порыв — если для того чтобы направить ее на «лучший путь» необходимо наложить на нее узду, что выльется неизбежно в форму новой тирании; но не будем забывать в то же время, что мы, анархисты, не можем быть ни мстителями, ни поборниками «справедливости». Ибо цель наша заключается в раскрепощении человечества, и достижению этой высокой цели мы обязаны

способствовать словом и делом.

Перехожу ко второму вопросу, несравненно большего значения — к тому единственному серьезному аргументу, который был выдвинут по этому поводу моими критиками — к вопросу о революционной обороне.

Многих из наших товарищей и по сие время еще соблазняет идея террора. Гильотина, расстрелы, массовые убийства, «галеры» (*«виселица и галеры» (т. е. каторжные работы) — как заявил мне недавно один из виднейших коммунистов*) — все это в их глазах является необходимым и могущественным орудием Революции; и если большинство революций закончилось крахом или не оправдали возлагавшихся на них надежд, то причина этому, по их мнению, кроется в слабоумии, «мягкотелости» их вождей, не имевших мужества «подавлять», «преследовать» и «убивать» в достаточной мере.

Это — предубеждение, весьма распространенное в определенном кругу революционеров, навеянное риторикой и историческими фальсификациями апологетов Великой Французской Революции, и усилившееся за последние годы благодаря большевистской пропаганде. Истина, однако, заключается в обратном: во все времена террор был орудием деспотизма. Во Франции он служил слепой тирании Робеспьера, предуготовив путь для Наполеона и последовавшей затем реакции. В России он привел к суровым гонениям на социалистов и анархистов, и массовым убийствам рабочих и крестьянских повстанцев, и в результате вызвал разложение того прекрасного революционного порыва, который, казалось, мог бы действительно открыть собой новую эру в цивилизации.

Те, кто верит в действительность, в полезность и реальное значение для дела Революции и раскрепощения, подобных суровых репрессий, мыслят не менее косно и ретроградно, чем пресловутые педанты-юристы, мечтающие об искоренении преступности и насаждении всеобщей нравственности с помощью «грозной кары закона».

Террор, подобно войне, пробуждает дремлющие в нас дикие, атавистические инстинкты, едва прикрытые внешним лоском цивилизации и выдвигает в первые ряды худшие элементы народа. Вместо того, чтобы служить делу защиты Революции, он скорее дискредитирует, делает ее одиозной в глазах масс, и после продолжительной ожесточенной борьбы приводит неизбежно к так называемой «нормализации», т.е. к узаконению и упорядочению тирании. На чьей бы стороне ни оказалась победа, результатом ее всегда бывает утверждение сильной Власти, обеспечивающей одним — мирное существование, ценой их свободы, другим — возможность управлять, без излишнего риска.

Анархисты-террористы (*вернее — немногие представители этой секты*), насколько мне известно, отвергают идею организованного террора, проводимого по предписаниям правительства его агентами; сам народ, непосредственно, — по их убеждению — должен предавать смерти своих врагов. Но это только ухудшило бы положение. Если идея террора вызывает сочувствие фанатиков, то особенно она улыбается настоящим преступникам, жадным до денег и крови. Не следует также идеализировать массу, воображая, что она состоит исключительно из простых и честных людей, способных, порой, на эксцессы, но одушевленных всегда самыми лучшими намерениями. Ведь и сыщики и фашисты,

находящиеся ныне в услужении у буржуазии, вышли также из недр народа!

Фашизм, собравший под своими знаменами множество преступников, явился своего рода предварительным фильтром, очистившим до известной степени ту среду, в которой разовьется грядущая революция. Не следует думать, однако, будто все Думини и все Цезарино Росси находятся непременно в рядах фашистов. Некоторые из них, в силу тех или иных причин, не захотели или не смогли надеть личину фашистов и творить именем «партии» все ей благоугодное, тогда как раньше они, быть может, склонны были действовать во имя революции. С другой стороны, — подобно пиратам, всегда готовым поддержать любой режим и стать его послушным и ревностным орудием — сегодняшние фашисты поспешат на завтра же объявить себя анархистами, коммунистами — всем чем угодно — лишь бы сохранить за собой свои деспотические привилегии, возможность удовлетворять свои преступные инстинкты. И если такое превращение окажется для них невозможным на родине, где они слишком скомпрометированы, пользуются слишком печальной известностью — в таком случае они отправятся «делать революцию» за границей, причем постараются выдвинуться и сделать карьеру, проявляя больше энергии и жестокости нежели другие и величая «умеренными», «трусами», «шкурниками» и «контрреволюционерами», всех тех, кто мыслит революцию как величайшее дело Добра и Любви.

Бесспорно, в охране и развитии революции нужно быть непреклонным и последовательным до конца, но не следует оберегать ее с помощью средств, противоречащих ее органическим принципам и целям.

Единственное, чем можно подлинно охранять революцию – это лишение буржуазии всех источников ее экономического превосходства и всеобщее вооружение народа – поскольку нет возможности убедить всех и каждого отказаться совершенно от употребления оружия, как бесполезной и опасной игрушки; чрезвычайно важно, при этом, чтобы широкие трудовые массы были заинтересованы непосредственно и кровно в победе.

Ибо победе для коей необходимо воздвигнуть гильотины на площади, предпочтем мы поражение!

Революция на практике

1922, источник: [здесь](#). Малатеста повествует о совещании в Бьен, которое подняло ряд интересных вопросов. Он снова критикует тех, кто считает, что анархия наступит, когда все станут анархистами в условиях капитализма, но при этом сам утверждает, что для абсолютного успеха анархической революции необходимо большая часть поддерживающих. Из этого он приходит к практическому выводу, что анархисты должны максимально продвигать свои взгляды и менять общий вектор революционных событий, заменяя институты государства — своими, показывая работоспособность своих идей в организации общества. Также поднимаются другие, не менее интересные вопросы, но четких ответов здесь не найти — автор лишь высказывает предположения, опираясь на опыт Красного двухлетия, где анархисты выступили видимой силой, и свои знания о революции в России 1917 года. Статья является лишь основой для дискуссии, где задан ряд вопросов, на которые предстоит ответить уже следующим практикам, возможно заплатив за свои ошибки дорогую цену.

На совещании, состоявшемся в Бьен (Швейцария) на пятидесятой годовщине Санкт-Имьенского конгресса, товарищ Бертони и я высказали несколько идей, которые не понравились товарищу Коломеру. Настолько, что он написал в Парижскую «Libertaire», что он уверен, будто бы эти идеи не имеют ничего общего с тенденцией развития современного анархического движения. Если бы товарищи из Германии, Испании, России, Америки и др. присутствовали на этом заседании, пишет он, они были бы так же потрясены и возмущены, как он сам.

На мой взгляд, товарищ Коломер слегка преувеличивает свои знания реальных тенденций развития анархизма. В любом случае, это некорректное словоупотребление, по крайней мере, странно говорить о «возмущении», когда речь идет об обсуждении, где все честно пытаются внести свой вклад в разъяснение идей в интересах общей цели. В любом случае, вести дискуссию лучше в дружественной манере, как мы это делали в Бьене.

Бертони, безусловно, будет отстаивать свои идеи в «Réveil», я сделаю то же самое на «Umanità Nova», как будет делать это и Коломер на страницах «Libertaire». Другие товарищи, я надеюсь, будут участвовать в обсуждении, и это принесет выгоду нам всем, если только каждый будет заботиться о том, чтобы не изменить в процессе перевода первоначального смысла речей оппонента. И это не мешает надеяться, что никто не будет возмущен, если он услышит то, что он никогда не думал.

Две темы обсуждались в Bienne: «отношения между синдикализмом и анархизмом» и «действия анархистов в случае восстания». Я вернусь к первой теме в другой раз и не спеша, как читатели «Umanità Nova» уже должны знать, что я думаю по этому вопросу. Я сейчас объясню, что я сказал по поводу последней темы.

Мы хотим сделать революцию настолько быстро, насколько это возможно и будем использовать для этого все возможности, которые только могут возникнуть.

За исключением небольшого числа «воспитателей», которые верят в возможность привести массы под анархические идеалы перед тем, как материальные и моральные условия их жизни изменятся, все отодвигают свершение революции во время, когда у всех будет возможность жить анархически, все анархисты едины в своем желании свергнуть существующий режим настолько быстро, насколько это возможно: и как показывают факты, они часто единственные, кто по-настоящему желает осуществить это.

Как бы то ни было, революции происходили, происходят и будут происходить независимо от желаний и действий анархистов; и пока анархисты еще являются меньшинством среди населения и анархия не может быть насаждена силой и быть насильственно установленной малым количеством людей, понятно, что прошлые и будущие революции, скорее всего, не будут анархическими.

В Италии два года назад революция назрела, и мы сделали все что могли, чтобы она свершилась. Мы обращались как с предателями с социалистами и членами профсоюзов, которые остановили импульс масс ради сохранения шаткой монархии, испугавшись бунтов против высокой стоимости жизни, забастовки в Пьемонте, восстания в Анконе, оккупации заводов.

Что мы делали, если революция окончательно свершилась? Что мы будем делать, если революция свершится завтра? Что делали наши товарищи, что смогли и что должны были сделать, когда недавняя революция захлестнула Россию, Баварию, Венгрию и другие страны?

Мы не можем сделать анархию до тех пор, пока анархия не распространится на все население и на все социальные отношения, потому что население ни одной страны не анархично сегодня, и мы не можем принять другой режим, не отказавшись от наших убеждений и не потеряв любые причины к существованию как анархисты. Итак, что же мы можем и должны сделать?

В этом состояла проблема, которую обсуждали в Бьене, и эта проблема представляет огромный интерес в наше время, поскольку представляет различные варианты исхода в тех случаях, когда мы внезапно сталкиваемся с ситуацией, которая требует от нас действовать незамедлительно и без колебаний или просто исчезнуть с поля боя после того, как победят другие.

Дело не в изображении революции, какой мы бы ее хотели видеть, настоящая анархистская революция была бы возможна, если бы все, или хотя бы подавляющее большинство людей, живущих на данной территории, были анархистами. Все дело в поисках лучшего пути, по которому мы могли бы следовать в пользу анархистскому вкладу в социальные потрясения, как если бы они могли случиться сейчас.

У авторитарных партий существуют конкретные программы и желание навязать их силой, поэтому они и стремятся к захвату власти, независимо от того, легальны их действия или

нелегалы, и изменить общественный строй по-своему с помощью нового законодательства. Это объясняет, почему они бывают революционерами на словах и часто и в намерениях, но они не решаются свершать революцию, когда возникает такая возможность; они не уверены даже в пассивной молчаливой поддержке большинства, у них нет достаточной военной силы, чтобы и законы исполнялись на всей территории, у них не хватает людей с навыками деятельности в бесчисленных сферах активности общества... поэтому они всегда вынуждены откладывать действия, пока не окажутся через народное восстание, практически против своей воли, в правительстве. Однако, однажды придя к власти, они хотели бы удержаться там на неопределенный срок, поэтому они пытаются отвлечь, замедлить, остановить революцию, которая подняла их.

Наоборот, у нас есть определенные идеалы, за которые мы боремся и которые хотели бы увидеть реализованными, но мы не верим, что идеалы свободы, справедливости, любви могут быть достигнуты через применение насилия правительством.

Мы не хотим приходить к власти и не хотим кого-либо другого над нами. Если мы не можем предотвратить существование и создание правительств из-за недостатка сил, мы стремимся, и всегда будем стремиться, сохранить или сделать такое правительство таким слабым, как это возможно. Поэтому мы всегда готовы принять меры, когда речь идет о свержении или ослаблении правительства, не заботясь слишком много (я говорю «слишком много», а не «вообще») о том, что произойдет после этого.

Для нас насилие используется и может быть использовано только как ответ на насилие. В противном случае, когда его используют для достижения позитивных целей, результатом является либо абсолютная неудача, либо успех в создании угнетения и эксплуатации одних другими.

В этом состоит наша миссия: уничтожать или способствовать уничтожению любой политической власти как таковой и всех видов репрессивных институтов; в любом случае, это отказ признавать когда-либо правительство и борьба против него, призыв и утверждение, пусть даже и с помощью силы, право организовываться и жить так, как мы хотим, и экспериментировать с формой общественного устройства, чтобы выбрать кажущуюся лучшей для нас, конечно, не нанося при этом ущерба другим людям, ведь мы наделены равными правами.

Кроме этой борьбы против существования правительства, которое несет в себе капиталистическую эксплуатацию и делает ее возможной, однажды мы поощряли и поднимали массы, помогая захватить излишки и средства производства. Однажды будет достигнута такая ситуация, когда никто не сможет ни навязывать кому-либо свои желания силой, ни отнять у человека плоды его трудов, и тогда мы могли бы действовать только через пропаганду и на собственном примере.

Уничтожить институты и механизмы существования общественных организаций? Да, конечно, если речь идет о репрессивных институтах, но они, в конце концов, являются только малой частью устройства общества. Полиция, армия, тюрьмы и судебная система являются мощными учреждениями для свершения зла, и осуществляют лишь

паразитические функции. Другие управленческие учреждения и организации, к лучшему или к худшему, существуют для того, чтобы гарантировать жизнь человечества, и эти учреждения не могут быть успешно уничтожены, без замены их на что-то лучшее.

Обмен сырья и товаров, распределение продуктов питания, железные дороги, почтовые службы и все государственные службы, учрежденные государством или частными компаниями, были организованы, чтобы служить монополистическим и капиталистическим интересам, но они также служат и реальным потребностям населения. Мы не можем разрушать их (и в любом случае люди в своих интересах не позволят нам сделать это) без реорганизации их в лучшую сторону. И это не может быть достигнуто за один день, даже если у нас были бы необходимые возможности для этого. Мы были бы обрадованы поэтому, если бы в то же время другие тоже действовали, даже если бы они подходили к этому по-другому, не как мы.

Жизнь общества непрерывна, и люди хотят жить и в день революции, и завтра, и всегда.

Горе нам и будущему нашей идеи, если мы возьмем на себя ответственность за бессмысленное уничтожение, которое поставит под угрозу продолжение жизни общества!

В ходе обсуждения таких тем в Бьене, был поднят вопрос, имеющий огромное значение — вопрос о деньгах.

Это обычно в наших кругах предложить простое решение проблемы, сказав, что деньги должны быть отменены. И это было бы решением, если мы говорим об анархическом сообществе, или гипотетическая революция состоялась бы в ближайшие сто лет, как всегда предполагая, что массы способны стать анархистскими или коммунистическими без радикального изменения условий, в которых мы живем, через революцию.

Но сегодня эта проблема осложняется, и совершенно по-другому.

Деньги являются мощным средством эксплуатации и угнетения, но они также являются единственным средством (за исключением самых тиранических диктатуры или самых идилических соглашений), которое разработал на сегодняшний день человеческий интеллект, регулирующее производства и распределения автоматически.

На данный момент, скорее чем возможности отмены денег, может быть, следует искать способ гарантировать то, чтобы количество денег действительно определялось полезной работой, сделанной их обладателем.

В любом случае, давайте незамедлительно приступим к практике в вопросах, которые обсуждались в Бьене.

Допустим, что успешное восстание происходит завтра. Анархия это будет или не анархия, люди должны питаться и обеспечивать все свои основные потребности. Крупные города должны быть обеспечены необходимым примерно как обычно.

Если крестьяне, носильщики, и т.д., отказываются поставлять товары и услуги бесплатно и требуют в качестве оплаты деньги, которые они привыкли рассматривать как реальное богатство, что же делать? Обязать их силой? В этом случае мы могли бы также распрощаться с анархизмом и с любыми возможными изменениями в лучшую сторону. Пусть русский опыт послужит нам уроком.

И что же?

Товарищи обычно отвечают: «но крестьяне поймут преимущества коммунизма или, по крайней мере, прямого обмена товара на товар».

Это все очень хорошо, но, конечно, это вопрос не одного дня, а люди не могут оставаться без еды даже на день. Я не предложу решение. Все что я хочу сделать — это привлечь внимание товарищей к самым важным вопросам, с которыми мы столкнемся в реальности, если завтра произойдет революция. Пусть товарищи поспособствуют разъяснению этих вопросов, и не давая нашему другу и товарищу Коломеру возмущаться или негодовать.

И если эти вопросы являются новыми для него и пугают своей новизной, то это не похоже на анархиста.

Редакционная почта

1924, источник: [здесь](#)

МЕДИЦИНА... и АНАРХИЗМ. – Под этим названием, в разделе редакционной почты 5-го номера нашей газеты, мы опубликовали статью, в которой отказались от предложения некоторых наших товарищей пропагандировать определенные методы лечения, противоречащие науке и общепринятой медицинской практике.

Наш отказ огорчил товарища Н. Кунео из Нью-Йорка. Несмотря на то, что он признает, что газета «Pensiero e Volontà» не подходящее место для обсуждения медицины (собственно, он и не призывал нас к этой пропаганде), в номере газеты «Libero Accordo» от 15 апреля он выступил за «натуральное лечение», то есть лечение без применения наркотических веществ, которое, как говорят, пользуется большим успехом, а также признано и узаконено во многих штатах американского Союза.

Очевидно, нас поняли не верно.

Мы не хотели критиковать какой-либо метод лечения; мы просто хотели заявить о своей некомпетентности, о своей неосведомленности в данном вопросе...а также, в какой-то степени, напомнить некоторым нашим товарищам об их собственной неосведомленности.

Многие из нас склонны считать правильным все, что появляется под благовидным предлогом бунта против общепринятых «истин», особенно если это поддерживают люди, которые являются анархистами, или считают себя таковыми. Это указывает на отсутствие духа самокритики и самоанализа, который должен быть максимально развит у анархистов.

Это нормально всегда стремиться к новым открытиям, и не рассматривать ни одно из достижений человеческого интеллекта как окончательное; но, несмотря на это, мы должны помнить о том, что новое не всегда лучше старого, и что быть анархистом не значит быть наделенным непогрешимостью.

В своей сущности медицина – экспериментальная наука, все еще находящаяся на начальном этапе своего развития. По этой причине следует относиться с пониманием к любой искренней попытке человека найти новые методы, невзирая на существующие предрассудки и суеверия. Однако те, кто захочет подвергнуть старые методы критике, а также выступить против них, должны быть осведомлены о том, что эти методы из себя представляют, а также об их достоинствах и недостатках. Другими словами, мы просто настаиваем на том, чтобы люди, прежде чем говорить о какой-либо проблеме, сначала изучили ее. Поэтому, если среди нас есть товарищи, которые считают, что они достаточно компетентны для обсуждения вопросов медицины, то давайте позволим им это, но не будем

позволять им требовать от нас участия в дискуссии, предмета которой мы не понимаем.

В конце концов, мы знаем хороших врачей, которые открыто признают идеи анархизма; несмотря на это, они не говорят об анархии, когда занимаются наукой, или говорят только тогда, когда научные проблемы становятся социальными, то есть когда они замечают, что существующая организация общества препятствует продвижению медицины или ее использованию на благо человечества.

Реформизм

Источник: [здесь](#). Часто используемое в последнее время слово. И со стороны, возможно, кажется, что и противники, и сторонники этого слова занимаются одним и тем же, а спор возникает на пустом месте. Так ли это? Малатеста пишет с позиции революционера о своем отношении к реформизму. Читайте и делайте выводы.

Основной ошибкой реформистов, из которой происходят все другие, является их мечта о «**солидарности**», об искреннем сотрудничестве – между господами и рабами, между собственниками и рабочими, – которое, даже если бы она когда-либо и существовало в эпохи крайней несознательности масс и их истовой религиозности, совершенно невозможно в наше время.

Тот, чьим идеалом является общество откормленных свиней, блаженно ищущих корм под покровительством горстки пастухов; тот, кто упускает из виду потребность в свободе и существование чувства человеческого достоинства; тот, кто поистине верит в Бога, непостижимые пути которого предусматривают покорность для бедняков и благотворительность для богачей, — такой человек может также представить и стремиться к такой технической организации производства, которая обеспечила бы изобилие для всех и была бы в то же время материально выгодной как богачам, так и беднякам. Но в действительности, «общественный мир», основанный на изобилии, останется недостижимой мечтой – до тех пор, пока общество будет разделено на антагонистические классы: предпринимателей и наемных работников. И в таком обществе не будет ни мира, ни благосостояния.

Указанный антагонизм имеет более духовную, нежели материальную причину. Между работниками и их господами никогда не возникнет искреннего взаимопонимания в деле лучшего использования природных богатств в интересах человечества, поскольку господа всегда будут хотеть оставаться господами и стремиться к сохранению своей власти за счет рабочих, а также путем конкуренции с другими собственниками, а рабочие всегда будут сыты по горло капризами своих господ!

[Наши друзья] даром тратят время, говоря нам, что неполная свобода всегда лучше, чем жестокий и неограниченный деспотизм; что ограничение рабочего дня, установление заработной платы, позволяющей трудящимся жить не как вьючные животные, и защита прав женщин и детей более предпочтительны, чем эксплуатация человеческого труда до крайней степени изнеможения; что государственная школа, какой бы плохой она ни была, с точки зрения морального развития ребенка всегда лучше, чем школы, управляемые попами и монахинями, ... ибо мы полностью согласны с ними. И мы также согласны, что при определенных обстоятельствах итоги национальных или местных выборов могут иметь хорошие или дурные последствия, и что их результат может зависеть от голосов

анархистов, если силы противоборствующих партий приблизительно равны.

В большинстве случаев – это иллюзия; когда выборы носят достаточно свободный характер, их единственное значение – чисто символическое: они указывают на состояние общественного мнения, которое могло бы быть прояснено и более эффективными мерами, если бы не существовало канала в виде выборов. Но это несущественно; даже если некоторые минимальные улучшения и были прямым следствием победы на выборах, анархисты не должны стекаться в кабины для голосования или прекращать проповедовать свои методы борьбы.

Так как никто в этом мире не может достичь всего, следует выбирать четкую линию действий.

Всегда существует определенное противоречие между незначительными улучшениями, удовлетворением сиюминутных потребностей – и борьбой за лучший общественный строй. Люди, посвятившие себя делу возведения общественных уборных и фонтанов для питья там, где в них существует потребность, или строительству дороги, либо сооружению муниципальной школы, или же принятию второстепенного закона о защите прав рабочих, или избавлению от жестокого полицейского, – такие люди, возможно, действуют целесообразно, используя избирательный бюллетень, поддерживая то или иное влиятельное лицо на выборах. Но в таком случае – поскольку они желают быть «практичными», им **следует идти до конца; таким образом, вместо того чтобы голосовать за оппозиционную партию или за партию, чьи идеи отвечают зову своего сердца, не лучше ли избрать кратчайший путь и поддержать правящую партию, став исполнителем воли префекта или мэра?** И действительно, новообращенные парламентаристы, о которых идет речь, на деле не предлагают поддерживать на выборах наиболее «прогрессивную» партию; они выступают за поддержку тех политических сил, которые имеют наивысший шанс быть избранными... Но, в таком случае, к чему все это приведет?

На протяжении всей человеческой истории мы можем видеть, что недовольные, угнетенные, бунтари, прежде чем представить себе и возжелать радикальных изменений политической и общественной организации, ограничиваются частичными требованиями, уступками со стороны власть имущих, и всяческими улучшениями условий жизни. Надежда на достижение изменений путем реформ, а также вера в их эффективность, постепенно переходят в убеждение, что уничтожение господства правительства или правящего класса требует преодоления условий его существования, а стало быть, революции.

В обычное время реформы или проводятся, или же нет, и если они проводятся, их ход либо усиливает правящий режим, либо подрывает его основы; содействует началу революции или препятствует ему; благоприятствует или мешает общественному развитию, в зависимости от своих особых черт, состояния общественного духа в момент проведения реформ, и, прежде всего, – способа, которым они были потребованы или добыты народом.

Правительства и господствующие классы, естественно, всегда следуют собственному инстинкту самосохранения, закрепления и усиления своей власти и привилегий; **и если уж**

они согласились на проведение реформ, то это означает, что они либо считают их своим собственным делом, либо не ощущают в себе достаточно сил для сопротивления реформам и идут на уступки, опасаясь худшего в случае отказа.

Угнетенные же могут требовать и приветствовать нововведения как милостиво дарованное свыше благо, признавая законность власти, стоящей над ними, и, таким образом, причиняя себе же больше вреда, чем пользы, задерживая, отклоняя в сторону, или даже приостанавливая процесс общественного освобождения. Либо же, они могут требовать и проводить в жизнь необходимые общественные изменения своими усилиями, **приветствуя их как частичные победы над классовым врагом, используя их как исходную точку для еще более великих побед.** Тогда такие реформы могут быть важной поддержкой и подготовкой в деле всеобщего ниспровержения режима привилегий – то есть, для революции. В определенный момент события достигают точки, после прохождения которой требования угнетенного класса не могут быть удовлетворены властью имущими без серьезной угрозы для своего господства. Тогда неминуемо происходит вооруженное столкновение между обеими сторонами.

Таким образом, неверно, что революционеры всегда и везде должны выступать против временных усовершенствований, против реформ. Они выступают против реформистов, с одной стороны, потому, что методы последних менее эффективны в деле требования реформ от правительств и капиталистов, способных пойти на уступки только под воздействием страха. С другой стороны, это вызвано тем, что реформы, которые так прославляют реформисты, зачастую не только сомнительны с точки зрения непосредственных выгод для рабочих, но и служат укреплению существующего режима, привлекая рабочих к поддержанию его существования через материальный интерес. Таковы, например, государственные пенсии, фонды страхования, программы участия в прибылях в сельскохозяйственных и промышленных предприятиях и т.п.

Не считая того, что само это слово стало для нас неприятным, после того как политики злоупотребили им и дискредитировали его, анархизм всегда был, и никогда не мог не быть, **«реформистским»**. Мы предпочитаем термин «направленный на общественные преобразования» (*reformative*), дабы избежать возможного смешения с теми, кого сейчас официально называют **«реформистами»** — теми, кто стремится, посредством малозначительных и часто преходящих изменений сделать существующие порядки более терпимыми (*и, вследствие этого, содействует их укреплению*); или же теми, кто искренне верит в возможность уничтожения существующих ныне общественных зол при одновременном уважении и признании тех политических и экономических учреждений, которые являются одновременно причиной и опорой этих зол. Но, в любом случае, всегда существует вопрос о реформах, и основное различие между нами и ними состоит в том, к каким именно реформам мы стремимся и каким путем мы желаем их достичь. В историческом смысле этого слова, революция означает радикальное преобразование (реформу) существующих учреждений, достигнутое в кратчайшие сроки посредством вооруженного восстания народа против существующих властей и привилегированных классов; и мы – революционеры и повстанцы потому, что мы желаем не просто улучшить существующие учреждения, но коренным образом уничтожить их, преодолеть любые формы господства человека над человеком, любое паразитирование на человеческом труде. Мы –

революционеры, так как мы ходим достичь этого как можно скорее, и потому что мы считаем, что учреждения, порожденные насилием, поддерживают свое существование путем насилия, и только ответное насилие может их уничтожить. Но революция не произойдет по одному нашему хотению. Следует ли нам ждать ее, бездействуя, дожидаясь, пока положение не созреет для этого?

Но даже после успешного восстания, можем ли мы надеяться мгновенно осуществить все наши желания и перейти от капиталистического и этатистского ада в либертарно-коммунистический рай на земле, в состояние полной свободы человека в пределах желаемой нами общности интересов с другими людьми?

Такие иллюзии могут питать лишь авторитарии, рассматривающие массы в качестве пассивного сырья, которому обладатели государственной власти могут придавать нужную форму с помощью декретов, поддерживаемых пулями и кандалами. Но среди анархистов нет тех, кто следует этим иллюзиям. Мы стремимся к тому, чтобы наши идеи были усвоены народом в целом, поэтому мы должны убеждать его пропагандой и собственным примером, содействовать его образованию и изменению общественной среды таким образом, чтобы это образование охватило как можно большую массу народа...

Мы – реформаторы в настоящем постольку, поскольку мы стремимся к созданию наиболее выгодных условий и как можно более многочисленной среды просвещенных борцов анархизма, с тем, чтобы народное восстание завершилось успехом. Мы будем реформаторами завтра, когда произойдет победоносное восстание, и будет достигнута свобода, так как мы будем стараться всеми средствами, которые нам предоставят условия общественной свободы, т.е. путем пропаганды, собственным примером и вооруженным сопротивлением против всех, кто пожелает ограничить нашу свободу, привлечь к нашим идеям все больше и больше людей.

Но мы никогда не признаем существующие учреждения; мы добьемся или вырвем силой все возможные реформы – так, как освобождают захваченные врагом земли, чтобы потом перейти в наступление; мы навсегда останемся врагами любого правительства – будь то монархия сегодняшнего дня, или республиканский либо большевистский режим в будущем.

Синдикализм и анархизм

1925, источник: [здесь](#). Малатеста подымает вопрос организаций и народных масс, говорит о важности рабочего движения, анархо-синдикализме, синдикализме как способе устройства общества, который он критикует за воссоздание авторитарных структур (видимо, речь идет о разделении труда, который порождает социальные классы), синдикализме как методе борьбы, который автор критикует за реформизм. Напомним тем не менее, что Малатеста никогда не выступал против рабочего движения, а зачастую и был практиком в рабочей среде. Посыл статьи таков: всегда стоит быть аккуратным при привлечении масс, так как рост организации зачастую размывает ее идеи и ставит на путь реформ.

Отношения между рабочим движением и прогрессивными партиями — старая и изношенная тема. Но она как никогда актуальна, и потому будет оставаться таковой; с одной стороны, большинство людей беспокоятся о насущных потребностях и руководствуются стремлениями, порой страстными, но всегда расплывчатыми и неопределенными, к лучшей жизни, а с другой стороны лица и партии, которые имеют конкретное представление о будущем и средствах для его достижения, но их планы и надежды обречены оставаться недостижимыми утопиями до тех пор, пока они не завоюют поддержку народных масс. И эта тема приобретает большую важность сейчас, когда, после бедствий войны и послевоенного периода, все готовятся, хотя бы в мыслях, к возобновлению деятельности, которая должна последовать за падением тирании, которая до сих пор рвёт и мечет *[по всей Европе]*, но начинает трепетать. По сей причине, я постараюсь разъяснить, каким, на мой взгляд, должно быть отношение анархистов к трудовой организации.

На сегодняшний день, я уверен, нет никого, или почти никого среди нас, кто отрицал бы полезность и необходимость для рабочего движения, и многочисленных средств материального и морального развития, и плодородной почвы для пропаганды, а также необходимой силы для социальных преобразований, которые и являются нашей целью. Нет больше никого, кто не понимает, что организация рабочих значит для нас анархистов больше, чем для кого-либо кто, верит как и мы, что новая социальная организация не должна и не может быть продиктована новым правительством посредством силы, но должна произтекать из свободного сотрудничества всех.

Более того рабочее движение в настоящее время является важным и универсальным учреждением. Надо быть сообщниками угнетателей чтобы противостоять ему, а игнорировать его — значит закрыть себе доступ к повседневной жизни людей и обречь нас на бесконечное бессилие. Все же, в то время как каждый или почти каждый из тех, кто согласен с тем, что активное участие анархистов в рабочем движении является полезным и необходимым, готов быть их сторонниками и оказывать поддержку, мы часто расходимся между собой во мнениях по поводу методов, условий и ограничений такого участия.

Множество товарищей желают, чтобы рабочее и анархистское движения, были бы одним и тем же, где у них была бы возможность, к примеру, в Испании и Аргентине, и даже до некоторой степени в Италии, Франции, Германии, и т.д. — попытаться предоставить организациям рабочих понятную анархистскую программу. Эти товарищи известны как «**анархо-синдикалисты**», или, если они смешаны с другими, которые в действительности — не являются анархистами, называют себя «**революционными синдикалистами**». Здесь необходимо некоторое объяснение значения слова «синдикализм». Если поставить вопрос о том данный термин подразумевает в перспективе, то под синдикализмом понимается форма социальной организации, которая должна заменить капитализм и государственную организацию; и, следовательно, это слово, служит только для того, чтобы сбивать с толку или это что-то отличное от анархии и поэтому не может быть общепринятым среди анархистов.

Фактически, среди идей и предложений о будущем, которое некоторые синдикалисты выдвинули, есть некоторые, которые являются искренне анархистскими. Но есть другие, которые, под другими названиями и иными формами, воспроизводят авторитарную структуру, которая лежит в основе причины бед, по поводу коих мы теперь возражаем, и которые, поэтому, не имеют никакого отношения к анархии. Но это — не синдикализм как социальная система, с которой я хотел бы иметь дело, потому что это — не то, что может определить текущие действия анархистов в отношении рабочего движения.

Здесь я имею дело с рабочим движением под контролем капиталистического и государственного режима и наименование «синдикализм» включает рабочие организации и всевозможные союзы созданные, для того чтобы противостоять угнетению начальников, а также уменьшить или совсем уничтожить эксплуатацию человеческого труда владельцами сырья и средств производства. Теперь я говорю, что эти организации не могут быть анархистскими и что нет оснований, утверждать, что они таковы, потому что, если они ими были, их замыслы потерпели бы крах и не послужили бы конечным целям, которые эти анархисты, участвующие в их достижении, предлагают.

Союз создан для защиты повседневных интересов работников и улучшение условий настолько, в максимально возможной степени, до тех пор, пока у них не появится хоть какая-то возможность свершить революцию и тем самым поменять нынешних батраков на свободных рабочих, свободно объединяющихся во имя общего блага.

Для объединения, чтобы служить своим собственным целям и в то же время действовать как средство образования и плацдарм для пропагандистской работы, нацеленной на радикальные социальные перемены, необходимо собрать вместе всех рабочих — или, по крайней мере, тех из них, которые следят за улучшением их условий, и быть в состоянии оказывать некоторое сопротивление начальству. Можно ли ожидать от всех рабочих того, что они станут анархистами, прежде чем их призвать к самоорганизации и прежде чем принять их в организацию, тем самым обращая вспять естественный порядок пропаганды, психологического развития и формирования организации сопротивления, когда в этом уже нет никакой необходимости, с того момента когда массы уже в состоянии совершить революцию?

В таком случае объединение было бы копией анархистского формирования и было бы бессильно или же получило некоторые улучшения, или смогло бы сделать революцию. Или оно само по себе могло бы содержать реализацию анархической программы с формальной, неосмысленной поддержкой, объединять людей, которые следуя стадному инстинкту, идут за организаторами, и только стараются перейти на сторону врага при первом же случае, когда их попросят доказать, что они действительно являются настоящими анархистами.

Синдикализм (*под которым я подразумеваю практическую разновидность, а не теоретическую, которую все подгоняют под себя*) является реформизмом по своей сущности. Это вытекает из того, что реформы достигаются и реализуются таким путем, который служит и революционным образованием, и пропагандой, и оставляет свободным путь для удовлетворения даже больших запросов. Любое слияние или недоразумение между анархистами, революционным движением и синдикалистами заканчивается созданием либо беспомощного объединения, содержащего свои специфические цели, либо заглушающего с фальсификацией и угасанием анархического духа. Объединение может возникать вместе с социализмом, революционной или анархической программой. А новые программы являются, по сути, теми из которых берут свое начало различные рабочие программы. Но это пока объединения слабые и следуют программе, и пока они остаются пропагандистскими группами, организованными и управляемыми ревностным и преданным идее человеком, а не организациями готовыми к эффективным действиям. Позже когда они смогут привлечь массы и наберутся силы для требования улучшений, первоначальная программа станет бесполезной и на неё никто не будет более обращать внимание. Так как, тактика адаптирована под нужды данного момента и энтузиасты, которые были таковыми до настоящего времени, сами подстроятся под него, либо уступят место тому «практичному» человеку, который живет в них сейчас и не думает о потом.

Ужасные бандиты

1913, источник: [здесь](#). Эррико Малатеста размышляет о преступности, о ее причинах, о бандитах, прикрывающихся светлыми идеями и том, как наши враги используют такие эпизоды.

Кажется, что сегодня уже поздно говорить об этом, но пока мы имеем дело с действиями и обсуждениями, которые происходили неоднократно в прошлом, и будут повторяться в будущем, а причины, которые их вызывают не исчезнут — предмет остается актуальным.

Несколько человек украли и, чтобы украсть, убили; они убили наугад, не разбирая, кто стоит между ними и деньгами, за которыми они пришли. Неизвестные им убитые, не столько их жертвы, сколько жертвы плохой социальной организации.

На самом деле, в этом нет ничего необычного: это горькие плоды, созревающие на дереве привилегий при нормальном ходе событий. Когда вся общественная жизнь окрашена мошенничеством и насилием; когда рожденный бедным осужден на все виды страданий и унижений; когда деньги это что-то необходимое для удовлетворения наших потребностей и уважения к нашим личностям, а многие люди не могут получить честного и достойного труда, не стоит удивляться, что несколько несчастных, уставших от хомута, черпая вдохновение в буржуазной морали, но неспособными присваивать чужой труд под защитой жандармов, незаконно берут его из под носа у последних. Так как они не способны снаряжать военные экспедиции и продавать яд под видом еды, они убивают напрямую револьверами и кинжалами.

Но «бандиты» называют себя анархистами, чтобы придать своим действиям важность и символическое значение, которого у них нет.

Буржуазия использует впечатление, произведенное такими действиями, чтобы очернить анархизм и укрепить свою власть. Полиция, которая часто бывает тайным зачинщиком подобных подвигов, использует их, чтобы укрепить свою значимость, утолить свои инстинкты убийц и перевести стоимость пролитой крови в звонкую монету и акции. Более того, когда речь заходит об анархизме, множество наших товарищей чувствуют себя обязанными не отрицать того, что называют себя анархистами. Многие, очарованные красочностью приключений, восхищенные храбростью главных героев, не видят в этом ничего кроме восстания против закона, забывая задавать вопросы «как» и «зачем».

Но мне кажется, что для того чтобы определить наше поведение и советовать его другим, важно изучать вещи спокойно, оценивать их в соответствии с нашими устремлениями и не предавать эстетическому впечатлению важность большую, чем оно имеет в действительности.

Можно быть уверенным, что эти люди храбрые, а храбрость (которая возможно, не более чем хорошее физическое здоровье), если отбросить страх противоречий,— восхитительное качество. Но она может быть использована как во зло, так и во благо. Мы видели храбрецов как среди мучеников свободы, так и среди самых одиозных тиранов. Храбрость есть и у мафиози, солдат и полицейских. Обычно мы правильно определяем героев, как людей, рискующих своей жизнью ради добра, а к тем, кто использует свою храбрость для того чтобы творить зло, мы относимся как к бесчувственным и кровожадным скотам.

Я не буду отрицать красочность этих эпизодов и даже, в определенном смысле, их эстетическую красоту. Но уважаемым поэтам «красивого жеста», лучше было бы немного подумать.

Автомобиль, идущий на полной скорости, управляемый людьми вооруженными Браунингами, который сеют смерть и страх на своем пути, более современен, но не более красочен, чем разбойник в шляпе с перьями, грабящий караван странников или закованного в броню барона, собирающего дань с общинников, и точно не стоит большего. Если бы у итальянского правительства были не только опереточные генералы и ворующие руководители, то они, наверное, провели бы успешную военную операцию в Ливии. Но стала бы из-за этого война менее преступной или нравственно отвратительной?

Но эти бандиты не были обычными преступниками, по крайней мере, не все.

Среди этих «воров» были дезориентированные идеалисты; среди «убийц» были героические личности, которые при других обстоятельствах, вдохновленные другими идеями, возможно, проявили бы себя таковыми. Бесспорно, для всех, кто бы их не знал, что эти люди были озабочены идеями, и что если они свирепо реагировали на среду и стремились с красивым безумством удовлетворять свои страсти и желания, это делалось под влиянием концепции жизни и борьбы.

Но анархистские ли это идеи? Могут ли эти идеи, даже если допускать наиболее широкую трактовку смысла слов, быть спутаны с анархизмом или они находятся в противоречии с ним? Это вопрос.

Анархист, по определению, это тот, кто не хочет быть угнетаемым или угнетателем. Тот, кто стремиться к максимальному благополучию, свободе и процветанию для всех людей.

Его идеи, его желания берут начало от чувства симпатии и уважения ко всем живым существам, чувства настолько сильного, что оно заставляет желать счастья всем так же как и себе, и отказаться от собственной выгоды в ущерб другим. Если бы этого чувства не было, то зачем бы ему быть противником угнетения и не искать возможности стать угнетателем?

Анархист знает, что человек не может жить вне общества. Напротив, человек может существовать только потому, что он несет, объединенный в нем, результат труда бесчисленных прошлых поколений, и всю жизнь получает выгоду от сотрудничества с современниками.

Он также знает, что деятельность каждого прямо или непрямо влияет на жизнь всех, и таким образом узнает великий закон солидарности, который управляет обществом также как и природой. И так как он желает свободы для всех, он должен хотеть, чтобы деятельность, направленная на это была солидарной, а не несознательным и насильно навязанным и принятым, оставленным на волю случая или используемым для получения прибыли в ущерб другим. Она должна стать сознательной и добровольной, и проявляться в равных преимуществах для всех.

Можно быть или угнетателем, или угнетаемым, или же сотрудничать для общего блага: другой альтернативы нет. Анархисты, естественно – и по-другому быть не может – за свободное и согласованное сотрудничество.

Так что давайте не философствовать и не говорить об эгоизме, альтруизме и прочих загадочных вещах. Мы с удовольствием согласимся: мы эгоисты. Все мы ищем удовлетворение для себя, но анархисты это те, кто находит наибольшее удовлетворение в борьбе за всеобщее благо, за общество, в котором каждый будет чувствовать себя братом среди братьев, среди людей, которые здоровы, умны, образованы и счастливы. Тот, кто может быть удовлетворен жизнью среди рабов, кто может извлекать прибыль из труда рабов, тот не анархист и не может им быть.

Есть сильные, умные, страстные люди, имеющие большие материальные или интеллектуальные потребности, поставленные в ранг угнетаемых, желающие любой ценой освободить себя, они без колебания могут стать угнетателями. Эти люди, находя себя заблокированными современным обществом, приходят к ненависти и отрицанию любого общества, но понимая абсурдность желания жить вне коллектива, хотят подчинить всех своей воле для удовлетворения своих потребностей. Иногда они бывают очарованы литературой и называют себя «Сверхлюдьми». Они беспринципны и хотят «жить своей жизнью». Насмехаясь над революцией и всеми надеждами на будущее, они хотят наслаждаться моментом любой ценой и всех презирают. Они пожертвовали бы всем человечеством за час – как они это называют – «насыщенной жизни».

Они бунтари, но не анархисты. В них есть дух буржуазных дельцов, и если они добиваются успеха, то становятся настоящими буржуа, и не самыми ужасными из них.

В ходе борьбы мы иногда видим их на нашей стороне, но мы не можем, не должны и уж точно не хотим путать себя с ними. И они это хорошо знают.

Но многие из них любят называть себя анархистами. Это правда и это прискорбно.

Конечно же, мы не можем препятствовать тому, чтобы они как-либо себя называли, но с нашей стороны мы не можем отказаться от названия, в котором соединены все идеи, принадлежащие нам логически и исторически. Все, что мы можем сделать, это убедиться, что в этом вопросе нет неразберихи или сделать ее как можно меньше.

Однако мы должны постараться выяснить, почему происходит так, что люди со стремлениями противоположными нашим могут присвоить название, полностью отрицающее их идеи и чувства.

Выше я ссылался на подозрительные маневры полиции и мне будет легко доказать, что некоторые отклонения, которые они пытаются приписать анархистам, появились в полицейских логовах несправедливости: Андри,

Горон и им подобные.

Когда анархизм стал появляться и набирать обороты во Франции, полицейским пришла в голову блестящая идея, достойная самого изворотливого из иезуитов, бороться с движением изнутри. С этой мыслью они отправили к анархистам провокаторов, которые надели ультрареволюционные маски и успешно спародировали анархистские идеи, сделали их гротеском, чем-то диаметрально противоположным тому, чем они являются на самом деле. Они основали газеты финансируемые полицией, провоцирующие безумие и преступления, которые затем предъявляются как анархистские, чтобы скомпрометировать наивных и искренних молодых людей, которые в скором времени, с помощью буржуазной прессы, убедят большую часть общества, что все то, что они делают это анархизм. И у наших французских товарищей есть серьезный повод полагать, что эти маневры полиции все еще имеют место и прямое отношение к тому, о чем мы говорим в этой статье. Иногда события превосходят намерения провокаторов, но все равно, играют им на руку.

К этому полицейскому влиянию стоит добавить еще одно, менее отвратительное, но не менее вредное. В то время как политические убийцы привлекают общественное внимание к анархистским идеям, акулы пера все время ищущие модную тему и сенсационные парадоксы, сами склоняют их к анархизму. И так как они буржуа по менталитету и образованию, с буржуазными устремлениями, они делают анархизм таким, чтобы он заставил вздрогнуть впечатлительных девушек и пресыщенных старых дам, но не имеющих ничего общего с освободительным движением масс, которое он может спровоцировать... Они были талантливыми людьми и писали хорошо, часто продвигая те вещи, которых не понимали... ими восхищались. В данный момент, не говорили ли в Италии, что Габриэле Д'Анунцио стал социалистом?

Вскоре эти «интеллектуалы» вернулись в буржуазное лоно, чтобы испытать цену приобретенной славы, показывая, что они все еще те, кем и были: ищущие известности литературные авантюристы. Но вред был причинен.

Я сказал достаточно и должен завершить. Завершу я, дав совет тем, кто хочет «жить своей жизнью» и не думать о жизни других.

Воровство и убийство — опасные средства и, обычно, не самые прибыльные. На этом пути вы сможете достичь лишь тюрьмы или расстанетесь с головой на гильотине – особенно, если вам хватает наглости привлекать внимание полиции, называя себя анархистом и часто встречаясь с анархистами.

Едва ли это выгодное дело.

Молодому, энергичному и беспринципному легко пробиться среди буржуазии. Пусть они используют законное воровство и убийства, чтобы стать буржуа. Это они делают лучше, и если у них действительно есть интеллектуальные симпатии к анархизму, то пусть лучше

избавят себя от неудовольствия причинять вред тому, что им дорого – интеллектуально.

Что делать?

1922, источник: [здесь](#). “Что делать?”. Конец 1922 года. Италия во власти фашистов (фактически, но в скором времени и формально). Рабочее движение подавляется силами реакции. Эррико Малатеста рассказывает об этом периоде стагнации и свойственных ему бесполезных спорах, размышляет о ценности интернациональной поддержки, подпольной работе организаций и революционной работе в период реакции. Что делать? Читать статью!

“Что делать?” — этот вопрос в той или иной степени всегда беспокоил умы людей, борющихся за идеал, а также непременно всплывал в наиболее кризисные моменты, когда упадок и крушение иллюзий заставляют пересмотреть принятую ранее тактику, взглянуть критически на возможные ошибки и найти более эффективные способы достижения цели. Товарищ Ауткаст был прав, вновь поднимая этот вопрос и взывая сподвижников подумать и решить, что делать.

Сегодняшняя ситуация видится трудной, а кое-где даже ужасающей. Однако, тот, кто был анархистом ранее, останется им до конца. Хотя многочисленные поражения ослабили нас, мы приобрели ценный опыт, который преумножит эффективность наших действий, если мы сможем правильно воспользоваться им. Предательства же были редки в нашем лагере, и они, в конце концов, принесли нам пользу, избавив от слабых и ненадежных людей.

Итак, что делать?

Я не собираюсь подробно останавливаться на беспорядках, направленных против итальянских реакционеров. Мы надеемся на исключительную полезность всего, что поможет мировому пролетариату узнать об истинной ситуации в Италии, а также о невероятных бесчинствах, которые буржуазные жандармы совершали и продолжают совершать, дабы подавить и уничтожить освободительное движение. Мы следим за международной волной протеста против фашизма, имевшей место 18 числа этого месяца (18 августа 1922 – прим. перев.) в Нью-Йорке, и мы уверены, что наши друзья и все те, у кого есть чувства свободы и справедливости, сделают все возможное: в Америке, Англии, Франции, Испании...

Однако все то, что должно свершиться в Италии, предстоит осуществить нам. Кроме того, необходимо иметь в виду вспомогательные силы; важно не надеяться на сверхмеры других, а искать источник силы в себе и в собственной работе.

За последние годы многие авангардные партии, как и мы, пришли к необходимости объединенных действий, и поэтому мы несколько разочарованы. Должны ли мы по этой причине изолироваться от них, следует ли нам уберечься от контактов, способных запятнать нас, и залечь на дно, начав действовать только тогда, когда мы обретем

необходимую силу, и исключительно во имя нашей программы?

Я думаю, нет.

Так как мы не можем совершить революцию самостоятельно (к примеру, наших сил не достаточно, чтобы привлечь количество народных масс, необходимое для победы), и не важно, сколько мы ждем – люди сами по себе не станут анархистами до того момента, как начнется революция. Мы будем вынуждены оставаться меньшинством долгое время. До тех пор, пока мы не сможем воплотить наши революционные замыслы в жизнь, отказавшись от сотрудничества с другими и выждав время, до тех пор, пока мы не станем достаточно сильны. Мы более не ратуем за спешку, несмотря на громкие слова и радикальные намерения, и отказываемся начинать, освобождая себя от необходимости делать всю работу за один присест.

Я знаю очень хорошо (а если бы и не знал, то понял бы это вскоре), что мы – анархисты — одиноки в своей жажде революции во имя добра и в кратчайшие сроки, за исключением некоторых индивидов или групп, мусолящих удила дисциплины авторитарных партий, но остающихся в их рядах в надежде, что партийные лидеры однажды решатся выступить против существующего порядка. Однако, я также знаю, что обстоятельства зачастую бывают сильнее человеческой воли, и настанет день, рано или поздно, когда нашим собратям придется отважиться на последнюю битву, если они не хотят бесчестной смерти своих партий (со всеми идеями, традициями и лучшими намерениями), что было бы прекрасным подарком для монархии. В нынешней ситуации они могут быть вовлечены исключительно необходимостью защищать свою свободу, свое имущество, свои жизни.

Поэтому мы всегда должны быть готовы поддержать тех, кто готов действовать, даже если это сопряжено с риском столкнуться с одиночеством и предательством в будущем.

Помогая другим, мы стараемся использовать их силы и диспозиции, извлечь выгоду из каждой возможности, однако мы должны всегда оставаться собой и искать удобную позицию, чтобы сделать наше влияние весомым, ощутимым и пропорциональным нашей силе.

На этой ступени нам важно иметь договоренность друг с другом, приложить все усилия настолько, насколько это возможно.

Пускай другие не понимают и поливают грязью наши цели по причинам, которые мы не будем называть. Все те товарищи, которые готовы взяться за дело, должны сами решить, что лучше для них.

Сейчас, во время депрессии и стагнации, мы страдаем от рецидива крохоборства и казуистики; многим нравится обсуждать, являемся ли мы партией либо движением, или же нам только предстоит объединиться, и тому подобные пустяки. Возможно, мы вновь услышим старую песню о том, что у политической группы не должно быть ни секретаря, ни казначея, однако корреспонденцию и общие деньги все же придется кому-то доверить. Мелочные педанты на словах способны на все, однако пусть практичные люди занимаются своими делами, а добросовестные (и не очень) крохоборы пусть варятся в собственном соку.

Так пусть каждый делает, что хочет, и объединяется, с кем пожелает. Главное, все же – это действие.

Ни один добросовестный и здравомыслящий человек не станет отрицать, что эффективное действие требует соглашения, объединения и организации.

В настоящее время реакционные силы стараются задушить любое общественное движение, и очевидно, что движения склоняются к необходимости «уходить в подполье», как говорят русские.

Мы вновь возвращаемся к необходимости тайных организаций, что само по себе прекрасно. Однако, тайная организация не может охватить все и включить в себя всех.

Нам нужно сохранить и улучшить наши связи с народом, нам необходимо искать новых последователей посредством пропаганды, нам следует удержать в наших рядах тех, кто не подходит для тайной организации, а также тех, кто сможет «закамуфлировать» её, предотвращая чрезмерную известность. Следует также помнить, что для членства в тайном обществе подойдут люди, чьи убеждения неизвестны противнику, а также те, кто сможет работать, находясь вне подозрений.

Поэтому, я полагаю, ничто из того, что было сделано, не должно быть разрушено. Разве что, некоторые моменты могли бы быть приведены в соответствие с текущими потребностями.

И не надо ждать, пока кто-то другой проявит инициативу, пусть каждый займется своим делом, на своем месте, а затем попытается, приняв меры предосторожности, скоординировать свои усилия с другими энтузиастами, чтобы достигнуть соглашения по поводу всеобщих действий.

Сегодня – это время депрессии, это правда. Однако история движется быстро, так будем же готовы к грядущим событиям.

Парижская коммуна

1900, источник: [здесь](#), пер. с англ. - Панда.

18 марта 1871

Известный историк Леки говорил, что нередко легенда оказывается более правдивой, чем история. Утверждая это, он в несколько парадоксальной форме выражает верное и глубокое понимание.

Легенда более правдива и интересна, чем история, поскольку история тщательно пытается установить твердые факты об обстоятельствах, событиях и личностях. Ей с трудом удается установить истину среди сложности всегда неадекватных элементов и противоречивых свидетельств. Легенда же, формируясь бессознательно и выражая не факт, а то, как люди видели факт, раскрывает состояние ума народа, внутренний смысл исторического момента.

Это произошло с революционным движением, известным как Парижская коммуна, которое вспыхнуло 18 марта 1871 года и было подавлено кровью в мае того же года. Еще до того, как был установлен хотя бы один достоверный факт, каждый человек интерпретировал его в соответствии со своими желаниями; и легенда разлетелась по всей Европе и миру, оказав гораздо большее влияние, чем могло бы оказать точное знание фактов. Результат таков: Парижская коммуна присвоена всеми социалистами мира, хотя на самом деле она не являлась социалистическим движением; она провозглашена всеми анархистами, хотя не была анархистским движением.

В 1871 году умы были полностью готовы придать парижскому движению то значение, которое ему было придано; и, скорее всего, если бы репрессии не смогли подавить его в зародыше, оно действительно стало бы тем, чем его считали с самого начала.

Реакционная сила, родившаяся из поражения европейской революции 1848 года, исчерпалась, и все чувствовали, что настало время для новой революции.

Бессилие «либеральных» принципов, оставленных в наследство потомкам Французской революции в конце прошлого века, стало очевидным; новые идеи, новые устремления воодушевляли массы. «Социальный вопрос» стал главным вопросом. Рождение и быстрое возвышение Интернационала, ставшее следствием и одновременно причиной этой ситуации, породило у одних надежды, а у других опасения в связи с грядущими радикальными политическими и экономическими изменениями.

В этот момент разгорается франко-прусская война. Все висит на волоске; все с тревогой следят за ходом сражений и делают прогнозы о том, что будет после войны: напряжение в умах людей только усиливается.

Когда французская армия потерпела поражение, а императора взяли в плен, консервативные и реакционные элементы приняли республику как единственное возможное решение на данный момент, но с твердым намерением либо восстановить монархию как можно скорее, либо обеспечить, чтобы республика не отличалась от монархии. Народ, ошеломленный грохотом войны и обескураженный поражениями и предательствами, имевшими свое продолжение и при республике, и при империи, колеблется между надеждой, страхом и подозрением.

Жители Парижа хотят сражаться с осаждающим врагом, но их обманывают, предают и побеждают в частичных вылазках, которые или казались, или действительно были организованы специально для того, чтобы потерпеть поражение; они подвергаются позорной капитуляции.

Провинциальные избиратели назначают ассамблею, состоящую из всех самых реакционных элементов феодальной и милитаристской Франция. Эта ассамблея, заклеенная названием «сельская», спешит принять все условия мира, навязанные Бисмарком, и готовится подчинить Францию правлению сабли и асперсориума[1].

Хватит.

Революционные элементы начинают объединяться; рабочие Парижа, Лиона, Марселя рвутся в бой, отчасти из-за глубокого экономического беспокойства, отчасти из-за патриотических чувств, оскорбленных предательством и некомпетентностью военного и гражданского руководства, и отчасти из-за ненависти к монархии, восстановление которой представляет угрозу.

Правительство понимает, что для защиты своей реакционной работы Париж необходимо разоружить. В ночь с 17 на 18 марта оно тайно посылает войска для захвата пушек, Национальной гвардии, удерживаемых ею со времен осады; но попытка обнаруживается, поднимается тревога; солдаты национальной гвардии, проснувшись от испуга, бросаются защищать свои пушки; сопровождавшие их женщины бросаются в середину войск, умоляют их, оскорбляют, обнимают; войска переворачивают свои ружья вверх дулом и братаются с народом. Двух генералов, Томаса и Лекомта, известных палачей, расстреляли, как будто в знак кровного союза мятежных войск с восставшим народом.

На следующее утро, 18 марта, весь Париж потрясен новостью; власти бегут... восстание торжествует.

Когда весть о событиях в Париже разносится по Европе, инстинктивно все революционеры, социалисты, анархисты и республиканцы, рассматривавшее республику как радикальное преобразование социального порядка, все друзья прогресса, чьи щедрые инстинкты не парализовали вера в религиозные и политические догмы, все, от Бакунина до Маркса и Гарибальди, от методичных немецких рабочих до восторженной итальянской

революционной молодежи, были на стороне парижан, на стороне Коммуны. А все реакционеры, все правители, палачи и мучители народа - на стороне правительства, сбежавшего из Парижа в штаб-квартиру в Версале, получившего название версальского правительства. Было больно обнаружить среди последних Джузеппе Мадзини, чьи иератические инстинкты[2] затуманили его разум и сердце.

Революционеры и реакционеры считали несомненным, что в Париже разразилась социальная революция, и с этой убежденностью они судили о движении в соответствии своим тенденциям.

Легенду сотворили одним махом, и это стало счастливым обстоятельством, поскольку она оказала огромное влияние на пропаганду. В каждой стране социалистическое движение (социалистическое в широком смысле этого слова) извлекло из нее пользу, а в некоторых странах, таких как Италия, она почти породила движение. Данное влияние было настолько велико и благотворно, что легенда сохранилась и сохраняется до сих пор, наряду с теперь уже знакомой историей.

Но хотя и хорошо извлекать выгоду из легенды, что по сути означает извлекать выгоду из популярных тенденций, которые материализуются путем идеализации исторической реальности, необходимо также знать фактические обстоятельства, как они были, чтобы извлечь уроки из опыта.

Больше об этом в нашем следующем выпуске.

18 марта - 28 мая 1871 года

Даже простейшие исторические факты, всегда являющиеся результатом тысячи различных факторов, по-разному модифицированных тысячей обстоятельств, никогда не соответствуют идеалам одной партии или школы мысли и не могут вписываться в какую-либо идеологическую классификацию. Это особенно верно в отношении тех великих социальных событий, которые сознательно или бессознательно определяются всеми потребностями, интересами, чувствами и идеями, существующими среди народа. Такие события не планируются и не готовятся какой-либо партией, не провоцируются по их инициативе, а возникают спонтанно в результате обстоятельств и навязываются партиям и идеологам, вынужденным принимать их такими, какими они являются!

Восстание 18 марта и возникшая в результате «Коммуна» были одним из таких событий.

Накануне 18 марта все прогрессивные люди и население крупных городов чувствовали необходимость революции и горячо ее желали.

Но что это была за революция? Какие цели преследовались?

В последние годы империи во Франции широко обсуждался социальный вопрос, и все больше людей осознавали необходимость преобразований, выходящих за рамки

политической конституции. Все социалистические идеи и системы, воодушевлявшие умы в течение десятилетия до 1848 года, но подавлены реакцией, вновь стали предметом обсуждения. Интернационал провозгласил принцип, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и организовывал массы рабочих вне всех буржуазных партий и в оппозиции к ним.

Однако война положила конец всему этому движению. Интернационал во Франции действительно протестовал против войны и подтверждал солидарность между французскими и немецкими рабочими, как и немецкие интернационалисты, но патриотические предрассудки взяли верх, и они не смогли остановить войну. Поражения французской армии, капитуляция в Седане из-за некомпетентности и трусости Наполеона, капитуляция в Меце из-за измены Базена, капитуляция в Париже, где снова подозревали измену, позорный мир после высокомерного хвастовства — перечисленное все больше оскорбляло людей и вызывало националистические настроения. Намерения восстановить монархию, явно продемонстрированные правительством и ассамблеей, привели к тому, что почти все революционные элементы считали единственной важной задачей на данный момент - спасти республику от опасности реставрации.

Среди жителей Парижа преобладало желание установить подлинно республиканское правительство... и возобновить войну с Германией для отомщения. Вдруг неожиданно, после бегства правительства, после неудачной попытки захватить пушки, которые национальная гвардия успешно спасла от пруссаков, Париж оказался хозяином самого себя и с необходимостью заботиться о своей судьбе, защищаясь от попыток репрессий от правительства, скрывающегося в Версале.

Ситуация решалась по мере возможности, но отсутствовало понимание необходимости революционизировать общество, распространить революцию за пределы Парижа, среди крестьян, хотя бы как единственного средства победы в материальной борьбе.

Конечно, некоторые намеревались развить движение в социальную революцию, и народ, как и в любом восстании, одухотворился более или менее смутным стремлением к справедливости и благополучию. Но преобладающей идеей было сопротивление произволу правительства, спасти республику и отомстить за честь Франции.

Провозгласили свободную Коммуну... в основном потому, что не было возможности навязать волю Парижа всей Франции; сразу же было назначено парижское правительство, такое же, как и все остальные... хотя в те дни, когда Париж оставался без правительства — с 18 марта до проведения выборов 3 апреля — он показал, что дела, представляющие общественный интерес, лучше, чем посредством приказов правительства, могут быть выполнены благодаря усилиям всех заинтересованных лиц, через ассоциации и комитеты, не имевшие никаких полномочий, кроме предоставленных им народным одобрением.

Была предпринята попытка заключить мир с правительством при условии, что будет гарантировано существование республики; она провалилась только из-за преступного упрямства правительства, ненависти и желания мести парижанам со стороны бонапартистских генералов (временно выдающих себя за республиканцев), жажды крови и

власти морально чудовищного Адольфа Тьера, руководящего исполнительной властью.

В организации вооруженных сил, как в оборонительной, так и в наступательной, следовали старым военным традициям.

Правда, не было скандальных зарплат, как в других правительствах, но принцип привилегий и иерархия зарплат соблюдались: они варьировались от 6 тысяч лир в год, выплачиваемых правителям, до тридцати сольдо в день, выплачиваемых солдатам.

Меры по защите от внутренних врагов Коммуны представляли собой обычные полицейские процедуры: обыски домов, аресты, запрет газет и другие, еще более серьезные нарушения свободы.

Частная собственность строго уважалась. Богатые мирно продолжали владеть своим богатством и даже во время осады, когда царил дефицит, умудрялись пировать и издеваться над бедствиями не только народа, но и тех, кто сражался за Коммуну. Бенуа Малон, член правительства Коммуны (Совета), рассказывает, как федераты (так называли солдат Коммуны), возвращавшиеся с боя растрепанные и окровавленные по богатым улицам, подвергались оскорблениям. Буржуа, сидящими за столиками роскошных кафе, пьющие и курящие, обзывали их тридцатипенсовиками.

Изготовление униформы для солдат передали на субподряд предпринимателям, принуждавшим людей работать за небольшие деньги.

Солдат Коммуны отправили охранять сокровища Банка Франции, где запрашивались ссуды со всеми теми же формальностями и гарантиями, которые использовались в финансовых операциях буржуазных правительств.

Единственные мероприятия, имевшими отдаленное отношение к социализму, были (если память нас не подводит):

- декрет о запрете ночной работы в пекарнях;
- декрет (никогда не вступивший в силу), дававший объединенным в кооперативы рабочим право захватывать заброшенные владельцами фабрики, при условии выплаты компенсации владельцам по их возвращении;
- отсрочка платежей по аренде и долгам, некоторое скудное распределение продовольствия среди голодающих и бесплатное возвращение заложенных вещей минимальной стоимости.

Все то, что может быть сделано (и большая часть чего уже неоднократно делалась) буржуазным и монархическим правительством в интересах самого «общественного порядка» и спокойствия буржуазии.

Наряду с этим — множество деклараций принципов, очень прогрессивных, но никогда не реализованных; красноречивые манифесты французскому народу, крестьянам, народу всего мира, так и оставшиеся словами; символические действия наподобие сноса Вандомской

колонны и сожжение гильотины, безусловно, имеющие большую моральную ценность, но не практическое значение.

Вот чем на самом деле была Парижская коммуна.

Учитывая ее участников, предшествующее брожение идей, прерванное, но не уничтоженное войной, учитывая то, как европейская общественность интерпретировала данное движение, что не могло не повлиять на само движение, можно предположить, что, если бы движение не было так быстро утоплено в крови, оно, возможно, превратилось бы в социальную революцию.

Но разве не направление развития стало главной причиной провала Коммуны — даже с военной точки зрения?

Если бы вооруженные отряды парижан до ужесточения осады отважились выйти в сельскую местность, проповедовать экспроприацию и помочь местным жителям ее осуществить, движение распространилось бы, правительство не смогло собрать свои силы и направить их против Парижа.

Если бы в Париже экспроприировали буржуазию, предоставили все народу, то все население заинтересовалось в революции и защищало бы ее; вместо этого, согласно сообщениям самих коммунаров, в боевых действиях участвовало лишь небольшое число жителей, а в последние дни число защитников Коммуны не превышало десяти тысяч.

Коммуна разгромили, и она была подавлена, не сделав того, что могло и должно быть сделано для победы, потому что принцип власти убил ее импульс.

Мы не намерены винить людей за их замечательную самоотверженность, преданность и героизм.

И мы обманывали бы самих себя, если бы утверждали, что вина лежит на «лидерах».

«Лидеры» существуют только до тех пор, пока люди хотят их и терпят; и они такие, какими их позволяют быть люди.

Проблема заключается в самом народе: именно в народе мы должны бороться с культом власти, с верой в необходимость и полезность правительства. Как только это будет сделано, революция сможет победить.

Давайте почтим память мучеников Парижской коммуны, которые, хотя и выбрали неверный путь, отдали свою жизнь за свободу.

Но также давайте поставим себя в такое положение, чтобы сделать лучше, чем они.

Примечания

[1] Каменный или металлический сосуд для святой воды, установленный в притворе христианского храма.

[2] Относящийся к священникам или духовенству.

Письма

Дальнейшие рассуждения на тему преступности

1922, источник: [здесь](#). Размышления анархиста Альдо Вентурини про статью “Ужасные бандиты” (и те, что не удалось найти в архивах) и ответ Эррико Малатеста на его письмо. Речь пойдет о насилии, ущербу человеку без применения насилия, вопросе преступления и наказания, возможных путях решения вопроса преступности и другом.

Письмо от Альдо Вентурини

Дорогой Малатеста, я с большим интересом прочитал две Ваши статьи про важность и то, что всегда стоит обсуждать проблему преступности, недавно появившиеся в U.N. («Umanità Nova» — название газеты, прим. ред.).

Без сомнения, ваши аргументы в поддержку решения, которое у нас, анархистов, вызывает вопросы, логичны и впечатляющие.

Однако позвольте мне рассмотреть некоторые ваши идеи, которые разрешают некоторые аспекты проблемы, но делают это слишком широко и абстрактно или слишком узко. Например, Вы говорите: «Для нас выполнение общественных обязанностей должно быть добровольным, и можно применять насильственные действия только против тех, кто добровольно оскорбляет других и препятствует мирному существованию общества. Сила и физические ограничения могут быть использованы только против насильственного воздействия при необходимости защиты».

Переходя ко второй части Вашего рассуждения, выходит, что «насильственное воздействие» составляет нарушение принципа справедливости, который будет основным в будущем обществе.

Зачем нужна сила и физическое ограничение, ограниченные и вдохновленные идеей явной необходимости защиты, которые не должны быть использованы также и в тех случаях (морализаторство преступлений новой социальной среды), в которых серьезные повреждения все еще могут быть причинены своему ближнему без осуществления «насильственного воздействия»?

Разве это не акт осуществления насильственного воздействия над человеком, чтобы лишить его чего-то, принадлежащего ему, эквивалентный удачному акту того же ограбления без

использования какого-либо насилия вообще?

Более того, какая разница между, скажем, кем-то, кто жестоко убивает ближнего и кем-то, кто заставляет его умереть от осуществления уголовного преступления и переменчивых убеждений?

Вышеописанное всего лишь пример, если не сказать, что можно упомянуть сотни случаев, в которых преступление с целью нанести ущерб чужой жизни может произойти без насильственного воздействия.

С другой стороны, есть оправданное насилие и неоправданное. Следовательно, несправедливость лежит не столько в самом акте, выполняющим ее, а в том факте, что кто-то в любом случае вынужден страдать из-за чей-то злобы и лукавства. На эту тему Вы говорите: «Мы не видим другого решения проблемы, кроме как предоставить ее разрешение заинтересованным лицам, народу, то есть гражданам, которые будут действовать по-разному в зависимости от обстоятельств и различной степени развитости».

Однако, «народ» — это слишком общее определение здесь, следовательно, вопрос остается нерешенным. Такое рассуждение, кажется, повторяет ошибки, допущенные Кропоткиным, согласно которому люди должны делать все, и для него все люди это общая масса.

Саверио Мерлино сильно критиковал эту и другие ошибки Кропоткинской идеи анархизма; и, споря с Вами, он предлагает следующее решение актуальной проблемы социальной защиты в своей книге «Коллективистская утопия»: «Между нынешней системой и предположением, что преступность должна снизиться, я считаю, есть место для промежуточных форм социальной защиты, которые отличаются от государственных функций. Такая социальная защита должна практиковаться на глазах у людей и управления везде, как и любая другая государственная служба, как здравоохранение, транспорт и т.д., и поэтому она не может вырождаться в инструмент угнетения и господства».

Почему бы нам, анархистам, не достигнуть этого понятия? Мы хотим ликвидировать нынешний механизм так называемого государства, со всеми его болезненными и бесчеловечными сторонами, но мы не хотим заменять его индивидуальной свободой или общим приговором толпы. Чувство справедливости в людях должно быть развито больше, а формы ее выражения и защиты должны быть разработаны.

Я поднял эти скромные возражения перед Вами, главным образом, предлагая Вам возможность вернуться к такой важной теме, которая нуждается в обсуждении.

Альдо Вентурини

Ответ Малатеста

Критика нашего друга Вентурини совершенно верна: я указываю ему, однако, что я только выразил некоторые идеи о сложном вопросе преступности, не имея намерения предложить

решение, справедливое для всех возможных случаев.

Я считаю, что все, что может быть сказано и сделано, чтобы бороться с преступностью может иметь только относительное значение, в зависимости от времени, места, и прежде всего от степени нравственного развития среды, в которой происходят события. Проблема преступности, лишь в том, чтобы найти окончательное и полностью адекватное решение, когда ... преступлений больше не будет существовать.

Я знаю, что нас, как правило, обвиняют в неясности и неопределенности наших предложений для решения самых болезненных социальных проблем. И я знаю, что анархисты, едины в разрушительной критике текущей морали и учреждений, но разделены на самые разные школы и направления, как только дело доходит до решения проблемы реконструкции и практической жизни будущего общества.

Однако это мне не кажется плохим, наоборот, основная характеристика и заслуги анархизма — не намерение исправить будущее заранее, а просто гарантировать условия свободы, необходимой для социальной эволюции, в конечном счете, обеспечить максимальное благосостояние и наибольшее материальное, духовное и интеллектуальное развитие для всех.

Авторитарные правители, либо верят, что они должны держаться непогрешимой формулы, или хотя бы делать вид, что держатся, подкрепляя это законами. Тем не менее, вся история показывает, что закон заключается в защите, укреплении, сохранении интересов и предрассудков, существующих на момент принятия закона, таким образом, заставляя человечество идти от революции к революции, от насилия к насилию.

Напротив, мы не хотим похвастаться тем, что у нас есть абсолютная истина; и мы считаем, что социальная истина не является фиксированной величиной, верной для всех времен, универсально применимой, или, быть может, определена заранее; но вместо этого, когда свобода защищена, человечество будет идти вперед, изучая и действуя постепенно, с наименьшим количеством потрясений и с минимальным сопротивлением. Таким образом, наши решения всегда оставляют дверь открытой для различных и, будем надеяться, что лучших решений.

Это верно, что в действительности нужно принимать конкретные действия, и нельзя жить, ничего не делая, всегда ожидая чего-то лучшего. Так или иначе, сегодня мы можем только стремиться к совершенству, даже зная, что идеал не единственный фактор истории. В жизни, кроме вырисовывающейся силы идей и идеалов, также существуют сугубо материальные обстоятельства, привычки, противоположности интересов и неисчислимое количество нужд, которым мы вынуждены в некоторой степени подчиняться в нашей повседневной жизни. На практике, все делают то, что имеют возможность делать и несмотря ни на что анархисты должны продолжать стремиться к своему идеалу, пресекать, или пытаться пресечь неизбежные попытки государства, органов принуждения применить силу, помешать этому.

В любом случае, давайте вернемся к теме преступности.

Как Вентурини верно отмечает, существуют еще более скверные пути унижения свободы и справедливости кроме тех, что совершаются с помощью материального насилия, против которых может быть применена сила физического принуждения. Таким образом, я соглашаюсь с принципом, что каждый имеет право обратиться к материальной силе только против тех, кто хочет нарушить чье-либо право все той же материальной силой, конечно, это не универсальный принцип, и он не может быть применен ко всему ряду подобных казусов и не может рассматриваться в абсолюте. Возможно, нам стоит выработать исчерпывающую формулу посредством утверждения права самозащиты против физического насилия, так же как и против актов эквивалентных, в своем образе действий и в своих последствиях, физическому насилию.

Таким образом, приступая к подробному анализу, требуется осветить и рассмотреть множество различных аргументов, такой подход ведет нас к выработке тысяч различных решений, не касаясь главной сути, вопроса величайшей сложности — кто будет судить, и кто будет исполнять решение такого «суда»?

Я утверждал то, что нужно оставить принятие решение тем, кто в этом заинтересован, народу, то есть массам людей и т.д.

Вентурини отмечает, что «народ» является слишком общим выражением, и я соглашусь с ним. В отличие от Кропоткина, я далек от восхищения людьми. Хотя, с другой стороны, он подправлял все, называя толпу «народом» только тогда, когда она вела себя так, как ему нравилось. Я знаю, что люди способны на все: сегодня они свирепые, а завтра они щедры, сегодня социалисты, а завтра — фашисты, однажды они поднимаются против священников и Инквизиции, а потом они наблюдают за долей Джордано Бруно, молясь и аплодируя, сейчас они готовы на любые жертвы и героизм, а в какой-то другой момент они находятся под худшим влиянием страха и жадности. Что можно с этим поделать? Можно только работать с тем, что есть, и попробовать добиться наилучшего результата.

Как и Вентурини, я не хочу ни индивидуальной свободы, ни самосуда толпы; однако, я не мог принять решение, предложенное Мерлино, который хочет организовать социальную защиту против преступников как любую другую общественную службу, такие как здравоохранение, транспортная служба и т.д., потому что я боюсь формирования массы вооруженных людей, которые приобретут все недостатки и покажут всю опасность полиции.

В интересах службы, т.е. общества, полезно то, что железнодорожники, например, специализируются на своей работе, врачи и учителя полностью посвящают себя своему искусству; однако, опасно, хотя может быть технически выгодно позволить кому-либо работать полицейским или судьей.

Все должны заботиться о социальной защите в той же мере, в какой все быстро помогают друг другу, когда происходят общественные бедствия.

Быть полицейским хуже, чем быть преступником, по крайней мере, чем малозначительным преступником; полицейский более опасен и вреден для общества. Однако если люди не чувствуют себя достаточно защищенными со стороны общества, без сомнения, они

немедленно обратятся в полицию. Следовательно, единственный способ прекратить существование полицейского аппарата — это сделать его бесполезным, замещая его в тех функциях, которые представляют собой реальную защиту населения.

Я заканчиваю словами Вентурини: «Чувство правосудия людей нуждается в усовершенствовании, а формы выражения и защиты его должны быть лучше выработаны».

Рабочее движение и анархизм

1925, источник: [здесь](#). Малатеста рассказывает испанским товарищам про свои взгляды на рабочее движение и то, как революционные группы должны работать в нем, а также описывает возможные опасности, подстерегающие эти группы — оппортунизм, реформизм.

Дорогие товарищи.

В вашем журнале я наткнулся на следующее: «Если мы должны выбирать между Малатеста, который призывает нас к классовому единству, и Рокером, который основывается на рабочем движении с анархистической направленностью, то мы выбираем нашего немецкого товарища». Это уже не в первый раз, когда наша испаноязычная пресса пытается втолковать мне свои идеи, которых я не разделяю, и тех, кому интересно знать, что именно я думаю по этому поводу, я прошу опубликовать мою статью.

Во-первых, если бы все было так, как вы представляете себе, я бы тоже выбрал вашего Рокера вместо этого «Малатеста», идеи которого насчет рабочего движения анархистов мало похожи на мои собственные. Давайте уясним одну вещь: рабочее движение с анархистическими целями это не то же самое, что рабочее движение анархистов. Очевидно, что в своей деятельности анархисты обращаются к окончательному торжеству анархии — тем более что такая деятельность осуществляется в рабочем движении, которое имеет такое большое значение в борьбе за человеческий прогресс и эмансипацию. Но то рабочее движение, которое не только участвует в пропаганде анархии, но и постепенно “завоевывает” местность может разойтись во взглядах с уже существующим движением.

Главное для меня — это не «классовое единство», а торжество анархии, которое касается всех, и в рабочем движении я вижу внедрение этой идеи только путем повышения морального духа работников, приучать их к свободе инициативы и солидарности в борьбе за благо всех и сделать их способными представить себе, какова будет идея анархия, внедренная в жизнь. Таким образом, разница между нами, может быть, и не кончается, но мы считаем таковую тактику наиболее подходящей для достижения наших общих целей.

Некоторые считают, что анархисты должны собрать своих единомышленников среди рабочих, или, по крайней мере, людей из отдельных ассоциаций, но со сходными мыслями. Но я наоборот хотел бы, чтобы все наемные работники, независимо от социальных, политических или религиозных взглядов, или вообще без каких-либо взглядов, стали связаны между собой в борьбе против своих боссов, и были бы участниками одной

организации. И я хотел бы, чтобы анархисты стали неотличимы от остальных, даже при внедрении своих идей и примеров. Вполне возможно, что в конкретных обстоятельствах, связанных с личностями, окружающей средой или случаем, придется дробиться на группы, разделяющие массы организованных рабочих в соответствии с их социальными и политическими взглядами. Но, в целом, мне кажется, должно присутствовать стремление к общему единству, которое объединит рабочие движения, сделав их дружными между собой, и приучит их к солидарности, что придаст им гораздо больше сил для борьбы сегодня, или подготовит их к предстоящей борьбе и последующей гармонии после победы.

Очевиден тот факт, что мы не должны бороться за окончательное подавление любой инициативы, проявляемой со стороны рабочих посредством навязывания дисциплины, которая станет тормозить или полностью остановит освободительное движение. Но мера объединения связана лишь с поддержкой объединением нашего движения, которое сможет защитить свободу, будучи единым целым. В то же время, поистине мудрые единства возникают через силу и в ущерб свободе. Рабочее движение не является искусственным творением идеологов, направленным на поддержку и введение в действие социальной и политической программы, независимо от того принимают ли анархисты данное решение или нет. Но эти решения будут следовать заданной программе. Работодатели будут зависеть от таких программ, они уже сейчас остро нуждаются в улучшении условий для своих рабочих или, по крайней мере, в прекращении ухудшения этих условий. Следовательно, они должны жить и развиваться в среде, как сейчас, и всегда ограничить свои претензии на то, что им кажется желаемым на данный момент.

Это может произойти, и, действительно, это часто случается — то, что основатели рабочих ассоциаций являются сторонниками радикальных социальных перемен, и которые извлекают выгоду из потребностей и настроений масс, пробуждая у них интерес к переменам, которые удовлетворяют их собственным целям. Они собираются вокруг них, как якобы их товарищи, и делают вид, что намерены бороться за их интересы и свободы. Это относится как к простым объединениям рабочих, так и к целым организациям. «Завлечение» же происходит за счет обещаний увеличения заработной платы, отпускного времени или улучшения правил внутреннего распорядка. Но вскоре, когда число их членов возрастает, поскольку краткосрочные интересы берут верх, революционные движения становятся препятствием и опасностью для «прагматических» слоев — консерваторов и реформистов, которые стремятся и готовы заключать любые соглашения и договоры, вытекающие в столкновения с идеалистами и сторонниками жесткой линии, а также рабочими организациями, которые волей-неволей постепенно становятся участниками капиталистического общества — значит, они больше не за отказ от своих старых начальников, а просто за ограничение их власти.

Это то, что всегда было и не может быть иначе, так как массы, прежде чем принимать на борт идеи и набраться сил, дабы преобразовать общество снизу вверх, испытывают скромные потребности в небольших улучшениях, в том числе и для организации, которая будет защищать непосредственно их интересы в момент подготовки к будущей идеальной жизни. Так что же делать, когда анархисты из рабочих организаций, столкнувшись с большинством инакомыслящих и с их, прежде всего экономическими потребностями, перестают быть революционной силой и вовлекаются в балансирование между трудом и

капиталом и, возможно, даже встает вопрос о сохранении статуса — кво?

Есть товарищи, которые говорят, что делали, когда этот вопрос поднимался, и он был о том, что анархисты должны образовать несколько мелких группировок. Но это для меня значит осуждать себя и вернуться к самому началу. Новая группа, если она не остается, как просто группа, потерявшая свое родство с другими, и уже не оказывающая влияние на борьбу рабочих, и, как организация, она остается уже позади. В то же время семена горечи будут посеяны среди рабочих и все усилия будут потрачены на борьбу с другими, более крупными, конкурирующими организациями. После, в духе солидарности, чтобы не попасть в ловушку игры своих боссов и для того, что внедрять интересы своих членов, организация будет вынуждена согласиться с большинством и признать новое руководство.

Трудовые организации, состоящие исключительно из закоренелых анархистов, которые должны были популяризовать анархию (*которая была и остается действительной анархией, как система взглядов и убеждений*) в некоторых случаях, оказывались чрезвычайно полезными формами анархистских групп; но они не были рабочим движением и не имели целей, которые должны привлекать рабочие массы в борьбу и, что особенно важно для нас, создавать огромное поле для пропаганды и расширения круга анархистов. По этим причинам, я считаю, что анархисты должны оставаться –естественно, с достоинством и независимостью – в рамках общих рабочих организаций; работать в них и подталкивать к борьбе по мере своих сил; быть готовыми воспользоваться в критический момент истории, влияние на которую они, возможно, получают, и превратить их скромное оружие обороны в мощный инструмент атаки. В то же время, конечно, самим движением, движением идей, не стоит пренебрегать, ибо это дает необходимую базу, предоставляющую средства и инструменты для всего прочего.

Ваш анархист.